Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 6

**Минск
2013**

ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Минск
2013

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)
П78

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

П78 **Проблемы** укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск : БГУФК, 2013. – Вып. 6. – 401 с.

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2013
© Оформление. Учреждение образования «Белорусский государственный университет физической культуры», 2013

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 2 класса;

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор;

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, доцент;

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук;

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор – председатель;

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя;

Артюшенко Василий Александрович – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук;

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор;

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Винокуров С.И.
Новый подход к определению правового статуса потерпевшего в фундаментальной теории права 10

Гладун А.З.
Криминологическая характеристика легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: опыт Украины 18

Мозговая В.А.
Современные реалии исполнения наказания в виде лишения свободы в Украине: криминологический аспект 25

Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И.
Криминологическая характеристика жертв истязаний, совершенных в семейно-бытовой сфере 33

Раскина Т.В.
О некоторых аспектах криминогенного воздействия миграционных проблем на состояние законности в Российской Федерации 41

Русецкий О.В.
Правовые основы и методы взаимодействия государственных и общественных структур в сфере профилактики социальных девиаций 48

Станкевич О.Г., Вегера И.В., Ремнева Т.И.
Общественная опасность как основополагающий признак экологической преступности 58

Тищенко В.И., Чирков Д.К.
Предупреждение преступности в Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы 65

Топорикова О.О.
Виктимологическая характеристика личности несовершеннолетнего, потерпевшего от посягательств на нормальное нравственное и физическое развитие, совершенных с использованием сети Интернет 70

Филиппенков В.М.
Правовые и управленческие детерминанты коррупции 76

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аккулиев А. Ш.
К вопросу определения и содержания уголовно-исполнительной политики 82

Бурый В.Е.
Понятие и правовая сущность нарушения требований порядка и условий отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы 87

Василевич С.Г.
Проблемы сбалансированности норм уголовного и административно-деликтного права 94

Карабельникова А.С.
О субъектах коррупционных преступлений 103

Книженко О.А.
Институт пробации: становление и развитие 110

Козаченко Б.П., Кийко Н.В.
Особенности института законных интересов в минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 118

Мартыненко И.Э.
Защита историко-культурного наследия как правоохранительная деятельность – новое направление в юридической науке 123

Никитенко О.Г.
Законодательные уточнения признаков составов преступлений террористического характера в контексте систематического толкования 136

Новик О.О.
Повторность преступлений, не образующих совокупности: проблемы квалификации и назначения наказания 142

Рочева Е.А.
К вопросу о коррупции в сфере здравоохранения 148

Сороговец Д.В.
Уголовная ответственность за лжепредпринимательство 155

Хилюта В.В.
Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: сущность уголовно-правового запрета 162

Шаблистый В.В.
Понятие преступления с позиции уголовно-правового обеспечения безопасности человека 168

Шилин Д.В.
Уголовно-правовой анализ состава невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей (ст. 230 УК) 177

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бабичев Д.А.
Концептуальные основы принятия решений в оперативно-розыскной деятельности 185

Зайцева Л.Л., Савчук Т.А.
Концептуальные подходы к определению домашнего ареста как меры пресечения в законодательстве Республики Беларусь 190

Качалова О.В.
О перспективах развития судебного следствия в Российской Федерации 196

Князев И.М.
Меры пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: вопросы применения, изменения и отмены..... 204

Куница Е.В.
Современные подходы к повышению эффективности уголовного процесса..... 213

Леляк Е.А.
Сделка о признании вины в странах англосаксонской системы права и в Украине: сравнительная характеристика..... 219

Петрова О.В.
Совершенствование порядка участия педагога (психолога) в уголовном процессе Республики Беларусь..... 226

Суховенко Н.А.
О возможности отнесения к процессуальным издержкам расходов потерпевшего, гражданского истца на юридическую помощь 233

Хиревич М.Л.
О некоторых проблемных вопросах законодательной регламентации судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел в Республике Беларусь..... 240

Хомич М.В.
Возбуждение уголовного дела в аспекте уголовно-правовой и процессуальной определенности..... 246

Штанько А.А.
О гуманизации мер пресечения и некоторых особенностях применения

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Белокопытов В.В., Позняк В.С.
О некоторых направлениях повышения эффективности прокурорского надзора за ведением административного процесса в отношении несовершеннолетних 261

Бурак Р.В., Солтанович А.В.
Полномочия прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ 268

Долгий А.А.
Роль прокуратуры в механизме обеспечения соблюдения законов в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению 274

Зарубинска И.С., Наулик Н.С.
Особенности прокурорского надзора за соблюдением и применением законов в механизме защиты прав и свобод человека в Украине 280

Сенько А.С.
Правовая модель деятельности прокуратуры за соблюдением законодательства при исполнении приговора 290

Камчатов К.В.
Нарушения требований закона, выявляемые прокурором в сфере обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений 298

Козьяков И.Н.
Функция координации противодействия преступности и коррупции в системе деятельности прокуратуры Украины 304

Попов Г.В.
Проблемы определения оснований представительства прокурором прав и свобод детей в суде 310

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Заец А.М.
Способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, через использование кептивных страховых компаний 318

Федончук М.В.
Преступление в уголовно-правовом, криминологическом, криминалистическом определениях 324

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Бутович А.И.
Уголовная ответственность за коррупционные преступления по уголовному законодательству Украины и Республики Беларусь: некоторые аспекты сравнения 331

Данисевич А.Н.
Международные и национальные подходы в области противодействия манипулированию рынком ценных бумаг 339

Загиней (Тростюк) З.А.
Представители иностранных государств, международных парламентских институтов как должностные лица по уголовному праву Украины: проблемы толкования 347

Никитенко И.В.
Общее и специальное предупреждение преступности нелегальных мигрантов: отечественный и зарубежный опыт 354

Сафонов А.И.
Актуальные вопросы международного законодательства в области противодействия легализации преступных доходов 366

Стаценко В.Г.
Международно-правовые стандарты обеспечения прав жертв преступления и национальное законодательство 373

Шакель Н.В.
Имплементация положений о незаконном обогащении: сравнительно-правовое исследование 382

Якулин В.
Упрощенные формы производства в уголовно-процессуальном законодательстве Словении 387

НАШИ АВТОРЫ 396
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ 401

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

НОВЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Винокуров С.И.

Обобщение, анализ и оценка юридической практики, сложившейся в современной российской действительности, дают основание для тревожной констатации наличия существенных деформаций и диспропорций в обеспечении прав граждан в ходе разрешения разнообразных социальных криминальных конфликтов. При этом под социальными **криминальными конфликтами** мы понимаем запрещенные законом, наказуемые деяния, причиняющие (способные причинить) указанный в нормах права вред потерпевшему. К их числу могут быть отнесены преступления, административные правонарушения, другие аналогичные деяния, совершенные недееспособными лицами.

Наиболее существенными деформациями в правовой теории, законодательстве и правоприменительной практике являются недопустимые **системные нарушения** (ущемление) **прав, свобод и законных интересов потерпевших** (потенциальных потерпевших) от преступлений (правонарушений) в различных сферах социальной жизни.

Особенно наглядно и остро проявляются негативные последствия указанных нарушений **в уголовно-правовой сфере**. К примеру, нельзя согласиться с сомнительной стратегией «сдерживания преступности» на основе безграничной либерализации и псевдогуманизации уголовной ответственности за счет необоснованной полной либо частичной декриминализации традиционно признаваемых ранее опасными преступлений, искусственного занижения уровня общественной опасности многих уголовных деяний (особенно в сфере экономики) и т. д. Такая уголовная политика: существенно ущемляет права и законные интересы правопослушного большинства граждан (потенциальных потерпевших); ведет на практике к тотальной коррупции, повсеместному обману потребителей; распространению ложной рекламы, контрабанды; расхищению средств и ресурсов, хаосу в экономике; провоцирует неустойчивых лиц на совершение криминальных посягательств. Серьезную угрозу национальной безопасности и общественному благополучию граждан несут также осуществляемые властью меры, способствующие укоренению в социуме противоправных стандартов поведения, воспринимаемых значительной частью населения (и особенно молодежью) в качестве предпочтительных образцов достижения жизненного успеха, эталонов для подражания. Такая политика, на наш взгляд, чревата пагубным разрушением духовно-

нравственных начал психического здоровья нации, тотальной криминализацией общественных отношений, деструктивным воздействием на профилактический потенциал противодействия преступности.

Исключительную тревогу вызывает также и то, что многие изъяны уголовной политики преподносятся российской властью как достижения свободы, гуманизма и демократии при абсолютном умолчании о совершенно нетерпимой практике грубейшего нарушения прав и законных интересов потерпевших. Многие сотни тысяч (миллионы) жертв нераскрытых краж, грабежей, разбоев, мошенничества, хищений и т. п. фактически не признаются потерпевшими и заведомо лишаются права на возмещение причиненного им вреда, не говоря уже о реализации неотвратимости ответственности и применении справедливого наказания к преступникам.

Сложившееся неблагополучие в данном вопросе отмечается и на официальном уровне. Так, по мнению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Лукина, «в настоящее время по многим процессуальным позициям потерпевший поставлен в неравное положение с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым и, таким образом, фактически рассматривается как второстепенный участник уголовного процесса, что позволяет говорить о неполной реализации как принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве, так и принципа состязательности» [1].

Серьезным нарушением прав потерпевшего является также искусственное объединение в уголовном процессе в рамках стороны обвинения потерпевшего и должностных лиц органов уголовного преследования. Последние, на наш взгляд, не представляют в надлежащей мере законные интересы потерпевшего, поскольку руководствуются в своей деятельности не столько ими, сколько необходимостью установления объективных фактов по уголовному делу, а также процессуальными, ведомственными, а нередко, и своими личными интересами. При этом их лояльное отношение к потерпевшему обусловлено не единством и общностью процессуальных интересов, а совокупностью собранных доказательств, подтверждающих событие преступления и вину лица, его совершившего. В то же время, за все процессуальные ошибки и недостатки уголовного судопроизводства «расплачивается», как правило, потерпевший.

Вышеизложенное позволяет крайне негативно оценить сложившуюся в целом практику системного ущемления прав, свобод и законных интересов потерпевшего. Вместе с тем полагаем, что указанные социальные блага (ценности), принадлежащие данному субъекту как человеку и гражданину должны быть гарантированы в качестве основного материального приоритета, и, прежде всего, на законодательном (конституционном) уровне.

К сожалению, на практике зачастую происходит нечто другое. Так, многие ученые трактуют общие международно-правовые принципы и стандарты относительно соблюдения прав и свобод человека и гражданина в пользу лица, совершившего преступление. В то же время о необходимости признания приоритета прав потерпевшего речи практически не идет.

В связи с вышеизложенным обращает на себя внимание тот факт, что впервые международное право на глобальном уровне обратило предметное внимание на защиту прав именно жертв (потерпевших) преступлений только в 1985 году, когда была принята **Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью**, которая, тем не менее, носит **рекомендательный** характер. Вместе с тем задолго до этого были приняты универсальные, всеобъемлющие международные правовые акты, непосредственно нацеленные на защиту прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.[*] Аналогичное положение можно наблюдать и в Конституции Российской Федерации, в которой защите прав лица, совершившего преступление, посвящено более десятка статей (20, 21, 22, 47–50, 54, 93, 98, 122), а потерпевшего – только одна (ст. 52) [2].

В российском Уголовном кодексе наблюдается сходная ситуация. Так, в Общей части отсутствует понятие потерпевшего, не определены его правовой статус, принципы и гарантии обеспечения прав и законных интересов и т. д. Более того, содержание принципов, казалось бы, имеющих непосредственное отношение, скорее, к фигуре потерпевшего (например, справедливости, гуманности), вызывает явное недоумение, поскольку указанные принципы защищают лишь права лица, совершившего преступление. На потерпевшего действие этих принципов, к сожалению, не распространяется. Надо полагать, потерпевший не заслуживает в глазах законодателя справедливого и гуманного к себе отношения. Следует упомянуть также и о том, что давно разработанный и признанный в уголовном праве принцип **неотвратимости наказания** так и не получил прописки в российском уголовном законодательстве, что также свидетельствует о явной недооценке законодателем прав потерпевшего. Не удивительно, что, в том числе и по этой причине, реализация данного доктринального принципа вызывает много нареканий на практике.

Подобная ситуация складывается и в уголовно-процессуальном законе, где также отсутствуют принципы, непосредственно направленные на защиту прав потерпевшего. В противоположность этому здесь в качестве важнейших сформулированы принципы, обеспечивающие приоритетную защиту прав обвиняемого (подозреваемого): презумпции невиновности; обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. У потерпевшего подобных гарантий не имеется.

В то же время, у потерпевшего не меньше оснований для законодательного, в том числе **конституционного закрепления** принципиальных положений, обеспечивающих эффективную реализацию его прав и законных интересов.

Например, обращает на себя внимание, что потерпевший, как заявитель, заведомо выступает в качестве своеобразного «подозреваемого», поскольку обязательно **предупреждается об уголовной ответственности** за заведомо

[*] См., например, ст.ст. 5, 9, 10 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948; ст.ст. 5, 6, 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950., принятой в Риме и Протоколы к ней и др.

ложный донос. При этом существует реальная опасность обвинения потерпевшего в заявленном преступлении, если, к примеру, по независящим от этого лица причинам, не будут доказаны уголовное деяние и вина лица, его совершившего. Как свидетельствует практика, таких причин достаточно много. В их числе непрофессионализм (нерадивость) должностных лиц правоохранительных органов, что сегодня встречается достаточно часто; утрата следов преступления по объективным и субъективным причинам; активное противодействие установлению истины со стороны преступников; действие презумпции невиновности и т. д.

С учетом сказанного необходимо предусмотреть в качестве одного из конституционных принципов уголовного процесса **право на защиту** не только подозреваемому и обвиняемому, но и **потерпевшему**, поскольку последний реально нуждается в защите не только от лица, совершившего преступление, но и от недобросовестного (неумелого) правоприменителя, других обстоятельств.

Заслуживает внимания необходимость скорректированного подхода к реализации еще одного важного конституционного принципа в отношении потерпевшего. Имеется в виду **обязательное возмещение государством причиненного потерпевшему вреда**, в том числе общественно опасным, противоправным, наказуемым деянием невменяемого (лица, не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности) при условии правомерного поведения пострадавшего.

Важно также отметить, что в УПК РФ **отсутствует понятие «реабилитация»** по отношению к потерпевшему, что является, на наш взгляд, серьезным нарушением его прав. В то же время многие десятки тысяч потерпевших от насильственных преступлений зачастую остро нуждаются, в том числе в период уголовного судопроизводства, в оказании им эффективной психологической, медицинской помощи, иных видов социальной реабилитации. Высока потребность потерпевших и в защите от непрофессионализма и нерадивости должностных лиц правоохранительных органов (которые, увы, искусственно числятся его «сторонниками»), по вине которых многие преступления не регистрируются, остаются нераскрытыми или не доказываются.

При этом имеется целый ряд объективных оснований для признания права потерпевшего на реабилитацию. В частности, многочисленные факты признания важнейших доказательств обвинения недопустимыми из-за допущенных следователем (дознавателем) грубых процессуальных ошибок и нарушений, отказ гособвинителя от ранее утвержденного прокурором обвинения и др. Все эти и иные факты зачастую свидетельствуют о серьезных недостатках предварительного расследования, за которые, к сожалению, вынужден «расплачиваться» потерпевший.

Другим объективным основанием является приостановление уголовного дела ввиду непрофессионализма, волокиты со стороны сотрудников (например, длительное неустановление лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности), а равно прекращение уголовного преследования

в отношении подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) вследствие **акта об амнистии, деятельного раскаяния** и т. п.

Во всех указанных и иных случаях государство, как **обязанная сторона**, должно на **конституционном уровне** четко прописать и в развитие этого законодательно и организационно обеспечить действие реальных механизмов **предоставления потерпевшим** от преступлений соответствующей материальной **компенсации.**

Подытоживая вышесказанное, следует прийти к выводу о том, что практика регулирования острых социальных криминальных конфликтов в рамках нынешней фундаментальной правовой теории (правовой парадигмы) односторонне нацелена за приоритетную защиту прав лица, совершившего преступление (правонарушение). И этому, по-видимому, есть достаточно логичное и веское психологическое объяснение.

Основной причиной приоритета прав обвиняемого (подозреваемого) в ущерб правам потерпевшего стало, по нашему мнению, многовековое господство инквизиционного процесса в Европе. Бесчисленные примеры жестоких расправ с лицами, нередко по трагической случайности попавшими в жернова инквизиционного правосудия, надолго внушили человечеству, с одной стороны, ужас и отвращение к подобным формам «правосудия», а с другой – особо трепетное, покаянное отношение к фигуре обвиняемого (подозреваемого). Причем подобное проявление повинности даже в настоящее время присуще действующей концепции юридической ответственности (и особенно уголовной). Данное положение, в частности, наглядно отражается в ставшей аксиомой расхожей формуле: «пусть лучше десять виновных останутся безнаказанными, чем один невиновный будет осужден». При этом намеренно игнорируется то обстоятельство, что совершенные десятком виновных преступления причинили существенный вред, как минимум, десятку потерпевших, которые имеют не менее законное право потребовать от государства и общества покарать злоумышленников.

Вследствие средневекового беспредела цивилизованное общество, содрогнувшееся от ужасов инквизиции, впало в другую крайность: оно покаянно заглаживает перед обвиняемым (подозреваемым) коллективную вину человечества за прошлые столетия господства инквизиционного процесса, отдавая этому лицу приоритет в защите его прав и интересов. Потерпевшему же в подобной ситуации отводится роль вспомогательного участника конфликтного правоотношения (правонарушения). Фактически в социальной жизни современного общества продолжает действовать сложившаяся ранее **постинквизиционная правовая парадигма**, закрепляющая доминирующее положение, приоритетный статус правонарушителя во многих отраслях права.

В этой связи уместно отметить, что времена инквизиционного процесса давно канули в лету – и сегодня именно права потерпевшего повсеместно ущемляются, – и в том числе и на законодательном уровне, о чем лишь частично было упомянуто выше. Причем это происходит в то время, когда многие цивилизованные страны (в том числе и Российская Федерация) провоз-

гласили себя демократическими, правовыми государствами. С учетом изложенного важно подчеркнуть, что для такого нового типа современного государства **постинквизиционная парадигма права неприемлема**.

Рассмотренное выше обусловливает необходимость существенной корректировки фундаментальной теории права, обосновывающей новую концепцию теории правоотношений, определяющей реальные место и роль потерпевшего в составе преступления (правонарушения); приоритеты и гарантии обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в различных отраслях права и др. Важно также на основе этого обеспечить более эффективное предупреждение и разрешение криминальных конфликтов.

Отмеченное выше умаление прав потерпевшего на законодательном уровне не означает, что данное лицо полностью обижено вниманием ученых-юристов. Можно назвать десятки научных публикаций, в которых потерпевший анализируется в самых различных аспектах. Однако везде исследование его правового статуса **заведомо** исходит из **второстепенной, вспомогательной роли** в генезисе совершенного преступления (правонарушения). Такое понятие о месте и роли потерпевшего, а равно отношение к нему в различных отраслях юриспруденции сформировалось, на наш взгляд, ввиду явной недооценки значения фигуры потерпевшего **в общей теории государства и права.**

Так, ученые, исследующие в разделах общей теории права суть таких понятий, как «правонарушение» (и, в частности, «состав правонарушения») и «юридическая ответственность», о потерпевшем не ведут даже речи [3, с.640–690]. Не рассматривается потерпевший как самостоятельная социальная общность и в таких важнейших сегментах теории государства и права (в разделе «государство и личность») как «система прав и свобод личности», «гарантии прав личности» и ряде других. Авторы считают более предпочтительным в контексте анализа **специальных прав и свобод личности** вести речь о таких группах населения как военнослужащие, пенсионеры, депутаты и т. д. [4, с. 483]. Таким образом, игнорирование роли потерпевшего в общей теории государства и права негативно сказывается на эффективности научной и законодательной разработки важнейших ключевых категорий и понятий, характеризующих статус потерпевшего во многих линейных отраслях права.

По этой причине, например, в уголовном праве лишь некоторые специалисты рассматривают потерпевшего как полноправного участника уголовного правоотношения [5]. Подавляющее большинство из них заведомо и однозначно исключает этого ключевого участника из системы уголовно-правых отношений, рассматривая ее структуру только в двустороннем формате: государство и преступник [6].

С учетом этого **необходимо**, на наш взгляд, **внести существенные коррективы в теорию правоотношений** и, в частности, уголовно-правовых. Имеется в виду, что при совершении преступления реально складываются не двусторонние отношения, как традиционно принято считать в теории уголовного права (между государством и преступником), а трехсторонняя конструк-

ция правоотношений. Имеется в виду: а) потерпевший – государство; б) потерпевший – преступник; в) государство – преступник.

При этом **приоритетное значение здесь имеют отношения потерпевшего с государством**. Оно не выполнило своих обязанностей по обеспечению безопасности правопослушного гражданина и является обязанной стороной, ограниченной в произвольном распоряжении своим правом по отношению к преступнику по принципу: «хочу – караю, хочу – милую». Данное ограничение продиктовано **состоянием обязанности и отчетности** государства перед потерпевшим.

Важно по-новому подойти и к решению принципиального вопроса **о роли и месте потерпевшего в составе преступления** (правонарушения). В частности, необходимо признать ошибочным объединение в одно целое (объект преступления) общественных отношений и потерпевшего, поскольку он в силу объективной реальности своего участия в криминальном событии, самостоятельности и практической значимости в механизме деяния не вписывается в объект преступления.

Следует также отметить, что нынешняя **структура** состава преступления искажает реальную картину деяния. Она закрепляет не соответствующий действительности двусторонний формат уголовно-правового отношения (государство – преступник); фактически исключает потерпевшего из числа субъектов уголовно-правового отношения; лишает его самостоятельного правового статуса, препятствуя тем самым эффективным научным исследованиям комплексных проблем личности потерпевшего; носит неполный, усеченный характер, реализующий исключительно наказательный (карательный) аспект охранительной функции уголовного права. Выделение же в противоположность этому потерпевшего в качестве самостоятельного элемента состава преступления в значительной мере устраняет отмеченные выше недостатки и смещает акцент государственного реагирования на совершенное преступное деяние с карательного аспекта уголовной ответственности на **восстановительно-предупредительный.** При этом важно в гуманитарном смысле обеспечить полноту, своевременность и качество восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, возмещение причиненного ему вреда, обеспечение его безопасности в будущем.

Таким образом, для обеспечения эффективного предупреждения и разрешения в будущем социальных криминальных конфликтов и надлежащей защиты прав потерпевшего требуется существенная корректировка фундаментальных положений теории права, определяющих его правовой статус. Речь идет **о смене вектора правовой парадигмы в юриспруденции**: от предоставления необоснованных льгот и преимуществ лицу, совершившему преступление (правонарушение), к приоритету прав потерпевшего **в материальных отраслях права** (конституционном, уголовном и др.). Это, по нашему мнению, является **обоснованным** и **справедливым** и будет иметь очень важный **предупредительный эффект**.

Список цитированных источников

1. Доклад Уполномоченного по правам человека «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений». – Российская газета, 2008, 4 июня.

2. Конституция Российской Федерации. – М., 2003.

3. Общая теория государства и права. Академический курс (третье издание). – М.: Норма, 2007. – Т. 3. – С. 640–690.

4. Общая теория государства и права. Академический курс (третье издание). – М.: Норма, 2007. – Т. 1. – С. 483.

5. Дагель, П.С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления (Тематический сборник). Владивосток, 1974. – С. 16–37; Карпушин, М.П., Курляндский, В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. «Юридическая литература». – М., 1974. – С. 76; и др.

6. Кошаева, Т.О. Уголовная ответственность как вид юридической ответственности //Журнал российского права. 2004. – № 8. – С. 43; Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр пресс, 2009. – С. 20, 21; Фаргиев, И.А. Понятие состава преступления. Уголовное право. – Ч. 1. Общая часть. – М.: Юрайт, 2012. – С. 132; и др.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Статья посвящена анализу правовой теории, законодательства и юридической практики, свидетельствующих о системных нарушениях прав и законных интересов потерпевшего в уголовно-правовой и иных сферах. Приводятся конкретные примеры ненадлежащего внимания к фигуре потерпевшего в международном праве, а также в конституционном, уголовно-правовом и уголовно-процессуальном законодательствах. Анализируются причины, обусловившие сложившееся неблагополучие с соблюдением прав потерпевшего. В статье содержатся конкретные предложения по корректировке основных положений уголовного и уголовно-процессуального права, направленные на реализацию новых подходов к теории правоотношений в уголовном праве и процессе, к пересмотру места и роли потерпевшего в составе преступления (правонарушения), уяснению новой роли потерпевшего в структуре социальных криминальных конфликтов. В статье обосновывается целесообразность существенной корректировки фундаментальных положений правовой теории относительно потерпевшего, смены вектора правовой парадигмы в юриспруденции в пользу провозглашения и обеспечения приоритета прав потерпевшего в уголовном и иных материальных отраслях права.

Article is devoted to the analysis of the legal theory, the legislation and the legal practice, the rights testifying to system violations and legitimate interests of the victim in criminal and legal and other spheres. Concrete examples of inadequate attention to a figure of the victim in international law, and also in the constitutional, criminal and legal and criminal procedure legislations are given. The reasons which have caused developed trouble with observance of the rights of the victim are analyzed. Article contains specific proposals on correction of basic provisions of the criminal and criminal procedure law, directed on realization of new approaches to the theory of legal relationship in criminal law and process, to revision of a place and a role injured as a part of a crime (offense), to explanation of a new role of the victim in structure of the social criminal conflicts. In article expediency of essential correction of fundamental provisions of the legal theory concerning the victim, changes of a vector of a legal paradigm locates in law in favor of declaration and providing a priority of the rights of the victim in criminal and other material branches of the right.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: ОПЫТ УКРАИНЫ

Гладун А.З.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, является сложной проблемой в контексте противодействия преступности. На государственном уровне отмывание доходов, полученных преступным путем, признается не только общественно опасным деянием, а и системной угрозой для финансовых рынков и национальной экономики в целом.

В Украине за время независимости проведено значительное количество научных исследований, посвященных различным аспектам легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Уголовно-правовые и криминологические аспекты этого явления освещались в работах А.В. Авраменка, П.П. Андрушка, Г.М. Бирюкова, А.Ф. Волобуева, А.А. Дудорова, В.А. Журавля, В.С. Зеленецкого, А.Г. Кальмана, В.Л. Кротюка, Н.И. Коржанского, Н.И. Мельника, А.А. Музыки, В.А. Навроцкого, В.М. Поповича, Е.Л. Стрельцова, В.Ю. Шепитько и др. Вопросы предотвращения и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, рассмотрены в диссертационных исследованиях Л.И. Аркуши, А.С. Беницкого, М.В. Бондаревой, Е.В. Киевец, И.Е. Мезенцевой, О.В. Пустовита, А.А. Чаричанского. Однако, несмотря на уровень научного интереса к указанной проблеме, учеными не проводилась криминологическая характеристика легализации доходов, полученных преступным путем, за длительный период (свыше 5 лет). Характерные тенденции и закономерности развития этого явления в юридической литературе не освещались, что обуславливает актуальность выбранной темы.

В соответствии со ст. 4 Закона Украины «О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма» под легализацией доходов понимают любые действия, связанные со средствами (собственностью), полученными (добытыми) в результате совершения преступления, направленные на сокрытие источников происхождения указанных средств (собственности) или содействия лицу, которое является соучастником в совершении преступления, которое является источником происхождения указанных средств (собственности) [1]. Именно наличие специальной цели совершения указанных действий, в частности, желание скрыть преступное происхождение имущества (средств), обусловливает их повышенную общественную опасность и необходимость установления отдельного уголовно-правового запрета в ст. 209 Уголовного кодекса Украины (далее – УК).

С криминологической точки зрения общественная опасность легализации доходов, полученных преступным путем, состоит в том, что она способствует самовоспроизводству, продуцированию преступности, финансово под-

питывает ее. Следует также учитывать, что легализация доходов присуща не отдельным преступным проявлениям, а лишь преступной деятельности как системе взаимообусловленных преступных актов, совершенных определенным лицом или, чаще, группой лиц, что подтверждается соответствующими статистическими данными. В 2010 году было выявлено 45 преступлений данного вида, совершенных организованными группами и преступными организациями, в 2011 году – 59 преступлений (+31 %), а по состоянию на 19 ноября 2012 г. – уже 76 (+29 %). Учитывая изложенное, есть достаточные основания выделять личность преступника, а не лицо, совершившее легализацию доходов, полученных преступным путем. Применение такого подхода имеет важное значение для разработки специально криминологических мер противодействия этому негативному явлению.

Криминологическая характеристика включает исследования количественных, качественных показателей преступности, а также ее динамики, основанных на изучении статистических отчетов о работе органов досудебного расследования, результатов судебного рассмотрения уголовных производств.

По данным Министерства внутренних дел Украины с 2002 по 2012 год происходило незначительное колебание количества преступлений, предусмотренных ст. 209 УК Украины [2]. Так, в 2002 году было зарегистрировано 347 преступлений данного вида, в 2003 – 245 преступлений, в 2004 – 419, в 2005 – 374, в 2006 – 338, в 2007 – 363, в 2008 – 382, в 2009 – 342, в 2010 – 336, в 2011 – 344. По состоянию на 19 ноября 2012 г. было зарегистрировано 266 таких преступлений. Таким образом, уровень преступлений в виде легализации средств, полученных преступным путем, в последние годы остается относительно стабильным. При этом удельный вес легализации доходов, полученных преступным путем, в общей структуре преступности чрезвычайно мал и составляет менее 0,1 %. В структуре преступлений в сфере хозяйственной деятельности этот вид преступности составляет менее 5 %.

Обязательным элементом характеристики уровня преступлений в виде легализации доходов, полученных преступным путем, являются данные о количестве выявленных лиц, которые их совершили. В этой сфере наблюдается несколько иная тенденция, в частности, количество этих лиц ежегодно растет: если в 2006 году было установлено 43 лица, то в следующем, 2007, – уже 56. В 2009 году выявлено 75 человек, которые легализовали доходы, полученные преступным путем, в 2010 – 169, в 2011 – 265, а по состоянию на 19 ноября 2012 г. – 266 таких лиц.

Существенные различия между количеством зарегистрированных преступлений и лиц, которые их совершили, объясняются, в первую очередь, тем, что не в каждом уголовном производстве устанавливается личность правонарушителя. Так, например, в течение 2011 года органами досудебного расследования не раскрыто 131 преступление по ст. 209 УК Украины. Похожая ситуация наблюдалась и в 2010 году – не раскрыто 126 преступлений. Таким образом, даже после установления события преступления не были приняты надлежащие меры к выявлению личности преступника по значи-

тельному объему уголовных дел данной категории, что свидетельствует о недостаточно эффективной работе органов уголовной юстиции.

Систематическое изучение практики участия прокуроров в судебном рассмотрении в производствах о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем, выявило факты неподтверждения обвинения по ст. 209 УК Украины по результатам судебного разбирательства почти в половине производств. Такая ситуация на протяжении последних лет остается стабильной [3, с. 4].

Анализ сведений о количестве осужденных по ст. 209 УК Украины также демонстрирует наличие существенных недостатков в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. По данным Государственной судебной администрации, в 2002 году судами по ст. 209 УК Украины было осуждено 20 человек, в 2003 – 44, в 2004 – 34, в 2005 – 37, в 2006 – 20, в 2007 – 49, в 2008 – 50, в 2009 – 32, в 2010 – 39, в 2011 – 53, в 2012 – 65. Объяснением такого крайне низкого уровня судебного реагирования на преступные проявления являются, прежде всего, сложности, с которыми сталкиваются органы досудебного расследования при доказывании в уголовном производстве. Ведь с целью легализации доходов, полученных преступным путем, правонарушители используют сложные схемы, цепочки коммерческих и финансовых учреждений, банковские счета, в том числе зарубежные, что требует значительных усилий при доказывании преступного происхождения имущества (средств).

В целях планирования мероприятий по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, определения степени криминогенности различных сфер жизнедеятельности, необходимо выяснить, какие же преступления чаще всего выступают предикатными относительно легализации. По данным сборника статистической информации о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, в 2010–2012 годах легализации в основном предшествовали: 1) присвоение, растрата имущества или завладение им путем злоупотребления служебным положением – в 213 случаях (46,2 %); 2) злоупотребление властью или служебным положением – в 108 случаях (23,4 %); служебный подлог – в 46 случаях (9,9 %) [4].

Анализ социально-демографических признаков личности преступника включает установление таких характеристик, как гражданство, пол, возраст, образовательный уровень, род занятий на момент совершения преступления. Исследование показало, что почти все осужденные в период 2004–2012 годов по ст. 209 УК Украины были гражданами Украины (99,1 %). Среди осужденных доминируют мужчины (77,2 %), лишь в каждом пятом случае было осуждена женщина. По возрасту осужденных можно распределить следующим образом: 44 человека совершили преступления в возрасте 18–25 лет (12,3 % от всех осужденных), 55 человек совершили преступления в возрасте 25–30 лет (15,4 %), 205 человек совершили преступления в возрасте 30–50 лет (57,6 %), 48 человек совершили преступления в возрасте 50–65 лет (13,5 %). Вопреки распространенному представлению установлено, что среди осуж-

денных по ст. 209 УК Украины лица с полным и базовым высшим образованием незначительно превышают количество осужденных со средним образованием (+2,8 %).

Характеристика осужденных по сфере занятости показала, что большее их число составляют негосударственные служащие – 114 человек, или каждый третий. Также распространенным было совершение этого преступления среди частных предпринимателей (74 человека, или каждый пятый), трудоспособных, которые нигде не работают (66 человек), работников хозяйственных обществ (34 человека), рабочих (39 человек).

Общеизвестно, что совместное умышленное участие нескольких лиц в совершении умышленного преступления существенно повышает его общественную опасность. Учитывая это, важное значение имеет изучение личности преступника в контексте его соучастия с другими субъектами. В течении 2004–2012 годов по ст. 209 УК Украины было осуждено 98 человек, которые действовали в составе группы по предварительному сговору (27,5 % от всех осужденных), 64 человека – за совершение преступления организованной группой (17,9 %). Также осуждены 23 участника преступной организации.

Еще одним уголовно-правовым признаком личности является совершение преступления не впервые, что указывает на устойчивость антиобщественной направленности и ненадлежащую реакцию государства на совершенное ранее преступление. В сфере легализации доходов, полученных преступным путем, достаточно распространенным является рецидив преступлений, в частности, 40 человек (11,2 %) на момент осуждения уже имели судимость. Кроме того, 24 осужденных по ст. 209 УК Украины имели погашенную или снятую судимость, и 7 человек ранее были освобождены от уголовной ответственности.

Большинство осужденных (231 человек, или 65 %) были освобождены от отбывания наказания с испытанием, еще 5 человек освобождены от отбывания наказания на основании закона об амнистии. Реальное наказание в виде лишения свободы назначено 100 осужденным (28 %), в том числе 5 лицам на срок – от 1 до 2 лет, 11 лицам – от 2 до 3 лет, 30 лицам – от 3 до 5 лет, 54 лицам – от 5 до 10 лет. Ограничение свободы было назначено 7 лицам, а штраф как основное наказание назначено 12 осужденным. Дополнительно судами применено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к 188 осужденным (53 %) и конфискацию имущества к 100 осужденным (28 %). Обращает на себя внимание распространенное назначение судами наказания более мягкого, чем предусмотрено законом. Так, судами назначено наказание ниже низшего предела, установленного в санкции ст. 209 УК Украины, или другой, более мягкий вид наказания, не указанный в санкции этой статьи, почти каждому второму осужденному.

Судами за этот период закрыты уголовные дела в отношении 38 лиц по следующим основаниям: закон об амнистии – относительно 14 человек (37 %), смерть обвиняемого – относительно 10 человек (26 %), недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления – относительно 2 человек, смена обстановки – относительно 1 человека, передача на поруки – от-

носительно 1 человека. Кроме того, 11 человек были оправданы по результатам судебного разбирательства (2,7 % от количества лиц, приговоры (постановления) по которым вступили в законную силу). Следует заметить, что этот показатель в шестнадцать раз превышает средний уровень оправдательных приговоров по Украине.

Цена преступности дает представление об объеме и характере ущерба, причиненного обществу и государству. Цена легализации доходов, полученных преступным путем, прежде всего, определяется размером средств, которые были ее предметом. Согласно данным сборника статистической информации о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, размер этих доходов ежегодно растет. Так, в 2006 году установленная органами прокуратуры сумма доходов, полученных преступным путем, составила 31 млн грн, в 2007 – 37 млн грн (+19 %), в 2008 – 56 млн грн (+51 %), в 2009 – 81 млн грн (+44 %), в 2010 – 106 млн грн (+30 %), в 2011 – 177 млн грн (+67 %), по состоянию на 19 ноября 2012 – 247 млн грн (+39 %). Вместе с тем следует учитывать, что за совершение данного преступления предусмотрено обязательное дополнительное наказание в виде конфискации имущества осужденного, а также применяется конфискация средств или иного имущества, полученных преступным путем. Поэтому в целях обеспечения возможной конфискации имущества органы досудебного расследования обязаны принимать меры по наложению ареста на имущество. Несмотря на это, в 2011 году в ходе досудебного следствия было изъято 24,8 млн грн доходов, полученных преступным путем, и наложен арест на сумму 86 млн грн, что в совокупности составляет лишь 62 % от стоимости предметов легализации, а по состоянию на 19 ноября 2012 г. был наложен арест и изъято лишь 19 % от суммы доходов, полученных преступным путем.

В цену преступности также включается непрямой ущерб, который определяется размером расходов, предусмотренных в государственном бюджете на реализацию мероприятий по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем. Так, например, Законом Украины «О государственном бюджете Украины на 2013 год» [5] предусмотрены расходы на Государственную службу финансового мониторинга Украины в размере 29,5 млн грн. В обобщенных материалах и дополнительных обобщенных материалах Службы за 2011 год общая сумма финансовых операций, которая может быть связана с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, составила 54,2 млрд грн. По итогам 2012 года таких операций было выявлено на сумму 98,5 млрд грн [6].

Таким образом, цена преступлений в виде легализации доходов, полученных преступным путем, стремительно возрастает. Указанная тенденция свидетельствует о пагубном влиянии на кредитно-финансовую систему и постепенном нарастании угрозы экономической безопасности государства. В связи с этим существует потребность в применении более действенных мер предотвращения и противодействия этому негативному явлению.

Еще одним аспектом легализации доходов, полученных преступным путем, является высокий уровень латентности этих преступлений. Следует согласиться с выводом О.В. Пустовита о том, что высокая латентность является одной из отличительных признаков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем [7, с. 84]. Ведь сама по себе легализация предполагает сокрытие преступного происхождения средств (имущества), т. е. действия, совершаемые с целью легализации (размещение, перечисление, снятие средств, валютно-обменные операции), внешне носят правомерный характер, осуществляются с соблюдением норм действующего законодательства. И только детальный анализ всей схемы отмывания, установления всех субъектов, участвующих в нем, позволяет сделать вывод о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 209 УК Украины.

Существование значительного количества фактов легализации доходов, полученных преступным путем, которые не стали объектом государственного реагирования, подтверждается статистическими данными Министерства внутренних дел Украины. Так, в 2010 году органами предварительного расследования осуществлялось производство по 442 делам по ст. 209 УК Украины, 73 преступления сняты с учета и больше половины из них (38) – из-за отсутствия события или состава преступления. В 2011 году расследовалось 434 преступления, из них сняты с учета 54, в том числе 21 преступление при отсутствии события или состава.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Количество выявленных преступлений в виде легализации доходов, полученных преступным путем, характеризуется относительной стабильностью в течение длительного периода.

В Украине ежегодно происходит увеличение количества выявленных лиц, совершивших преступления этого вида. За период с 2006 по 2012 год этот показатель увеличился в шесть раз: с 43 до 266 человек. При этом количество осужденных по ст. 209 УК Украины изменилось не столь существенно и за указанный период колебалось в пределах от 20 до 65 человек. Две трети осужденных были освобождены от отбывания наказания по различным основаниям, в первую очередь, – с испытательным сроком. Осужденным к реальной мере наказания чаще всего назначается лишение свободы на длительный срок (от 5 до 10 лет). Дополнительно применяется лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и конфискация имущества. Почти каждому второму осужденному назначено наказание ниже низшего предела, установленного в санкции ст. 209 УК Украины, или другой, более мягкий вид наказания, не указанный в санкции этой статьи.

Распространенным является отмывание доходов, полученных в результате совершения преступлений против собственности, и преступлений в сфере служебной деятельности.

Практически все преступления данной категории были совершены гражданами Украины, преимущественно мужчинами. Преступники характеризуются зрелым возрастом: более половины из них совершили преступления

в возрасте от 30 до 50 лет. Легализация доходов, полученных преступным путем, в равной мере совершается как лицами с полным и базовым высшим образованием, так и с профессионально-техническим и средним образованием. Каждое второе преступление совершено в соучастии, достаточно распространенным является рецидив преступлений.

Несмотря на относительно небольшое количество фактов легализации доходов, полученных преступным путем, размер ущерба, причиненного этими деяниями экономике государства и интересам общества, измеряется более чем сотней миллионов гривен и имеет тенденцию к существенному росту.

Легализации доходов, полученных преступным путем, присущ высокий уровень латентности, что не позволяет объективно оценивать ее состояние. Указанное должно учитываться при прогнозировании и планировании мер противодействия этим преступлениям.

Список цитированных источников

1. О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма: Закон Украины от 28 ноября 2002 г. № 249-IV (в редакции Закона Украины от 18 мая 2010 г. № 2258-VI) // Ведомости Верховного Совета Украины. – 2010. – № 29. – Ст. 392.

2. Статистическая отчетность формы № 1 (полугодовая) «Единый отчет о преступности», статистическая отчетность формы № 2 (полугодовая) «Отчет о лицах, совершивших преступления».

3. Методические рекомендации по вопросам участия прокурора в уголовном производстве о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем / Одобрено решением научно-методического совета при Генеральной прокуратуре Украины (протокол № 7 от 16 нояб. 2012 г.). – К., 2012. – 40 с.

4. Отчет о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем (Форма № 1-ЛВ) // Официальный интернет-портал Генеральной прокуратуры Украины: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua.

5. О государственном бюджете Украины на 2013 год: Закон Украины от 6 декабря 2012 года № 5515-VI // Ведомости Верховного Совета Украины. 2013. – № 5–6. – Ст. 60.

6. Информация о рассмотрении правоохранительными органами обобщенных материалов, предоставленных Госфинмониторингом Украины // Официальный сайт Государственной службы финансового мониторинга Украины: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sdfm.gov.ua/articles.php?cat_id=83&lang=uk.

7. Пустовит, О.В. Предотвращение органами внутренних дел легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Пустовит; Донецкий юридический ин-т Луганского гос. ун-та внутр. дел. Донецк, 2007. – 284 с.

Дата поступления статьи – 14.06.2013.

В статье рассмотрены основные тенденции развития преступности, связанной с легализацией доходов, полученных преступным путем. На основании анализа статистических отчетов о работе органов досудебного расследования, результатов судебного рассмотрения уголовных производств сделаны выводы об относительно стабильном уровне преступности данного вида, возрастающей цене и организованности совершенных преступлений. Наиболее распространенным является отмывание доходов, полученных в ре-

зультате совершения преступлений против собственности, и преступлений в сфере служебной деятельности. Несмотря на значительное увеличение числа выявленных преступников, уровень их судимости остается довольно низким. Характеристика лиц, совершивших преступления, показала, что такими в основном являются граждане Украины, преимущественно мужчины в возрасте от 30 до 50 лет с высшим или средним образованием. Две трети осужденных были освобождены от отбывания наказания. Осужденным к реальной мере наказания чаще всего назначается лишение свободы на длительный срок (от 5 до 10 лет) с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и конфискацией имущества.

Main trends of money laundering are revealed in the article. Analysing statistical reports about the work of pre-trial investigation authorities and court practice in this field, the author draws conclusions on relatively stable crime level, increasing costs and organization of committed crimes. The most common is money laundering received by commission of crimes against property and crimes in the sphere of public service. Despite a significant increase in the number of identified offenders, the level of their criminal record is quite low. Characteristics of offenders have shown that these are mostly citizens of Ukraine, men aged 30 to 50 with higher or secondary education. Two-thirds of convicted have been released from serving the sentence. The rest were punished by a long term jail sentence (from 5 to 10 years) with the deprivation of right to occupy certain positions or to be engaged in specific activities and expropriation.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В УКРАИНЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мозговая В.А.

На сегодняшний день актуальнейшей проблемой применения наказания в виде лишения свободы остается установление его наиболее эффективного механизма, в процессе реализации которого возможно достижение целей наказания, контроль и недопущение негативных последствий изоляции от общества.

Существующая в Украине система применения наказания в виде лишения свободы не соответствует современному уровню социально-экономического развития общества, принципам гуманизма и уважения прав и свобод человека в процессе исполнения наказания.

В последние годы были задействованы значительные финансовые ресурсы для изменения условий содержания лиц, отбывающих лишение свободы [1], однако большинство проблем до сих пор не решено [2].

Целью написания данной статьи является криминологический анализ некоторых проблемных аспектов исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в исправительных колониях в Украине.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы в государстве осуществляют исправительные колонии (уголовно-исправительные учреждения закрытого типа) и воспитательные колонии (специальные воспитательные учреждения) (чч. 2, 3 ст.ст. 11, 18, 19 Уголовно-исполнительного кодекса Украины) [3].

Исправительные колонии (далее – ИК) делятся на колонии минимального, среднего и максимального уровней безопасности. В свою очередь, ИК минимального уровня безопасности делятся на колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания и колонии минимального уровня безопасности с общими условиями содержания.

По состоянию на 1 сентября 2013 г. в Украине действуют: 4 учреждения минимального уровня безопасности с облегченными условиями для содержания мужчин, в них находится 898 осужденных (на 01.01.2013 – 981; на 01.01.2012 – 963); 9 учреждений минимального уровня безопасности с общими условиями для содержания мужчин – 6137 осужденных (на 01.01.2013 – 6679; на 01.01.2012 – 6108); 35 учреждений среднего уровня безопасности для впервые осужденных – 34945 осужденных (на 01.01.2013 – 36861; на 01.01.2012 – 36524); 41 учреждение среднего уровня безопасности для неоднократно осужденных – 40810 осужденных (на 01.01.2013 – 42809; на 01.01.2012 – 44735); 9 учреждений максимального уровня безопасности – 4326 осужденных (на 01.01.2013 – 4352; на 01.01.2012 – 4335); 8 воспитательных колоний для несовершеннолетних – 1020 осужденных (на 01.01.2013 – 1264; на 01.01.2012 – 1329) [4].

Среди осужденных: 12 тыс. человек осуждены на срок свыше 10 лет (на 01.01.2013 – 13,2 тыс.; на 01.01.2012 – 12,6 тыс.); 1866 человек отбывают наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Криминогенный состав осужденных к лишению свободы (на 1 сентября 2013 г.) имеет следующий вид:

– 16,3 тыс. чел. – за умышленное убийство, в том числе: 8,1 тыс. чел., совершили убийство при отягчающих обстоятельствах (в 2012 г. – 16,7 и 8,1 соответственно; в 2011 г. – 17,1 и 8,6 соответственно);

– 9,3 тыс. чел. – за нанесение умышленного тяжкого телесного повреждения (в 2012 г. – 9,9; 2011 – 9,8);

– 27,5 тыс. чел. – за разбой, грабеж и вымогательство (в 2012 г. – 28,9; 2011 г. – 29,5);

– 2,3 тыс. чел. – за изнасилование (в 2012 г. – 2,4; 2011 – 2,3);

– 30 чел. – за захват заложников (в 2012 г. – 28; 2011 – 24);

– 20 тыс. чел. – за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения (в 2012 г. – 21,2; 2011 г. – 21,9) [5; 6; 7].

Динамика изменения криминогенного состава осужденных к лишению свободы в сторону уменьшения части лиц насильственной направленности хорошо прослеживается при сравнении вышеуказанных данных с 2007 г., в котором за умышленное убийство к лишению свободы было осуждено 19,6 тыс., за нанесение умышленного тяжкого телесного повреждения – 12,3 тыс., за разбой, грабеж и вымогательство – 29,7 тыс., за изнасилование – 2,7 тыс. человек [8].

Тем не менее, преступность среди осужденных в ИК остается одной из наиболее серьезных проблем уголовно-исполнительной системы государства. Рассмотрим наиболее распространенные преступления в ее структуре.

Так, более половины типов преступного поведения осужденных в ИК составляют преступления, связанные с уклонением от отбывания наказания. Наиболее распространенными в ИК формами уклонения от отбывания наказания являются: злостное неповиновение требованиям администрации (ст. 391 УК Украины «Злостное неповиновение требованиям администрации учреждения исполнения наказаний») и побег (ст. 393 УК Украины «Побег из мест лишения свободы или из-под стражи»). Реже осужденные, отбывающие наказание в ИК, совершают деяния по признакам ч. 3 ст. 390 УК Украины «Уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы и в виде лишения свободы» [9] и др.

По оперативным данным, ежегодно в структуре указанной преступности состав преступления, предусмотренный ст. 391 УК Украины, составляет почти 50 %. Его доля среди всех преступлений, совершенных в учреждениях исполнения наказаний и следственных изоляторах, составила: в 2003 г. – 69,2 %, 2004 г. – 73,1 % , 2005 г. – 55,3 %, в 2006 г. – 53,6 %, 2007 г. – 49,6 %, в 2008 – 45,7 %, 2009 г. – 44 %, 2010 г. – 41,1 %, 2011 г. – 33,7 %, 2012 г. – 35,3 %.

Проявления злостного неповиновения наиболее характерны для лиц, которые активно поддерживают преступные традиции и которым назначены длительные сроки наказания – от пяти лет и более – таких осужденных 65,6 % [10, с. 113]. Последнее можно объяснить тем, что такие лица обычно не видят перспектив после освобождения, а значит, у них отсутствует мотивация к исправлению, изменению установок, взглядов, поведения. У большинства осужденных отмечаются слабые социально полезные связи, значительная часть из них холосты (71 %), только 16,4 % поддерживают связи с женами, 6,3 % – с детьми. Совсем потеряли социально полезные связи 11,7 % осужденных [11, с. 115–116].

Отдельную группу составляют преступления, связанные с проникновением запрещенных предметов и веществ в ИК. Общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 307 УК Украины «Незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», ст. 309 УК Украины «Незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта», ст. 263 УК Украины «Незаконное обращение с оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами» являются типичными в структуре преступности ИК, связанной с проникновением запрещенных предметов и веществ.

Следует отметить, что наблюдается тенденция увеличения доли наркопреступности в ИК. По оперативным данным, общее количество лиц в местах лишения свободы, которые склонны к употреблению наркотических веществ, ежегодно увеличивается почти на 10 % [12, с. 6].

В результате, по оценкам специалистов (экспертов), количество наркотиков, которые поступают незаконным способом в места изоляции, ежегодно увеличивается на 15 % [13, с. 44], что может быть показателем усиления влияния криминальных обычаев и традиций, ведь наркотический «подогрев» поощряется преступной субкультурой.

Между тем, говоря о росте динамики наркопреступности в ИК, следует обратить внимание и на тот факт, что в 2006–2007 годах в штатные структуры отдельных оперативных подразделений управлений исполнения наказаний были введены дополнительные должности оперуполномоченных по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств [14, с. 72–73].

Также в ИК нередко совершаются преступления против уголовно-исполнительной системы и ее сотрудников. Речь идет, прежде всего, о совершении осужденными деяний, предусмотренных ст. 342 УК Украины «Сопротивление представителю власти, работнику правоохранительного органа, государственному исполнителю, члену общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащему, уполномоченному лицу Фонда гарантирования вкладов физических лиц», ст. 345 УК Украины «Угроза или насилие в отношении работника правоохранительного органа» и ст. 392 УК Украины «Действия, которые дезорганизуют работу учреждений исполнения наказаний».

Говоря о детерминантах преступности в ИК, в рамках данного исследования, обратим внимание на те, которые связаны с негативными психическими явлениями в среде осужденных.

Так, к обстоятельствам, зачастую способствующим совершению преступлений осужденными в ИК, следует отнести наличие у значительного числа из них тех или иных невротических отклонений (в большей степени – истерии, неврозы) и психических аномалий (это и психические болезни, и те или иные психопатии, акцентуации характера и т. п.).

Из года в год численность проблемных категорий лиц, содержащихся в учреждениях Государственной пенитенциарной службы Украины, растет. Так, если в 2008 году на профилактическом учете психологов находилось 14 % осужденных от их общей численности, то в 2009 году таких лиц было уже 14,9 %, в 2010 – 15,4 %, в 2011 – 16,2 %, в 2012 – 17 %. Сегодня на профилактических учетах психологов ИК и СИЗО находится более 19 тыс. осужденных и лиц, взятых под стражу, которые нуждаются в постоянной психологической помощи и поддержке, из них: 4,8 тыс. – склонны к самоубийствам и членовредительству; 4,6 тыс. – с психическими отклонениями; 3,5 тыс. – склонны к употреблению наркотических веществ; 1292 человека – склонны к проявлениям внешней агрессии; 911 человек – склонны к созданию конфликтных ситуаций среди осужденных [15].

Кроме того, роль детерминантов преступности в ИК играют различные психические состояния осужденных, так как они нередко проявляются в их поведении, влияют на него.

Подчеркнем, что под влиянием условий изоляции у осужденных возникают специфические и преимущественно неблагоприятные для их исправления психические состояния. Так, в результате социологического исследования (2011 г., опрошено 1643 человека, находившихся в местах лишения свободы) были получены следующие ответы на вопрос «В последнее время Вы чувствуете ...»: усталость – 32,5 % (535 чел.); внезапные вспышки гнева – 24,5 % (404 чел.); тревогу – 20,9 % (345 чел.); ощущение одиночества – 20,6 % (340 чел.); агрессию – 16,6 % (273 чел.); бессонница – 15,1 % (249 чел.); подавленность – 12,6 % (208 чел.); нежелание общаться – 13,2 % (217 чел.); потерю аппетита – 9,9 % (164 чел.); перестал(-а) обращать внимание на свой внешний вид – 5,2 % (87 чел.); другое – 17,2 % (283 чел.) [16].

Вышеуказанное способствует возникновению криминогенных ситуаций в среде осужденных. Остановимся на них подробнее.

Функциональная роль криминогенной ситуации заключается в том, что она, существуя самостоятельно, как бы приводит в действие, активирует криминогенную мотивацию преступника. Появление криминогенной ситуации предварительно обусловливает объективное стечение жизненных обстоятельств лица и его субъективное восприятие и оценку таких обстоятельств. По нашим исследованиям, осужденных побудило к совершению преступления в ИК следующее: 1) кризисная ситуация в семье и другие неблагоприятные вести с воли – 32,6 %; 2) потеря положительных социальных связей (с родственниками, друзьями и проч.) – 21,4 %; 3) отсутствие перспектив после освобождения – 21,4 %; 4) преступление стало способом разрешения межличностного конфликта – 19 %; 5) следование криминальным традициям и обычаям – 14,9 %; 6) материально-бытовые проблемы в период отбывания наказания – 13,6 %; 7) желание привлечь внимание администрации к своим проблемам – 12,2 %; 8) трудности при вхождении в коллектив осужденных (адаптации) – 12,2 %; 9) преступление стало способом решения межгруппового конфликта – 11,2 %; 10) угроза потери авторитета в коллективе – 11,2 %; 11) несовершенство охраны учреждений исполнения наказаний – 10,2 %; 12) желание перевестись в другое учреждение исполнения наказаний – 9,52 %.

Следует заметить, что первые три фактора тесно связаны между собой – отсутствие, угроза потери или потеря значимых для осужденного социальных связей на свободе обусловливает появление у него чувства бесперспективности освобождения, невозможности реализовать, проявить себя вне условий изоляции (микросреды ИК). Поэтому поддержание полезных социальных связей осужденных с волей является не только одним из самых действенных средств их ресоциализации, но и основной психологической потребностью таких лиц.

В частности, подтверждением этому является проведенный анализ случаев самоубийств, совершенных осужденными и заключенными в 2012 году. Было выявлено, что одним из наиболее распространенных мотивов, который влияет на принятие лицом решения о самоубийстве, является именно потеря социально полезных связей и социально важных ориентиров: 25 % лиц, со-

вершивших самоубийства, не поддерживали социально полезные связи, 26,5 % – не получали посылок (передач), т. е. вне ИК не поддерживали социальные связи [17].

Кроме того, 40,8 % опрошенных нами осужденных отметили, что по их мнению удержать от совершения преступления в ИК в период отбывания наказания может мнение их близких родственников.

Для понимания механизма появления криминогенной ситуации в ИК показательными будут и результаты вышеуказанного социологического исследования 2011 года. Анализируя ответы респондентов на вопрос «Часто ли у Вас возникают стрессовые ситуации?», исследователи получили 84 % утвердительных ответов (62 % – редко, 22 % – часто) и 16 % отрицательных. По мнению осужденных, чаще всего стрессы у них возникают: 1) в связи со смертью или болезнью близких – 50,8 % (835 чел.); 2) в ситуации давления со стороны администрации – 33,2 % (546 чел.); 3) в случае измены любимого человека – 31,9 % (525 чел.); 4) при адаптации к пребыванию в местах лишения свободы – 30,6 % (503 чел.); 5) в связи с конфликтной ситуацией – 28,6 % (471 чел.); 6) в ситуации давления со стороны осужденных – 28,4 % (467 чел.); 7) в случае болезни – 18,1 % (299 чел.); 8) свой вариант – 7,6 % (126 чел.).

Попадая в критические ситуации, 53 % осужденных считают, что могут держать себя в руках, 23 % – не могут, 24 % – не смогли определиться с ответом на вопрос: «В критической ситуации Вы всегда можете держать себя в руках?» [18].

Ряд вышеуказанных негативных психических явлений в ИК особенно проявляется в период адаптации к изоляции, прежде всего у тех, кто впервые отбывает срок лишения свободы. Дополнительной проблемой в этом контексте является то, что большинство осужденных прибывают в ИК в пролонгированном стрессовом состоянии – после ареста (первичная изоляция), после суда (эффект неоправданного ожидания), при этапировании (неопределенность, длительные перемещения).

Именно сложности в адаптации к условиям лишения свободы стали основой мотивации 48 % от общего числа самоубийств, совершенных лицами, которые содержались в учреждениях криминально-исполнительной службы до 1 года, 14 % – от 1 до 2 лет. При этом среди лиц, совершивших самоубийства, 48,4 % ранее не имели криминального опыта и впервые привлекались к уголовной ответственности, 23,4 % находились в местах лишения свободы 1 раз.

В этом контексте следует обратить внимание на то, что в последние годы отмечаются всплески числа случаев самоубийств в местах лишения свободы. Если на протяжении 2008–2010 годов и ранее ежегодно случалось 40–44 случая самоубийств, то в 2011 году рост самоубийств составил + 34 %, а в 2012 году случилось 65 самоубийств, что составляет + 54 % к среднему за 2008–2010 годы уровню самоубийств. Все вышесказанное можно рассматривать как косвенное свидетельство повышения напряжения в среде персонала мест лишения свободы и осужденных. Напомним, что социологи рассматривают самоубийство как барометр социального напряжения, психологи – как

реакцию личности на давление снаружи. Но и те и другие согласны, что самоубийство возникает, если у человека появляется чувство отсутствия приемлемого пути к существованию.

Также необходимо заметить, что такие самоубийства имеют свою специфику, которая тесно связана с субкультурой мест лишения свободы. Так, более половины самоубийств в учреждениях Государственной пенитенциарной службы Украины (53 %) было совершено осужденными и лицами, взятыми под стражу, в конце или в первых числах календарного месяца – в период, который по неформальным законам в среде осужденных считается периодом расчета за имеющиеся долги. Также следует отметить, что на вопрос, согласны ли Вы, что в местах лишения свободы «блатные» иногда заставляют осужденных совершать самоубийства с целью давления на администрацию, 25 % заключенных дали утвердительный ответ [19].

Частично наличие вышеуказанных негативных психических явлений в ИК Украины можно объяснить низким уровнем организации психологической работы с осужденными. Важно отметить, что 23,6 % опрошенных нами сотрудников ИК и 20 % осужденных отметили, что, по их мнению, от совершения преступных деяний может удержать освоение с помощью психолога психологических методов регуляции поведения.

Сегодня штатное расписание каждого пенитенциарного учреждения предусматривает работу в них врачей – психиатров, наркологов и психологов. Однако обеспечение надлежащими условиями работы этих специалистов, их подготовка часто не соответствуют современному состоянию оказания психиатрической и психологической помощи и не учитывает запросов лиц, содержащихся в ИК. По состоянию на июнь 2013 года в исправительных колониях, следственных изоляторах, исправительных центрах и воспитательных колониях работало 400 психологов. С учетом специфики контингента, с которым приходится работать пенитенциарным психологам, рабочая нагрузка на указанную категорию работников является весьма значительной (в 2004 году на одного психолога приходилось 686 осужденных, в 2009 году этот показатель составлял 437 осужденных) [20]. Между тем, из года в год численность проблемных категорий лиц, содержащихся в учреждениях Государственной пенитенциарной службы Украины, растет.

Таким образом, нами были рассмотрены некоторые тенденции исполнения наказания в виде лишения свободы в Украине, прежде всего, касательно существующих негативных психических явлений в среде осужденных в ИК. Следует подчеркнуть, что в ИК фактически отсутствует обстановка (социально-психологический климат) защищенности личности от унизительных, опасных для жизни и здоровья и других воздействий окружения, что негативно сказывается на ресоциализации осужденных. Поэтому при разработке наиболее эффективного механизма применения наказания в виде лишения свободы следует максимально использовать научные достижения в области изучения личности и поведения осужденных к этому виду наказания, что бы свести до минимума негативные последствия пребывания в местах изоляции для их личности.

Список цитированных источников

1. Основні організаційні заходи з удосконалення діяльності органів і установ виконання покарань, слідчих ізоляторів, що реалізовані Державною пенітенціарною службою України у 2012 році [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/publish/article/663803.

2. Про Концепцію державної політики у сфері реформування Державної кримінально-виконавчої служби України: Указ Президента України від 08.11.2012 № 631/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/631/2012#n9.

3. Кримінально-виконавчий кодекс України: Закон України від 11.07.2003 № 1129-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1129-15.

4. Загальна характеристика Державної кримінально-виконавчої служби України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kvs.gov.ua/peniten/control/main/uk/publish/article/628075.

5. Там же.

6. Кримінально-виконавча система у 2012 році: статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrprison.org.ua/statistics/1358933975.

7. Кримінально-виконавча система у 2011 році: статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrprison.org.ua/statistics/1329133962.

8. Основні характеристики осіб, які відбували покарання у вигляді позбавлення волі в установах Департаменту у 2007 році [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrprison.org.ua/statistics/1209361230.

9. Кримінальний кодекс України: Закон України від 05.04.2001 № 2341-III Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14.

10. Рябих, Н.В. Аналіз злочинності в місцях позбавлення волі та віктимоногенних факторів, що впливають на неї / Н.В. Рябих // Кримінально-виконавчому кодексу України 9 років: матеріали І міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 28 листопада 2012 р.). К.: Інститут кримінально-виконавчої служби, 2012. – С. 113–116 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pen.div.co.ua/sites/default/files/imce/mizhnarodna_konferenciya_ikvs_28_listopada_2012.pdf.

11. Там же.

12. Оверченко, І.С. Звернення начальника управління оперативно-розшукової роботи апарату ДПтС України / І.С. Оверченко // Протидія наркозлочинності: досвід установ виконання покарань і слідчих ізоляторів: матеріали науково-практичної конференції (м. Чернігів, 16 березня 2012 року) Чернігівський юридичний коледж ДПтС України. Чернігів, 2012. – С. 5-8.

13. Павлов, В.Г. Оперативно-розшукова профілактика наркозлочинності в умовах слідчих ізоляторів / В.Г. Павлов // Протидія наркозлочинності: досвід установ виконання покарань і слідчих ізоляторів: матеріали науково-практичної конференції (м. Чернігів, 16 березня 2012 року) Чернігівський юридичний коледж ДПтС України. – Чернігів, 2012. – С. 44–47.

14. Шмагайло, К.М. Протидія наркозлочинності в місцях позбавлення волі під час здійснення ОРД та проблеми взаємодії з ОВС по напрямку БНОН в Кіровоградській області / К.М. Шмагайло // Протидія наркозлочинності: досвід установ виконання покарань і слідчих ізоляторів: матеріали науково-практичної конференції (м. Чернігів, 16 березня 2012 р.) Чернігівський юридичний коледж ДПтС України. – Чернігів, 2012. – С. 71–74.

15. Хведчук, В.В. Деякі аспекти діяльності пенітенціарних психологів / В.В. Хведчук, В.Г. Пантелєєв // Журнал «Вестник Ассоциации психиатров Украины» (02) 2013. – Режим доступа: http://www.mif-ua.com/archive/article/36273.

16. Хведчук, В.В. Результати соціологічного дослідження «Проблема суїцидів у місцях позбавлення волі» / В.В. Хведчук // Журнал «Вестник Ассоциации психиатров Украины» (01) 2013. Режим доступа: http://www.mif-ua.com/archive/article/35077.

17. Хведчук, В.В., В.Г. Пантелєєв. Указ. труд.

18. Хведчук, В.В. Указ. труд.
19. Там же.
20. Хведчук, В.В. Про деякі аспекти діяльності психологів органів та установ виконання покарань державного департаменту України з питань виконання покарань та реалізовані заходи у 2009 році / В.В. Хведчук // Газета «Новости медицины и фармации». Психиатрия (329). – 2010. Режим доступа: http://www.mif-ua.com/archive/article/13951.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье дается криминологический анализ некоторых аспектов исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в исправительных колониях в Украине. Рассматривается структура преступности осужденных в исправительных колониях, ее особенности и детерминанты. Приводятся данные современных социологических исследований личности осужденного, который отбывает наказание в виде лишения свободы. Подчеркивается наличие и роль негативных психических явлений в среде осужденных. Делается вывод, что при разработке наиболее эффективного механизма применения наказания в виде лишения свободы, следует максимально использовать научные достижения в области изучения личности и поведения осужденных к этому виду наказания, чтобы свести до минимума негативные последствия пребывания в местах изоляции для их личности.

In the article a criminological analysis of some aspects of the penalty of imprisonment for a fixed term in prisons in Ukraine are given. The structure of crime convicts in prisons, its characteristic and determinants are considered. The results of modern sociological studies of the convicted person, who is serving punishment in the form of imprisonment, are given. The presence and role of negative psychic phenomena among convicts are emphasized. It is concluded that the development of the most effective ways to implement punishment in the form of imprisonment should be possible to use scientific advances in the study of personality and behavior of convicts to this kind of punishment that would minimize the negative consequences in places of isolation for their personality.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВ ИСТЯЗАНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И.

При изучении механизма совершения конкретного преступления основное внимание исследователей, как правило, фокусируется на личности преступника, его социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых свойствах. Поведение жертвы и ее специфические характеристики рассматриваются в основном через призму конкретной жизненной ситуации и ситуации совершения преступления, которые выступают в качестве внешних условий, детерминирующих противоправное поведение индивида. Признавая жертву в качестве необходимого элемента криминологической ситуации, невозможно отрицать ее важную, а иногда и решающую роль в генезисе преступного поведения. Один из основоположников виктимологии Г. Гентинг отмечал, что в некотором смысле жертва создает преступника [1, с. 59]. Истязание относится к группе насильственных преступле-

ний против личности, и ему свойственны общие (родовые) криминологические характеристики данного вида преступности. Вместе с тем криминологическая картина изучаемого деяния обладает своей спецификой. Эта специфика определяется внутрисемейной, реже – бытовой природой истязания: продолжительным характером социальных связей субъектов криминального конфликта, протяженностью во времени негативных процессов в отношениях между ними, наличием определенных психологических установок в отношении друг друга. Таким образом, истязанию имманентно присущ взаимообуславливающий характер поведения преступника и его жертвы.

Известно, что виктимология наряду с категорией «жертва» оперирует понятием «потерпевший». Названные термины соотносятся как общее и специальное. Жертва может быть как непосредственной, так и опосредованной, как потенциальной, так и реальной. В виктимологическом плане потерпевший – это всегда непосредственная и реальная жертва преступления. Изучая эмпирический материал в форме уголовных дел, исследователь всегда рассматривает специфические особенности потерпевшего.

Анализ эмпирических данных (всего было изучено 260 уголовных дел за период с 2000 по 2011 год, рассмотренных судами г. Омска, г. Новосибирска, г. Улан-Уде, г. Екатеринбурга) позволяет сделать следующие выводы. Подавляющее большинство жертв истязаний составляют женщины (99,1 %). Исследование причин гендерного насилия является одним из наиболее актуальных направлений в современной криминологии. Во многом это обусловлено «запаздыванием» в изучении вопросов влияния гендера на преступность по сравнению с европейской наукой. Повышенная виктимность женщины обусловлена как особенностями ее психофизиологических характеристик, так и спецификой традиционной социальной роли, которая закреплена за женщиной. Следует отметить устойчивость гендерных стереотипов, которые проявляются в любом возрасте и способны привести к насильственному поведению в случаях, когда участники конфликта относятся к разным полам. В качестве наиболее распространенных стереотипов можно привести следующие: «мужчины – это сила, женщины – это слабость»; «женщинам нужно очень стараться, чтобы удержать мужчину при себе».

Жертвами истязания крайне редко становятся взрослые мужчины, обычно это несовершеннолетние в возрасте до 14 лет. Максимальная степень виктимности выявлена у женщин в возрасте от 30 до 49 лет. Этот факт объясняется тем, что именно на этот возраст приходится максимальное количество женщин, состоящих как в юридических, так и в фактических семейных отношениях, а следовательно, жертва и преступник находят друг друга.

Таблица 1 – Распределение жертв истязаний по возрасту

Возраст	Удельная доля
До 10 лет	1,4 %
10–15 лет	2,3 %
16–19	2,1 %
20–24	9,3 %
25–29	11,6 %
30–39	34 %
40–49	24 %
50–59 лет	8,1 %
60–75	4,2 %
Старше 75 лет	3 %

При анализе возрастного паритета преступника и его жертвы обнаружилось, что возрастные характеристики у них примерно одинаковые, за исключением таких взаимодействующих пар, как сын (дочь) – мать (отец), отец (мать) – ребенок. В этих парах разница в возрасте достигает двух-, трехкратного различия. Возрастные характеристики во многом обуславливают латентность жертвы. Наибольшая латентность свойственна детям в возрасте до 12 лет и пожилым людям старше 70 лет. Первая и вторая категории потерпевших наиболее уязвимы в силу социальной и физической зависимости от ближайшего бытового окружения. Дети зачастую не знают, к кому обратиться за помощью, так как имеют незначительный социальный опыт; пожилые люди нередко ограничены физически. Среди жертв, не достигших совершеннолетия, установлена следующая закономерность – до 14 лет потерпевших мужского и женского пола примерно поровну – 48,1 % и 51,9 % соответственно. С 14 лет удельный вес мальчиков резко снижается – до 12,4 %, в то время как доля девочек увеличивается до 87,6 %. Это, видимо, обусловлено физическим развитием: 15–17-летний подросток мужского пола может проявить более активное и успешное сопротивление истязателю, чем девушка соответствующего возраста.

Обращает на себя внимание то, что 50 % потерпевших имеют профессиональное образование, и этот показатель значительно выше, чем у преступников. Высшее и незаконченное высшее образование имеет каждая пятая жертва (у истязателей – каждый одиннадцатый). Исследования показали, что чем выше уровень образования жертвы, тем менее она склонна обращаться в правоохранительные органы. Таким образом, образование является фактором, сдерживающим потерпевшую от легального разрешения конфликта. Полагаем, что это обстоятельство обусловлено тем, что уровень образования, как правило, тесно увязан с уровнем культуры, наличием определенных социокультурных стереотипов. Были выявлены следующие психологические установки у данной группы жертв: «если в семье разлад, значит, я не смогла это

предотвратить»; «стыдно перед людьми»; «образованная, а мужа не могу воспитать»; «то, что происходит в семье не должно выходить наружу» и т. п.

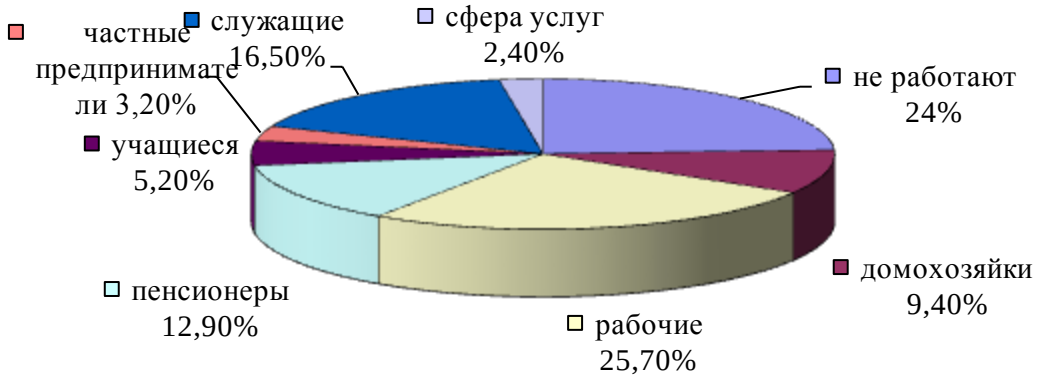

Рисунок 1 – Социальное положение жертв истязаний

Исследования показывают, что социальное положение жертв истязаний крайне неоднородно. С одной стороны, 50 % из них не имеют самостоятельного источника дохода и в этом смысле полностью зависят от преступника, с другой – социальный статус работающих потерпевших значительно выше, чем у истязателей. Исследования также подтверждают, что структура женской безработицы имеет существенные отличия от мужской. Женская безработица не обнаруживает прямой корреляции с уровнем образования и возрастом. Это, в частности, подтверждает следующий факт: среди лиц, социально не занятых, 23,1 % имеют среднее или высшее профессиональное образование. Около одной трети работают не по специальности. Необходимо отметить, что относительно высокий социальный статус не делает жертву более свободной и активной в принятии решения, способного кардинально изменить сложившуюся неблагоприятную ситуацию. В связи с этим мы полагаем, что для указанной категории жертв главными факторами, по которым пострадавшие не обращаются в правоохранительные органы, являются желание сохранить видимость семьи, ценность семьи как таковой (независимо от содержания), опасение отрицательных внешних суждений. Для жертв с низким социальным статусом определяющим мотивом поведения выступает страх перед материальной незащищенностью себя и детей, боязнь нищеты.

Таблица 2 – Отношение жертвы к преступнику (семейно-бытовой аспект)

Жертва по отношению к преступнику	
жена	19,1 %
бывшая жена	30,3 %
бывший муж	0,9 %
сожительница	25,2 %
мать	9,1 %
отец / отчим	2,1 %
сын / дочь	3,2 %
пасынок / падчерица	1,3 %
бабушка / дед	0,5 %
невестка, сноха, зять	1,3 %
брат / сестра	0,6 %
теща, свекровь, свекор	1,1 %
бытовой знакомый	6 %
сосед / соседка	1,3 %

Как видно, наибольшей виктимностью обладают бывшие жены и сожительницы, жертвой каждого десятого истязания становится мать или отец. Семейные или родственные отношения (зачастую продолжительные), наличие общих детей, материальная зависимость во многом определяют нежелание потерпевших обращаться в правоохранительные органы, что в итоге обусловливает высокий уровень латентности истязаний.

Представляется, что фактическая виктимность жен несколько занижена. Изучение опыта превентивной работы участковых уполномоченных показывает, что семейному насилию чаще всего подвергаются жены, на втором месте – сожительницы, на третьем – бывшие жены. Мы полагаем, что жены менее всех других жертв склонны обращаться за помощью в правоохранительные органы на первоначальных стадиях насильственного конфликта. Причиной этого является нежелание «выносить сор из избы» и боязнь нанести своим поступком ущерб семейным отношениям.

Жертвы – бытовые знакомые – неоднородны по своему возрастному и социальному составу. В качестве специфической характеристики можно отметить следующее: каждый шестой из них имел весьма непродолжительное общение с преступником до совершения преступления («шапочное знакомство») или впервые встретился с истязателем непосредственно перед причинением жертве вреда.

Особенности нравственно-психологической характеристики жертв истязания можно раскрыть посредством изучения ее мотивации. У каждой третьей жертвы истязаний обнаруживаются искажения в потребностно-мотивационной сфере, выражающиеся в аффективных психических нарушениях. Наиболее распространенное из них – депрессия. В качестве центрального звена депрессии, по мнению психиатров, выступает «синдром обученной беспомощности», который можно определить как «… устойчивый отказ от любых действий, направленных на избегание травмирующих событий» [2]. В основе формирования «синдрома

обученной беспомощности» лежит стабильная уверенность человека в том, что его действия и поступки не могут быть удачными и позволят избежать негативного развития ситуации. Этот синдром наиболее часто встречается у жен, сожительниц, бывших жен и малолетних детей.

Для жертв истязания характерны следующие депрессивные симптомы:

1. Аффективные – печаль, подавленный гнев, плаксивость, чувство вины, чувство стыда.

2. Мотивационные – потеря положительной мотивации, нарастание избегающих тенденций, возрастание зависимости.

3. Поведенческие – пассивность, избегающее поведение, инертность.

4. Физиологические – расстройство сна, нарушение аппетита, снижение влечений.

5. Когнитивные – нерешительность, сомнения в правильности принятого решения или неспособность принять какое-либо решение из-за того, что каждое их них содержит нежелательные последствия и не является идеальным, представление любой проблемы как грандиозной и непреодолимой, постоянная самокритика, нереалистичные самообвинения, пораженческие мысли, абсолютистское мышление (по принципу «все или ничего»).

Так, Г. проживала в зарегистрированном браке 12 лет. Ее муж трижды привлекался к уголовной ответственности за истязания, совершенные в ее отношении. Каждый раз, когда муж возвращался из мест лишения свободы, она принимала супруга в семью, надеясь на его исправление, которое не наступало. Сама Г. объясняла свое поведение тем, что мужа она знает с юности, он всегда был несдержан, но отходчив. По ее словам, до замужества супруг спиртными напитками не злоупотреблял, но у них часто возникали семейные скандалы, и он начал выпивать. Муж, по утверждениям Г., ее любит, она сама часто дает поводы для его вспышек гнева, о разводе она не думала, так как это не изменит ситуацию, муж никогда ее не отпустит, а она никого лучше все равно не найдет. Семейные отношения Г. воспринимает как обязанность и неизбежность [3].

Анализируя представленную ситуацию, можно сделать вывод о том, что у потерпевшей наблюдается сразу несколько депрессивных симптомов – аффективный, поведенческий, мотивационный и когнитивный.

Исследованиями установлено, что 7,6 % жертв истязаний систематически совершали различные аморальные действия, а также имели отрицательную бытовую и производственную характеристику. К безнравственному поведению, демонстрируемому жертвой, можно отнести супружескую измену, злоупотребление алкоголем, нецензурную брань, проявление циничного отношения к окружающим, безразличие к родительским обязанностям и другое.

В результате проведенных исследований выяснилось, что около 18 % жертв находилось в состоянии алкогольного опьянения. Известно, что опьянение влияет на способность к сопротивлению, на возможность адекватно оценить ситуацию, а также в целом на поведение. Значительная часть потер-

певших употребляли спиртные напитки совместно с преступником, участвуя в создании обстановки, способствовавшей совершению преступления.

Известно, что у лиц, постоянно употребляющих спиртные напитки, может отмечаться «… своеобразная деструктурированность – отсутствие смысловой наполненности, глубокого содержания поступков, упрощенность мотивов, примитивность побуждений» [4, с. 56, с. 40–43].

Из числа потерпевших, употреблявших алкоголь в момент причинения им вреда, 38,7 % находились в легкой стадии опьянения, для которой свойственны эйфория, повышение самооценки и уровня притязаний, ослабление критичности и концентрации внимания, повышенная самоуверенность и обидчивость.

Средняя стадия опьянения наблюдалась у 41,6 % потерпевших. На этой стадии алкогольного опьянения теряется чувство меры в отношении к окружающим, обнажаются инстинкты, реакции на внешние раздражители приобретают явную аффективную окраску. Малозначительные факты могут вызывать гнев, ярость и т. п. Теряется связанность мышления, двигательные реакции нарушаются.

В состоянии тяжелой степени опьянения находилось 19,7 % жертв истязаний. Данная стадия опьянения характеризуется усилением тормозящего действия алкоголя на нервную систему. Нарушается ориентировка в пространстве. Наблюдаются серьезные затруднения при движении, склонность к вялости, сонливости, резко снижается болевая чувствительность.

Наиболее полная характеристика виктимологического аспекта истязания невозможна без обращения к классификации и типологии потерпевших от истязания.

Исходя из характера поведения жертвы, которое предшествовало совершению преступления, в виктимологии выделяют агрессивные, активные, инициативные, пассивные, некритичные и нейтральные виды жертв [5, с. 80].

Анализ материалов уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что для истязания не характерны активные, инициативные и нейтральные жертвы. Более 80 % всех потерпевших – это лица, относящиеся к пассивному типу. Его отличительной особенностью является отсутствие сопротивления и противодействия преступнику, что может быть вызвано различными причинами: страхом (за свою жизнь и жизнь родственников), возрастом, физической слабостью, беспомощным состоянием, превратным пониманием мотивов действий преступника («бьет, значит любит»). В рамках пассивного типа выделяются два подвида: объективно не способный к сопротивлению и объективно способный к сопротивлению потерпевший. Подавляющее большинство жертв истязания относятся ко второй группе. Агрессивные жертвы составляют явное меньшинство (около 7,6 %). Указанный тип потерпевшего сам создает конфликтную ситуацию, ее характеристикой является провоцирующие поведение жертвы по отношение к преступнику (оскорбление, скандалы, аморальные действия, действия, нарушающие нормы общежития). Для некритичного типа потерпевшего свойственны неосмотрительность, неумение

правильно оценить жизненную ситуацию, низкий уровень образования. К указанному типу можно отнести малолетних, несовершеннолетних, лиц преклонного возраста, психически больных.

По степени индивидуальной виктимной предрасположенности среди жертв истязаний преобладают избирательные и ситуативные типы. Жертвы первого типа отличаются высокой уязвимостью по отношению к истязанию, особенно в семейной сфере. Для второго типа характерно случайное стечение обстоятельств, которое приводит к причинению вреда.

По мотивации ведущей виктимной активности личности [6, с. 189–192] выделяются:

– импульсивная жертва. Ей свойственно бессознательное чувство страха, подавленность реакций и рационального мышления;

– жертва с утилитарно-ситуативной активностью. Сюда можно отнести потерпевших с продолжительными темпоральными характеристиками виктимности;

– установочные жертвы, агрессивное поведение которых провоцирует ответную реакцию;

– жертва с ретретистской активностью. Их виктимности способствует образ жизни, внешний вид, а главное, доступность для преступника.

С точки зрения поведения потерпевшего, виктимологические ситуации классифицируются на толчковые провоцирующие, толчковые не провоцирующие, способствующие совершению преступления, замкнутые и нейтральные [6, с. 102]. Три четверти виктимологических ситуаций, связанных с истязаниями, относятся к ситуациям, в которых поведение потерпевших создает объективную возможность совершения преступления (терпение, потребление спиртных напитков, всепрощение и др.). В каждом десятом случае жертва сама своими активными негативными действиями провоцировала совершение против нее преступления.

Завершая рассмотрение роли личностных факторов в генезисе истязаний, можно сделать следующие выводы.

1. Исследования показывают высокий уровень обусловленности поведения преступника поведением жертвы. Чаще всего от такого вида преступления страдают женщины, состоящие в семейных или родственных отношениях с преступником, находящиеся в наиболее социально активном возрасте, как правило, не самостоятельные в финансовом отношении.

2. Одним из наиболее важных факторов виктимизации является наличие искажения в потребностно-мотивационной сфере, выражающееся в аффективных психических нарушениях, приводящих к формированию синдрома «обученной беспомощности».

3. Подавляющее большинство пострадавших от истязания относятся к пассивному типу жертв, часть потерпевших – к некритичному или агрессивному типу. Среди жертв истязаний преобладают импульсивные жертвы, установочные жертвы, жертвы с утилитарно-ситуативной активностью.

Таким образом, инертное поведение жертвы, отсутствие с ее стороны попыток защититься не приводит к нивелировке конфликта, не снимает проблему, а, как правило, провоцирует преступника на последующие агрессивные действия.

Список цитированных источников

1. Ривман, Д. Виктимология / Д. Ривман, В.С. Устинов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 59.

2. Смулевич, А.Б. Депрессии и коморбидные расстройства. Депрессия и психология эмоций. – URL: http: // psychiatry. ru (дата обращения: 10.03.2012).

3. Архив кировского мирового суда г. Омска за 2011 г. Уголовное дело № 1–34.

4. Более подробно смотри, Шайдукова, Л.К. Супружеский алкоголизм // Российский психиатрический журнал. 2005. № 5. С. 56., Морчев, И.А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // Российский следователь. – 2006. – № 11. – С. 40–43.

5. Ривман, Д. Виктимология / Д. Ривман, В.С. Устинов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 80.

6. Туляков, В.А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы). – Одесса: Новил, 2000. – С. 189-192.

7. Ривман, Д. Виктимология / Д. Ривман, В.С. Устинов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 102

Дата поступления статьи – 12.09.2013.

В статье рассматриваются основные характеристики жертв истязаний, совершенных в семейно-бытовой сфере. Показаны механизмы виктимизации, даны качественные и количественные характеристики жертв, а также предложена типология жертв. В работе делается вывод о том, что одним из наиболее важных факторов виктимизации является наличие искажения в потребностно-мотивационной сфере, выражающееся в аффективных психических нарушениях, приводящих к формированию синдрома «обученной беспомощности».

In article main features of the victims mockery, made in household-home sphere are considered. Mechanisms of victimization are shown, qualitative and quantitative features of the victims are given, and a typology of the victims is offered. In work the conclusion is made that one of the the most important factor victims is presence of the distortion in motivation sphere, expressed in affected psychic breaches that lead to shaping the syndrome of “trained helplessnesses”.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ НА СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Раскина Т.В.

Миграция является постоянным спутником общественного развития. Она выполняет многие положительные функции [3, с, 321–323; 5, с. 164]. Однако как любому масштабному социальному процессу миграции присущи различные проблемы и негативные факторы, которые в своей совокупности

отрицательно влияют на состояние законности в стране. Они являются частью причинного комплекса, обусловливающего асоциальное, непреступное правонарушающее поведение и непосредственно совершение преступлений. Сказанное относится не только к нелегальной миграции, но и к вполне законным перемещениям граждан. Это объясняется тем, что любая миграция изначально предопределяется экономическим неравенством, бедностью, ухудшением экологической ситуации, несоблюдением, а иногда и откровенным нарушением политических, социальных прав граждан либо обыкновенным желанием человека улучшить жизненные условия, поскольку существующие не соответствуют его требованиям. Наиболее значимыми причинами современных миграционных процессов в Российской Федерации являются экономические факторы.

Глобализация, охватившая практически все сферы, существенно расширила и возможности перемещения людей как внутри одного государства (внутренние миграционные потоки), так и между разными странами (внешние миграционные потоки). На состояние законности в Российской Федерации оказывают влияние оба вида миграции, хотя воздействие внешней миграции всегда значительно сильнее и характеризуется большей криминогенностью.

Отток жителей страны из наименее развитых районов в более благополучные одновременно является причиной и следствием чрезмерно больших дисбалансов регионального экономического развития. Разница между самыми отстающими и самыми развитыми субъектами Российской Федерации составляет порядка 22–24 раз по величине валового регионального продукта на душу населения [1, с. 12]. Найти работу с достойной заработной платой, получить качественное образование и медицинскую помощь можно только в нескольких крупных городах или сырьевых регионах. Соответственно, в таких субъектах Российской Федерации наблюдается миграционный прирост, а в других – отток населения, причем наиболее активного, образованного, целеустремленного, готового работать и приносить пользу.

Среднедушевые денежные доходы среди субъектов Российской Федерации в конце 2012 года различались в 5 раз. Если в Республике Тыва их размер составлял 9729,4 рубля, то в Ненецком автономном округе – 48586,0 рублей. Самые низкие показатели соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума отмечались в Республиках Тыва (189 %) и Калмыкия (177,7 %). К примеру, в Республике Татарстан, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, городах Москва и Санкт-Петербург эти показатели превысили 400 %.

Проблема невысоких заработных плат в ряде субъектов Российской Федерации теснейшим образом связана с крайне неэффективной трудовой занятостью. По-прежнему распространенный характер носит вынужденная работа на условиях неполного времени и направление работников в административные отпуска (неполная занятость). Помимо негативного влияния на размеры оплаты труда, такая ситуация дестабилизирует экономическое положение граждан, вле-

чет неудовлетворенность условиями жизни и, как следствие, поиск лучшего места жительства, как правило, без перспективы вернуться обратно.

Так, за период с 1996 по 2012 год население Дальневосточного региона из-за активного оттока из него жителей уменьшилось на 2 млн человек, или, соответственно, на 15 % [2]. По указанным выше причинам остается стабильным миграционный отток российского населения из большинства регионов Приволжского, Сибирского федеральных округов Российской Федерации, трех субъектов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области).

Перераспределение трудовых ресурсов для любого государства является необходимым условием его социально-экономического развития. Однако в настоящее время ряд субъектов Российской Федерации несет невосполнимые миграционные потери, которые ведут к еще большему экономическому отставанию, ухудшению демографической ситуации, бесперспективности и обнищанию.

Проблемы внутренней миграции влияют и на внешние миграционные потоки. В настоящее время перед Российской Федерацией остро стоит вопрос заселения дальневосточных территорий и Сибири мигрантами из Китая, которые пытаются всеми способами, в том числе криминальными и околокриминальными достичь оседлости или идентификации [6, с. 374]. Для этого чаще всего китайскими гражданами используется заключение фиктивных браков с гражданами Российской Федерации, представление заведомо ложных сведений о родстве с ними же, внедрение в бизнес, а ранее, до изменений миграционного законодательства, – и незаконное приобретение недвижимого жилого помещения с последующей регистрацией в нем. К сожалению, должных мер по снижению криминализации китайской миграции в Российскую Федерацию пока не принимается, что чревато угрозой накопления криминогенных факторов, увеличением количества латентных нарушений российских законов. Неконтролируемость этих процессов способна повлечь масштабные экологические финансовые потери для Российской Федерации.

В настоящее время среди мигрантов, находящихся на российской территории, преобладают граждане государств Центральной Азии – таджики, узбеки, киргизы. Нахождение в Российской Федерации для значительного большинства из них является временным. Вместе с тем для них характерны проблемы слабой адаптации и интеграции в российское общество из-за глубочайших культурных и конфессиональных различий. Национальные ценности и поведенческие установки большинства из них даже теоретически трудно совместимы с принятыми в Российской Федерации.

Для многих из них характерны социальная неустроенность, финансовое неблагополучие, проблемы с приобретением легального статуса. Зачастую наблюдается сознательная демонстрация нежелания прибывших в страну мигрантов следовать законам и правилам принявшего государства, стремление к повсеместному установлению собственных обычаев. Ярким примером сказанного является помпезное проведение на территории Российской Федерации ре-

лигиозных торжеств, демонстративное ношение детьми мигрантов национальной одежды в российских общеобразовательных учреждениях и даже нелегальное образование на территории Российской Федерации замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, противоречащей единому правовому и культурному полю страны. Все это в перспективе может провоцировать межэтническую напряженность и религиозную нетерпимость.

В отличие от внутренней миграции, внешняя зачастую совершается в нарушение норм международного и российского права. Даже при законном пересечении границы Российской Федерации мигранты в большинстве случаев превышают установленные сроки пребывания на территории страны. Ежегодно от 3 до 5 млн иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в Российской Федерации без официального разрешения [4]. Большинство мигрантов дополняют местные трудовые ресурсы, не составляя им конкуренцию по причине занятости на неквалифицированных и низкооплачиваемых работах. Такая рабочая сила приносит выгоду исключительно теневому сектору экономики, продуцируя целый ряд проблем, связанных с нарушениями российского законодательства, трудностями получения иностранцами медико-социального обеспечения.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации содержит целый ряд статей, предусматривающих ответственность за нарушения в сфере защиты российской государственной границы и обеспечения режима пребывания на территории страны иностранных граждан или лиц без гражданства (ст. 18.1–18.18 КоАП РФ). Кроме того, за незаконное пересечение государственной границы установлена и уголовная ответственность (ст. 322 УК РФ).

Вместе с тем криминогенный потенциал незаконной миграции проявляется в том, что она всегда сопровождается широчайшим спектром различных по тяжести противоправных деяний, наносящих вред или создающих угрозу такого вреда порядку управления в стране, общественной и экономической безопасности. Иностранные граждане и лица без гражданства выступают и субъектами названных деяний, и потерпевшими от них. Речь идет как об административных правонарушениях и общеуголовных преступлениях, так и об организации незаконной миграции, злоупотреблениях по службе, коррупции, криминальном отмывании денежных средств, торговле наркотиками, оружием, людьми.

Например, обострение в последние время в Российской Федерации проблем обеспечения безопасности дорожного движения во многом обусловлено увеличением количества водителей – иностранцев из числа нелегальных мигрантов. Так, в 2010 году на фоне общего снижения аварийности количество дорожно-транспортных происшествий с участием таких водителей возросло почти на 7 %. Причем около 60 % дорожно-транспортных происшествий случились непосредственно по вине водителей–иностранцев. Впечатляюще выглядят цифры, характеризующие количество пострадавших. На 10 % увеличилось число раненых и на 13 % – погибших в дорожно-

транспортных происшествиях с участием иностранных водителей. Из них в происшествиях, где виновниками были водители – иностранцы, количество раненых возросло на 11 %, погибших – на 7 %.

Согласно официальной статистике удельный вес преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, в общей структуре расследованных преступлений в среднем составляет порядка 3–4 %, а преступлений, совершаемых в отношении указанных лиц, – даже менее 1 %. Из приведенных ниже диаграмм видно, что применительно к обеим группам преступлений за последние пять лет в общем прослеживается тренд снижения.

Диаграмма 1

Динамика зарегистрированных преступлений,
совершенных иностранцами и лицами без гражданства

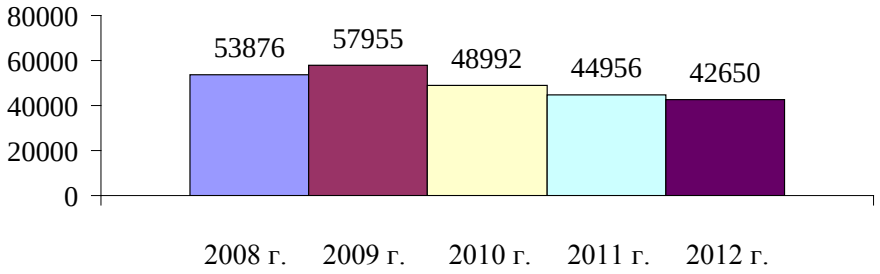
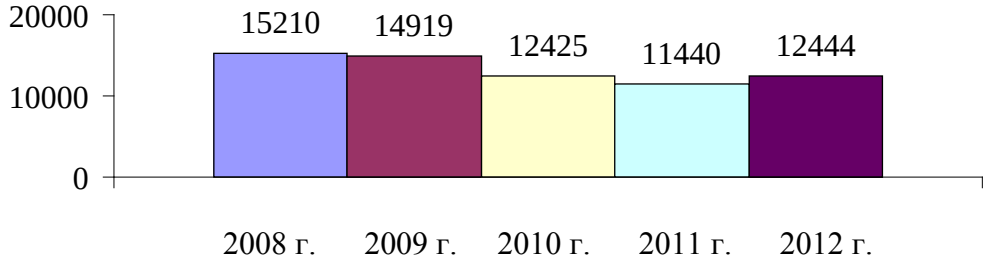

Диаграмма 2

Динамика зарегистрированных преступлений,
совершенных в отношении иностранных граждан и лиц
без гражданства

Вместе с тем данные официальной статистики не отражают реальной криминальной ситуации, участниками которой являются иностранные граждане и лица без гражданства. Латентность указанных преступлений очень высока. Это во многом обусловлено тем, что пострадавшие от противоправных действий мигранты не обращаются в соответствующие государственные органы, поскольку сами нарушают российские законы, нелегально находясь на территории страны пребывания. О распространенности противоправных деяний мигрантов свидетельствуют и данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, согласно которым за последние пять лет от

30 до 39 % россиян испытывали опасения пострадать от криминальных проявлений со стороны нелегальных мигрантов [7].

Во исполнение международных обязательств по пресечению трафика нелегальных мигрантов в 2004 году в Российской Федерации была установлена уголовная ответственность за организацию незаконной миграции, которая является весьма прибыльным бизнесом с отлаженной системой коррупционных связей. Фактически уголовная ответственность за данный вид преступления выполняет превентивные функции по недопущению неправомерного въезда и нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Вместе с тем рассматриваемое преступление является предикатным по отношению к иным уголовно-наказуемым деяниям, совершаемым мигрантами и в отношении них.

К числу таких деяний, например, относится торговля людьми, в которую активно вовлекаются правоохранительные органы, государственные контролирующие органы разных уровней. Цель преступников – достичь экономической выгоды путем эксплуатации жертвы на трудовом рынке, на рынке секс-услуг, принудительного изъятия и продажи органов и тканей и т. п. В каждом случае используется социально-экономическая незащищенность, обреченность и беспомощность жертвы.

Работа по противодействию незаконной миграции носит межгосударственный характер. Государства – участники Содружества Независимых Государств заключили соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией (от 06.03.1998), в борьбе с преступностью (от 25.11.1998). Российской Федерацией с Республикой Беларусь подписано Соглашение о сотрудничестве компетентных органов приграничных регионов. В рамках различных международных организаций созданы и работают Комиссия по противодействию незаконной миграции государств – участников СНГ, Координационный совет по борьбе с незаконной миграцией Организации договора о коллективной безопасности. Российско-Белорусская Межгосударственная межведомственная рабочая группа по выработке рекомендаций по проведению согласованной миграционной политики и осуществлению скоординированных мер в области борьбы с незаконной миграцией и иными, связанными с ней, проявлениями противоправной деятельности. С 2006 года практикуется принятие и реализация программ сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции. Последний такой документ утвержден решением Совета глав государств – участников СНГ 03.09.2011 на период 2012–2014 годов.

В Российской Федерации сформирована правовая база, регулирующая общественные отношения в рассматриваемой сфере, и разработан определенный механизм правоприменения. В целях противодействия незаконной миграции ужесточаются меры ответственности за нарушения миграционного законодательства, совершенствуется система государственного контроля за въездом и пребыванием иностранцев и процедура реадмиссии. Вместе с тем решение миграционных проблем самым тесным образом связано с прогрес-

сом в социально-экономическом развитии и повышением уровня жизни стран – поставщиков мигрантов, что относится исключительно к компетенции указанных государств.

Список цитированных источников

1. Выступление Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему «Современные задачи политического, социального и экономического развития Российского государства. Роль и место Совета Федерации» // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2012. – № 31 (474).

2. Выступление О.Н. Кожемяко на заседании Президиума Государственного Совета 29.11.2012. – Режим доступа: http://news.kremlm.ru/news/16990. – Дата обращения 28.01.2013.

3. Демографический понятийный словарь / под ред. А.А. Рыбаковского // Центр социального прогнозирования. – М., 2003.

4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // СПС «Консультант Плюс».

5. Косов, П.И., Берендеева А.Б. Основы демографии: учеб. пособие / П.И. Косов, А.Б. Берендеева. – М.: ИНФРА-М., 2010.

6. Овчинникова, Г.В. Направления преступной деятельности, связанные с незаконной миграцией // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней; под ред. А.И. Долговой. – М., 2006.

7. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=l 13276. – Дата обращения 03.09.2013.

Дата поступления статьи – 05.09.2013.

Основными причинами современных миграционных процессов в Российской Федерации являются экономические факторы. Отток российских жителей из наименее развитых в более благополучные районы страны влечет невосполнимые миграционные потери, чреватые еще большим экономическим отставанием слаборазвитых российских территорий, ухудшением демографической ситуации.

Ежегодно от 3 до 5 млн иностранных граждан нелегально осуществляют трудовую деятельность в Российской Федерации. Такая рабочая сила приносит выгоду исключительно теневому сектору экономики, продуцируя целый ряд факторов, связанных с нарушениями российского законодательства. Криминогенный потенциал незаконной миграции проявляется в том, что она всегда сопровождается широчайшим спектром различных по тяжести противоправных деяний, в том числе коррупцией, криминальным отмыванием денежных средств, торговлей наркотиками, оружием, людьми. Иностранные граждане и лица без гражданства выступают и субъектами названных деяний, и потерпевшими от них.

В целях противодействия незаконной миграции Российская Федерация ужесточает меры ответственности, совершенствует систему миграционного контроля. Вместе с тем решение миграционных проблем самым тесным образом связано с прогрессом в социально-экономическом развитии и повышением уровня жизни стран – поставщиков мигрантов.

The main causes of current migration processes in the Russian Federation are economic factors. The outflow of Russian citizens from less developed to the more prosperous areas of the country leads to irreplaceable migration losses, fraught with even more economic backwardness of the underdeveloped Russian territories, deterioration of the demographic situation.

Annually from 3 to 5 million foreign nationals are working illegally in the Russian Federation. Such a working force exclusively benefit the informal economy, producing a number of factors associated with violations of the Russian legislation. Criminogenic potential illegal migration is that it is always accompanied by a wide range of various severity of the unlawful acts, including corruption, a criminal money-laundering, trafficking in drugs, arms, people. Foreign citizens and persons without citizenship act and the subjects of these acts, and the victims of them.

In order to oppose illegal migration in the Russian Federation toughens responsibility, improving system of migration control. However, the solution of migration problems is closely linked with the progress in socio-economic development and higher living standards of the countries – suppliers of migrants.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ

Русецкий О.В.

В настоящее время одной из актуальных проблем для Республики Беларусь продолжает оставаться негативная динамика распространения различных форм девиантного поведения. К числу наиболее существенных из них по масштабам и значимости социальных и личностных последствий следует отнести такие деструктивные социальные явления, как противоправное поведение граждан, пьянство, потребление наркотиков.

Статистика свидетельствует о том, что, несмотря на отмечающееся в последние годы количественное снижение преступности, для отдельных групп преступлений данная тенденция проявляется по-разному. В 2012 году зарегистрировано 102,1 тыс. преступлений, что на 29,1 % меньше, чем в 2008 году. В то же время за этот пятилетний период на 5,3 % увеличилось количество связанных с наркотиками уголовно наказуемых деяний (в 2012 году зарегистрировано 4182 преступления по ст.ст. 327–332 Уголовного кодекса Республики Беларусь [1], в 2008 – 3961). Удельный вес данной группы преступлений в общем объеме преступности увеличился почти в два раза (с 2,5 % до 4,1 % в 2008 и в 2012 гг. соответственно).

Негативно характеризуется динамика административных правонарушений. В 2012 году выявлено 3,1 млн административных правонарушений и по сравнению с 2008 годом их количество возросло на 26,4 %.

По оценкам исследователей, не снижаются темпы алкоголизации населения. Если оценивать уровень потребления спиртных напитков на душу населения по стандартам Всемирной организации здравоохранения (по которым не учитываются лица до 15 лет и прибавляется потребленный нелегальный алкоголь), то уровень потребления алкоголя в Беларуси приближается к 18–20 л чистого спирта в год [2].

Распространение пьянства тесно взаимосвязано с преступностью. Около трети от числа всех расследованных преступлений в Республике Беларусь

стабильно совершаются в состоянии алкогольного опьянения (2009 г. – 34,2 %, 2010 – 32,4 %, 2011 – 33,5 %, 2012 – 34,0 %).

Статистика наркотизации населения на сегодняшний день также неблагоприятна. По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в 2008 году на учете в наркологических диспансерах республики было зарегистрировано 6923 человека, страдающих наркоманией (диспансерный учет) и 3994 человека, употребляющих наркотики (наркотические средства, психотропные вещества) эпизодически (профилактический учет) [3]. В 2011 году указанные показатели достигли 8952 и 4458 соответственно. Среди потребителей наркотиков лица до 18 лет составили 8 % от числа всех наблюдаемых (793 чел.) [4]. Большая часть преступлений (78,1 %), зарегистрированных в 2012 г. по ст. 328 УК, не связана со сбытом наркотических средств.

В детерминации девиантного поведения важную роль играют факторы экономического, геополитического, правового, культурного и иного социального характера, как правило, опосредованно влияющие на формирование личностных причин и условий, отклоняющихся от существующих в социуме норм поступков. Так, отсутствие эффективной системы социально-правового контроля девиаций, низкая эффективность функционирования ее профилактических институтов в значительной степени способствуют распространению личностных установок исключенности из жизни общества, социального пессимизма, безнаказанности асоциальных актов и др., которые играют значимую роль в непосредственной мотивации девиантного поведения. Формирование и совершенствование указанной системы являются важной задачей в современных условиях Беларуси.

Эффективная профилактика девиаций невозможна без активного участия широких кругов общественности, всего населения, без использования в полной мере авторитета и огромного нравственно-воспитательного потенциала общественного мнения. Вместе с тем практика показывает, что одной из проблем эффективности предупредительной деятельности в Республике Беларусь является недостаточный уровень взаимодействия государственных и общественных структур при ее осуществлении. К сожалению, на практике до сих пор отсутствует системный подход в организации профилактики, включающий реализацию на постоянной основе совместными усилиями государства и общества образовательных, духовно-культурных, спортивно-оздоровительных, воспитательных, информационно-пропагандистских и других профилактических мероприятий, осуществляемых наряду с оказанием реабилитационной и иной помощи девиантам, группам риска, их ближайшему социальному окружению.

В то же время правовые основы указанной деятельности в Республике Беларусь в значительной степени сформированы.

Анализ развития криминологического законодательства Республики Беларусь, регулирующего отношения, связанные с предупреждением противоправного поведения граждан, позволяет отметить позитивные динамику и тенденции к совершенствованию нормативных положений и правовых кон-

струкций в сфере взаимодействия государственных и общественных структур в указанном направлении.

Данная деятельность в том или ином виде нашла регламентацию в ряде законодательных актов страны. К их числу следует отнести, в частности:

– Закон Республики Беларусь от 31.05.2003 № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] (далее – Закон № 200-З);

– Закон Республики Беларусь от 26.06.2003 № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» [6];

– Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 № 165-З «О борьбе с коррупцией»[7];

– Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [8];

– Закон Республики Беларусь от 16.07.2008 № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» [9];

– другие нормативные правовые акты.

Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [10] (далее – Закон № 453-З) в значительной мере систематизировал ряд положений указанных нормативных правовых актов об участии граждан и их объединений в профилактике правонарушений, установил основные формы взаимодействия государства и общества при осуществлении этой деятельности.

В числе основных принципов деятельности по профилактике правонарушений в указанном Законе названа государственная поддержка участия граждан и их объединений в деятельности по профилактике правонарушений. Аналогичная норма в отношении организаций, осуществляющих деятельность, связанную с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, содержится в Законе № 200-З.

Гл. 5 Закона № 453-З регламентирована работа общественных пунктов охраны порядка, которые в соответствии со ст. 33 указанного нормативного правового акта являются организационной формой объединения усилий органов территориального общественного самоуправления, добровольных дружин, коллективов работников организаций и граждан в деятельности по охране общественного порядка и профилактике правонарушений, а также их взаимодействия с другими субъектами профилактики правонарушений.

Следует отметить, что за время действия Закона № 453-З был предпринят ряд практических мер для реализации данных правовых установок. В настоящее время в каждой административной территориальной единице созданы общественные пункты охраны порядка, функционируют их советы. Таким образом, не касаясь вопросов результативности работы указанных структур, следует отметить, что в республике в значительной мере сформировано правовое и организационное обеспечение взаимодействия государственных и

общественных структур при осуществлении профилактики правонарушений на местном уровне.

В отношении иных форм девиантного поведения, на негативную динамику распространения которых указано выше, законодательство Республики Беларусь также предусматривает ряд положений, создающих правовые механизмы сотрудничества государства и общества в ходе осуществления предупредительной деятельности.

В соответствии со ст. 16 Закона № 453-З в целях профилактики правонарушений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, местными исполнительными и распорядительными органами должно быть организовано проведение духовно-нравственных тематических мероприятий по предупреждению распространения и употребления спиртных напитков, наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, в том числе с участием представителей религиозных организаций.

Этой же статьей предусмотрена обязанность проведения учреждениями образования, организациями здравоохранения, органами внутренних дел мероприятий с учащимися и студентами по предупреждению правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ. Участие в таких мероприятиях представителей общественных (в том числе религиозных) структур может значительно расширить их содержательный диапазон, а, следовательно, и профилактическую результативность.

В соответствии с Законом № 200-З функции по профилактике потребления алкоголя и наркотиков среди несовершеннолетних возложены на организации здравоохранения, которые в соответствии со ст. 18 проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, потребление которыми наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, токсических либо иных одурманивающих веществ, употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива установлено в соответствии с законодательством, а также осуществляют иные полномочия по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предусмотренные законодательством.

Ряд таких полномочий предусмотрен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 01.08.2003 № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества и Положения о подростковом наркологическом кабинете» [11]. Данное постановление содержит множество профилактических функций, исполнение которых возложено на подростковые наркологические кабинеты, что объективно затруднено штатными возможностями указанных подразделений организаций здравоохране-

ния. В связи с этим здесь имеются перспективные возможности для инициативного взаимодействия с общественными организациями.

В числе задач кабинета, в ходе выполнения которых сотрудничество с общественными структурами благотворно скажется на результативности предупредительной деятельности, следующие:

– санитарно-просветительная работа по вопросам пьянства, алкоголизма и наркомании в учреждениях образования и в организациях, где работают несовершеннолетние;

– организация пропаганды санитарно-гигиенических правил и норм, пропаганда здорового образа жизни среди несовершеннолетних, их родителей, усыновителей, опекунов или попечителей;

– оказание консультативной помощи работникам органов и организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также родителям, усыновителям, опекунам или попечителям несовершеннолетних;

– участие в разработке и проведении мероприятий по антинаркотической и антиалкогольной пропаганде совместно с центрами здоровья средствами массовой информации;

– участие в совместных мероприятиях по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией среди несовершеннолетних совместно с другими заинтересованными организациями.

Нормы принятого в июле текущего года Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» [12] относят к субъектам профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов общественные объединения, осуществляющие в соответствии с законодательством и со своими уставами указанную деятельность. В числе основных перечисленных в данном нормативном правовом акте мер профилактики, полноценная реализация которых невозможна без участия общественных структур, следует выделить:

– развитие антинаркотической пропаганды;

– развитие системы социальной реабилитации лиц, больных наркоманией;

– ресоциализацию лиц, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, и освободившихся из исправительных учреждений.

Рассмотренные нормативные правовые акты являются постоянно действующими источниками права. В то же время значительный объем мероприятий по предупреждению и противодействию распространению девиантного поведения в Республике Беларусь содержится в периодически принимаемых государственных программах.

В соответствии с преамбулой Программы национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11.01.2011 № 27 [13], одним из важных планируемых ее результатов будет

привлечение общественных и религиозных организаций, объединений граждан, трудовых коллективов, СМИ, отдельных лиц к участию в формировании культуры здоровья и здорового образа жизни, профилактике потребления алкоголя. Значительное число предусмотренных данной программой мер предоставляет широкие возможности для сотрудничества государственных и общественных структур в ходе осуществления предупредительной антиалкогольной деятельности. В их числе следующие мероприятия, исполнителями которых являются местные исполнительные и распорядительные органы:

– разработка и реализация в пределах выделенных средств региональных и районных планов мероприятий по профилактике пьянства и алкоголизма (*пункт госпрограммы:* 1, *срок выполнения*: 2011 г., *источник финансирования*: местные бюджеты);

– проведение на регулярной основе акций «День трезвости», «День здоровья», «День семьи», «День молодежи», «День труда» с запретом реализации в дни этих акций алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива в объектах розничной торговли (*пункт госпрограммы:* 2, *период реализации*: 2011–2015 г.г., *источник финансирования*: местные бюджеты);

– проведение информационно-пропагандистских акций, разъясняющих необходимость введения ограничения доступности алкогольных и слабоалкогольных напитков и пива в целях снижения уровня потребления алкоголя, его негативных последствий (*пункт госпрограммы:* 8, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные и республиканский бюджеты);

– оказание необходимой правовой, социальной, психологической и иной помощи неблагополучным семьям, в которых один из членов семьи злоупотребляет алкоголем (*пункт госпрограммы:* 10, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные и республиканский бюджеты);

– создание тематических рубрик, выпуск публикаций, телерадиопрограмм, пропагандирующих трезвый образ жизни, семейные ценности, отказ от пьянства, соблюдение законности, поддержание правопорядка (*пункт госпрограммы:* 12, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные и республиканский бюджеты);

– организация, проведение и освещение в средствах массовой информации культурно-массовых и спортивных мероприятий, тематических вечеров и выступлений по вопросам профилактики пьянства и алкоголизма, правонарушений и преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения (*пункт госпрограммы:* 14, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные и республиканский бюджеты);

– проведение ежегодных в пределах выделенных средств региональных семинаров, совещаний и круглых столов по вопросам профилактики пьянства и правонарушений (*пункт госпрограммы:* 18, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные бюджеты);

– ежеквартальное проведение региональных профилактических акций против пьянства, алкоголизма, правонарушений и преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения (*пункт госпрограммы:* 19, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные бюджеты);

– организация и проведение в трудовых коллективах культурно-массовых и спортивных мероприятий, тематических и лекционных выступлений, вечеров по вопросам профилактики пьянства на рабочем месте (*пункт госпрограммы:* 29, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: республиканский и местные бюджеты);

– проведение в пределах выделенных средств ежеквартальных совместных обучающих семинаров по вопросам профилактики пьянства для педагогов, социальных работников, психологов (*пункт госпрограммы:* 40, *период реализации*: 2011–2015 гг., *источник финансирования*: местные бюджеты);

– другие мероприятия.

П. 44 Государственной программы комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.10.2008 № 1634 [14] (далее – Государственная программа) предусмотрена поддержка неправительственных организаций занятых в сфере профилактики, лечения и реабилитации наркозависимых лиц. Исполнителями указанного пункта являются МВД, Минобразование, Минздрав, Минкультуры, Минский горисполком и облисполкомы.

В соответствии с п. 45 Государственной программы социально-психологическая реабилитация наркозависимых лиц, прошедших курс медицинского лечения, возложена на Минский горисполком и облисполкомы, Минжилкомхоз, МВД. Данная норма является правовой основой взаимодействия общественных антинаркотических организаций и реабилитационных центров с территориальными подразделениями указанных выше государственных структур в сфере оказания социальной, юридической, психологической и другой помощи наркозависимым лицам.

Как уже отмечено выше, указанные и иные меры в сфере профилактики социальных девиаций могут и должны (с точки зрения эффективности) реализовываться совместными усилиями государственных и общественных структур. Практическим механизмом осуществления такого сотрудничества (при наличии желания со стороны общественных (в том числе религиозных) организаций) видится обращение (письменное или устное) в местные исполнительные и распорядительные органы с выражением намерений принять участие в реализации конкретного (предусмотренного законодательством) или инициативного профилактического мероприятия, либо быть задействованным в предупредительной деятельности на постоянной основе. Объектами таких обращений могут быть: заместитель председателя исполкома по социальным вопросам, отделы идеологической работы, образования, культуры, по делам молодежи, по физической культуре, спорту и туризму рай(гор)исполкомов,

управления охраны здоровья и иные соответствующие вышеуказанным отделам управления облисполкомов.

Формы взаимодействия могут включать как непосредственную задействованность членов или имущества (например, помещений) общественных организаций в осуществлении профилактических мероприятий, так и предоставление методической или консультативной помощи, печатных или иных носителей антиалкогольной (антинаркотической) пропаганды (буклеты, фильмы) на взаимной или односторонней основе. Наряду с указанными способами сотрудничества на практике получают распространение выступления на антинаркотическую (антиалкогольную) тематику представителей общественных (в том числе религиозных) организаций в учреждениях образования, инициативное участие общественных структур в акциях субъектов профилактики, направленных на формирование в обществе культуры здорового образа жизни и др.

Необходимо отметить, что немаловажным направлением участия общественных (и особенно религиозных) организаций в предупредительной деятельности является индивидуальная работа с девиантами, их семьями. Механизмы сотрудничества с государственными структурами в указанной сфере четко не прописаны в законодательстве, однако это не лишает возможности инициирования данной деятельности на местном уровне со стороны общественных организаций. Одним из наиболее результативных направлений такой работы являются реабилитационные центры для наркозависимых и зависимых от алкоголя лиц, созданные в Республике Беларусь, как правило, в организационно-правовой форме общественных объединений.

Надзор за соблюдением указанных выше норм законодательства, а, следовательно, и в значительной мере за качеством выполнения мероприятий предупредительной деятельности в Республике Беларусь осуществляют органы прокуратуры. Учитывая, что координация деятельности в области профилактики правонарушений (в том числе совершаемых по причине употребления психоактивных веществ) возложена на возглавляемые прокурорами координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, органы прокуратуры являются еще одним важным объектом для взаимодействия общественных организаций с государственными структурами в ходе осуществления профилактической работы.

Основной формой такого взаимодействия видится участие в районных координационных совещаниях по борьбе с преступностью и коррупцией, в ходе которых (совместно с представителями правоохранительных органов и органов местной власти и государственного управления) целесообразно обсуждение актуальных для данного региона проблем профилактики, а также путей и способов сотрудничества государственных и общественных структур в целях их разрешения. Решения этих совещаний являются обязательными для выполнения государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью и коррупцией, государственными органами и иными организациями, участвующими в борьбе с преступностью и коррупцией, и их долж-

ностными лицами (п. 16 Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644) [15].

Таким образом, следует констатировать, что в республике в целом сформированы правовые основы для сотрудничества государственных и общественных структур в сфере предупреждения девиаций на местном уровне. На республиканском уровне создан коллегиальный орган, в задачи которого входит координация деятельности республиканских органов государственного управления, облисполкомов и Минского горисполкома, общественных объединений по вопросам профилактики пьянства, алкоголизма, наркомании и потребления табака. Это Межведомственный совет при Совете Министров Республики Беларусь, деятельность которого регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О Межведомственном совете по предупреждению и профилактике пьянства, алкоголизма, наркомании и потребления табака при Совете Министров Республики Беларусь» [16].

Подводя итоги, следует отметить, что несмотря на наличие в законодательстве ряда нормативных положений, декларирующих необходимость и регламентирующих отдельные направления взаимодействия общества и государства в сфере предупреждения девиаций, совершенствование правового обеспечения такого взаимодействия позитивно скажется на результативности профилактики. В связи с этим в настоящее время речь может идти не только о систематизации норм законодательства в рассматриваемой сфере, но и о разработке и принятии нормативного правового акта концептуального (стратегического) характера, устанавливающего основные цели, задачи и этапы формирования в Беларуси полноценной и эффективной системы социально-правового контроля девиаций, призванной обеспечить согласованность и целостность усилий государственных и общественных структур в процессе совместной деятельности, а также определяющего перспективные направления развития указанной системы на основе научно обоснованных инновационных подходов.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

2. Лукашов, А.И. Ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения и за иные действия, связанные с управлением транспортным средством в таком состоянии (ч. 1) / А.И. Лукашов // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

3. Письмо М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 16 апр. 2009 г., № 02-2-11/1206

4. Максимчук, В.П. Профилактика и лечение больных наркоманией // Официальный сайт Министерства здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2009. – Режим доступа: http://www.minzdrav.by. – Дата доступа: 25.12.2011.

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Об участии граждан в охране правопорядка: Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г. № 214-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

7. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г. № 165-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

8. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г. № 263-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

9. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г. № 414-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.07.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

10. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 453-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

11. Об утверждении Инструкции о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества и Положения о подростковом наркологическом кабинете: постановление М-ва здравоохр. Респ. Беларусь, 1 авг. 2003 г. № 38: в ред. постановления М-ва здравоохр. Респ. Беларусь от 17.12.2007 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

12. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 408-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

13. Об утверждении Программы национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 янв. 2011 г. № 27// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

14. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 окт. 2008 г. № 1634 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

15. Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г. № 644: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.09.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

16. О Межведомственном совете по предупреждению и профилактике пьянства, алкоголизма, наркомании и потребления табака при Совете Министров Респ. Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 дек. 2003 г. № 1691: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.06.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

Эффективная профилактика правонарушений, пьянства, наркомании и других девиаций невозможна без активного участия широких кругов общественности. Вместе с тем одной из значимых проблем эффективности предупредительной деятельности в Республике Беларусь является недостаточный уровень взаимодействия государственных и общественных структур при ее осуществлении.

В статье на основе анализа правового регулирования взаимодействия государства и общества в сфере предупреждения наиболее деструктивных форм социальных девиаций высказаны рекомендации по реализации на практике соответствующих положений законодательства, а также по формированию в Беларуси полноценной и эффективной системы социально-правового контроля девиантного поведения.

Effective preventive measures of deviation are impossible without active participation of the community. The meaningful problem preventive activity of deviation in Byelorussia is inadequate level of interaction state and social structures.

In article on the basis of the complex analysis of norms of the legislation in sphere of preventive maintenance of offences in Byelorussia recommendations to form effective system of the socially-legal control of deviation in Byelorussia are offered.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИЗНАК ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Станкевич О.Г., Вегера И.В., Ремнева Т.И.

Одним из необходимых условий эффективности предупреждения экологической преступности является глубокое познание ее существенных признаков и, прежде всего, адекватное понимание ее общественной опасности, поскольку «…в ходе совершения экологических преступлений наступают такие последствия, которые оказывают влияние не только на конкретного индивида, а и на все общество, причем характер таких последствий настолько непредсказуем, что это может привести к экологической катастрофе, которая повлечет за собой уничтожение человечества как вида» [1]. Вместе с тем мы наблюдаем явную недооценку данного признака экологической преступности не только на уровне обыденного сознания, но и на общегосударственном уровне. Подтверждением сказанного является, в частности, отсутствие в закрепленном Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь перечне источников угроз национальной безопасности в экологической сфере такого источника как экологическая преступность.

Необходимость специального исследования категории общественной опасности экологической преступности продиктована потребностями как законотворческой, так и правоприменительной практики. Так, социально обусловленная потребность в криминализации новых видов экологических преступлений, с одной стороны, и отсутствие в действующем уголовном законодательстве норм, предусматривающих ответственность за некоторые экологические преступления (экологический терроризм, биоцид, трансграничные

перевозки особо опасных веществ, загрязнение территории сопредельных государств, международных нейтральных вод и др.), с другой стороны, указывают на необходимость разработки для законодателя научно обоснованного подхода к пониманию всех характеристик общественной опасности экологических преступлений. На правоприменительном уровне данный подход обеспечит их правильную квалификацию, которая, в свою очередь, является важнейшим фактором в решении вопроса об уголовной ответственности за совершенное преступление.

Не менее важным является вопрос об уяснении общественной опасности экологической преступности каждым членом общества в целях формирования должного уровня экологической культуры.

Не вызывает сомнений, что высокая степень общественной опасности экологической преступности заключается, прежде всего, в причинении вреда широкому и разнообразному кругу объектов, что подрывает саму основу жизнедеятельности человека. Однако решение указанных выше проблем противодействия экологической преступности требует рассмотрения данного признака с позиций интегрированного криминологического подхода, согласно которому общественная опасность экологической преступности состоит из качественной и количественной характеристик и «…не сводится к сумме вредных единичных последствий, к сумме причиненного экологического и экономического вреда, а также вреда здоровью людей, хотя эта составная часть общественной опасности наиболее очевидна и ощутима» [2].

Социальные ценности, которым противопоставляется данный вид преступности, пронизывает жизнедеятельность всего социального организма. Таким образом, качественная сторона общественной опасности экологической преступности выражается в ее негативном влиянии на все институты общества. Экологическая преступность наносит существенный вред экологическим интересам общества, нарушает гарантированное Конституцией Республики Беларусь право каждого на благоприятную окружающую среду, подрывает уважение к природоохранительному законодательству, снижает уровень безопасности населения. В результате совершения экологических преступлений нарушается нормальное функционирование естественных экологических систем, озонового слоя атмосферы, наносится вред атмосферному воздуху, земле, ее недрам, поверхностным и подземным водам, лесам и иной растительности, животному миру и т. д.

Качественную сторону общественной опасности характеризует и такое свойство экологической преступности, как длящийся характер ее негативных последствий. Известно, что настоящее в экологии, включая наличие острых экологических проблем, больше чем в каких-либо других сферах общественной жизни, сохраняет в себе следы отдаленного прошлого, тех действий, которые совершались предшествующими поколениями. То есть объективный характер природных процессов не проявляется моментально. Это означает, что экологические преступления в долгосрочной перспективе могут иметь последствия, отличные от тех, которые проявляются немедленно. Таким образом, первона-

чально результат может быть и незаметен, однако в дальнейшем причиненный вред становится все более ощутимым и зачастую необратимым, проявляясь в изменении климата, исчезновении представителей флоры и фауны, исчерпании природных ресурсов, генетических и хронических болезнях. Необходимо также заострить внимание на том, что ущерб наносится не одному человеку, а неопределенному количеству лиц. Исследование и учет данной особенности имеет принципиальное значение для деятельности по предупреждению экологической преступности. Нормотворческие и правоохранительные органы государства, разрабатывая и принимая общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения, должны учитывать то обстоятельство, что сколь бы потенциально эффективными не были эти меры, их действие не может тотчас изменить соответствующие экологические отношения, направить их в необходимое русло. Предполагаемый эффект наступает с определенной отсрочкой.

Качественная характеристика общественной опасности экологической преступности проявляется в ее трансграничном характере. Смываются границы между государствами, и таким образом экологическая преступность приобретает транснациональные масштабы, поскольку «различные типы загрязнений окружающей среды зачастую распространяются на громадные трансконтинентальные пространства» [3, с. 258]. Такая специфика экологической преступности, ее общественной опасности требует объединения усилий всего международного сообщества для создания эффективной системы противодействия соответствующим преступным посягательствам и сопротивления тем самым экологическому кризису. При этом одной из негативных тенденций последнего времени является переход экологической преступности в статус профессиональной, а затем организованной, при наличии благоприятных тому условий.

Количественная характеристика общественной опасности экологической преступности выражается в ее степени и учитывается законодателем как в санкциях, так и в содержании ответственности за совершенное деяние [2]. Для этого используются количественные параметры – размеры причиненного вреда, набор разнообразных квалифицирующих признаков и др.

В юридической литературе существуют различные мнения относительно понимания вреда экологической преступности. Вместе с тем многие исследователи едины в том, что вред природной среде по его последствиям можно разделить на экономический и экологический. Экономический вред причиняется экономическим интересам природопользователя: его выражением могут быть потери товарной продукции, упущенная выгода, вынужденные расходы на восстановление имущества и нарушенного состояния природной среды. Под вредом природной среде (экологическим) понимаются негативные изменения и последствия снижения качества природных ресурсов и среды обитания человека, биологического разнообразия и биопродуктивности природных компонентов, а в результате – снижение эколого-ресурсного потенциала.

Мы солидарны с Л.О. Красавчиковой, которая помимо имущественного и физического вреда также выделяет вред моральный. Так, встречаются ситуации, когда имущественные права вообще не претерпевают какого-либо воздействия неблагоприятной окружающей природной среды, однако уровень качества жизни человека снижается. К примеру, если гражданин лишен возможности купаться в реке из-за высокой степени ее загрязненности промышленными, бытовыми и другими отходами, происходит нарушение его конкретного субъективного личного неимущественного права на благоприятную окружающую среду. В таком случае можно говорить о возмещении морального вреда [4, с. 39].

Итак, общественную опасность экологической преступности можно рассматривать исходя из деления экологического вреда на три составляющие: экогенный вред, экономический вред и вред моральный. Такой подход, тем не менее, предполагает рассмотрение лишь реального вреда природе и обществу, причиненного экологическими преступлениями. Однако высокая общественная опасность экологической преступности обусловлена причинением не только реального, но и «потенциального», «накапливаемого» вреда, который невозможно будет устранить используемыми в настоящее время методами (установлением ответственности, природовосстановительными мероприятиями). Необратимые изменения в природе, исчезновение отдельных представителей флоры и фауны, мутации человеческого организма – тому подтверждение. Такое рассмотрение общественной опасности экологической преступности правомерно акцентирует внимание на особой сложности проблемы ее предупреждения.

Исходя из анализа норм гл. 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь вред, являющийся последствием экологических преступлений, можно разделить на экологический вред первичного и вторичного характера [5]. Примером вреда первичного характера может быть загрязнение леса, загрязнение либо засорение вод, загрязнение атмосферного воздуха, уничтожение либо повреждение леса, уничтожение либо повреждение торфяников. Вред окружающей среде может выражаться в загрязнении компонента окружающей среды и уничтожении либо повреждении природных объектов. Загрязнение окружающей среды – поступление в компоненты природной среды, нахождение и (или) возникновение в них в результате вредного воздействия на окружающую среду вещества, физических факторов (энергия, шум, излучение и иные факторы), микроорганизмов, свойства, местоположение или количество которых приводят к отрицательным изменениям физических, химических, биологических и иных показателей состояния окружающей среды, в том числе к превышению нормативов в области охраны окружающей среды [6].

Под вредом вторичного характера понимается имущественный вред или вред, причиненный жизни и здоровью человека. Следует сказать, что такой вред не всегда имеет производный характер (например, ст. 266 «Прием в эксплуатацию экологически опасных объектов»).

Количественная сторона общественной опасности экологической преступности проявляется не только через сам факт причинения вреда. Она заключается также в низком уровне его возмещения в рамках привлечения к юридической ответственности. Так, штраф, который уплачивает юридическое лицо за загрязнение воздуха, воды, лишь частично возмещает ущерб, причиненный природе и человеку. Таким образом, юридическая ответственность не в полной мере реализует свою правовосстановительную функцию. Данное обстоятельство, в свою очередь, существенно снижает эффективность предупреждения экологической преступности: возможность уйти от ответственности либо недостижение требуемых целей юридической ответственности разрушает экологическое сознание общества и способствует дальнейшему совершению преступлений.

Количественную характеристику общественной опасности экологической преступности дополняет многообразие экологических преступлений. В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года имеется специальная гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды», предусматривающая ответственность за двадцать два преступления против экологической безопасности и природной среды. В отличие от Уголовного кодекса БССР 1960 года в действующий Уголовный кодекс законодатель включил новые составы преступлений (в частности, ст. 263 «Умышленное уничтожение либо повреждение особо охраняемых природных объектов», ст. 266 «Прием в эксплуатацию экологически опасных объектов», ст. 268 «Сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды», ст. 275 «Загрязнение леса», ст. 278 «Нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами» и др.).

Следует отметить, что уголовная ответственность за правонарушения в области экологических отношений предусмотрена не только статьями гл. 26, но и другими нормами Уголовного Кодекса (например, ст. 131 «Экоцид», ст. 136 «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов», ст. 303 «Нарушение правил безопасности горных или строительных работ», ст. 305 «Нарушение проектов, норм и стандартов при производстве строительно-монтажных работ», ст. 308 «Несообщение информации об опасности для жизни людей», ст. 320 «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов», ст. 326 «Нарушение правил радиационного контроля», ст. 336 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»). Все эти нормы в той или иной степени направлены на защиту, помимо своего непосредственного объекта, также и экологических отношений.

Выделение в отдельную главу Уголовного кодекса преступлений против экологической безопасности и природной среды свидетельствует об изменении взглядов на степень общественной опасности вторжения человека в окружающую среду, о критической оценке ее современного состояния. Однако следует констатировать, что процесс совершенствования уголовного зако-

нодательства объективно отстает от реальных общественных отношений. Опережающее развитие экологической преступности (появление новых видов экологически опасной деятельности) ставит вопрос о необходимости введения в уголовное законодательство норм, предусматривающих ответственность за некоторые преступления, связанные с сохранением генофонда растительного и животного мира, экологический терроризм, биоцид, трансграничные перевозки особо опасных веществ, загрязнение территории сопредельных государств, международных нейтральных вод [7, с. 43].

Согласно статистическим данным наиболее распространенными среди всех преступных посягательств на окружающую природную среду являются незаконная добыча рыбы или других водных животных (ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь), незаконная охота (ст. 282 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 277 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Начиная с 2011 года, количество совершенных преступлений по данным статьям постепенно сокращается. Кроме того, по итогам 2012 года не было совершено ни одного преступления, предусмотренного ст.ст. 271–275, 263, 265, 284 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако поскольку экологические преступления в большинстве своем носят латентный характер, следует иметь в виду определенную условность статистических данных, которые, как мы понимаем, весьма слабо соотносятся с реальным состоянием охраны окружающей среды.

Характеризуя количественную сторону общественной опасности экологической преступности, необходимо отметить, что большое количество зарегистрированных экологических преступлений не раскрывается. Из-за проблем с доказыванием, установлением причинно-следственной связи между совершенным деянием и экологически опасными последствиями судебная практика по данной категории дел ограничена. Наказания же, назначаемые судом, зачатую оказываются несоразмерными с содеянным, особенно если это касается промышленной деятельности субъектов хозяйствования, повлекшей причинение ущерба в крупном и особо крупном размере, что вызывает критику и недовольство со стороны общественности.

Вышесказанное свидетельствует о том, что один из основных принципов уголовного права – «неотвратимость ответственности» – в деятельности по противодействию экологической преступности реализуется далеко не в полной мере. Вместе с тем именно данный принцип в исследуемой области общественных отношений обладает значительным превентивно-воспитательным потенциалом.

Заключение. Экологическая преступность представляет собой результат взаимодействия человека и природы, отражает содержание процессов жизни людей в существующих природных условиях. Она имманентно присуща обществу. Однако угроза, которую несет экологическая преступность человечеству, ставит общество перед необходимостью формирования единой системы обеспечения всеобщего соблюдения экологического законодательства. Недостаточное осознание степени и содержания ее общественной опас-

ности снижает внимание к вопросам противодействия экологической преступности, что в перспективе может лишить смысла все попытки решения иных социальных проблем.

Общественную опасность как признак экологической преступности нельзя рассматривать только как совокупность единичных вредных последствий, экологического и экономического вреда, вреда здоровью человека. Оценка ее характера и содержания должна даваться на основе системного подхода, объединяющего все ее характеристики. Кроме того, определение общественной опасности должно основываться не только на анализе реально причиняемого вреда и его видов, но и с учетом существования «накапливаемого» вреда, а также проблем его предотвращения либо потенциального возмещения.

Высокая степень общественной опасности экологической преступности обусловлена всей системой ее криминологических особенностей, сопряженных с экологическим риском и длящимся характером негативных последствий, постоянным расширением круга преступных посягательств, высокой латентностью, трансграничным характером, негативным влиянием на все институты общества.

Список цитированных источников

1. Тангиев, Б.Б. «Экологическая девиантология»: эколого-криминогенные девиации / Б.Б. Тангиев // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та ГПС МЧС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V22/15.pdf. – Дата доступа: 10.09.2013.

2. Джунусова, Д.Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления / Д.Н. Джунусова. – М.: ИД Академии Естествознания, 2012. – 136 с.// Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.monographies.ru/176. – Дата доступа: 10.09.2013.

3. Тангиев, Б.Б. Транснациональная экологическая преступность: причинный и детерминационный комплекс глобализации / Б.Б. Тангиев // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2007. – № 4 (36). – С. 131–140.

4. Клетнева, Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Г. Клетнева. – Казань, 2007. – 260 с.

5. Марчук, В.В. Экологический вред, как последствие преступления против экологической безопасности и природной среды / В.В. Марчук // Оф. сайт Белорус. гос. ун-та [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.bsu.by/pub/11/Marchuk_27.pdf. – Дата доступа: 08.09.2013.

6. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-XII, с изм. и доп.: текст по состоянию на 22 дек. 2011 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – 2/1878.

7. Ермолинский, П. Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства в области охраны окружающей среды / П. Ермолинский // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 11. – С. 41–44.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье рассматривается основополагающий признак экологической преступности – ее общественная опасность. Исследование общественной опасности продиктовано необходимостью противодействия экологической преступности, которое является необходимым условием обеспечения экологической безопасности Республики Беларусь. Использование авторами интегрированного криминологического подхода позволило раскрыть качественные и количественные характеристики общественной опасности экологической преступности. Особое внимание уделяется вопросу о понимании категории «экологический вред» и составляющих ее элементов. Ставится вопрос о необходимости усиления уголовно-правовой защиты общественных отношений в области экологической безопасности. Рассматривается проблема реализации принципа неотвратимости ответственности в деятельности по противодействию экологической преступности. Обосновывается вывод о том, что высокая степень общественной опасности экологической преступности обусловлена всей системой ее криминологических характеристик (длящийся характер негативных последствий, многообразие экологических преступлений, высокий уровень латентности, трансграничный характер, негативное воздействие на все институты общества).

The article analyzes a fundamental characteristic of ecological criminality – its social danger. Countering ecological criminality as a necessary condition for ensuring the ecological security of the Republic of Belarus increasingly determined whether researching of social danger could be intensified. As a result of using integrated criminological approach it has been identified qualitative and quantitative characteristics of social danger of ecological criminality. Particular attention is given to understanding of category “ecological harm” and its components. The fact that it’s necessary to intensify criminal legal defense of social relations in ecological safety is stressed. Authors point out some problems of certainty of punishment realization while countering ecological criminality. It is shown that a high degree of the social danger of ecological criminality is caused by the whole system of criminological features: the negative effects of a continuing character, the variety of ecological crime, high latency, a significant influence of the region on the structure and dynamics of ecological crimes, its cross-border nature.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тищенко В.И., Чирков Д.К.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537, установлено, что главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать, в том числе совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения преступности, а также создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений. Создание такой государственной системы профилактики осуществимо на основе разработки и принятия комплекса базовых федеральных законов профилактической направленности.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасно-

сти относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения. Таким образом, вопросы, связанные с предупреждением преступности, определяются как на общегосударственном уровне, так и на уровнях субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. В этой связи система профилактики является трехуровневой и должна регламентироваться нормативными правовыми актами, принятыми на каждом из указанных уровней, что позволяет осуществлять соответствующее законотворчество с учетом региональных особенностей. При этом правовой основой законотворчества профилактической направленности в регионах помимо Конституции Российской Федерации также выступают собственные конституционно-правовые акты (Конституции республик, уставы краев и областей).

На федеральном уровне неоднократно предпринимались попытки разработать и принять законодательные акты общей направленности о предупреждении преступлений, которые заканчивались неудачами, и сегодня такое правовое регулирование отсутствует, что является серьезным пробелом отечественного законодательства. Проекты базовых федеральных законов «О государственной системе профилактики преступлений и иных правонарушений в Российской Федерации», а также «Об участии населения в профилактике правонарушений, общественном контроле и оценке гражданами эффективности правоохранительной деятельности» неоднократно представлялись в Государственную Думу Российской Федерации, однако ни один из них не стал законом. Следствием этого является не только слабая разработанность концептуальных основ предупреждения преступности как важнейшего, приоритетного элемента уголовной политики, но и определение на федеральном уровне форм и методов профилактической деятельности, компетенции, прав и ответственности общественных объединений, участвующих в охране общественного порядка, установленных законом прав и гарантий граждан, входящих в общественные объединения правоохранительной направленности.

О важности принятия базовых федеральных законов профилактической направленности свидетельствует принятие в 1999 году федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который дал мощный импульс для регионального правотворчества – разработки и принятия в его развитие региональных законодательных актов субъектов Российской Федерации. В последующий пятилетний период практически во всех субъектах Российской Федерации были приняты региональные и муниципальные нормативные правовые акты, отразившие местные особенности предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на соответствующих территориях.

Таким образом, устранение пробельности в системе федеральных нормативных правовых актов профилактической направленности является одной из важнейших мер совершенствования правовых основ деятельности органов госу-

дарственной власти по улучшению криминогенной обстановки мерами предупреждения правонарушений, поскольку такая пробельность объективно не способствует дальнейшему развитию профилактической деятельности в субъектах Российской Федерации и на уровне органов местного самоуправления.

Другим существенным фактором, значительно снижающим эффективность предупреждения преступности в регионах и на местах, является противоречивость и непоследовательность правовых норм профилактической направленности, которые были включены в различные отрасли российского законодательства, что выразилось в том, что, например, в вопросах предупредительной деятельности Президент Российской Федерации демонстрирует один подход к ключевым понятиям и мерам в этой сфере, а законодатели – иной. Это расхождение особо наглядно проявилось при сопоставлении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и положений, закрепленных в указах Президента Российской Федерации, действовавших в то время, с которыми законодатели обязаны были считаться.

Так, действовавшая в то время Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300, среди важнейших задач в области борьбы с преступностью в первую очередь называла *«выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность»*.

Аналогичный подход был проявлен еще ранее в Указе Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567, утвердившем Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В этом правовом акте прямо указывается, что повышение эффективности борьбы с преступностью реализуется путем разработки и осуществления правоохранительными органами *«согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению»*.

УПК РФ исключил предупреждение преступлений из числа задач уголовного судопроизводства, значительно сузил процессуальные рамки реагирования государственных органов и должностных лиц на обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений. Подобная позиция законодателя находится в явном противоречии и с идеологией уголовного законодательства. Так, ст. 2 УК РФ в числе основных его задач называет предупреждение преступлений. Идея предупреждения преступлений пронизывает и другой предмет уголовного законодательства – наказание. Например, ст. 43 УК РФ в числе основных его целей называет предупреждение совершения осужденным новых преступлений.

В части предупреждения преступлений УПК РФ противоречит и базовым положениям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Так, ст. 1 УИК РФ в числе основных целей уголовно-исполнительного законодательства называет предупреждение совершения преступлений. Идея предупреждения преступлений красной нитью проходит и по другим разделам УИК РФ.

Противоречивость УПК РФ еще более очевидна, если сравнить его с предупредительным потенциалом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который содержит специальную норму (ст. 19.6), устанавливающую административную ответственность в виде штрафа за непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения. Кроме того, этот Кодекс содержит специальную норму (ст. 29.13), определяющую, что *«судья, орган, должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствующих его совершению, вносят в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий»*. Здесь же закрепляется и обязанность соответствующих организаций и должностных лиц рассмотреть указанное выше представление и в течение месяца сообщить о принятых мерах инициатору.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что помимо устранения пробельности федерального законодательства еще одним из важнейших направлений совершенствования правовых основ деятельности органов государственной власти по улучшению криминогенной обстановки мерами предупреждения правонарушений является устранение противоречивости федерального законодательства.

В настоящее время в ряде субъектов Российской Федерации сформированы и действуют региональные системы профилактики правонарушений на основе собственного видения системы функционирования комплексной профилактики правонарушений. Определенное внимание законодателей в регионах привлекает проблема *участия населения в обеспечении общественного порядка*. Например, в г. Москве в 2001 году был принят закон «Об участии жителей Москвы в охране общественного порядка». Региональные законодательные акты аналогичной направленности также приняты в некоторых других субъектах Российской Федерации. В качестве примера следует назвать законы «Об участии населения в охране общественного порядка на территории Алтайского края» (2000), «Об участии граждан и общественных объединений в охране общественного порядка на территории Томской области» (1997), «О народных дружинах в Чувашской Республике» (2003), «Об общественных органах правоохранительного характера в Республике Башкортостан» (1997), «Об участии граждан в охране общественного порядка в Республике Бурятия» (1997). Аналогичные законы также приняты в Санкт-Петербурге, Архангельской, Тюменской областях и других регионах страны.

Характеризуя содержание этих документов, следует отметить их содержательную бедность и взаимоподражание, продиктованные тем, что на федеральном уровне отсутствует соответствующий законодательный акт, который бы определил права и ответственность дружинников и иных представителей общественности в процессе охраны общественного порядка, устанавливал формы и методы деятельности населения в обеспечении общественного порядка.

В заключение, оценивая современное состояние регионального законодательства, регулирующего вопросы предупреждения преступлений, следует прийти к выводу о его фрагментарности. Приведенные выше отдельные примеры принятия законодательных актов профилактической направленности свидетельствуют, по нашему мнению, об отсутствии у законодателей системного видения проблемы, стремлении использовать имеющийся законодательный опыт других регионов без критической его оценки. На сегодняшний день в стране нет ни одного субъекта Российской Федерации, в котором бы был определен комплекс законодательных актов, регламентирующих основные направления профилактической деятельности, и проводилась последовательная работа по их разработке и принятию.

Обращает на себя внимание стремление наряду с комплексным планированием борьбы с преступностью параллельно разрабатывать частные программы борьбы с отдельными видами преступлений. В результате складывается ситуация множественности нормативных предписаний, регламентирующих деятельность сотрудников правоохранительных органов, которым помимо индивидуальных планов работы, а также планов работы подразделений, где они работают, необходимо выполнять работу, вытекающую из разнообразных нормативных правовых актов, принятых на уровне субъекта Российской Федерации, а также на уровне местного самоуправления. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос об оптимизации количества и видов комплексных программ, включая целевые программы.

В заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время фактически утрачен былой приоритет предупреждения преступности в ряду основных направлений борьбы с нею. Об этом свидетельствуют не только противоречия в действующих нормативных правовых актах, о чем отмечалось выше, но и то, что ни в одном из основополагающих документов нынешнего времени четко не заявлено о приоритете профилактической деятельности в стратегии борьбы с преступностью.

Кроме того, необходимо возродить практику принятия и реализации федеральных комплексных программ борьбы с преступностью. Помимо мер совершенствования правового и организационного характера, что практиковалось ранее, в них нужно найти место поиску новых форм и методов профилактической работы. Отсутствие комплексной системы программирования предупреждения преступности может оказаться главной причиной роста тяжких и особо тяжких преступлений.

В связи с этим возникает главный вопрос о деятельности органов прокуратуры как основного организатора по координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью, так и надзорного органа при осуществлении данной деятельности всеми субъектами профилактики.

Список цитированных источников

1. Алексеев, А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. – М.: НОРМА, 2001.

2. Антонян, Ю.М. Особенности характеристики специально- криминологических мер индивидуального предупреждения преступлений // Теоретические основы предупреждения преступности / Ю.М. Антонян, Г.М. Миньковский. – М., 1977.
3. Гирько, С.И. Прогноз криминальной ситуации в России / под общ. ред. С.И. Гирько. – М.: ВНИИ МВД России, 2011.
4. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998.
5. Криминология и основы профилактики преступлений: учеб. пособие / под ред. Г.Ф. Лукьяницы, С.В. Шестакова, Д.К. Чиркова. – Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2000.
6. Криминология: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА–ИНФРА·М, 2000.
7. Устинов, В.С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика: учеб. пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1983.
8. Устинов, В.С. Наиболее значимыми являются следующие монографии: Методы предупредительного воздействия на преступность. – Горький, 1990.
9. Яковлев, А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. – Горький, 1971.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В работе автор рассматривает актуальные на сегодня вопросы в части предупреждения преступности. В статье делается анализ как федерального, так и регионального законодательства по профилактике преступлений и дается оценка их эффективности.

In work the author considers questions actual for today regarding the crime prevention. In article the analysis both federal becomes, and the regional legislation on prevention of crimes and the assessment of their efficiency is given.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА НОРМАЛЬНОЕ НРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Топорикова О.О.

При рассмотрении вопроса криминологической характеристики личности несовершеннолетнего, потерпевшего от преступлений против половой неприкосновенности и общественной нравственности, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, следует изучить как общие характеристики личности потерпевшего несовершеннолетнего, так и причины и условия, способствовавшие совершению преступных посягательств. Для многих подростков то обстоятельство, что они стали жертвой преступления, не случайно, а обусловлено их поведением, личностными особенностями (в том числе и возрастными), условиями воспитания и жизненным опытом, т. е. наличием тех или иных виктимных предрасположенностей. В этой связи анализ виктимного поведения несовершеннолетнего потерпевшего позволит выделить социальные и индивидуально-

психологические детерминанты, обусловливающие виктимное поведение подростков, определить основные поведенческие характеристики, а также раскрыть детерминацию преступлений, посягающих на нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних в сети Интернет. При проведении оценки процессов виктимизации несовершеннолетних в сети Интернет следует исходить из положения, что существуют различные виды преступных посягательств. В данной статье особое внимание предполагается уделить процессам виктимизации несовершеннолетних от распространения порнографической продукции в сети Интернет, а также иным посягательствам на нравственность несовершеннолетних (например, вовлечение ребенка в сексуальные отношения через Интернет). В этой связи предполагается рассмотреть три вида преступных посягательств на нравственность и половую неприкосновенность несовершеннолетних в сети Интернет: распространение порнографии, вовлечение в изготовление порнографии, вовлечение в сексуальные отношения.

Неограниченное распространение порнографической продукции, в том числе в сети Интернет, как вид девиантного поведения, относится к категории так называемых «преступлений без жертв».

По результатам исследования, проведенного в 2010–2011 годах Городским общественным объединением по предупреждению жестокого обращения с детьми «Дети – не для насилия» фактически всем опрошенным детям в возрасте от 12 лет до 21 года (90,5 %) знакомо слово «порнография». Вместе с тем понимание содержания данного термина показали менее половину опрошенных (41,3 %). В основном подростки и дети связывают порнографию с изображением обнаженного тела и демонстрацией сексуальных сцен в кино, на фото, в клипах. В возрастной группе детей 12–13 лет на вопрос, что такое порнография, ответил каждый 4-й. Так, дети считают, что порнография это – обнаженные тела людей, совершающие сексуальные действия, «люди входят в половую связь», «изображения с голыми людьми», «фото и видео обнаженных людей», «извращенство», «там де показывают людей голыми» [1, с. 13]. Как следует из ответов опрошенных, большинство детей и подростков (около 60 %) видели порнографические изображения, причем среди детей 12 лет – 35 %. Основным источником, из которого несовершеннолетние знакомятся с порнографическими материалами, является Интернет – на него, по данным исследования, указали 34,3 % опрошенных. Затем следуют видеофильмы (30,5 %), журналы (22,8 %), мобильный телефон (18,2 %), фотографии (7,9 %) и книги (4,4 %) [1, с. 14].

Как показывают результаты исследования, более половины респондентов (53,2 %) свое знакомство с порнографическими изображениями объясняют случайностью: «увидел во время просмотра кино, видеофильмов, телепередач», «в Интернете всплывает реклама, предлагающая перейти на сайт с порнографическими изображениями». Незначительное число детей и подростков (7 %) указали, что им предложили посмотреть порнографические фото друзья, еще меньше (3,5 %) – искали порнографические снимки сами [1, с. 15].

В большинстве случаев свои чувства при виде порнографии несовершеннолетние определяют как «неловкость» (27,2 %), «стыд» (13,1 %), «страх» (7,6 %). Дети указывали, что порнографические снимки вызывали у них ненависть, злость, ужас, брезгливость. Вместе с тем 13,1 % испытали «любопытство» и 7,6 % – интерес, и 20 % ответили – «ничего особенного», что показывает на достаточно интенсивное знакомство детей с порнографической продукцией, под влиянием которой у них сформировалось искаженное восприятие нормальности и обыденности поведения, отображаемого в порнографических материалах.

Очевидно, что неконтролируемое распространение порнографической продукции в компьютерной сети Интернет или при помощи иных телекоммуникационных технологий создает условия, при которых осуществляется первичная виктимизация несовершеннолетних. При этом несовершеннолетними усваивается подобное антисоциальное поведение, что влечет реализацию ими в последующем девиантного, в том числе девиантного виктимного, поведения. Подобный приобретенный опыт ведет не только к рецидиву виктимности, но и к последующему преступному поведению. Причины и условия данного социального явления Эдвин Х. Сазерленд [2] объяснял существованием «дифференцированной ассоциации»[1], а С.Ф. Воискунский – влиянием на поведение человека Интернета как особой психологической сущности [3].

Следующей рассматриваемой категорией является «вовлечение несовершеннолетних в изготовление порнографии посредством использования информационных и телекоммуникационных технологий».

Проведенное в 2010–2011 годах Городским общественным объединением по предупреждению жестокого обращения с детьми «Дети – не для насилия» [1, с. 19] исследование по проблеме торговли людьми с целью детской порнографии, показывает, что преступная деятельность по вовлечению несовершеннолетних в изготовление порнографии глубоко латентна. Так, согласно данным исследования на вопрос «Предлагали ли тебе, твоим друзьям (знакомым) сфотографироваться в обнаженном виде?» подавляющее большинство несовершеннолетних дало отрицательный ответ (90,7 %). Положительный ответ дан 7 девушками 15–17 лет. Однако при этом большинство указало, что подобные предложения чаще всего поступают от незнакомых людей (56 %), от друзей, знакомых ровесников (9,2 %) или от знакомых взрослых (2,6 %). Получить приглашение к съемке в обнаженном виде можно, как полагают респонденты, «везде»: во дворе, на улице (6,8 %), в школе (2,8 %) и в квартире (6,7 %). При этом большинство подростков указало, что чаще всего такое приглашение можно получить по Интернету (23,7 %) [1, с. 17]. Более того, на вопрос «Если ты или твои друзья снимались обнаженными, то сколько раз это происходило?», 21,2 % (из учащихся) и более половины воспитан-

[1] По мнению Эдвина Х. Сазерленда, человек, объединяя себя с какой-либо из социальных субкультур общества, носители которых могут реализовывать в том числе криминальное поведение, для реализации одних и тех же целей, в том числе законопослушны, усваивает различные типы поведения, но при этом избирает противоправные способы достижения поставленных целей.

ников воспитательно-трудового учреждения для несовершеннолетних дали утвердительный ответ. Причем 12,5 % выбрали ответ «1–2 раза», 7,1 % – несколько раз, и 1,6 % – регулярно. При этом причины, по которым несовершеннолетние соглашаются сняться обнаженными, различны. Так, у большей части несовершеннолетних при принятии решения решающими мотивами было то, что это «круто, модно, интересно», «из желания прославиться» – 22,8 % . Данное обстоятельство указывает на глубокое усвоение отклоняющегося поведения несовершеннолетними и принятии его за норму, что позволяет говорить о наличии ролевой виктимности указанной группы несовершеннолетних. Фактически такое же число несовершеннолетних (18,4 %) участвовали в изготовлении порнографии по принуждению (их заставляли, угрожали и т. д.), и 14,6 % из корыстного мотива (за это расплачиваются деньгами или чем-то иным). Результаты приведенного социологического опроса в целом коррелирует с данными правоприменительной практики о жертвах преступлений по ст.ст. 166,167, 169, 343 и 343^1 УК. Значительное число преступных посягательств в виде изготовления порнографии и, соответственно, совершения сексуальных действий в отношении несовершеннолетних, было обусловлено наличием негативных социальных детерминант виктимности несовершеннолетних (негативными стратегиями семейного воспитания, отсутствием социальной поддержки, наблюдение или переживание фактов насилия, низкий социально-экономический статус семьи). Следует обратить внимание, что при изготовлении порнографических материалов происходит «двойная виктимизация» несовершеннолетних. Вред несовершеннолетнему причиняется не только при участии в изготовлении порнографии, но и при их последующем распространении, что может иметь дополнительное долгосрочное влияние на жертву (как в социальной жизни ребенка, так и в его психическом и физическом здоровье). Дети, снимающиеся в порнофильмах, начинают воспринимать себя как товар, который можно продать, реагируют на происходящее с ними, как будто они неодушевленные предметы. Дети, вовлеченные в порнографию, нередко находят потом ей замещение в виде наркотиков или проституции. Более того, дети, подвергавшиеся сексуальной эксплуатации, став взрослыми, часто начинают проделывать то же самое с другими детьми [4].

Результаты исследования показывают, что при совершении преступлений, связанных с изготовлением и распространением порнографии с участием несовершеннолетним, потерпевшими наиболее чаще оказываются лица женского пола (88 %).

В доктринальных источниках, рассматривающих вопросы детской порнографии, чаще всего встречается тезис о том, о повышенной виктимности несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, которые в силу возрастных и физических особенностей имеют недостаточные знания, жизненный опыт, не способны осознавать характер и социальную значимость как своего поведения, так и других лиц, при этом очень легко расширяют круг общения, стремятся к демонстрации взрослости, самостоятельности и независимости от взрослых. Легко вступают в контакт с теми, кто эту самостоятельность в них признает и

одобряет. В тоже время они не готовы к встрече с нравственно испорченными людьми, легко подчиняющими их себе [6, с.113].

Вместе с тем последнее исследование Американской ассоциации онлайн виктимизации несовершеннолетних (The US National Juvenile Online Victimization stydy) показало, что сложившийся стереотип о том, что в онлайн-жертвами, как правило, являются дети, которые невинны и легковерны, уже не отвечает действующим реалиям. Большинство интернет-жертв, которое инициировало сексуальные преступления, были в возрасте 13–14 лет. Они знали, что разговаривают со взрослыми и осознавали мотивы онлайн-преступников [7, с. 629].

Европейские исследования также показали, что подростки являются более уязвимыми быстрее могут стать жертвой преступных посягательств в Интернете, чем маленькие дети. Этот факт можно объяснить тем, что, во-первых, потребление средств массовой информации деформировало привычки детей младшего возраста, во-вторых, использование телекоммуникационных устройств малолетними в некоторой степени ограничено, и более игроориентировано, и чаще контролируется родителями или педагогами. При этом девушки более вероятно будут являться объектами преступных посягательств в сети, чем мальчики Возможное объяснение заключается в том, что девушки взрослеют раньше, используют сайты социальных сетей более интенсивно и чаще общаются на этих сайтах. Кроме того, девушки, как правило, более откровенны и доверчивы в общении с незнакомыми людьми, оставляют свои полные персональные данные и контакты в социальных сетях. Проведенные зарубежными учеными исследования показали, что 25 % молодых людей взаимодействовали и делились информацией с незнакомыми людьми в Интернете, и 5 % сообщили, что они разговаривали с незнакомцами онлайн с сексуальным подтекстом, около 9 % подростков познакомились в Интернете [7].

Таким образом, дополнительными факторами вовлечения несовершеннолетнего в сексуальные отношения посредством использования информационных технологий являются: низкая самооценка, одиночество, опасное (рискованное) поведение в сети и наличие семейных проблемам. Подростковый возраст является важным этапом для развития личности несовершеннолетнего. На этом этапе подростки должны научиться справляться с риском подобных ситуаций, возникающих в сети Интернет.

В заключение можно сделать следующие выводы: неконтролируемое распространение порнографической продукции в компьютерной сети Интернет или при помощи иных телекоммуникационных технологий создает условия, при которых осуществляется первичная виктимизация несовершеннолетних. При этом несовершеннолетними усваивается подобное антисоциальное поведение, что влечет реализацию ими в последующем девиантного, в том числе девиантного виктимного, поведения.

При анализе и дальнейших исследованиях поведения несовершеннолетних в сети Интернет, влекущего возникновение преступных посягательств, следует принять за константу, что сложившийся стереотип о том, что онлайн-

жертвами, как правило, являются несовершеннолетние, которые невинны и легковерны, уже не отвечает действующим реалиям. Большинство интернет-жертв, которое инициировало сексуальные преступления, были в возрасте 13–14 лет. Они осознают, что общаются с взрослыми и могут понимать мотивы онлайн-преступников. В ряде случаев несовершеннолетние осознанно могут идти на контакт с преступником с целью привлечь последнего к ответственности. При этом несовершеннолетние женского пола более подвержены преступным посягательствам рассматриваемой категории, чем мужского. Для потерпевших несовершеннолетних женского пола (в особенности 13–16 лет) характерно проявление излишней доверчивости в отношениях с интернет-друзьями (необоснованное доверие), инициативное проявление сексуальности (неосознанная провокация), в связи с чем в большинстве случаев их можно определить как «способствующую жертву». Например, в ряде случаев несовершеннолетние пересылали свои фотографии сексуального характера, основываясь на чувстве влюбленности к виртуальному собеседнику, либо позировали обнаженными, совершали акты сексуального характера, которые передавались онлайн-собеседнику посредством видео-телефонии. Мотивация несовершеннолетних мужского пола, чьи субъективные свойства личности обусловлены неблагоприятными особенностями социализации личности (в том числе, материальным и социальным неблагополучием), в большинстве случаев определялась материальной заинтересованностью в получении различных благ, денег за совершаемые действия.

Виктимное поведение несовершеннолетнего потерпевшего в ситуации преступного посягательства, совершенного посредством использования компьютерной сети Интернет или телекоммуникационных технологий, как правило, имеет неосмотрительный или аморальный (значительно реже – противоправный) характер, и является следствием реализации виктимогенной деформации личности. Основными детерминантами виктимизации несовершенных являются: физическое и (или) психическое принуждение; социальное и материальное неблагополучие; корысть; следование моде.

В случае участия несовершеннолетнего в изготовлении порнографической продукции имеет место факт «двойной» (повторной) виктимизации, выраженный в возникновении для несовершеннолетнего неблагоприятных последствий не только в связи с изготовлением порнографии (зачастую в результате насильственных действий либо обмана), но и вследствие дальнейшего распространения порнографической продукции с его участием неограниченному кругу лиц.

В связи с этим подход к предупреждению преступных посягательств на несовершеннолетних в сети Интернет должен состоять в признании такого несовершеннолетнего жертвой преступления (потерпевшим), что обусловливает, с одной стороны, разработку и реализацию мер виктимологической профилактики, поскольку свойства личности несовершеннолетних часто служат фактором риска совершения против них преступлений; а с другой стороны – мер виктимологической защиты и социально-психологической реабилитации.

Список цитированных источников

1. Исследование по проблеме торговли людьми с целью детской порнографии / под общ. ред. Л.И. Смагиной, М.В. Пряхиной. – Минск: Тесей, 2011. – 74 с.

2. Sutherland Edwin H. Principles of Criminology. Chikago, 1949.

3. Сергеев, С. Ф. Психологическая безопасность в сети интернет : постклассические представления / А. Е. Воискунский, С. Ф. Сергеев/ [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://cyberpsy.ru/2012/03/sergeev-s-f-vo jjskunskijj-a-e-psikho lo gicheskaya-bezo pasno st-v-seti-internet-po stklassicheskiepredstavleniya/. – Дата доступа: 29.04.2013;

4. Ерохина, Л.Д. Торговля женщинами и детьми в социальной и криминологической перспективе / Л.Д. Ерохина, М.Ю. Буряк. – М., 2002., [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.adhdportal.com/book_1762_chapter_23_III.2._Vovlechenie_ nesovershennoletnikh_v_pornografiju.html /. – Дата доступа: 29.09.2013

5. Валентонис, А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. / А.С. Валентонис. – Орехово-Зуево, 2010. – 192 с.

6. Sebastian Wachs, Karsten D. Wolf and Ching-Ching Pan, Cybergrooming: Risk factors, coping strategies and associations with cyberbullying // Psicothema 2012. – Vol. 24, nº 4 – P. 628–633.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье рассматривается виктимологическая характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего от посягательств на нормальное нравственное и физическое развитие в сети Интернет. Анализируются основные причины и условия, способствующие становлению несовершеннолетних в качестве жертвы рассматриваемых преступлений. Определяются основные типы виктимного поведения несовершеннолетних в сети Интернет.

The article discusses the Victim personality characteristics of the minor victim of harassment on the normal moral and physical development of the Internet. The root causes and conditions conducive to a minor as a victim of the crimes in question are analyzed. The major types of victim behavior of minors on the Internet are identified.

ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИИ

Филиппенков В.М.

В 2012–2013 гг. в различных регионах страны выявлены многочисленные случаи незаконного привлечения граждан к административной ответственности за правонарушения, события которых в действительности отсутствовали. Правоохранительными органами установлено, что должностные лица государственных органов при ведении административного процесса злоупотребляли властью или служебными полномочиями, совершали служебный подлог и другие преступные деяния против интересов службы.

Наибольшее число таких преступлений, имевших, как правило, коррупционную направленность, выявлено в сфере лесного хозяйства страны [1]. Изучение фабул уголовных дел показывает, что должностные лица органов, осу-

ществляющих государственный контроль за состоянием, использованием, охраной, защитой государственного лесного фонда и воспроизводства лесов, выносили незаконные постановления о наложении административных взысканий на граждан за якобы совершенные ими правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования [2].

Подобными действиями должностных лиц лесного хозяйства причинялся существенный вред правам и интересам граждан в результате незаконного привлечения их к административной ответственности, а также вред государственным интересам ввиду подрыва авторитета государственной власти при применении законодательства, устанавливающего основания и порядок наложения административных взысканий.

Преступления против интересов службы совершались работниками лесного хозяйства, как правило, из корыстной или иной личной заинтересованности, выразившейся в желании быть премированными за выполнение установленных заданий по выявлению административных правонарушений, а также намерении избежать привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей.

Завышению показателей работы и тем самым фальсификации результатов административного процесса в определенной мере способствовало постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 апреля 2001 г. № 550, а также положение ст. 84 Лесного кодекса Республики Беларусь, связывающих вопросы материального поощрения работников лесного хозяйства с результатами их работы по выявлению административных правонарушений [3,4].

Процессуальные решения о привлечении граждан к административной ответственности работники лесного хозяйства выносили на односельчан, знакомых и других лиц, используя зачастую паспортные данные граждан, которые обращались в лесохозяйственные организации для приобретения лесоматериалов и по другим бытовым вопросам.

Фиктивные административные взыскания налагались, в основном, за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 15.29 КоАП (нарушение требований пожарной безопасности в лесах или на торфяниках), ч. 1 ст. 15.30 КоАП (загрязнение леса и иной древесно-кустарниковой растительности), а также ст. 15.58 КоАП (разжигание костров в запрещенных местах).

Поскольку санкции за указанные правонарушения предусматривают административные взыскания в виде предупреждения или штрафа, где законодателем нижний его предел не установлен, должностные лица имели возможность в соответствии с положением п. 6 ст. 6.5 КоАП налагать минимальный штраф в размере 0,5 базовой величины (до 1 апреля 2012 г. – 17,5 тыс. руб.), который сами же уплачивали.

Работники лесного хозяйства использовали в преступных целях также положение п. 3 ст. 10.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики

Беларусь об административных правонарушениях, регламентирующего упрощенный порядок наложения на граждан административных взысканий – без составления протокола об административном правонарушении. Должностные лица учиняли в процессуальных документах подписи за граждан, якобы совершивших административные правонарушения, и таким образом незаконно помещали сведения о них в единый государственный банк данных о правонарушениях.

Факты фальсификаций при ведении административного процесса носили массовый характер, масштабы которого в определенной степени подтверждаются показателями динамики административных правонарушений. Если в 2010 г. органами Министерства лесного хозяйства было поставлено на учет 2,7 тыс. административных правонарушений, то в 2011 г. – уже 9,8 тыс. Рост составил более 270 %. В 2012 г., когда оперативно-следственным путем стали вскрываться случаи массовых фальсификаций, количество зарегистрированных административных правонарушений снизилось на 38 %, а за 6 месяцев 2013 г. – еще на 41 % [5].

Упрощенный порядок привлечения граждан к административной ответственности (без составления протокола) использовался работниками лесного хозяйства довольно часто. Например, по ч. 1 ст. 15.29 КоАП предупреждение в 2012 г. вынесено по 50 % правонарушений, ч. 1 ст. 15.30 КоАП – по 32 %, ст. 15.58 КоАП – по 38 % [5]. Применение данного вида взыскания (во многих случаях, как показала практика, незаконного) позволяло должностным лицам выполнять установленные задания по выявлению административных правонарушений без необходимости уплачивать самим за подставных лиц даже незначительные штрафы.

Должностные лица других ведомств также регулярно использовали практику вынесения предупреждений за правонарушения, за совершение которых предусмотрены альтернативные виды административных взысканий (как правило – штраф) [5].

Так, по ч. 1 ст. 17.13 КоАП (неисполнение обязанностей по сопровождению или обеспечению сопровождения несовершеннолетнего в ночное время вне жилища) удельный вес вынесенных предупреждений составил 74 %;

– ч. 1 ст. 9.4 КоАП (невыполнение обязанностей по воспитанию детей) – 65 %;

– ч. 1 ст. 23.56 КоАП (нарушение законодательства о пожарной безопасности) – 50 %;

– ч. 1 ст. 23.48 КоАП (нарушение правил обращения с огнестрельным оружием, взрывоопасными, легковоспламеняющимися, едкими веществами или пиротехническими изделиями) – 44 %;

– ч. 8 ст. 12.17 КоАП (нарушение правил торговли и оказания услуг населению) – 32 %;

– ч. 3 ст. 23.53 КоАП (проживание без регистрации либо без документов, удостоверяющих личность) – 27 %;

– ч. 1 ст. 12.43 КоАП (изготовление или приобретение крепких алкогольных напитков (самогона), полуфабрикатов для их изготовления (браги), хранение аппаратов для их изготовления) – 25 %.

Факты фальсификаций при ведении административного процесса установлены и в других ведомствах. Например, сотрудник Государственной инспекции охраны животного и растительного мира, выявляя нарушителей правил рыболовства, их не наказывал, а предлагал предоставлять паспортные данные других граждан. Таким образом, правонарушителям предоставлялась возможность уплачивать от имени подставных лиц незначительные штрафы (0,5 базовой величины) якобы за нарушение правил заготовки, сбора или закупки грибов, других дикорастущих растений или их частей.

Подобная схема всех устраивала: работник инспекции охраны животного и растительного мира создавал видимость активной работы, а реальные нарушители правил рыболовства избегали уплаты значительно больших штрафов.

Должностные лица в сфере жилищно-коммунального хозяйства выносили постановления о привлечении к административной ответственности граждан якобы за нарушение правил содержания собак, при этом у большинства «правонарушителей» домашних животных этого вида не было вообще.

Работники землеустроительной службы, желая избежать дисциплинарной ответственности за упущения в работе по обеспечению государственного контроля за использованием и охраной земель, выносили заведомо ложные постановления о наложении административных взысканий по фактам непринятия мер по благоустройству и эффективному использованию земельных участков, предоставленных для строительства и обслуживания жилых домов. При этом многие лица, сведения о которых помещены в единый государственный банк данных о правонарушениях, земельных участков для указанных целей не получали.

Таким образом, преступное завышение показателей в работе путем фальсификации при ведении административного процесса вызвано не только ненадлежащим исполнением должностных обязанностей, но и в значительной степени требованиями вышестоящих органов о повышении результатов по выявлению административных правонарушений, а также положениями отдельных нормативных правовых актов.

В целях своевременного предотвращения практики массовых фальсификаций при ведении административного процесса представляется необходимым осуществление правоохранительными органами мониторинга динамики административных правонарушений, поставленных на учет различными ведомствами. Например, Министерством по чрезвычайным ситуациям в 2010 году зарегистрировано 38,8 тыс. правонарушений, в 2011 – 60,9 тыс., в 2012 – 86,6 тыс., Фондом социаль-

ной защиты населения Минтруда – соответственно 1,3 тыс., 2,6 тыс. и 4 тыс., районными (городским) исполнительными комитетами – 2 тыс., 5,9 тыс. и 7,7 тыс., сельскими (поселковыми) исполнительными комитетами – 0,2 тыс., 1,1 тыс. и 2,5 тыс. [5]. Значительный рост таких показателей может свидетельствовать о фактах незаконного привлечения лиц к административной ответственности.

Практика принятия процессуальных решений о наложении административных взысканий в порядке ст. 10.3 ПИКоАП (без составления протокола об административном правонарушении) получила широкое распространение со стороны должностных лиц различных органов, ведущих административный процесс. Только в 2012 году вынесено 1.4 млн таких постановлений, что составляет 46 % от числа зарегистрированных административных правонарушений [5].

Особенно велика доля процессуальных решений о наложении административных взысканий в упрощенном порядке за отдельные административные правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта, санкции которых предусматривают наложение взыскания в виде предупреждения или штрафа, превышающего две базовые величины. В частности, за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 18.12, ч. 2 ст. 18.13, чч. 1, 5 и 6 ст. 18.14, ч. 1 ст. 18.15, ч. 2 ст. 18.26, ст.ст. 18.32, 18.33 и 18.43 КоАП без составления протокола об административном правонарушении вынесено от 58 до 80 % постановлений о наложении административных взысканий.

Еще больше удельный вес взысканий, наложенных в упрощенном порядке за административные правонарушения в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, благоустройства и пользования жилыми помещениями, предусмотренные ч. 1 ст. 21.4, ч. 1 ст. 21.5, ч. 4 ст. 21, ст. 21.11 КоАП (от 64 до 98 %).

В целях выявления фактов фальсификаций при ведении административного процесса правоохранительным органам также необходимо систематически проводить анализ информации единого государственного банка данных о правонарушениях путем выборочного опроса лиц, поставленных на учет в качестве правонарушителей.

Кроме того, законодателю целесообразно пересмотреть санкции некоторых статей КоАП, исключив из них административные взыскания в виде предупреждения, а также установить нижний предел штрафа, особенно в случаях, когда его максимальный размер составляет от 20 базовых величин и более.

Список цитированных источников

1. Сведения о регистрации и предварительном расследовании коррупционных преступлений: форма № 519 // Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

2. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений: форма № 453 // Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

3. Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18.04.2001 №550 «О поощрении должностных лиц государственной лесной охраны Республики Беларусь за установление лиц, совершивших правонарушения в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – №5/5763.

4. Лесной кодекс Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – №2/195.

5. Сведения из Единого государственного банка данных о правонарушениях // Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Статья посвящена проблеме фальсификаций при ведении административного процесса, совершаемых должностными лицами из корыстной или иной личной заинтересованности, и, в частности, вопросам незаконного привлечения граждан к административной ответственности за правонарушения, события которых в действительности отсутствовали. Отмечается, что данная проблема обусловлена не только ненадлежащим исполнением работниками должностных обязанностей, но и в значительной степени требованиями вышестоящих органов о повышении результатов по выявлению административных правонарушений, а также положениями отдельных нормативных правовых актов.

The article is devoted to problem of falsification pending administrative process, which are committed by official person, and particularly incidents of illicit making citizen answerable for non-existent delinquency. It is noted that the problem is conditioned by improper execution of official duties by the officials, and also by demands of higher managers, which are devoted to rise of working results, and also inadequate regulations of law.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аккулиев А. Ш.

В научной литературе существует значительное число определений уголовно-исполнительной политики. Традиционно уголовно-исполнительная политика определяется как направление деятельности государства в области исполнения уголовных наказаний [1, с. 7]. На первый взгляд, это достаточно емкое определение, и в целом отражающее исходные рамки данной политики. Вместе с тем это определение страдает излишней простотой, отрицательно сказывающейся на понимании всей сути политики в области исполнения уголовных наказаний. Во-первых, если мы говорим о государственной политике, полагаем, следует вести речь, прежде всего, об активной, направляющей позиции государства, т. е. акцентировать внимание на руководстве государством данного направления деятельности. Во-вторых, рассматриваемое направление деятельности государства имеет свое внутреннее содержание, которое остается не упомянутым в указанном определении. Между тем оно оказывает самое непосредственное влияние на уровень защищенности законных прав и интересов осужденных и в целом определяет суть данной политики. При этом содержание этой политики, а именно, определение ее целей, принципов, стратегии развития и методов ее реализации, как мы полагаем, отражает не только суть этой политики, но оказывает самое непосредственное влияние на содержание общей социальной политики государства.

В ряде учебных изданий уголовно-исполнительная политика обозначается как деятельность государства по исполнению уголовных наказаний и применению к осужденным мер исправительного воздействия [2, с. 3]. Как видно, такого рода определения уголовно-исполнительной политики включают в ее понятие «и применение к осужденным мер исправительного воздействия». Суть данной политики усматривается в единстве процесса деятельности государства по исполнению уголовных наказаний и применению к осужденным мер исправительного воздействия. Однако подобные определения уголовно-исполнительной политики не дают ответа относительно исполнения тех наказаний, которые носят сугубо имущественно-фискальный характер.

Не вполне ясной представляется также определение уголовно-исполнительной политики как определяющей участие государства в этой области общественных отношений, а равно задачи и содержание деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания [3, с. 10]. Не понятно, что значит «определяющей участие»? Государство должно не просто участвовать, а руководить этой политикой и определять ее содержание.

При этом не ограничиваться установкой задач и содержания деятельности только лишь учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, а в целом определять цели и принципы политики в сфере исполнения наказаний, а также стратегию, формы и методы ее реализации, в том числе привлечение общественности (гражданского общества) к ее реализации.

Не совсем четким представляется и определение уголовно-исполнительной политики, сводящее ее к деятельности государственных органов в области исполнения уголовных наказаний и регулированию этой деятельности, выработке принципов, установлению задач и содержания уголовно-исполнительной деятельности [4, с. 4]. В этой связи, более содержательным является определение уголовно-исполнительной политики, которое дано О.Г. Перминовым. По его мнению, уголовно-исполнительная политика, являясь частью политики государства в области борьбы с преступностью, призвана определять цели, задачи, стратегию, принципы, основные направления, формы и методы государства по реализации исполнения наказания, исправлению осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [5, с. 10].

По существу аналогичное определение уголовно-исполнительной политики дает Б.И. Селиверстов, который указывает, что, являясь составной частью уголовной политики в области борьбы с преступностью, она определяет цели, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения наказания, исправлению осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [6, с. 20–21].

Вместе с тем в качестве замечания по данным определениям следует указать на то, что в определении нет необходимости указывать на цели уголовного наказания. Термин «обеспечение исполнения наказания» и так предполагает исполнение (достижение) целей наказания, а дополнительное перечисление целей, на наш взгляд, ставит знак равенства между терминами «обеспечение исполнения наказания» и «исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», а по существу, выводит за рамки наказания указанные цели. Между тем, сердцевиной, сутью уголовного наказания как раз и являются его цели, только наличие и стремление к достижению которых оправдывает назначение наказания и в целом определяют внутреннюю суть, составляющую всей уголовно-исполнительной политики.

По мнению И.В. Слепцова, уголовно-исполнительная политика определяет только основные формы, задачи и содержание деятельности государственных органов и общественности в этой области, которая реализуется в уголовно-исполнительном законодательстве и правоприменительной деятельности органов государства, призванных исполнять уголовные наказания [7, с. 6]. Определяя только лишь «основные направления деятельности» данная политика оставляет за своими рамками что-то «не основное», что это? И может ли быть у уголовно-исполнительной политики государства не входя-

щая в ее рамки «не основная» деятельность? Ведь, как известно, деятельность государства по исполнению уголовных наказаний регламентирована и, более того, не может осуществляться вне законодательно установленных рамок. Полагаем также не совсем корректным выражение «…которая реализуется в уголовно-исполнительном законодательстве и правоприменительной деятельности…», поскольку союз «и», по сути, ставит знак равенства между реализацией в законодательстве и реализацией в правоприменительной практике, т. е. делает их независимыми друг от друга. Между тем, правоприменительная практика должна реализовываться только в рамках и на основании действующего законодательства, т. е. правоприменительная практика является формой реализации положений законодательства, ее производной.

Из анализа указанных определений уголовно-исполнительной политики становится очевидным, что при институциональном ее обозначении используются в различных вариациях такие понятия, как «цель», «принципы», «задачи», «направление», «содержание», «форма», «методы». В связи с чем будет уместным применительно к исследуемому вопросу выяснить смысловое содержание данных слов, что позволит точнее понять их смысловое (юридическое) содержание в контексте определения уголовно-исполнительной политики.

Смысловое значение данных слов можно определить следующим образом:

– цель – это то, к чему надо стремиться, желательно осуществить;

– принципы – это основные, исходные положения какой-либо теории, учения, программы (убеждение, взгляд на вещи), которых следует придерживаться;

– задача – это то, что требует исполнения, исследования и разрешения;

– направление – это путь развития;

– содержание – это внутренняя суть чего-либо;

– форма – это внешнее очертание, внешний вид, наружная видимость чего-нибудь;

– метод – это способ практического осуществления, действия, воздействия.

Таким образом, уголовно-исполнительная политика, исходя из смыслового содержания указанных слов, должна определять:

– результаты, к которым она должна стремиться (цели);

– базовые, основные положения, на которых она должна осуществляться, держаться (принципы);

– ясно очерчивать круг мероприятий, требующих исполнения, исследования и разрешения (задачи), исполнение которых, как мы считаем, должно быть нацелено на достижение поставленных результатов (целей);

– на основе правильных и далеко идущих прогнозов планировать руководство этой сферой государственной политики на перспективу (стратегия), которая, опять же, должна быть устремлена, направлена на реализацию, достижение результатов (целей);

– путь его развития (направления), которые, будучи осознанно-запланированными в рамках долгосрочной перспективы развития политики

(стратегически выверенными), должны способствовать наиболее эффективному достижению результатов (целей);

– ее внутреннюю суть (содержание), а иными словами, как мы считаем, все то, из чего состоит и характеризуется эта политика (цели, принципы и пр.);

– ее внешнее очертание, внешний вид (форму), которая адекватно выражает ее внутреннюю суть (содержание);

– способы его практического осуществления (методы), с помощью которых достигаются результаты (цели).

На наш взгляд, значение данных слов позволяет говорить о том, что их использование в определении понятия уголовно-исполнительной политики возможно, однако, как мы полагаем, они требуют не произвольного, а осознанно-системного их применения. Между тем, значительное число авторов, применяющих эти слова при определении уголовно-исполнительной политики, используют их без должной смысловой и логической взаимной увязки и согласованности. Так, А.А. Рябинин указывает, что уголовно-исполнительная политика определяет задачи и содержание деятельности соответствующих учреждений и органов [3, с. 10]; Ф.М. Городец – ее принципы, задачи и содержание [4, с. 4]; О.Г. Перминов – ее цели, задачи, стратегию, принципы, основные направления, формы и методы [5, с. 10]; И.В. Слепцов указывает, что она определяет ее основные направления, формы, задачи и содержание [7, с. 6]; Б.И. Селиверстов указывает, что она определяет ее цели, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы [6, с. 20–21].

Как видно, обозначая отдельные из анализируемых слов, ряд авторов перечисляет почти все, при этом по-разному определяет их очередность, что говорит о том, что в целом нет единого мнения и понимания их значения. Между тем, эти слова необходимо использовать в строгой смысловой и логичной взаимосвязи и последовательности. Поскольку любая деятельность, определяющая рамки государственной политики, должна быть четко идентифицирована и охарактеризована с использованием осмысленного, логически увязанного набора слов, раскрывающих ее содержание.

В этой связи, мы полагаем, что рассматриваемые слова далеко и не все разноплановы, хотя и характеризуют различные аспекты уголовно-исполнительной политики. Некоторые из них достаточно «расширительны» в понимании и могут включать в себя значение иных из рассматриваемых слов. Так, слово «содержание» по своему смысловому значению характеризует внутреннюю суть, в данном случае, внутреннюю составляющую уголовно-исполнительной политики и может охватывать смысловое значение таких слов, как «цель, принцип, задача, стратегия, направление, форма». Как следствие, эти слова можно заменить одним словом «содержание».

Однако для более полного и детального изложения определения, полагаем, следует все же использовать вместо одного слова «содержание», если не все, то некоторые из вышеперечисленных слов. Тем более что они должны быть поняты и изложены в строгой последовательности. Так, по своей значимости государственная деятельность должна четко определять свои цели, к дости-

жению которых она стремится. Эта деятельность должна основываться на незыблемых, фундаментальных, не нарушаемых положениях, т. е. принципах (государственная деятельность, как известно, не должна рассматриваться в плоскости «цель оправдывает средства»). Наконец, руководство этой деятельностью (политикой) должно быть продумано в долгосрочной перспективе, в рамках которой должны быть четко определены: а) задачи этой деятельности и круг мероприятий, требующих исполнения, исследования и разрешения; б) направления ее развития, поскольку они избираются и реализуются в рамках выбранной стратегии развития в зависимости от поставленных задач. В целом же стратегия деятельности (политики) направлена, прежде всего, на достижение поставленных ее целей. Слово «форма» предлагаем не использовать вообще, поскольку оно, характеризуя внешнюю сторону содержания (целей, принципов, стратегии) является их производной и не может быть самостоятельно определено. Форма является внешним проявлением содержания, в связи с чем нельзя определять форму в отрыве от его содержания, поскольку это повлечет изменение содержания, т. е. внутренней составляющей.

Поэтому предлагается использовать в определении уголовно-исполнительной политики только слова «цели, принципы, стратегия», и именно в указанной последовательности, а также слово «методы», которое характеризует внешнюю сторону, практические способы реализации этой политики, ее внутренней сути.

Таким образом, мы предлагаем дать следующее определение уголовно-исполнительной политики: уголовно-исполнительная политика – это политика государства, определяющая цели, принципы, стратегию и методы его деятельности по исполнению уголовных наказаний.

В целом, подводя итог в контексте определения уголовно-исполнительной политики необходимо отметить, что все эти понятия, несмотря на свое разнообразие, едины в своей сути. Квинтэссенцией уголовно-исполнительной политики остается исполнение уголовных наказаний, изменениям же подвергаются цели, принципы, стратегия и методы их исполнения. При этом понятно, что в своем видении понятия рассматриваемой политики мы исходили из требований сегодняшнего дня: социальной, экономической, политической составляющей общества, а также существующих требований международного сообщества. Как справедливо указывает О.Г. Перминов: «Стратегию, основные задачи и направления политики в сфере исполнения уголовных наказаний, формы и методы ее реализации определяют целый комплекс факторов. Основными из них являются: социально-политическое, экономическое и нравственное состояние общества, состояние и динамика преступности, требования международных актов о правах человека и обращения с осужденными, уровень правосознания, развитие науки и др.» [5, с. 10].

Список цитированных источников

1. Жунусов, Б.Ж.. Проблемы уголовной политики (уголовно-правовая и уголовно-исполнительная): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ж. Жунусов. – Алматы, 1994. – 42 с.

2. Медведев, Ю.В. Уголовно-исполнительное право / Ю.В. Медведев. – Уфа, 2001. – 198 с.

3. Рябинин, А.А. Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право Российской Федерации / А.А. Рябинин. – М.: Юристъ, 1995. – 214 с.

4. Городец, Ф.М. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 243. с.

5. Перминов, О.Г. Уголовно-исполнительное право / О.Г. Перминов . – М., 1999. – 209 с.

6. Селиверстов, Б.И. Уголовно-исполнительное право России / Б.И. Селиверстов. – М., 2003. – 267 с.

7. Слепцов, И.В. Уголовно-исполнительное право Республики Казахстан. Общая Часть. В схемах и определениях. Костанайский юридический институт Комитета уголовно-исполнительной системы МЮ РК / И.В. Слепцов. – Костанай, 2004. – 124 с.

Дата поступления статьи – 21.07.2013.

В статье рассматриваются методологические и функционально-содержательные компоненты уголовно-исполнительной политики, определяются сущностные признаки и элементы, которые составляют ее социальное назначение в аспекте применения уголовных наказаний в современном обществе.

In the article methodological and functional-substantive components of the penitentiary policy are considered, essential features and elements, which constitute its social function in the aspect of application of penal sanctions in the contemporary society, are determined.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПОРЯДКА И УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Бурый В.Е.

В общей теории права существует мнение, что под правонарушением понимается «виновное, противоправное деяние вменяемого лица, причиняющего вред другим лицам и обществу, влекущее юридическую ответственность» [1, с. 341]. Иными словами, правонарушение − это, прежде всего, противоправное деяние человека. Проводя аналогию, данное обстоятельство позволяет утверждать, что нарушение в местах лишения свободы (далее – МЛС) – это противоправное деяние осужденного, посягающее на правопорядок в исправительном учреждении (далее – ИУ), нарушающее установленные порядок и условия отбывания наказания. Данное деяние правомерно называть пенитенциарно противоправным.

Данную проблематику затрагивали в своих трудах такие отечественные и зарубежные ученые и правоприменители, как В.А. Ананич, Ю.М. Антонян,

Г.П. Байдаков, А.В. Буданов, В.Н. Бурлаков, В.Е. Бурый, Н.В. Кийко, В.С. Красиков, В.Н. Кудрявцев, В.И. Омигов, А.Н. Пастушеня, В.Б. Первозванский, В.И. Степаненко, Ю.М. Ткачевский, В.А. Фефелов, В.М. Хомич и др.

Изучение практической деятельности ИУ, а также законодательства и реализации мер юридической ответственности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с очевидностью свидетельствует, что наиболее распространенными ее видами является ответственность дисциплинарная (реже – уголовная, материальная и др.). По объему и по значимости как в контексте недостаточной изученности, так и в чисто прикладном плане, этот вид ответственности всегда занимал и занимает одно из ведущих мест среди иных видов юридической ответственности осужденных к лишению свободы.

Правовая природа нарушений порядка и условий отбывания наказания и наступающей за них ответственности основывается на том, что лица, отбывающие наказания в виде лишения свободы, несут обязанности и пользуются правами, установленными законодательством для граждан, с ограничениями, предусмотренными законодательством для осужденных, а также вытекающих из приговора суда и вида режима. Основанием ответственности осужденного за нарушение требований порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы является совершенный им проступок. Существует общепризнанное мнение, что в соответствии с полномочиями администрации ИУ осужденный находится в ее подчинении, в связи с чем их проступки относятся к дисциплинарным [2, с. 10].

Объектом посягательства любого проступка в МЛС является установленный в ИУ правопорядок, регулируемый нормами уголовно-исполнительного права. Посягательства на данный правопорядок выступают в виде нарушений требований порядка и условий отбывания наказания. В качестве объекта, на который непосредственно посягает тот или иной проступок, выступают конкретные обязанности (запреты) осужденного, а также личность другого осужденного либо представителя администрации, иные блага, охраняемые законом.

Нарушение установленного порядка и условий отбывания наказания, совершаемое осужденным, посягает не на весь правопорядок, а только на ту его часть, которая касается непосредственно правил поведения осужденных и их обязанностей. Поэтому и в определении понятия нарушения в качестве объекта посягательства следует называть не правопорядок вообще, а установленный порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы [3, с. 281].

Представляется правильным применение в определении понятия нарушения требований порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы выражения «пенитенциарно противоправное деяние», тем самым указывая на то, что в МЛС нарушается особый, только им присущий порядок поведения. Это выражение подчеркивает особенность (специфичность) нарушения. Оно в обобщающем виде в определенной мере отражает особенности всех признаков нарушения в МЛС. В нем находит отражение та особенность, что многие проступки осужденных являются противоправными только в период отбывания наказания в ИУ.

С учетом вышеуказанного, к нарушениям установленного порядка и условий отбывания наказания следует отнести пенитенциарно противоправное виновное де-

яние (действие или бездействие), совершаемое осужденными в МЛС, которое приводит к негативным последствиям для уголовно-исполнительных правоотношений и влечет за собой дисциплинарную ответственность по нормам уголовно-исполнительного законодательства.

По объекту, на который направлено нарушение, последствия следует разделить на материальные, моральные и физические. Материальные – те, которые наносят вред имущественного характера, например, порча государственного либо личного имущества. Правила внутреннего распорядка в ИУ утверждают, что осужденный обязан бережно относиться к имуществу, в противном случае последует дисциплинарная ответственность. Моральные последствия наносят вред личного характера: оскорбление представителей администрации, неуважительное отношение к ним и другим осужденным. Физические – нанесение телесных повреждений, т. е. причинение вреда здоровью другого осужденного либо представителя администрации и др. Необходимо отметить, что причиненный конкретным нарушением вред может выступать не в одном, а в нескольких видах, т. е. в их совокупности. В том случае, если нарушение причиняет вред уголовно-исполнительным правоотношениям в ИУ, который не выходит из рамок норм данной отрасли права, оно будет именоваться дисциплинарным. Дисциплинарные проступки осужденных с точки зрения объекта посягательства наносят определенный вред общественным отношениям, складывающимся в процессе исполнения наказания.

Нарушения требований порядка и условий отбывания наказания в ИУ нередко имеют ощутимые экономические и нравственные потери. В тех случаях, когда дисциплинарные проступки осужденных приобретают характер общественно опасных деяний, они классифицируются как преступления, влекущие уголовную ответственность: действия, дезорганизующие работу ИУ, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома (ст. 410 УК); злостное неповиновение требованиям администрации ИУ, исполняющего наказание в виде лишения свободы (ст. 411 УК); побег из ИУ исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома или из-под стражи (ст. 413 УК).

К признакам объективной стороны дисциплинарного проступка, прежде всего, относится само противоправное деяние, посягающее на установленный правопорядок в МЛС. Оно может быть выражено как в форме действия, так и бездействия. Круг таких деяний весьма широк и неоднороден, что является одной из причин отсутствия в уголовно-исполнительном законодательстве единой, целостной системы составов проступков (кроме злостных нарушений). Это является его существенным недостатком, так как позволяет должностным лицам ИУ, производящим проверку по факту нарушения, допущенного осужденным, а также пользующимся правом наложения взысканий, в ряде случаев самим решать вопрос о противоправности того или иного деяния осужденного, что на практике может привести к нарушению прав осужденных. Не случайно в п. 29 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. рекомендуется, чтобы поведение осужденных, составляющее дисциплинарный проступок, определялось законом или распоряжением компетентных административных властей [4, с. 87].

Противоправное деяние – по сути, единственный обязательный элемент объективной стороны дисциплинарного проступка. Однако когда нарушение порядка и условий отбывания наказания повлекло конкретные вредные последствия, к объективной стороне необходимо отнести и сам вред, и причинную связь между деянием и наступившими последствиями. В научной литературе по трудовому праву, например, наличие вредных последствий рассматривается, как правило, в качестве обязательного элемента дисциплинарного проступка. Дополнительными (факультативными) признаками проступка следует считать предмет посягательства, место, способ совершения и ряд других.

Важное значение в объективной стороне дисциплинарного проступка имеет время его совершения. Если в трудовом праве проступком признается только то деяние, которое совершено во время исполнения работником своих трудовых обязанностей, то в уголовно-исполнительном праве дисциплинарным проступком может признаваться деяние, совершенное в любое время суток (например, употребление спиртных напитков, картежные игры и т. п.). Но не всякое деяние по времени его совершения можно отнести к нарушению порядка и условий отбывания наказания. Так, например, отказ осужденного работать по благоустройству территории (в порядке очередности) после команды «отбой» не будет являться дисциплинарным проступком.

Нарушение влечет за собой негативные последствия (или, как еще называют в уголовном праве и теории права, – причиненный вред или наличие угрозы его причинения). В научной литературе встречаются утверждения отдельных авторов, исключающие вред из системы признаков правонарушения [5, с. 93]. Однако убедительностью аргументов их позиция не отличается. Более того, представляется верным утверждение Н.С. Малеина, что «наличие вреда является необходимым социальным признаком всякого правонарушения, обусловливающим и характеризующим все правонарушения в качестве общественно опасных деяний» [6, с. 9]. В нашем случае наличие негативных последствий есть объективная сторона дисциплинарного проступка, так как и самое малозначительное нарушение в ИУ оказывает негативное исправительное воздействие на других осужденных.

С учетом вышеуказанного, правильным было бы выделить четыре вида негативных последствий при нарушении осужденным требований порядка и условий отбывания наказаний в МЛС: малозначительные, менее тяжкие, тяжкие, особо тяжкие негативные последствия.

В правовой литературе встречаются понятия, характеризующие последствия, такие как значимые и незначимые, восстанавливающиеся и невосстанавливающиеся, оказывающие серьезное отрицательное воздействие на других осужденных и не оказывающие значимого воздействия [2, с. 15]. Но разъяснения их правовой природы не встречается, поэтому практическим работникам затруднительно определять оптимальную меру дисциплинарного воздействия, насколько нарушение представляет опасность для нормального функционирования жизнедеятельности ИУ.

Представляется, что в основу типологии правонарушений целесообразно было бы заложить уровень негативных последствий, причиняемых правонарушением, подразделив их на несколько групп.

К малозначительным правовым негативным последствиям следует отнести вред, который не оказывает значительного отрицательного воздействия на правопорядок в МЛС, а также на других осужденных и представителей администрации ИУ. Этот вред является восстанавливаемым. Например, несоблюдение осужденным правил личной гигиены и самообслуживания и т. п.

К менее тяжким негативным последствиям – вред, причиненный осужденным-нарушителем, который оказывает отрицательное воздействие на уголовно-исполнительные правоотношения. Такой вред является восстанавливающим. Например, недобросовестное отношение к труду, сознательное невыполнение норм выработки, нанесение татуировок себе и другим и т. п.

К тяжким последствиям – вред, который негативно влияет на состояние правопорядка ИУ и оказывает значительное отрицательное воздействие в процессе ресоциализации и социальной адаптации осужденных, является восстанавливающим. Например, отказ от работы, изготовление и хранение запрещенных предметов, оскорбление сотрудников ИУ и др.

К особо тяжким негативным последствиям – вред, который оказывает отрицательное воздействие на других осужденных и влечет за собой значительное отрицательное изменение порядка и условий отбывания наказания в ИУ в негативную сторону. Например: убийство, побег, нанесение сотрудникам ИУ (осужденным, иным лицам) тяжких телесных повреждений, злостное неповиновение требованиям администрации ИУ, организация массовых беспорядков в ИУ и др.

Субъектом нарушения порядка и условий отбывания наказания в МЛС применительно к рассматриваемому составу может быть только лицо, осужденное за преступление и отбывающее наказание в ИУ. Хотя требования порядка и условий отбывания наказания могут быть нарушены не только осужденными, но и представителями администрации и отдельными гражданами (например, передача осужденным запрещенных предметов, в том числе средств мобильной связи), ответственность по нормам уголовно-исполнительного права могут нести только осужденные.

Субъективная сторона совершения нарушения порядка и условий отбывания наказания в МЛС характеризуется совокупностью признаков, отражающих психическое отношение правонарушителя к своему противоправному деянию и к возможным вредным (общественно опасным) последствиям. В первую очередь в качестве такого признака выступает вина. Проступком может считаться лишь такое нарушение, которое произошло по вине осужденного. В зависимости от формы вины дисциплинарные проступки осужденных квалифицируются как умышленные (совершенные с прямым или косвенным умыслом) и неосторожные (явившиеся результатом самонадеянности или небрежности).

Помимо этого необходимо иметь в виду, что на степень вины влияют различные смягчающие и отягчающие обстоятельства. Однако в отличие от уголовного и административного, в уголовно-исполнительном (как и в трудовом) законодательстве указания на них отсутствуют. Поэтому следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что некоторую часть из них можно рассматривать применительно к уголовно-исполнительному праву, с учетом особенностей нарушений порядка и условий отбывания наказания, совершаемых осужденными.

Субъективная сторона нарушения порядка и условий отбывания наказания в МЛС охватывает также мотив, побудивший осужденного совершить нарушение порядка и условий отбывания наказания, и цель, которую он преследовал его совершением. Поэтому выяснение мотивов и целей совершения правонарушения помогает установить степень опасности (вредности) проступка и избрать меру дисциплинарной ответственности [7, с. 57].

Исходя из изложенного, дисциплинарный проступок (нарушение порядка и условий отбывания наказания в МЛС) можно определить как противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, которое посягает на установленный законодательством в исправительных учреждениях порядок и условия отбывания наказания, выражающееся в несоблюдении правил поведения и/или в невыполнении им своих обязанностей.

Согласно уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь можно выделить две группы правонарушений: нарушения установленного порядка отбывания наказания и злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Уголовно-исполнительное законодательство не определяет понятия «нарушения» и «злостное нарушение», а только устанавливает конкретный количественный показатель взысканий, наложенных на осужденного в части нарушений им требований порядка и условий отбывания наказания, по которому в дальнейшем он признается злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания (ст. 117 УИК). До вступления в силу в 2000 году УИК к злостным нарушениям законодатель относил: употребление в ИУ наркотиков, мелкое хулиганство, угрозу, неповиновение представителям администрации ИУ или их оскорбление, мужеложство, лесбиянство, организацию отрицательно направленных группировок осужденных, направленных на совершение указанных нарушений или активное участие в них.

В 2000 году этот перечень был дополнен новыми видами нарушений, отнесенных к злостным: употребление спиртных напитков, изготовление, хранение или передача запрещенных предметов, уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии, отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин.

Следует также отметить, что в отечественной правоприменительной практике имеют место случаи, когда на осужденных накладывают взыскания за пользование Интернетом через средства мобильной связи (пронос, хранение и использование средств мобильной связи на территории ИУ запрещен). Эта категория нарушений признается правоприменителями грубым нарушением порядка и условий отбывания наказания в МЛС. Вместе с тем до сих пор белорусские законодатели и правоприменители четко не прописали и закрепили этот правовой пробел. Ни в одном нормативном правовом акте не указано, что осужденные не имеют права пользоваться Интернетом, в то время как в ИУ им это запрещено. Это достаточно актуальная и назревающая проблема, поскольку, например, в Российской Федерации и Украине в соответствующие органы в 2013 году уже внесены на рассмотрение за-

конопроекты, устраняющие этот правовой пробел в сфере уголовно-исполнительных правоотношений (в этих странах имеют место случаи, когда осужденный/осужденные, отбывая наказание в МЛС, посредством Интернета создавали и руководили в условиях свободы организованными преступными группировками).

Таким образом, правоприменительная практика показывает, что спектр нарушений требований установленного порядка и условий отбывания наказания в МЛС гораздо более широк в силу изощренности противодействия осужденных сотрудникам ИУ. Как следствие, тяжесть нарушений, допущенных осужденными в МЛС (их правовые последствия для осужденного, для правопорядка в ИУ) и соответствие наложенных на них взысканий, указанных в ст. 112 УИК (в т.ч. признание осужденного злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания), нуждаются в детальном научном и правоприменительном комментарии и исследовании с целью более качественной реализации принципов уголовно-исполнительного законодательства – рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных, сочетания принудительных мер с воспитательным воздействием.

Список цитированных источников

1. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права: учеб. для вузов / В.Н. Хропанюк. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Инфра-М, 2006. – 690 с.

2. Журавлев, М.П. Правонарушения осужденных к лишению свободы и меры дисциплинарной ответственности / М.П. Журавлев, Г.Л. Аванесов, В.Е. Квашис, А.А. Новиков. – М.: Наука, 1970. – 231 с.

3. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь ((Программа разв. ООН (ПРООН)). – Минск: Рэйплац, 2009. – С. 265–292.

4. Международная защита прав и свобод человека: сб. док. – М.: Юрид. литература, 1999. – 689 с.

5. Кашанин, А.В. Основы российского права / А.В. Кашанин, Т.В. Кашанина. – М.: Инфра-М, 2000. – 800 с.

6. Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. – М.: Юрид. литература, 1985. – 192 с.

7. Абатуров, А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденных к лишению свободы: учеб.-метод. пособие / А.И. Абатуров, В.Б Первозванский. – М.: НИИ ФСИН России, 2006. – 92 с.

Дата поступления статьи – 06.09.2013.

В связи с гуманизацией уголовного законодательства в Республике Беларусь в местах лишения свободы уже сейчас концентрируются осужденные, совершившие наиболее тяжкие преступления, которые приговариваются к длительным срокам наказания и реже освобождаются досрочно. Среди данной категории осужденных особо выделяются лица, систематически нарушающие требования порядка и условий отбывания наказания в исправительных учреждениях, которые представляют собой криминогенно опасную группу. В связи с этим правильное понимание правоприменителями правовой сущности нарушений требований порядка и условий отбывания наказания в местах лишения свободы по-прежнему актуально.

In connection with the humanization of criminal law in the Republic of Belarus, now in prisons are concentrating convicts who have committed the most serious crimes and who are sentenced to long prison terms and they have rare early release. Those individuals, who systematically violate the requirements of the order and conditions of punishment in prisons, stand out among this category of prisoners. They form a criminogenic dangerous group. A right understanding of the legal essence of the violations of the requirements of the order and conditions of serving the sentence in prisons is still an urgent problem now.

ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Василевич С.Г.

Проблемы юридической ответственности вообще и уголовной ответственности в частности всегда привлекают пристальное внимание специалистов [1; 2; 3]. В Республике Беларусь научные исследования в области уголовного права основательно и давно ведут многие ученые, имена которых хорошо известны у нас в республике и далеко за ее пределами [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Не остается без внимания и такой вид юридической ответственности, как административная ответственность [11; 12; 13; 14; 15].

Учеными давались различные определения юридической ответственности. Общим, что объединяло точки зрения этих ученых, было указание на то, что юридическая ответственность – это форма (мера) государственного принуждения [16, с. 432; 17, с. 94]. Отдельные ученые определяли юридическую ответственность как правоотношение, в котором у каждой из сторон есть свои права и обязанности [18, с. 503]. Другие под юридической ответственностью предлагают понимать «особую правовую реакцию общества по защите публичных интересов, оформленную совокупностью материальных и процессуальных норм, в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных для него последствий» [19, с. 49].

Сравнивая нормы различных отраслей права, которыми решаются вопросы юридической ответственности, можно утверждать, что уголовное право является более развитым в научном плане, здесь значительно меньше пробелов, упущений, противоречий. Хотя, надо отметить, что оно также подвергается частой корректировке.

Вместе с тем полагаем, что нормативные акты (кодексы), которыми определяются принципы, основания и пределы ответственности, должны быть сбалансированными. Особенно это касается Уголовного кодекса Республики Беларусь (в дальнейшем – УК) и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (в дальнейшем – КоАП). Они часто влияют друг на друга: иногда некоторые составы подвергаются декриминализации или, наоборот, административные правонарушения посредством внесения изменений в УК становятся уголовно наказуемыми деяниями.

Конечно, действующий КоАП существенно отличается в лучшую сторону от предыдущего, принятого в 1984 году. Он является более современным, вос-

принявшим много полезного из УК. Влияние последнего очевидно, если сравнить Общие части УК и КоАП. Так, первые разделы Общих частей УК и КоАП во многом схожи. В них определено место и роль УК и КоАП, задачи кодексов, даны разъяснения понятий, изложены принципы ответственности. При этом в качестве позитивного момента отметим, что в ст. 3 УК сформулированы не только упомянутые принципы, но еще и принцип уголовного закона. В обоих кодексах определены правила действия уголовного закона и КоАП во времени и пространстве. Однако УК вновь позитивно отличается в части более конкретного изложения того, когда следует считать совершенным преступление на территории Республики Беларусь (ст. 5). Такой подход был бы полезен и при решении вопроса об административной ответственности в связи с совершением, например, таможенных правонарушений или правонарушений, связанных с пересечением государственной границы.

С учетом подхода, сформулированного в УК, и наличия в нем норм с административной преюдицией считаем также необходимым в КоАП использовать правило, содержащееся в ст. 8 УК о юридическом значении факта совершения правонарушения, имевшего место на территории иностранного государства.

Имеются в УК и иные нормы, воспроизведение которых в КоАП было бы полезным для обеспечения единообразной правоприменительной практики. Например, о разъяснении того, что является превышением пределов необходимой обороны, о том, какой риск признается обоснованным и др.

Вместе с тем нельзя идеализировать УК. Именно в связи с его несовершенством, возникновением новых потребностей в правовом регулировании общественных отношений осуществляются многочисленные научные исследования, в том числе готовятся диссертации, проекты законов о внесении изменений и дополнений в УК. Так, можно обратить внимание на такой формально-сущностный недостаток УК, как отсутствие в ст. 57 разъяснения того, что следует понимать под лишением свободы, в чем его сущность. Как ни странно, в УК в отношении менее строгих наказаний (общественные работы, арест, ограничение свободы и др.) раскрывается их содержание, а в отношении таких мер наказания, как лишение свободы и пожизненное заключение, определений этих понятий не имеется.

В лучшую сторону отличается Уголовный кодекс Российской Федерации. В ст.ст. 56, 57 Кодекса даются определения указанных понятий. Так, лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. В этой связи логично использование в российском законе понятия «пожизненное лишение свободы», которое устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших че-

тырнадцатилетнего возраста (в отличие от используемого в белорусском УК понятия «пожизненное заключение»).

В юридической науке известен принцип недопустимости повторного привлечения к юридической ответственности за одно и то же правонарушение (так называемый принцип non bis in idem). Отметим, что принцип недопустимости повторного привлечения к ответственности не ограничивается только отраслью уголовного права, он имеет межотраслевой характер и распространяет свое действие на все виды юридической ответственности. Защита от повторного привлечения к ответственности одна из специальных гарантий, связанных с общей гарантией права на справедливое судебное разбирательство. Отметим, что он имеет давнюю историю. Берет свое начало со времен римского права и постоянно обогащался новым содержанием [20, с. 67–68]. В современный период получил свое закрепление в национальном законодательстве ряда государств, а также международных документах, актах судебных органов, в том числе Европейского Суда по правам человека.

На наш взгляд, структура УК в целом приемлема. Этого нельзя сказать о структуре КоАП. В качестве примера обратимся к гл. 9 КоАП, которая посвящена административной ответственности за нарушения прав и свобод человека и гражданина. Если проанализировать размещение составов правонарушений, то законодатель не обеспечил последовательность, логику размещения.

Во-первых, уже само название гл. 9 – «Административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина» – не вполне корректно: указывается на правонарушения против здоровья, чести и достоинства. Но право на охрану здоровья, право на защиту чести и достоинства, которые закреплены соответственно в ст. 45 и ст. 28 Конституции, охватываются общим понятием – права гражданина. Поэтому было бы достаточным назвать гл. 9 лаконично. «Административные правонарушения, посягающие на права и свободы человека и гражданина».

Во-вторых, нет последовательности. Статьи, схожие по тематике, следовало бы размещать рядом. Например, близкие по своей направленности нормы об ответственности за нарушение законодательства об обращениях и законодательства о книге замечаний и предложений размещены соответственно в ст.ст. 9.13 и 9.24, в ст. 9.4 предусматривается ответственность за невыполнение обязанности по воспитанию детей, через 22 статьи мы находим ст. 9.27, в которой идет речь об ответственности родителей за уклонение от трудоустройства по судебному постановлению; ответственность за нарушение трудовых прав закреплена в ст. 9.16 (отказ в приеме на работу), а в ст. 9.19 – за нарушение законодательства о труде (можно предположить, что отказ в приеме на работу не является нарушением законодательства о труде, но это не так). Сначала идет статья относительно нарушений законодательства о пенсионном обеспечении (ст. 9.14), затем – о занятости, о приеме на работу, хотя построение должно быть иным: пенсионное обеспечение насту-

пает после приобретения человеком соответствующего стажа работы. Такие примеры можно приводить еще.

В-третьих, санкции в статьях КоАП не сбалансированы. Оценка объективной стороны правонарушений и тяжести наступивших последствий, на наш взгляд, далека от идеала. Ведь при установлении меры ответственности необходимо руководствоваться принципом соразмерности ответственности совершенному деянию, что более характерно для УК, в котором этот принцип получил более полное свое воплощение. Так, в КоАП ответственность за умышленное причинение телесных повреждений меньше, чем ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу. За невыполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 9.24) ответственность значительно мягче, чем за жестокое обращение с животными (ст. 15.45). Кстати, уже пришло время, с учетом более высокого уровня нравственности, пересмотреть и диспозицию ст. 15.45 с тем, чтобы ответственность наступала не только за «жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель», но и просто за жестокое обращение с животными. В перспективе следовало бы, по примеру ряда стран, принять специальный закон, который бы регламентировал «эксплуатацию» животных, условия их содержания и т. п.

Сопоставляя меры уголовной ответственности и административной ответственности за нарушения некоторых прав и свобод человека, можем также отметить, что они должны быть лучше сбалансированы. На наш взгляд, ряд составов преступлений против конституционных прав и свобод, чему посвящена гл. 23 УК, следовало бы декриминализировать и тем самым пополнить гл. 9 КоАП новыми статьями. Это не умалило бы значение защиты этих прав, а, наоборот, сделало бы их защиту более эффективной, меры ответственности – «работающими». Например, это могло коснуться ст. 197 УК, в которой предусмотрена ответственность за преследование граждан за критику (уголовную ответственность можно было сохранить за повторное после наложения административного взыскания правонарушение). Возможна уголовная ответственность в случае повторного совершения правонарушения в течение года после наложения административного взыскания, т. е. можно говорить об административной преюдиции при решении в дальнейшем вопроса об уголовной ответственности за аналогичные правонарушения, например, ответственности за клевету или оскорбление (ст. 188, 189 УК).

Что касается структуры Особенной части Уголовного кодекса, то если проанализировать его раздел 7, можно согласиться с подходом законодателя: хотя об ответственности за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина идет речь в гл. 23, однако иные разделы (19–22) также посвящены защите прав и свобод человека. Подчеркнем лишь, что в гл. 23 УК идет речь о некоторых личных и политических правах. Законодатель назвал их «конституционными», хотя и иные права являются не менее «конституционными».

Насколько известно, в уголовно-правовых отношениях наиболее строго соблюдается принцип непридания акту, устанавливающему либо усиливаю-

щему ответственность за преступление, обратной силы. В этом отношении показательны содержание ст. 9 УК и практика ее применения. К сожалению, иначе формируется практика в административно-деликтном праве. И повод для этого в некоторой степени дает сам КоАП в силу несогласованности его норм. Так, в части первой ст. 6.5 КоАП предусмотрено наложение штрафа в размере, определяемом применительно к базовой величине, установленной **на день вынесения** постановления о наложения взыскания. На практике это приводит к игнорированию закрепленного в ст. 104 Конституции и ст. 1.5 КоАП принципа о недопустимости придания нормам, усиливающим ответственность, обратной силы. С таким подходом на практике еще можно было бы согласиться, если бы одновременно с увеличением базовой величины, что автоматически ведет к увеличению административного штрафа, решался бы вопрос о пропорциональном увеличении заработной платы. На деле же нередки случаи разновременного их решения.

Конечно, в перспективе, по мере стабилизации финансовой и экономической системы, могут быть случаи, когда изменение базовой величины будет произведено в меньшую сторону. Кроме того, в п. 3 примечания к гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (преступления против собственности) прописано, что значительным размером (ущербом в значительном размере) признается размер (ущерб) на сумму, в сорок и более раз превышающую **размер базовой величины, установленный на день совершения преступления,** крупным размером (ущербом в крупном размере) – в двести пятьдесят и более раз, особо крупным размером (ущербом в особо крупном размере) – в тысячу и более раз превышающую размер такой базовой величины.

П. 2 примечания к гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь регламентирует, что крупным размером (ущербом в крупном размере) признается размер (ущерб) на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую **размер базовой величины, установленный на день совершения преступления**, особо крупным размером (ущербом в особо крупном размере) – в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Республики Беларусь находятся на одной ступени иерархической лестницы нормативных правовых актов Республики Беларусь, но если в одном кодексе указанный принцип соблюдается, то в другом игнорируется.

Вышеизложенные доводы, полагаю, позволяют сделать обоснованный вывод о необходимости внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 6.5 КоАП Республики Беларусь, **изложив ее в следующей редакции:** «штраф является денежным взысканием, размер которого определяется в белорусских рублях исходя из базовой величины, установленной законодательством Республики Беларусь **на день совершения административного правонарушения,** а в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, – в процентном либо кратном отношении к стоимости предмета совершенного

административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо к доходу, полученному в результате сделки».

В качестве альтернативного варианта ч. 1 ст. 6.5 КоАП Республики Беларусь можно было бы дополнить словами «если иное не предусмотрено ст. 1.5 настоящего Кодекса».

Отметим, что, на наш взгляд, первый из предложенных вариантов представляется более удачным.

В ст. 4.2 КоАП, посвященной принципам административной ответственности, необходимо закрепить указанный правовой принцип. В этих целях, например, в части седьмой указанной статьи необходимо дополнить предложением следующего содержания: «Законодательный акт, усиливающий или устанавливающий административную ответственность, не имеет обратной силы».

Необходимо сбалансировать сроки для привлечения к уголовной и административной ответственности. Согласно КоАП лицо считается имеющим административное взыскание **в течение года со дня его исполнения.** В статьях УК с административной преюдицией (например, см. ст. 317^1) «привязка» сделана **к дате наложения административного взыскания.** Предлагаем в соответствующих статьях УК слова «в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения» заменить словами «в течение года после исполнения наложенного административного взыскания за такие же нарушения». Такое предложение обусловлено многочисленными фактами умышленного неисполнения наложенного административного взыскания. В уголовном законе на этот счет предусмотрены необходимые меры воздействия для лиц, уклоняющихся от исполнения приговора, в административно-деликтном праве рычаги воздействия менее эффективны. Высказанное выше предложение может способствовать неукоснительному соблюдению законодательства.

Этому же могло бы послужить и уточнение редакции ст. 423 УК, в которой следовало бы предусмотреть ответственность всех лиц, а не только должностных, за неисполнение вступившего в законную силу судебного акта либо воспрепятствование его исполнению. При этом уголовная ответственность наступала бы, если ранее наложенное административное взыскание не оказало должного воздействия.

Ст. 86 УК предусматривает освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности. В этом случае, в частности, может быть наложен штраф в размере от пяти до тридцати базовых величин. Вместе с тем следует учитывать, что по КоАП за аналогичные правонарушения может наступать более существенная штрафная ответственность. Например, можно сравнить часть первую ст. 243 УК и часть седьмую ст. 13.6 КоАП. По нормам КоАП ответственность составляет от двадцати до шестидесяти базовых величин. Для исключения таких коллизий предлагается абзац второй ст. 86 УК дополнить словами: «если более высокий размер штрафа не предусмотрен КоАП за совершение аналогичного административного правонарушения».

В части первой ст. 88[1] УК следует закрепить норму, в которой была учтена сложившаяся практика возмещения причиненного ущерба с использованием соответствующих коэффициентов (ущерб обычно возмещается в полуторном или ином более высоком размере). Без закрепления такой нормы в УК не исключается ситуация, когда по истечении срока давности (в иной ситуации) некоторые лица могут потребовать возврата «излишне» уплаченных сумм (сверх причиненного ущерба).

В уголовном праве достаточно распространенной является практика назначения исправительных работ. Ни одна из статей Особенной части КоАП не содержит такой вид административного взыскания, как исправительные работы.

Применение исправительных работ как меры административной ответственности связано с действием норм УК Республики Беларусь. Так, согласно ст. 86 этого Кодекса лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее ущерб либо иным образом загладившее нанесенный преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно без применения наказания или иных мер уголовной ответственности. К лицам, освобождаемым от уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 указанной статьи, могут быть применены следующие меры административного взыскания: исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20 % из заработка; административный арест на срок до 15 суток.

Анализ рассматриваемых статей КоАП и УК Республики Беларусь показывает, что законодатель допускает освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности и определяет виды таких взысканий.

КоАП и УК Республики Беларусь находятся на одной ступени иерархической лестницы нормативных правовых актов.

В силу того, что санкции статей Особенной части КоАП не содержат такого вида административного взыскания, как исправительные работы, высказываются сомнения относительно возможности применения ст. 86 УК Республики Беларусь.

Допустимо придерживаться взгляда о том, что виновное лицо, совершившее какое-либо уголовно наказуемое деяние и подлежащее освобождению от уголовной ответственности с соблюдением правил ст. 86 УК Республики Беларусь, может быть освобождено от уголовной ответственности, если такой вид административно наказуемого деяния предусмотрен соответствующей статьей КоАП и ее санкция не противоречит правилам, изложенным в

ст. 86 УК Республики Беларусь (например, ст. 17.1 КоАП – мелкое хулиганство и чч. 1, 2 ст. 339 УК Республики Беларусь – хулиганство).

Однако и этот подход не является идеальным, поскольку цель ст. 86 УК Республики Беларусь иная − ограничиться мерами воспитательного характера в «объеме» административного законодательства. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 86 УК Республики Беларусь освобождение от уголовной ответственности не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьей Особенной части УК Республики Беларусь, т. е. ранее привлекалось к административной ответственности, а за повторное деяние предусмотрена уголовная ответственность. Полагаем, что такой подход законодателя является ошибочным, поскольку ст. 86 УК Республики Беларусь применяется при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности либо менее тяжких, т. е. максимальное наказание за которые может быть до шести лет лишения свободы. Это вряд ли сопоставимо с тем фактом, что лицо ранее совершило административное правонарушение, но данная мера на предыдущем этапе не оказала своего воздействия: совершено новое правонарушение и лицо привлекается уже к уголовной ответственности, поэтому нельзя применять ст. 86 УК Республики Беларусь. Полагаем, что указанное ограничение должно быть исключено из данной статьи.

На практике может иметь место ситуация, когда одно лицо совершает преступление, не представляющее большой общественной опасности, но оно ранее привлекалось к административной ответственности, а другое – менее тяжкое, т. е. имеющее более негативные последствия для общества. В таком случае к первому лицу ст. 86 УК Республики Беларусь неприменима, а ко второму допустимо ее использовать.

Анализ норм КоАП и ПИКоАП позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, исправительные работы назначаются уже работающему лицу, и они являются своего рода «рассрочкой штрафа», так как в период исполнения исправительных работ производятся удержания из заработной платы. В настоящее время, в отличие от советского периода, нет всеобщей обязанности трудиться. Главное, чтобы лицо не допускало правонарушений, имело законный источник существования. Тогда не возникает вопроса о привлечении к ответственности.

Таким образом, существует необходимость дальнейшего согласования (сбалансирования) норм уголовного и административно-деликтного права. Этот процесс является взаимообусловленным, так как указанные отрасли имеют общие цели – предупреждение правонарушений, наказание виновных с учетом тяжести и характера виновного деяния.

Список цитированных источников

1. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности / Ю.А. Денисов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. – 141 с.

2. Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского, Э.А. Саркисовой. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1996. – 115 с.

3. Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Ученые записки Тартусского государственного университета / отв. ред. П.А. Варул, И. А. Ребане. – Тарту: ТГУ, 1989. – 225 с.

4. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие / Н.А. Бабий. – Минск: Тесей, 2008. – 176 с.

5. Багрий-Шахматов, Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. – Минск: Вышэйшая школа, 1976. – 384 с.

6. Горелик, И.И. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного Суда БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1973. – 224 с.

7. Горелик, И.И. Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1976. – 240 с.

8. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – 366 с.

9. Хомич, В.М. Форма реализации уголовной ответственности / В.М. Хомич. – Минск: БГУ, 1998. – 132 с.

10. Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (проблемы и перспективы): тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. факультета БГУ (28 февр. 1997 г.) / под ред. В.М. Хомича. – Минск, 1997. – 175 с.

11. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие / Д.Н. Бахрах. – М.: Изд-во Урал. ун-та, 1989; Свердловск: Юриспруденция, 1989. – 204 с.

12. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР / И.А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.

13. Крамник, А.Н. Административно-деликтное право. Ч. 2. Общая часть / А.Н. Крамник. – 2-е изд. – Минск: БГУ, 2009. – 379 с.

14. Круглов, В.А. О понятии административной ответственности / В.А. Круглов // Юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 37–41.

15. Круглов, В.А. Административная ответственность. Общие положения / В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2004. – 160 с.

16. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.И. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2009. – 432 с.

17. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1978. – 215 с.

18. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 1997. – 526 с.

19. Серков, П.П. О понятии юридической ответственности / П.П. Серков // Журнал Российского права. – 2010. – № 8. – С. 42–49.

20. Старостина, П.В. Принцип non bis in idem в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) / П.В. Старостина // Административное право и процесс. – 2013. – № 4. – С. 67–71.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Статья посвящена оптимизации уголовной и административной ответственности, чего можно добиться за счет сбалансированности норм указанных отраслей права. Обращается внимание на различные подходы законодателя при установлении указанных видов ответственности, что особенно недопустимо, когда решаются взаимосвязанные вопросы (основание, сроки, преюдиция, пределы ответственности). Вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

The article is devoted to the optimization of criminal and administrative charges, which can be achieved by a balance between these areas of law rules. Draws attention to the different approaches of the legislator in establishing these types of liability, which is particularly unacceptable when related issues are resolved (base period, collateral estoppel, the limits of liability). Makes suggestions to improve the legislation.

О СУБЪЕКТАХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Карабельникова А.С.

В Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ООН против коррупции особое внимание уделено определению субъектов коррупционных преступлений, к которым относятся публичные должностные лица, иностранные публичные должностные лица, должностные лица международной организации, лица, которые руководят предприятиями или работой организации частного сектора или работают в них, юридические лица. Государства, ратифицировавшие Конвенции, поразному отразили в своем законодательстве нормы о субъекте. В большинстве стран коррупционные преступления совершаются должностными лицами, в некоторых государствах преступления должностных лиц частных организаций не относятся к числу коррупционных. Дискуссионным является вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц за участие в совершении или за совершение коррупционных преступлений.

Различные аспекты уголовно-правового понятия должностного лица и ответственности за совершение должностных преступлений изучались многими учеными: А.Я. Аснисом, А.В. Бриллиантовым, Н.В. Бугаевской, Б.В. Волженкиным, В.А. Волколуповой, А.А. Горняцким, В.Н. Григорьевым, А.В. Дуловым, Н.А. Егоровой, Б.В. Здравомысловым, Ю.В. Золотухиным, А.К. Квициниа, В.Ф. Кириченко, Н.М. Ковалевой, М.Д. Лысовым, В.Е. Мельниковой, М.Л. Мирзориным, Ю.В. Портновой, А.Б. Сахаровым, А.Я. Светловым, А.Н. Халиковым, А.В. Шнитенковым и др. Вместе с тем изучению понятия субъекта коррупционного преступления посвящено небольшое количество исследований. Анализ содержания термина «субъекты коррупционных преступлений» содержится в работах С.З. Абдрахманова, А.В. Баркова, Е.С. Кемали, Ю.И. Феркалюка и др., в научных публикациях И.Б. Малиновского, Т.Л. Козлова, В.А. Лобырева, Е.В. Марьиной, И.М. Сичинавы, М.Н. Хачатуряна и др. об ответственности за

коррупционные преступления раскрыты отдельные аспекты понятия субъектов таких преступлений.

Изучение способов имплементации норм Конвенций, а также практики законодательного регулирования понятия субъекта коррупционных преступлений в других государствах представляет интерес в аспекте выработки путей согласования понятия субъекта коррупционных правонарушений в законодательстве Беларуси о борьбе с коррупцией и об ответственности за коррупционные преступления, решения вопроса о целесообразности закрепления уголовной и (или) административной ответственности юридических лиц за коррупцию.

Анализ статей УК Беларуси, предусматривающих ответственность за преступления, названные в перечне коррупционных преступлений, утвержденном постановлением Генеральной прокуратуры, КГК, ОАЦ при Президенте, МВД и КГБ Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6 (далее – перечень коррупционных преступлений), показывает, что субъектами коррупционных преступлений являются должностные лица (ст. 210, ч. 2 и ч. 3 ст. 235, ст.ст. 424, 425, ч. 2 и ч. 3 ст. 426, ст.ст. 429, 430, ч. 1 ст. 455 УК), начальники (ч. 1 ст. 455 УК), а также взяткодатели и посредники во взяточничестве (ст.ст. 431, 432 УК). Одновременно, согласно ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), к субъектам коррупционных правонарушений относятся государственные должностные лица, лица, приравненные к ним, иностранные должностные лица, лица, осуществляющие подкуп должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц. Данный перечень субъектов согласуется с нормами конвенций в области противодействия коррупции. Однако не все перечисленные лица являются субъектами коррупционных преступлений на основании УК Беларуси, например, государственные служащие, которые не относятся к категории должностных лиц; граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке кандидатами в Президенты, в депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания, депутаты местных Советов депутатов.

Ст. 433 УК позволяет привлекать к уголовной ответственности работника государственного органа либо иной государственной организации, не являющегося должностным лицом, за принятие имущества или иной выгоды имущественного характера, предоставляемых ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие) в пользу лица, предоставляющего такое имущество или другую выгоду имущественного характера, либо за выполняемую работу, входящую в круг его служебных (трудовых) обязанностей, помимо предусмотренной законодательством Республики Беларусь оплаты труда. Согласно перечню коррупционных преступлений, утвержденному постановлением Прокуратуры, МВД, КГБ Беларуси от 5 апреля 2007 г. № 17/94/11, преступление, предусмотренное ст. 433 УК, относилось к коррупционным. Вероятно, исключение ст. 433 УК из перечня коррупционных преступлений связано с тем, что субъектами принятия незаконного вознаграждения могут быть также лица, которые не отно-

сятся ни к государственным должностным, ни к приравненным к ним лицам на основании Закона о борьбе с коррупцией. Вместе с тем принятие незаконного вознаграждения государственным служащим содержит в себе признаки коррупции, закрепленные в абзаце втором ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией. Поэтому целесообразно дополнить действующий перечень коррупционных преступлений преступлением, предусмотренным ст. 433 УК, при условии совершения его государственным служащим, на которого распространяется действие законодательства Республики Беларусь о государственной службе, не являющимся должностным лицом.

В научной литературе обращалось внимание на то, что в УК не нашла воплощения идея дифференциации уголовной ответственности государственных должностных и приравненных к ним лиц, поэтому пределы ответственности государственных чиновников и менеджеров коммерческих организаций остаются одинаковыми [1, с. 51].

В связи с этим можно обратить к законодательному опыту Казахстана. Анализ закрепленных в п. 5 примечаний к ст. 307 УК преступлений показывает, что кроме взяткодателя и посредника во взяточничестве (ст.ст. 312, 313 УК Казахстана) в преобладающем большинстве коррупционных преступлений субъектами выступают лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, либо приравненные к ним лица [2]. Причем за совершение некоторых коррупционных преступлений, предусмотренных гл. 13 УК «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления», предусмотрена повышенная ответственность тех уполномоченных на выполнение государственных функций и приравненных к ним лиц, которые являются должностными лицами. При этом лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях, должностными лицами по УК Казахстана не являются.

Очевидно, что закрепление аналогичного подхода в УК Беларуси не позволит справедливо дифференцировать ответственность государственных должностных и приравненных к ним лиц, поскольку преобладающее большинство таких лиц относится к категории должностных, т. е. будет подлежать ответственности за совершение преступления с квалифицирующим признаком. В связи с этим А.В. Барков в качестве одного из способов согласования норм УК и Закона о борьбе с коррупцией предлагает предусмотреть в действующих статьях УК о преступлениях против интересов службы квалифицирующий признак в виде совершения преступления государственным должностным лицом [1, с. 51].

На наш взгляд, при реализации данного предложения следует учитывать, что по действующему УК государственные служащие, которые не относятся к категории должностных лиц, не являются субъектами коррупционных преступлений, предусмотренных перечнем. Поэтому одним из вариантов решения вопросов о дифференциации ответственности государственных должностных и приравненных к ним лиц и согласовании субъектов коррупционных преступлений по УК и Закону о борьбе с коррупцией, может стать за-

крепление в ст.ст. 424, 425, 426, 430 УК квалифицирующего признака в виде совершения преступления должностным лицом, являющимся государственным должностным лицом на основании Закона о борьбе с коррупцией.

Согласно ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и ст. 26 Конвенции ООН против коррупции, государствам – участникам следует принять меры для установления ответственности юридических лиц за совершение коррупционных преступлений, которая не обязательно должна быть уголовной.

При анализе в научной литературе необходимости и возможности установления уголовной ответственности юридических лиц отмечается основная проблема в данной сфере: признание юридического лица субъектом преступления не соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности [3, с. 84], имплементация норм об уголовной ответственности юридических лиц невозможна без кардинального изменения основных принципов УК [4, с. 88].

Противники идеи уголовной ответственности юридических лиц полагают, что есть и другие виды эффективного правового воздействия на юридические лица посредством административной и гражданско-правовой ответственности [4, с. 88]; что усиление ответственности юридических лиц можно осуществить средствами гражданского, налогового, финансового права [5, с. 19]; что можно имплементировать нормы международных конвенций с учетом сохранения незыблемых критериев института уголовной ответственности путем совмещения нескольких видов юридической ответственности [6, с. 23]; что закрепление ответственности юридических лиц в КоАП будет достаточно для выполнения требований конвенций [7, с. 35; 8, с. 28].

Однако А. Лукашев справедливо подчеркивает возникающее в последнем случае противоречие, когда совершение одного и того же деяния влечет одновременно уголовную ответственностью для физического лица и административную – для юридического. Поэтому, по его мнению, потребность в привлечении юридического лица к ответственности может быть реализована только посредством введения уголовной ответственности [9, с. 126–127, 130].

А.В. Наумов, не настаивая на необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц, отмечает, что она вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его [10, с. 409]. Е.Ю. Антонова считает, что юридические лица должны быть отнесены к числу субъектов коррупционных преступлений и нести уголовную ответственность за предоставление благ и преимуществ должностным лицам [11].

В научных публикациях предлагается несколько способов законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц. Е.В. Епифанова предлагает дополнить УК специальной статьей, содержащей понятие юридического лица как субъекта преступления [12, с. 4]. А.И. Коробеев считает возможным разграничить понятие субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности, закрепить в УК исчерпывающий перечень составов преступлений, за совершение которых может наступать уголовная ответственностью юридиче-

ских лиц, что не потребует изменений устоявшихся в уголовно-правовой доктрине понятия субъекта преступления и принципов уголовной ответственности [13, с. 437]. На наш взгляд, более удачный способ предложил П.И. Сащеко, который полагает, что с учетом сложности совмещения в действующем УК Беларуси положений об уголовной ответственности физических и юридических лиц, более предпочтительным способом решения проблемы является систематизация норм об уголовной ответственности юридических лиц в самостоятельном акте [14, с. 633–634].

В связи с необходимостью закрепления в законодательстве Беларуси ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения особый интерес представляет изучение законодательного опыта государств со схожей правовой системой.

В Российской Федерации вопрос ответственности юридических лиц за коррупцию решен путем дополнения КоАП РФ ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» [15]. Причем юридическое лицо подлежит административной ответственности не только за незаконную передачу от его имени или в его интересах должностным лицам или лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгод имущественного характера за определенные действия (бездействие), но и за предложение или обещание такой выгоды.

В Украине предпринято несколько попыток установления ответственности юридических лиц за коррупционные преступления. Законом от 11 июня 2009 г. «Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений», который так и не вступил в силу, устанавливалась ответственность юридического лица за совершение от его имени или в его интересах определенными лицами одного из перечисленных в законе коррупционных преступлений. Однако в Законе не определялся характер ответственности юридического лица: является ли она уголовной, административной или какой-либо иной [16].

22 мая 2013 г. Верховная Рада Украины приняла проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о выполнении Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины об ответственности юридических лиц» [17]. В данном проекте предусмотрено определение в УК конкретного перечня преступлений, за совершение которых уполномоченным лицом юридического лица к последнему могут применяться меры уголовно-правового характера, оснований освобождения юридического лица от их применения, видов мер уголовно-правового характера (штраф, конфискация имущества, ликвидация юридического лица) и общих правил их применения [18].

Для решения вопроса о наиболее оптимальном способе имплементации норм конвенций об ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения следует детально изучить практику применения законодательства Украины об уголовной ответственности юридических лиц и с учетом ее положительных и отрицательных аспектов более взвешенно подойти к ре-

шению вопроса о целесообразности закрепления уголовной ответственности юридических лиц в национальном законодательстве. В настоящее время в целях выполнения международных обязательств Беларуси в области борьбы с коррупцией необходимо дополнить КоАП Беларуси нормой об ответственности юридических лиц за дачу взятки от их имени или в их интересах.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В целях согласования норм Закона о борьбе с коррупцией о субъектах коррупционных преступлений и перечня коррупционных преступлений, целесообразно дополнить данный перечень преступлением, предусмотренным ст. 433 УК, при условии совершения его государственным служащим, на которого распространяется действие законодательства Республики Беларусь о государственной службе, не являющимся должностным лицом.

2. Одним из способов дифференциации ответственности государственных должностных и приравненных к ним лиц может стать закрепление в ст.ст. 424, 425, 426, 430 УК квалифицирующего признака в виде совершения преступления должностным лицом, являющимся государственным должностным лицом на основании Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией».

3. В связи с необходимостью выполнения международных обязательств Беларуси необходимо дополнить КоАП Беларуси нормой об ответственности юридических лиц за дачу взятки от их имени или в их интересах. С учетом практики зарубежных государств, установивших уголовную ответственностью юридических лиц за коррупционные преступления, следует изучить вопрос о целесообразности изменения действующей системы уголовного законодательства, согласно которой субъектом преступления может быть только физическое лицо.

Список цитированных источников

1. Барков, А.В. Субъекты коррупционных правонарушений: законодательство и правоприменительная практика / А.В. Барков // Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов, связанной с выявлением, предупреждением и пресечением коррупционных правонарушений: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2009 г. / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь; НПЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Конон (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – С. 50–55.

2. Уголовный кодекс Респ. Казахстан: 16 июля 1997 г., № 167-1 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003–2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

3. Цирин, А.М. Имплементация положений международных антикоррупционных конвенций: итоги и перспективы / А.М. Цирин // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – 2011. – Ч. 1. – С. 82–85.

4. Горелик, А.П. Конвергенция международного и российского антикоррупционного законодательства / А.П. Горелик // Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство: сб. материалов: в 2 ч. / А.В. Кудашкин [и др.]; под ред. О.С. Капинус, А.В. Кудашкина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М.: Академия Ген. прокуратуры РФ. – 2011. – Ч. 1. – С. 85–92.

5. Абдрахманов, С.З. Субъект коррупционных преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.З. Абдрахманов; Карагандинская юрид. акад. «Фемида». – Караганда, 2002. – 34 с.

6. Астанин, В.В. Нормы антикоррупционных конвенций и устои национальных правовых систем в характеристиках соотношения и взаимоучета / В.В. Астанин // Юрид. мир. – 2009. – № 3. – С. 21–23.

7. Ноздрачев, А.Ф. Коррупция как правовая проблема: в вопросах и ответах / А.Ф. Ноздрачев // Следователь. – 2008. № 8. – С. 28–39.

8. Улизко, К.А. Правовая характеристика некоторых изменений законодательства о противодействии коррупции / К.А. Улизко // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – № 5 (13). – С. 26–29.

9. Лукашев, А. Преступление как основание административной ответственности юридических лиц / А. Лукашев // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 125–130.

10. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т. 3. – 656 с.

11. Антонова, Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления / Е.Ю. Антонова // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

12. Епифанова, Е.В. Объективное вменение и юридическое лицо / Е.В. Епифанова // Следователь. – 2008. – № 9. – С. 2–5.

13. Полный курс уголовного права: в 5 т. / Ю.В. Голик [и др.]; под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008. – Т. 1. – 1133 с.

14. Сащеко, П.И. Перспективы введения в Республике Беларусь уголовной ответственности юридических лиц и проблемы кодификации / П.И. Сащеко // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Рос. конгресса уголовного права, Москва, 30–31 мая 2013 г. / Моск. гос. ун-т; отв. ред. В.С. Комиссаров. – М: Юрлитинформ, 2013. – С. 632–634.

15. Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

16. Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений: Закон Украины, 11 июня 2009 г., № 1507-VI // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – 2003-2012. – Режим доступа: http://base.spinform.ru. – Дата доступа: 14.09.2012.

17. Верховная Рада Украины приняла Закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины о выполнении Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины об ответственности юридических лиц» // Верховная Рада Украины [Электронный ресурс]. – 1994–2013. – Режим доступа: http://iportal.rada.gov.ua/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/page/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/77652.html#top. – Дата доступа: 19.08.2013.

18. Уголовная ответственность для юридических лиц (новое в 2013) // Delaros Prof business group [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://delaros.com/уголовная ответственность для юр. лиц/. – Дата доступа: 19.08.2013.

Дата поступления статьи – 09.09.2013.

В статье рассматривается необходимость согласования норм о субъектах коррупционных преступлений в Уголовном кодексе и Законе Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией». Для устранения противоречий в законодательных актах автор предлагает дополнить перечень коррупционных преступлений ст. 433 УК при условии совершения преступления государственным служащим; дифференцировать уголовную ответственность государственных должностных и приравненных к ним лиц. В статье анализируется проблема установления ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, предлагается закрепить в КоАП Беларуси норму об ответственности юридических лиц за дачу взятки.

The necessity of concordance of regulations on subjects of corruption crimes in Criminal Code and in the Law of Republic of Belarus from 20 July 2006 “On fighting corruption” is considered in the article. For elimination of contradictions in legislation the author proposes to add the article 433 of Criminal Code to the List of corruption crimes provided the crime is committed by the State employee; to differentiate the criminal responsibility of State officials and persons equated with them. The problem of establishing the responsibility of legal entities for corruption crimes is analysed in the article, the author proposes to add the regulation on responsibility of legal entities for bribe to the Code of the Republic of Belarus on administrative delinquencies.

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Книженко О.А.

Вопросы применения адекватной меры воздействия со стороны государства к лицу, совершившему преступление, остаются актуальными на протяжении всей истории человечества. Одной из таких мер воздействия на сегодня является пробация или, как ее еще по-другому называют, условное осуждение.

Целью этой работы является исследование становления института пробации не только в Украине, но и в целом, в мировом сообществе.

Анализ исторических источников свидетельствует, что начиная с 1887 г. институт условного осуждения воспринимается законодательством более ста государств, расположенных в пяти частях света. Целью его введения было желание изолировать лицо, совершившее преступление, от лиц, способствующим новичкам в формировании рецидивистов [1, с. 8].

Так, в 1887 г. парламентом Великобритании был принят закон, согласно которому суды имели право освобождать от отбывания наказания, связанного с лишением свободы, лиц, совершивших преступление впервые, и применять к осужденным пробацию. В 1889 г. в Австрии обсуждался вопрос о введении в уголовное законодательство условного осуждения, а в 1909 г. был опубликован проект закона, который предполагал возможность его применения только к лицам в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет при условии осуждения их к лишению свободы или штрафа. При этом планировалось учи-

тывать образ жизни этого лица, мотивы совершения преступления, поведение после его совершения [2, с. 17].

Исследуя развитие условного осуждения, Н.С. Тимашев отмечал, что при таком энергичном его распространении становится вполне понятным и многообразие его форм. К прежней англо-американской системы (формы), при которой условное осуждение применялось судом по своему усмотрению, присоединились еще четыре системы:

а) франко-бельгийская, которая, сохраняя условное осуждение судебным институтом, позволяет отсрочить уже назначенное наказание, но от дополнительных наказаний отказывается;

б) германская, которая, воспринимая признаки франко-бельгийской формы, передает право применения условного осуждения административным органам;

в) австралийская (или смешанная), которая составляет своеобразную комбинацию англо-американской и франко-бельгийской форм. Она восприняла их общий признак – судебный характер института и сочетание франко-бельгийской идеи отсрочки уже назначенного наказания с известными англо-американскому праву дополнительными мерами – порукой и контролем [3, с. 171];

г) отсрочки преследования, которая идею помилования случайного преступника приводит к тому, что условно лишает его даже от тяжести судебного процесса, поскольку осуждение лица и назначения ему наказания происходило в случае неоправдания проявленного к нему доверия [3, с. 172].

А.А. Пионтковский, анализируя формы проявления условного осуждения, выделял только две системы построения испытательного режима (условного осуждения). Первая заключается в том, что осужденный остается наедине со своими силами (эта система относится к европейскому виду испытания), вторая предполагает особый надзор за осужденным (она относится к Массачусетско-австрийскому виду). По убеждению ученого, вторая классификация является более привлекательной, поскольку она не подвластна времени, чего нельзя сказать о первой, которая выделяет формы условного осуждения в зависимости от понимания его юридической природы [2, с. 167].

М.С. Тимашев в 1913 г. обратил внимание на тенденцию, свидетельствующую о новом периоде в истории условного осуждения. Она заключалась в стремлении законодательств разных стран к большему единству, чем это наблюдалось ранее. Это выражалось: во-первых, в полном отказе от германской формы условного осуждения и в отсутствии новых завоеваний со стороны системы отсрочки преследования, во-вторых, в применении франко-бельгийской формы на практике, в-третьих, в постепенном вытеснении австралийской (смешанной) форме англо-американской и франко-бельгийской систем [3, с. 172]. Однако эта позиция встретила резкую критику со стороны А.А. Пионтковского, который подчеркивал, что о создании для этого института универсальной формы его выражения, пригодной для всех стран и народов не может быть и речи. Характер и особенности форм выражения этого

института находятся в тесной связи с характером и особенностями юридической и общественной жизни народа. При построении этого института может идти только о построении его применительно к условиям жизни того или иного народа [2, с. 137].

Чтобы подробнее исследовать этот вопрос, обратимся к уголовному законодательству отдельных стран. Так, УК ФРГ 1871 г. (гл. IV) позволяет судам условно отсрочить назначено наказание, не превышающего одного года лишения свободы (при исключительных обстоятельствах – двух лет). Во время испытательного срока, который мог длиться от двух до пяти лет, суд имел право назначить для осужденного специального помощника (прототип probation officer Массачусетской системы) и возложить на него обязанности. К этим обязанностям относятся: а) посильное возмещение вреда, причиненного совершенным деянием; б) выплата денежной суммы в пользу общественного учреждения, если это вызвано совершенным деянием или личностью осужденного; в) выполнения иных общественно полезных работ; г) уплата денежной суммы в казну. Кроме того, суд в течение испытательного срока вправе назначить осужденному следующее: а) соблюдать предписания, касающиеся местонахождения, работы или свободного времени или ведения его хозяйственных дел; б) появляться в назначенное время в суд или в другое учреждение; в) не общаться с определенными лицами, которые могут стимулировать виновного к совершению новых преступлений, и др. [4, с. 156–158].

В Англии по закону о полномочиях уголовных судов от 1973 г., учитывая обстоятельства совершенного преступления и личность виновного, суд вправе применять пробацию или условное освобождение. В частности, лицу, в отношении которого применена пробация, одновременно с требованием несовершения нового преступления могут назначаться дополнительные обязанности, которые суд сочтет необходимыми для обеспечения его правомерного поведения. Кроме того, условно осужденный должен находиться под наблюдением должностного лица [5, с. 20, 26]. Наряду с указанными мерами уголовно-правового воздействия суд, при назначении наказания в виде лишения свободы сроком до двух лет, имеет право отсрочить исполнение наказания от одного до двух лет с помещением осужденного под надзор должностного лица или без такового помещения. При совершении нового преступления в течение условной отсрочки суд выносит решение о выполнении назначенного лишения свободы [5, с. 33–35].

Согласно Уголовному кодексу Голландии судья, который выносит решение об отсрочке назначенного наказания, должен определить срок пробации (срок испытательного срока) и условия ее прохождения (ст. 14 b). В период срока пробации суд вправе возложить на осужденного отдельные обязанности: возместить ущерб, направить осужденного в учреждение для лечения и др. (ст. 14 c). Надзор за выполнением этих обязанностей осуществляет Служба публичного обвинения. Судья имеет право назначить специального чиновника для содействия осужденному в соблюдении требований правосудия

(ст. 14 d). В случае невыполнения условий пробации, суд принимает решение о введении в действие приговора к тюремному заключению [6, с. 43–45].

В США в соответствии со Сводом законов США (§ 3561) к осужденному также может применяться пробация с требованием несовершения нового преступления и выполнения возложенных на него судом обязанностей. Срок пробации, в течение которого лицо находится под наблюдением должностного лица и который зависит от вида совершенного преступления и поведения осужденного, может быть судом продлен или сокращен [5, с. 80]. Отдельным штатам, в частности штата Нью-Йорк, наряду с пробацией присуще и условное освобождение (§§ 65.00–65.05),которое применяется, если пробационный надзор в данном случае не подходит [5, с. 135–137]. Условия пробации и условного освобождения подобны, а потому урегулированы одной нормой (§ 65.10) [5, с. 138].

Шведскому уголовному законодательству наряду с условным приговором (гл. 27) известна и пробация (гл. 28), которые назначаются судом за совершение преступления в случае, когда санкция в виде штрафа рассматривается как недостаточная. В таком случае осужденный подвергается пробационному сроку в два года при вынесении условного приговора, и три года – при пробации [7, с. 223–231]. При этом следует обратить внимание, что УК Швеции не определяет основания применения этих видов уголовно-правового воздействия, оставляя решение этого вопроса на усмотрение суда. Полагаем, что отсутствие законодательного определения таких оснований является существенным недостатком, поскольку не позволяет установить четкой границы с другими мерами уголовно-правового воздействия.

Согласно УК Франции лицу одновременно с простой отсрочкой исполнения приговора (ст. 132–30), которая применяется в случае осуждения его к тюремному заключению сроком не более пяти лет за совершение общеуголовного преступления или проступка, суд вправе отсрочить исполнение наказания с режимом испытания (ст. 132–40). В период испытательного срока на осужденного может быть возложено выполнение следующих обязанностей: а) отвечать на вызовы судьи по исполнению наказаний или специально назначенного агента пробации; б) принимать посещения агента и предоставлять ему сведения и документы, необходимые для осуществления контроля за средствами существования; в) предупреждать агента об изменении своего места работы (жительства); г) получать предварительное разрешение судьи на любое перемещение за границу, если это может повредить выполнению осужденным своих обязанностей. Помимо основной обязанности – несовершения нового преступления, за которое возможно назначение лишения свободы, на осужденного могут быть возложены и другие обязанности. Например, такими обязанностями могут быть: возмещение причиненного преступлением ущерба; обязанность не посещать определенные места; запрет на общение с определенными лицами, которые могут негативно влиять на его поведение, и др. Приговор с помещением осужденного в режим испытания бу-

дет считаться как несуществующий, если в отношении него не было вынесено решения о выполнении тюремного заключения [5, с. 220–223].

По законодательству Японии (ст.ст. 25, 26) отсрочка исполнения наказания применяется к лицам, осужденным к лишению свободы сроком не свыше трех лет либо к денежному штрафу на сумму не свыше пятисот тысяч иен. Такая отсрочка предоставляется от одного до пяти лет. В течение этого срока осужденный может находиться под наблюдением административной власти. Отсрочка обязательно отменяется в случае совершения им нового, более тяжкого преступления. Кроме этого приговор об отсрочке исполнения наказания может быть отменен, если: а) это лицо в период отсрочки вновь совершает преступление и подвергается за него штрафу; б) лицо, находящееся под надзором, не выполняет возложенных на него обязанностей; в) установлено, что это лицо до предоставления ему отсрочки исполнения наказания было приговорено к лишению свободы без принудительного труда или к более тяжкому наказанию за другое преступление и ему была предоставлена отсрочка исполнения этого наказания [8, с. 41–44].

Согласно УК КНР (ст. 72) в отношении осужденного к краткосрочному аресту, лишению свободы сроком до трех лет с учетом обстоятельств совершения преступления, а также раскаяния в содеянном, суд может применить условное осуждение. Назначенные дополнительные наказания в таком случае выполняются самостоятельно. Лицо в течение испытательного срока находится под надзором органов общественной безопасности и обязано выполнять обязанности, возложенные на нее правосудием (ст. 76). В случае совершения им в течение испытательного срока нового преступления, административного нарушения или нарушения правил органов общественной безопасности, условное осуждение аннулируется и назначенное наказание приводится в исполнение (ст. 77) [9, с. 271–272].

УК Республики Польша (ст. 69) предусматривает условную отсрочку исполнения наказания в виде лишения свободы сроком до двух лет, ограничения свободы или штрафа. При отсрочке исполнения наказания суд, принимает во внимание прежде всего личность виновного, его личные особенности и условия жизни, прежний образ жизни, а также поведение после совершения преступления. Испытательный срок устанавливается от двух до пяти лет – в случае условной отсрочки исполнения наказания лишением свободы или от одного до трех лет – в случае условной отсрочки исполнения штрафа или наказания ограничением свободы. Как и в законодательстве рассмотренных выше стран, суду предоставлено право возлагать на осужденного следующие обязанности: информировать суд или куратора о прохождении испытательного срока, извиниться перед потерпевшим, пройти курс лечения от алкоголя, возместить причиненный ущерб и т. д. (ст. 72). Отсрочивая исполнения наказания, суд вправе передать осужденного под надзор куратора или лица, заслуживающего доверия, объединению, учреждению или общественной организации (ст. 73). В таком случае суд обязан вынести постановление об исполнении наказания, если в течение испытательного срока осужденный совершил

подобное умышленное преступление, за которое назначено наказание в виде лишения свободы. В случае грубого нарушения осужденным в течение испытательного срока правопорядка или невыполнения им возложенных на него обязанностей суд вправе и не выносить такого постановления (ст. 75) [10, с. 81–85].

Согласно УК Испании (ст. 80) суд или трибунал, учитывая степень общественной опасности лица, своим мотивированным решением вправе отсрочить исполнение наказания в виде лишения свободы до двух лет. При этом срок отсрочки зависит от назначенного наказания и может длиться от трех месяцев до пяти лет. В случае нарушения виновным возложенных на него обязанностей суду предоставляется право продлить отсрочку до пяти лет (ст. 84). Кроме основного требования – не совершать нового преступления – на осужденного могут быть возложены следующие обязанности: не посещать определенные места, не покидать места жительства без разрешения суда, являться по вызову в суд и другие требования, которые суд считает необходимыми для социального перевоспитания лица (ст. 83). Надзор за осужденными возлагается на административную службу [11, с. 34–35].

По уголовному законодательству Латвийской Республики (ст. 55) также возможно применение условного осуждения, но не только к лишению свободы и ареста (как в КНР), но и к штрафу (как в Польше, Японии) или принудительных работ. Как и в КНР, дополнительные наказания при условном осуждении выполняются самостоятельно, на осужденного возлагаются определенные обязанности. В случае совершения осужденным в течение испытательного срока административного правонарушения или невыполнение без уважительных причин обязанностей, суд может принять решение об отбывании им наказания или о продлении испытательного срока. Если же лицом совершено новое преступление, наказание назначается по совокупности приговоров (как во Франции). Условно осужденные, как и в других рассматриваемых странах, также находятся под контролем [12, с. 49].

УК Белоруссии (ст.ст. 77, 78) предусматривает осуждение с отсрочкой исполнения наказания и осуждение с условным неприменением наказания. Такие виды осуждения отличаются тем, что условное неприменение наказания возможно не только к лишению свободы, но и к направлению в воинскую часть. Отсрочка предусматривает более широкий перечень обязанностей, которые могут быть возложены на лицо. Суд также вправе продлить отсрочку от шести месяцев до одного года, хотя продолжительность испытательного срока остается выше при условном неприменении наказания. Последствия отсрочки и условного неприменения наказания подобны последствиям условного осуждения, предусмотренного законодательством Латвии и КНР [13, с. 312].

По УК Российской Федерации 1996 года (ст. 73–78), если суд назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. Кроме

обязанности не совершать нового преступления, могут быть назначены дополнительные наказания (кроме конфискации имущества) и выполнение определенных обязательств. Согласно уголовному законодательству РФ испытательный срок может, как продляться, так и сокращаться. В период испытательного срока осужденный находится под контролем уполномоченных органов. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести, вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом. Если же это лицо в течение испытательного срока совершило умышленное преступление средней тяжести, умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление, суд отменяет условное осуждение и назначает ему соответствующее наказание [14, с. 173].

В Украине, с принятием Уголовного кодекса 2001 года, на смену условному осуждению и отсрочке отбывания наказания, которые были известны Уголовному кодексу 1960 года, пришло освобождение от отбывания наказания с испытанием. Этот институт относится к смешанной (австралийской) системе испытания, поскольку предусматривает контроль со стороны государственных органов, назначение дополнительных наказаний и обязанностей.

Проведенный анализ уголовного законодательства Украины и зарубежных стран, свидетельствует, что условное осуждение или освобождение от отбывания наказания с испытанием, или пробация, или отсрочка исполнения наказания предусмотрены во многих государствах. Практически одна и та же мера уголовно-правового воздействия в отношении осужденных в разных странах получила разные названия. О том, что это одна и та же форма уголовно-правового воздействия, говорят подобные основания, порядок и последствия их применения.

Таким образом, представляется вполне возможным согласиться с Н.С. Тимашевим, что постепенно австралийская (или смешанная) система условного осуждения, при которой лицо, находясь под надзором специальных органов, должно выполнять определенные обязанности и дополнительные наказания в случае их назначения, вытесняет англо-американскую и франко-бельгийскую формы испытания. Учитывая разновидности систем построения режима испытания или условного осуждения, предложенных А.А. Пионтковским, приходится признать, что на современном этапе преимущество получила система, предусматривающая помещение осужденного под специальный надзор.

Список цитированных источников

1. Фалеев, Н.И. Условное осуждение (новая область его применения). – М.: Правоведение, 1904. – 107 с.

2. Пионтковский, А.А. Об условном осуждении или системе испытания. Одесса: Типо-Литогр. штаба Одес. воен. округа, 1894. – 187 с.

3. Тимашев, Н.С. Новейший фазис в истории института условного осуждения // Журнал М-ва юстиции. – 1913. – № 7. – С. 168–196.

4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под ред. Д.А. Шестакова. – СПб., 2003. – 524 с.
5. Уголовное законодательство зарубежных стан (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало, 1999. – 352 с.
6. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – 253 с.
7. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев; пер. С.С. Беляева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 320 с.
8. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисловие А.И. Коробеева. – СПб.: Юриический центр Пресс, 2002. – 226 с.
9. Современное уголовное законодательство КНР. – М.: Муравей, 2000. – 432 с.
10. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашев, Н.Ф. Кузнецова; пер. с пол. Д.А. Барилович. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 234 с.
11. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с пер. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
12. Уголовный закон Латвийской Республики; пер. с лат. – Минск: Тесей, 1999. – 176 с.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь / вступ. ст. Л.И. Лукашова, Э.Л. Саркисовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2001. – 312 с.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект,1996. – 173 с.

Дата поступления статьи – 13.09.2013.

Исследован вопрос становления института пробации (условного осуждения) в уголовном праве. Установлено, что целью его введения было желание изолировать лицо, совершившее преступление, от лиц, способствующим новичкам в формировании рецидивистов. Анализ законодательств разных стран свидетельствует, что пробация в ее различных формах проявления предусмотрена во многих государствах. Однако на современном этапе преимущество получила система испытания, которая предусматривает помещение осужденного под специальный надзор. Таким образом, постепенно австралийская (или смешанная) система условного осуждения, при которой лицо, находясь под надзором специальных органов, должно выполнять возложенные на него обязанности и дополнительные наказания в случае их назначения, вытесняет англо-американскую и франко-бельгийскую формы испытания.

The question of becoming of institute of probacii (conditional conviction) is investigational in a criminal law. It is set that his purpose is a desire to insulate a person, committing crime, from persons, to the cooperant novices in forming of recidivists. The analysis of zakonodatel'stv of different countries testifies that probaciya in its different forms of display foreseen in many states. However on the modern stage advantage was scored a by the system of test, which foresees an apartment convict under the special supervision. Thus, gradually the Australian (or mixed) system of conditional conviction, at which a person, being under surveillance of the special organs, must execute the duties and additional punishments laid on him in the case of their setting, ousts the English-American and Free-Belgian forms of test.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В МИНИМАЛЬНЫХ СТАНДАРТНЫХ ПРАВИЛАХ ОБРАЩЕНИЯ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Козаченко Б.П., Кийко Н.В.

В условиях перехода нашей страны к рыночной экономике и происходящих в связи с этим преобразований, связанных с формированием гражданского общества и правового государства, возрастает роль правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с исполнением и отбыванием уголовного наказания в виде лишения свободы. Именно в этот период времени законодатель, признавая в соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь приоритет общепризнанных принципов международного права, постепенно обеспечивает соответствие им национального законодательства путем закрепления общепризнанных стандартов, ратификации новых международных договоров, соглашений и конвенций [1, с. 4]. Конституция впервые ввела международно-правовые акты в национальную правовую систему, легализовав тем самым возможность их применения для внутригосударственного регулирования.

С уверенностью можно констатировать, что влияние международного права на национальные правовые системы неизменно растет. Это обусловлено тем, что в его институтах и принципах изначально заложены общедемократические идеи, которые провозглашают приоритет человеческих ценностей над всеми остальными, тем самым продекларировано стремление к защите интересов всех без исключения граждан, обеспечение защиты их прав, свобод и законных интересов [2, с. 30]. Расширение политических, экономических, международных и других связей между государствами способствует сближению правовых систем. Как указывает А.Х. Саидов, «современные цивилизации не могут замкнуться исключительно на самих себе, отказаться от контактов и связей, а, следовательно, и от познания друг друга… Необходимость международного сотрудничества, глобальные проблемы современности (научно-технический прогресс, экология, демография и др.) требуют пристального внимания к основным правовым системам мира, нового видения существующих проблем» [3, с. 31].

Международные стандарты в области исполнения наказаний имеют своей целью обеспечение реализации правового положения лица, отбывающего наказание, защиту его прав и свобод. Вместе с тем соблюдение основных прав и свобод человека – не единственное содержание большинства международных правовых актов, регламентирующих взаимоотношения с лицами, лишенными свободы. Другими словами, международные стандарты обращения с заключенными – более широкое понятие, и основано оно не только на соблюдении прав находящихся в изоляции лиц, но и на мерах, обеспечивающих защиту общества от преступников, а также комплексе мер, направленных на их ресоциализацию. При этом содержащиеся в них требования относятся не только к государствам, но и к лицам, отбывающим наказания.

Кроме того, полагаем уместным отметить, что международные стандарты отчетливо не разделяют заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы, а в их тексте повсеместно используется термин «заключенный», обозначающий по сути обе указанные категории.

Изучение международных правовых актов и стандартов в сфере отправления правосудия позволяет констатировать, что правовая категория «законные интересы» в их текстах не встречается. Вместе с тем, на наш взгляд, ряд требований этих документов по смыслу представляют собой именно законные интересы лиц, отбывающих наказание, хотя таковыми и не именуются. Учитывая это, как нам представляется, логичным будет остановиться на их кратком анализе, так как полученные в процессе исследования выводы могут быть полезны в ходе дальнейшей работы по реализации требований Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [4].

Основополагающим международным документом в сфере отправления правосудия, направленным на совершенствование национального законодательства и практики в сфере исполнения наказания, по праву можно считать Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (далее – МСП), принятые 30 августа 1955 г. [5, с. 290].

П. 58 МСП определяет цели исполнения наказания в виде лишения свободы с позиции гуманизма, указывая целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы защиту общества и предотвращение угрожающих ему преступлений. Ее можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование [6, с. 25]. Исходя из данных принципов, конкретизируются остальные правила по обращению с заключенными, закрепленные в соответствующих разделах.

Из этого вытекает, что содержанием законных интересов осужденных выступают определенные правовые льготы для них, предоставление которых способствует и стимулирует исправление. При этом отличие законного интереса от права состоит в том, что осужденный не может требовать от администрации учреждения, исполняющего наказания, соблюдения законного интереса, а лишь ходатайствовать об этом. Соответственно, реализация законных интересов является правом уполномоченных органов.

Полагаем важным также отметить, что основные нормы, определяющие основополагающие начала правового положения и предполагающие при определенных условиях смягчение наказания путем закрепления различных правовых льгот отражены в МСП в общем виде. Следовательно, в них нет прямой ссылки на обязательность предоставления осужденным различных стимулов, однако поддержание контактов с внешним миром подразумевает под собой определенный механизм реализации, в том числе разрешение осужденным выездов, длительных свиданий с проживанием вне исправитель-

ного учреждения, создание условий для реализации возможности проживания за пределами исправительного учреждения [7, с. 16]. В этих институтах как раз и находят свое практические воплощение элементы прогрессивной системы отбывания наказания, основанные на изменении степени применяемых ограничений как важного фактора формирования самодисциплины и ответственности у лиц, отбывающих наказания [8, с. 37].

Так, в соответствие п. 17.3 МСП в исключительных случаях, когда заключенный покидает заведение с разрешения администрации, ему следует предоставлять право использования собственной одежды. Такая возможность может быть предоставлена как в случае выхода за пределы исправительного учреждения с целью поддержания контактов с семьей, так и в соответствии с п. 44.2 МСП, в случае смерти или серьезного заболевания любого из близких родственников. При этом, в зависимости от вида исправительного учреждения, личности осужденного и тяжести совершенного им преступления подобный выход может быть предоставлен как самостоятельно, так и под охраной соответствующих лиц. Такое положение, на наш взгляд, оказывает существенное воспитательное воздействие на заключенного, так как позволяет ему в трудную минуту быть рядом со своей семьей, что, несомненно, способствует выработке навыков правомерного поведения и положительно влияет на личность отбывающего наказание лица [9, с. 16].

В разделе «Контакты с внешним миром» (п. 37 МСП) говорится о том, что «заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями как в порядке переписки, так и в ходе посещений» [10, с. 85]. В свою очередь Рекомендация № R(82)16 Комитета Министров Совета Европы «Относительно предоставления краткосрочных отпусков заключенным» [11, с. 265], принятая 24 сентября 1982 г., закрепляет положение, согласно которому целесообразно «гарантировать отпуска из мест заключения на возможно более широких основаниях, таких как медицинские, образовательные, профессиональные, семейные и другие социальные потребности», а также «...информировать заключенного, возможно более полно, о причинах отказа в предоставлении отпуска». Полагаем, не вызывает сомнения тот факт, что такие контакты создают прочную основу ресоциализации осужденных и способствуют сохранению и укреплению семейных, родственных и иных социально полезных связей последних [12, с. 12]. Соответственно, реализацию такого стимула, как проведение свиданий за пределами исправительных учреждений, надо рассматривать в качестве законного интереса осужденного, так как решение о его предоставлении находится в компетенции администрации исправительного учреждения и принимается с учетом поведения осужденного, его отношения к основным средствам исправления. При этом, как отмечалось ранее, при предоставлении таких выездов осужденным разрешается использовать одежду гражданского образца, что, несомненно, направлено на интеграцию осужденного в свободное общество.

Рекомендации МСП, относящиеся к связям заключенных с внешним миром, их патронату после освобождения, состоят в следующем: заключенному следует помогать в поддержании и укреплении связей с лицами или учреждениями, находящимися за пределами места отбывания наказания, которые способны защищать интересы семьи заключенного и его социальной реабилитации; службы и учреждения, занимающиеся оказанием помощи освобожденным заключенным по их включению в жизнь общества, должны, насколько это возможно нужно, заботиться о том, чтобы они получали необходимые документы и удостоверения личности, находили жилье и работу, имели удовлетворительную одежду (с учетом климатических условий), располагали средствами, достаточными для проезда к месту назначения и проживания в течение периода, следующего за их освобождением [5, с. 290].

Так, согласно п. 79 МСП особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон. С учетом это уже с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет осужденного после его освобождения [13, с. 13]. Поэтому, обеспечивая реализацию законных интересов осужденных, следует помогать им поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения. Следует не забывать, что основная задача обращения тюремной администрации с заключенными состоит в поощрении самовоспитания и социальной реабилитации [14, с. 56].

Продолжая анализ проблем правовой регламентации законных интересов осужденных в международных актах, полагаем важным отметить, что в качестве законного интереса осужденных можно рассматривать и требование п. 60.2 МСП, согласно которого желательно, чтобы перед завершением срока наказания принимались меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе. Этой цели можно добиться вводя с учетом особенностей каждого правонарушителя особый режим для освобождаемых либо в самом заведении, либо в каком-нибудь другом учреждении или же освобождая заключенных на испытательный срок, в течение которого они все же остаются под надзором, при условии, что такой надзор не возлагается на полицейские власти и сочетается с эффективной социальной помощью. В этой связи хотелось бы отметить, что в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве это требование реализуется путем закрепленной возможности изменения условий отбывания наказания как в пределах одного исправительного учреждения, а так и путем изменения вида такого учреждения, замены наказания более мягким, условно-досрочного освобождения (ст.ст. 90, 91 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст.ст. 68, 69, 186, 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь).

Уместно было бы обратить внимание на то, что п. 70 МСП содержит требование, согласно которому в каждом заведении следует иметь систему

льгот и разрабатывать различные методы обращения с разными категориями заключенных, чтобы поощрять их к хорошему поведению, развивать в них чувство ответственности, прививать им интерес к их перевоспитанию и добиваться их сотрудничества. Это подразумевает создание механизма изменения степени применяемых правоограничений в зависимости от поведения осужденного, его отношения к труду. И, на наш взгляд, такой механизм как раз и выступает в качестве действенного стимула правопослушного поведения, обеспечивая должное положительное влияние на осужденного.

Как видим, основные постулаты прогрессивной системы отбывания наказания, находящие свое практическое выражение при реализации законных интересов осужденных, были сформулированы более полувека назад. Многие государства, следуя рекомендациям МСП, успешно реабилитируют бывших преступников и делают это весьма результативно, тем самым обеспечивая возвращение в общество граждан, способных вести правопослушный образ жизни. В Беларуси это направление ежегодно получает все большее распространение, и следует надеяться, что в скором времени будут видны его реальные результаты. В конечном счете, это будет способствовать приведению отечественного законодательства в соответствие с международными стандартами отправления правосудия, снижению уровня преступности в стране, усилению степени защищенности граждан от преступных посягательств и повышению правовой культуры населения.

Список цитированных источников

1. Барбук, А. Имплементация международного права в Республике Беларусь/ А. Барбук // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 4. – С. 3–11.

2. Кохман, В.Н. Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: монография. – Воронеж, 2008. – 205 с.

3. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности):учебник / под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2000. – 441 с.

4. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. –1/12207; – 2012. – № 8. – 1/13223.

5. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М.: Юрид. лит., 1990. – 672 с.

6. Демидова, О.В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов / О.В. Демидова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 5. – С. 25–28.

7. Соколов, А.А. Проблемы реализации законных интересов осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 1. – С. 16–18.

8. Ткачевский, Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Городец, 2007. – 237 с

9. Ворохобко, Л.Ю. Социально-полезные связи осужденных к лишению свободы с родственниками в процессе исправления и перевоспитания: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 19.00.08 / Л.Ю. Ворохобко. – М.: Академия МВД СССР, 1991.– 24 с.

10. Комментарий к Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2005. – 215 с.

11. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / сост.: Жданов Ю.Н. [и др.]. – М.: Спарк, 1998. – 388 с.

12. Чакубаш, Ю.В. Социально-педагогические основы деятельности пенитенциарной системы США: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ю.В. Чакубаш.– М., 1993. – 21 с.

13. Гармаш, А. Как бывшему осужденному не остаться на улице // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 45. – С. 13.

14. Ананьев, О.Г. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений: курс лекций. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 210 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье рассматриваются особенности института законных интересов осужденных к лишению свободы в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными. Проводится анализ механизма реализации законных интересов с указанием возможности внедрения требований международных стандартов в области отправления правосудия в отечественную правоприменительную практику.

The article discusses the features of the institute legal interests of persons sentenced to imprisonment in the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. The analysis of the mechanism of the legitimate interests indicating the possibility of implementation of international standards in the administration of justice in domestic law enforcement practices

ЗАЩИТА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Мартыненко И.Э.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, к числу жизненно важных интересов Республики Беларусь в социальной сфере относит сохранение и приумножение культурного наследия (п. 12). Обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и преемственно-цивилизационных норм общественной жизни.

Однако достижение этой цели исключительно силами и средствами государственных органов невозможно, ведь историко-культурное наследие – это национальное и общественное богатство, потому нуждается во всемерной охране, защите и восстановлении, в том числе путем активного участия институтов гражданского общества в правоохранительной деятельности.

В соответствии со ст. 15 Конституции Республики Беларусь государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного насле-

дия, за свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь. Данная конституционная норма является исходным звеном в формировании законодательной базы организационно-управ-ленческой, институциональной и правовой систем деятельности государства в сфере обеспечения сохранения историко-культурного наследия.

В то же время принятые в Беларуси нормативные акты далеки от совершенства, не согласуются между собой, а вновь разрабатываемые законопроекты диссонируют с международно-правовыми соглашениями и действующими законами, не содействуют разрешению правовых проблем охраны историко-культурного наследия. Кроме того, научно-теоретический ресурс, заложенный более двадцати лет назад в основу первых законов «О культуре в Республике Беларусь» от 4 июня 1991 г. и «Об охране историко-культурного наследия» от 13 ноября 1992 г. и их последующих новых редакций 2004–2006 гг., как определенный синтез памятниковедческих, культурологических и юридических идей, к настоящему времени в значительной мере исчерпал себя.

Поэтому требуется доктринально новое решение в обеспечении защищенности историко-культурного наследия с учетом новых знаний, полученного практического опыта и возможностей субъектов правоохранительной деятельности.

Этот факт дает основание формулировать вопрос о необходимости формирования общей системы правоохранительной деятельности как универсального института правоохранения историко-культурного наследия.

Правоохранительная деятельность должна носить системный и завершенный характер. Уникальность объекта охраны (историко-культурное наследие, историко-культурные ценности, памятники истории и культуры, культурные ценности) требует создания универсальной по сути правоохранительной системы, готовой ко всем изменениям в составе историко-культурного наследия антропогенного и природного характера. Именно это направление должно стать доминирующим, когда мы соприкасаемся с историко-культурным наследием.

Задача сохранения и восстановления историко-культурного наследия многоаспектная и не может быть разрешена на уровне отраслевого и даже комплексно-отраслевого регулирования. Решение ее возможно в рамках института правоохранительной деятельности, представляющего собой уникальную систему правоорганизации всех субъектов социальной деятельности при гарантированном воздействии государства в целях выявления, учета, охраны, реставрации и иных форм возрождения белорусского культурного наследия как части всемирного наследия.

Общетеоретические и прикладные вопросы правоохранительной деятельности в сфере историко-культурного наследия образуют предмет самостоятельного направления юридической науки – защита историко-культурного наследия как направление правоохранительной деятельности, разрабатываемого также на базе соответствующих разделов административного, гражданского, уголовного, международного права, прокурорского надзора.

Выдвигаемые обоснования нового направления (нового аспекта) в юридической науке опираются на методологический базис, объединяющий антологические, гносеологические и аксиологические подходы в изучении историко-культурного наследия и позволяющий использовать как основу правоохранительной деятельности по его сохранению.

Основные положения концепции сводятся к следующему.

1. Методологическим недостатком подходов к определению правоохранительной деятельности является ее отождествление исключительно с деятельностью правоохранительных органов, что приводит к недооценке охранительного потенциала негосударственных субъектов правоохранительной деятельности и значительно сужает ее содержание, цели и задачи в сфере историко-культурного наследия.

2. Нормативно определяя историко-культурное наследие как совокупность отличительных итогов и свидетельств исторического и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях, законодатель значительно сужает как понятие, так и состав историко-культурного наследия (т. е. получается, что охраняются только памятники как вид историко-культурных ценностей), в связи с чем предлагается их новое развернутое определение как объекта правоохранительной деятельности.

Правоохранительная деятельность в сфере историко-культурного наследия является проявлением правоохранительной функции государства, осуществляется посредством применения правовых методов и способов защиты принятых на государственный учет историко-культурных ценностей (это памятники истории, архитектуры и градостроительства, археологии, искусства, т. е. материального движимого и недвижимого историко-культурного наследия, воплощенного в памятниках, ансамблях и достопримечательных местах); нематериального историко-культурного наследия; вновь выявленных объектов, обладающих отличительными признаками для придания им статуса историко-культурной ценности; историко-культурных территорий; музеев-заповедников; культурных ценностей, составляющих музейный, библиотечный и архивные фонды (т. е. музейных ценностей, книжных и документальных памятников); военно-исторического наследия (поля сражений, воинские захоронения, военные дороги, мемориальные комплексы); объектов подводного культурного наследия; земель историко-культурного назначения; предметов, составляющих культурно-исторический фонд Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней; смешанного природно-культурного наследия (заповедные места, культурный ландшафт); антикварного и исторического оружия (оружейных памятников) от разрушительных действий антропогенного и природного характера, а также путем применения мер юридической ответственности за нарушение законодательства.

3. Правоохранительная деятельность в сфере историко-культурного наследия включает учет специфики форм и методов контрольно-надзорной деятельности субъектов правоохранительной деятельности, а также использо-

вание правовых режимов: государственного учета историко-культурных ценностей; контроля за перемещением культурных ценностей через таможенную границу; ограничения гражданско-правового оборота историко-культурных ценностей; защиты культурных ценностей во время вооруженных конфликтов и от чрезвычайных ситуаций и др.

4. В сфере историко-культурного наследия сформирована система субъектов правоохранительной деятельности, сочетающих разнообразные формы осуществления государственного контроля и надзора, применяющих специальные способы и средства воздействия на участников правоотношений в целях защиты историко-культурных ценностей. В эту систему входят правоохранительные органы, органы государственного контроля (надзора), органы местного управления и самоуправления, негосударственные субъекты правоохранительной деятельности (институты гражданского общества).

Особенностью практического применения законодательства об охране историко-культурного наследия является то, что памятникоохранные органы (Министерство культуры и его подразделения, местные исполкомы и их органы и др.) фактически не выявляют нарушений законности, влекущих применение мер ответственности.

Поэтому на основе выявленных закономерностей возникновения, формирования и функционирования системы органов охраны историко-культурного наследия (памятников истории и культуры), нами предложена новая модель государственного органа как субъекта правоохранительной деятельности, интегрированного в систему органов контроля, нацеленного на обеспечение защиты историко-культурного наследия.

Оптимизация организационной структуры органов охраны историко-культурного наследия в контексте осуществления ими правоохранительной деятельности может быть достигнута путем образования Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Республики Беларусь (как вариант – Службы по охране историко-культурного наследия Республики Беларусь), наделенной правом ведения административного процесса, предъявления исков (заявлений) в суды, осуществления государственного контроля и реагирования на нарушения законодательства.

5. Система правовой охраны историко-культурного наследия должна быть построена на основе требований национальной безопасности посредством единого структурирования их объектов охраны в виде завершенного и функционально-эффективного правового института правоохранительной деятельности.

Национальные интересы в социальной сфере заключаются в сохранении историко-культурного наследия, обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз. Следовательно, концептуальное определение историко-культурного наследия в качестве непосредственного объекта национальной безопасности предопределяет необходимость выделения в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 нояб-

ря 2010 г. № 575, новых вызовов и угроз, связанных с нелегальным оборотом движимых культурных ценностей, производством нелегальных раскопок памятников археологии и воинских захоронений, деятельностью по разрушению материальных историко-культурных ценностей (памятников архитектуры и градостроительства, памятников истории) под видом их реставрации (обновления), надругательством над историко-культурными ценностями, дискредитацией нематериального культурного наследия.

Такой подход позволяет по-новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности. К компетенции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь следует отнести также осуществление защиты историко-культурного наследия, что потребует корректировки законодательных актов, определяющих задачи, статус и компетенцию указанных субъектов правоохранительной деятельности.

6. Теоретико-правовая модель механизма обеспечения национальной безопасности в области историко-культурного наследия базируется на принципе сбалансированности интересов личности, общества и государства, распределения обязанностей между ними по сохранению историко-культурного наследия.

Новое решение указанной проблемы позволяет провести диверсификацию системы государственных и негосударственных субъектов правоохранительной деятельности, обеспечивая их взаимодействие в данной сфере, результатом чего станет повышение эффективности правовой защиты историко-культурного наследия. Государственный контроль (надзор) за исполнением законодательства в сфере историко-культурного наследия дополняется институтами общественного контроля, практикой общественных экспертиз и обсуждений, новыми формами социального партнерства. Общественный контроль представляет собой одну из функций гражданского общества, выраженную в публичной проверке со стороны граждан и их объединений результатов правоохранительной деятельности на соответствие провозглашенной цели защиты историко-культурного наследия и направленную на участие в корректировке этой деятельности, средств и способов достижения цели и решаемых задач.

Эффективная правоохранительная деятельность в сфере историко-культурного наследия невозможна без содействия институтов гражданского общества, развития социального партнерства, вовлечения в эту сферу негосударственных субъектов правоохранительной деятельности. Однако существующие законодательные нормы, связанные с регулированием прав общественных объединений в сфере охраны историко-культурного наследия Беларуси, осуществлением общественного контроля усиливают государственный контроль над деятельностью общественных объединений и приводят к отсутствию эффективного взаимодействия между государственными органами

охраны историко-культурного наследия и негосударственными субъектами правоохранительной деятельности.

Следовательно, необходимо:

– государственный контроль (надзор) за исполнением законодательства в сфере историко-культурного наследия дополнить институтами широкого общественного контроля, практикой общественных экспертиз и обсуждений. Целесообразно вернуться к фактически упраздненному институту общественных инспекторов по охране историко-культурного наследия, который может быть возрожден в качестве движения общественности;

– не только изменение редакции ст. 4 Закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь», но и принятие новых нормативных актов по регулированию данных вопросов, а именно: закона «О социальном партнерстве», предусматривающего разграничение границ и совершенствование организационно-правовых механизмов взаимодействия институтов гражданского общества с государственными структурами в решении проблемы защиты прав, свобод и интересов граждан (в том числе, права пользоваться достижениями культуры, иметь доступ к культурным ценностям); закона «Об общественном контроле в Республике Беларусь», направленного на создание системного эффективного правового механизма осуществления контроля за исполнением законодательства (в том числе об охране историко-культурного наследия) органами государственной власти и управления со стороны институтов гражданского общества. В законе необходимо определить виды, формы и субъекты общественного контроля, предмет контроля, правовые механизмы его осуществления, а также условия наступления ответственности должностных лиц за неисполнение законодательства в этой сфере; внести изменения и дополнения в Кодекс об административных правонарушениях, предусматривающие усиление ответственности должностных лиц государственных органов за нарушение требований законодательства, которые определяют права институтов гражданского общества в различных сферах общественного и государственного строительства, в том числе в области охраны историко-культурного наследия.

7. Объективно констатируя низкую эффективность правоохранительной деятельности, считаем, что одной из приоритетных форм реализации государственно-правового контроля должен стать прокурорский надзор за исполнением законов об охране историко-культурного наследия, организуемый на новых принципах: во-первых, приоритета укрепления законности не путем непосредственного прокурорского вмешательства в сферу историко-культурного наследия, а посредством действенного использования функциональных полномочий государственных памятникоохранных органов, на которые возложена обязанность по контролю за соблюдением законов (Министерство культуры, министерства архитектуры и строительства, органы местного управления и самоуправления и др.); и во-вторых, координации правоохранительной деятельности по выявлению, пресечению и профилактике преступлений в сфере историко-культурного наследия.

Такой подход к организации работы прокурора позволит обеспечить: высокий уровень информационного обеспечения, надлежащее планирование работы, правильный и адресный выбор объекта проверки, полноту выявления правонарушений, адекватность реагирования, последующий контроль за фактическим устранением нарушений закона, реальное восстановление нарушенных прав граждан и интересов государства в сфере историко-культурного наследия.

8. Субъекты правоохранительной деятельности не в полной мере реализуют возможности гражданско-правовых способов защиты историко-культурного наследия. Полагаем, что правоохранительная деятельность в этой сфере может успешно реализовываться посредством предъявления иска (заявления о возбуждении дела):

– о возмещении ущерба, причиненного материальной историко-культурной ценности (т. е. памятнику);

– прекращении деятельности, создающей угрозу существованию недвижимой материальной историко-культурной ценности или зонам ее охраны на основании ст. 934 ГК Республики Беларусь либо о приостановлении всех видов работ на историко-культурной ценности, не связанных с ремонтными и противоаварийными работами;

– признании бездействия по отношении к памятнику (историко-культурной ценности) незаконным;

– защите права собственности на историко-культурные ценности;

– об устранении препятствий в реализации права граждан на доступ к культурным ценностям мирового и национального значения;

– обжаловании решения Министерства культуры о необходимости выплаты компенсации в случае установления факта причинения вреда историко-культурной ценности и ее размеров;

– устранении самовольной реконструкции (или пристроек) недвижимой историко-культурной ценности, самовольного строительства в зонах ее охраны;

– в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц о признании содержания историко-культурной ценности бесхозяйственным;

– понуждении собственника произвести реставрационно-восстановительные работы, направленные на обеспечение сохранности историко-культурной ценности;

– признании сделок, совершенных с историко-культурными ценностями, недействительными, в том числе по основанию отказа нового собственника подписать охранное обязательство на приобретенную историко-культурную ценность и др.

При определении ущерба, причиненного недвижимой историко-культурной ценности, необходимо учитывать специальные факторы, отражающие культурную атрибуцию памятника, а для памятника археологии – насыщенность культурного слоя артефактами, ценность артефактов. Особенность права на возмещение ущерба, нанесенного историко-культурной ценности, за-

ключается в том, что таким гражданско-правовым способом осуществляется защита уже нарушенного права на пользование культурными ценностями мирового и национального значения (ст. 51 Конституции Республики Беларусь). В связи с тем, что нанесенный памятнику ущерб затрагивает и культуру, и науку, а также духовную (нематериальную) составляющую человека, его возмещение не может строиться только на материальных параметрах памятника, исходя только из его балансовой стоимости. При разрушении памятник утрачивает свою аутентичность (подлинность), которая в принципе больше не может быть воссоздана. Возмещение причиненного историко-культурной ценности (памятнику) ущерба представляет собой компенсацию как за его прежний объем и взыскание затрат на проведение необходимых консервационных работ, так и за утрату объектом научной, культурной, исторической, художественной значимости и ценности. Поэтому должны применяться повышающие коэффициенты, учитываться специальные факторы в зависимости от атрибуции памятника и степени его культурной значимости как памятника всемирного, международного, национального или местного значения.

В целях придания контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера, считаем целесообразным перейти к преимущественному использованию профилактических (предупредительных) гражданско-правовых мер, направленных на предотвращение правонарушений в сфере историко-культурного наследия.

9. Система дифференцированного и многоуровневого государственного учета историко-культурных ценностей рассматривается нами как элемент правоохранительной деятельности, условие повышения ее эффективности.

Одной из главных проблем, препятствующих надлежащей защите объектов историко-культурного наследия, является отсутствие объективной системы их учета, в связи с чем предлагается новое решение государственного учета историко-культурных ценностей посредством пересмотра и актуализации Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь, уточнения категорий культурной значимости некоторых памятников международного значения, полной инвентаризации всех включенных в указанный государственный список объектов, дифференцированного учета памятников, формирования перечня особо ценных историко-культурных ценностей (памятников), изменения порядка включения и исключения объекта из охранных реестров, обеспечения доступности путем опубликования государственного списка и регистрации его (и всех изменений) в Национальном реестре нормативно-правовых актов Республики Беларусь, создания нового (межгосударственного) Реестра объектов общего культурного наследия стран СНГ.

10. Уголовно-правовые запреты, установленные в настоящее время в законодательстве Беларуси, не обеспечивают в полной мере защиту историко-культурного наследия (историко-культурных ценностей, культурных ценностей). Поэтому в целях организации государственно-правового противодействия нелегальному обороту движимых культурных ценностей, совершения преступлений по отношению недвижимых памятников, необходимо:

– криминализировать отношения по производству нелегальных археологических раскопок и раскопок воинских захоронений, в том числе ввести уголовную ответственность для археологов, присваивающих обнаруженные при раскопках предметы. Так, запрещено уголовным законом должно быть ведение полевых археологических работ без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (открытым листом), повлекшее повреждение или уничтожение культурного слоя. Более строгая ответственность должна быть введена, если эти же действия совершались с использованием металлоискателей и (или) других специальных технических средств поиска или землеройных машин. Требуется ввести уголовную ответственность за уклонение исполнителя осуществляемых на профессиональной основе полевых археологических исследований (раскопок, разведок) от обязательной передачи в государственную собственность обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих культурную ценность. Кроме того, необходимо определить в качестве субъекта этого преступления также исполнителей землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, связанных со вскрытием культурного слоя. Целесообразно ограничить доступ к интернет-ресурсам, пропагандирующим различные формы кладоискательства: в совместное постановление Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и Министерства связи и информатизации от 29 июня 2010 г. № 4/11 «О порядке ограничения доступа пользователей интернет-услуг к информации, запрещенной к распространению в соответствии с законодательством» предлагается внести соответствующие изменения. Новый подход необходим в этой связи и к гражданско-правовому регулированию последствий обнаружения клада: в случаях обнаружения в составе клада культурных ценностей, они (собственно как и весь клад) должны поступать в государственную собственность. При этом собственнику земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и лицо, обнаружившее клад, целесообразно предоставить право на получение вознаграждения в размере стоимости клада. В результате будет не только устранено противоречие между специальным законодательством об охране историко-культурного наследия и гражданским кодексом, но создастся определенный стимул по передачи клада государству, а не в присвоении его, что в большинстве случаях и происходит на практике. Тем самым создается дополнительный барьер на пути нелегального оборота культурных ценностей. Практика показывает, что обнаруженные в ходе археологических раскопок и разведок предметы, а также случайно извлеченные в ходе земельных и строительных работ ценности зачастую не передаются в музейный фонд и в результате не поступают в государственную собственность;

– учитывая, что нелегальная транзитная миграция культурных ценностей является характерной для Беларуси формой контрабанды культурных ценностей, необходимость противодействия которой возрастает в связи с формированием в странах СНГ единого экономического пространства, объ-

единением таможенных территорий Беларуси, Казахстана и России, целесообразно определить в законодательстве приоритет уголовно-правовой нормы в случае незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, таможенную границу Республики Беларусь, указав в ч. 2 ст. 228 УК культурные ценности в качестве предмета контрабанды;

– предусмотреть уголовную ответственность за невозвращение в Республику Беларусь не только историко-культурных ценностей, если такое возвращение является обязательным (как предусмотрено в настоящее время), а культурных ценностей, перемещение которых через таможенную границу ограничено согласно законодательству Республики Беларусь. В этом контексте целесообразно также урегулировать порядок перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь посредством принятия специального закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Необходим будет новый законодательный акт, гарантирующий юридический иммунитет (от применения обеспечительных мер) упомянутых выше временно вывезенных историко-культурных ценностей Республики Беларусь (культурных ценностей) на период их пребывания на территории страны ввоза;

– универсализировать используемую в уголовном кодексе терминологию и привести ее в соответствие с основными нормативными актами, регулирующими общественные отношения в сфере обеспечения сохранности данных объектов;

– установить более строгую ответственность за умышленные уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом;

– изменить (увеличить) сроки давности привлечения к уголовной ответственности за умышленные уничтожение либо повреждение историко-культурной ценности (ст. 344 УК);

– усилить ответственность за приобретение или сбыт культурных ценностей, заведомо для виновного добытых преступным путем;

– установить уголовную ответственность (в качестве самостоятельного состава преступления) за хищение предметов и документов, представляющих особую историческую, художественную, научную и иную культурную ценность, что будет свидетельствовать о признании и выполнении Республикой Беларусь международных (в рамках СНГ) обязательств по данному вопросу;

– ввести уголовную ответственность за нарушения требований сохранения или использования историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение.

11. Эффективность правоохранительной деятельности зависит от характера административно-правового воздействия на правонарушения в сфере историко-культурного наследия. Их предупреждение возможно посредством установления административной ответственности:

– за невыполнение законных распоряжений или предписаний, других законных требований должностных лиц органов охраны историко-культурного наследия по устранению нарушений законодательства об охране историко-культурного наследия, а также уклонение от подписания охранных обязательств, дополнив гл. 19 КоАП новой нормой, а именно ст. 19.8, изменив название и диспозицию ст. 19.2 КоАП;

– за административные правонарушения, совершенные в отношении историко-культурных ценностей, внесенных в Список всемирного культурного и природного наследия, формируемый ЮНЕСКО, либо предложенных для включения в данный Список, а также на территориях историко-культурных музеев-заповедников, а равно в зонах их охраны (усиление данной ответственности);

– за проведение археологических разведок или раскопок без разрешения либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением. Санкция новой административно-правовой нормы должна предусматривать конфискацию предметов, добытых в результате незаконных раскопок, а также инструментов и оборудования, использованных для разведок или раскопок;

– за незаконные сделки с археологическими предметами;

– уклонение исполнителя археологических исследований, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи в государственную часть Музейного фонда Республики Беларусь культурных ценностей, обнаруженных в результате проведения таких работ, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния.

12. В рамках системных изменений законодательства предлагается разработать и принять Закон «Об охране археологического наследия Республики Беларусь», учитывающий основные положения Международной хартии по охране и использованию археологического наследия 1990 г. и Европейской конвенции по археологическому наследию 1992 г.;

– присоединиться к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране подводного культурного наследия», которая включает гидроархеологические памятники Беларуси, а именно: 1) полевые поселения; 2) затопленные поселения; 3) затонувшие челны и корабли; 4) памятники времен язычества и культовые камни; 5) следы боев, затопленное оружие; 6) захоронения в воде; 7) пристани и причалы; 8) остатки мостов, 9) древние затопленные дороги; 10) затопленные клады и др., принять указанные объекты на государственный учет;

– решить вопрос о праве собственности на памятники археологии и извлеченные в результате раскопок археологические предметы. Считаем, что требуется нормативно закрепить концептуальные положения, имеющие важное правовое значение. Во-первых, право собственности на памятники археологического наследия, поставленные на государственный учет, принадлежит государству, в связи с чем необходимо дополнить ст. 7 Закона «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» от 15 июля 2010 г. соответствующим положением. Во-вторых, ар-

хеологическое наследие не подлежит приватизации, продаже, передаче в аренду с последующим выкупом.

13. Правоохранительная деятельность в сфере военно-исторического наследия включает предотвращение нелегальных раскопок воинских захоронений, их выявления и постановку на учет, пресечение вандализма, профилактику нелегального оборота военной атрибуции; выявление и раскрытие преступлений, совершенных в отношении памятников защитникам отечества, жертв войны, воинских захоронений и в правовом отношении должна основываться на нормативном акте более высокого уровня, чем действующее в настоящее время ведомственное постановление. Это может быть постановление Совета Министров Республики Беларусь «О порядке проведения раскопок мест боев, неучтенных воинских захоронений и мест гибели защитников Отечества и жертв войн». Считаем, что необходимо принять специальный закон «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн», в котором должны быть отражены формы увековечения указанной категории лиц, порядок учета воинских захоронений, виды ответственности за нелегальные раскопки, порядок использования металлодетекторов и другого поискового оборудования.

14. С целью обеспечения государственно-правовой охраны недвижимых историко-культурных ценностей от угроз их разрушения необходимо устранить недостатки в нормативном регулировании порядка установления и определения содержания зон охраны памятников, а именно: принять постановление Совета Министров Республики Беларусь «О зонах охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей» и отменить ведомственные инструкции, а именно: «Інструкцыю аб складзе, парадку распрацоўкі і зацвярджэння праектаў зон аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей», утвержденную постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 21 мая 2007 г. № 21; Інструкцыю аб парадку выдачы дазволаў на выкананне археалагічных разведак і раскопак, іх правядзенне, састаўленне справаздач па праведзеных работах, утвержденную постановлением Бюро Президиума Национальной академии наук Беларуси от 21 мая 2007 г. № 246. Указанные документы не являются нормативно-правовыми актами, но применяются на практике.

15. Становление новой сферы научных знаний предполагает ее институционализацию в системе высшего образования, повышения профессиональной квалификации сотрудников правоохранительных и контролирующих органов. Современная система образования недостаточно уделяет внимания приобщению личности к культуре, следствием чего явилось отсутствие понимания и восприятия историко-культурного наследия, бережного отношения к его сохранению. Начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, когда историко-культурное наследие начали сопровождать очевидные риски антропогенного характера (нерегламентированная застройка, вооруженные конфликты, вандализм как следствие падения идеалов культуры, терроризм),

стала очевидной проблема профессиональной подготовки специалистов памятникоохранного профиля.

Однако вузы еще не осознали, к сожалению, важности обучения студентов этой отрасли законодательства. Даже юристы недостаточно знают особенности законодательства об охране историко-культурного наследия и не умеют применять его на практике. Эти обстоятельства говорят о необходимости введения в учебный процесс на гуманитарных специальностях спецкурса «Правовая охрана историко-культурного наследия» [1].

Таким образом, защита историко-культурного наследия как направление правоохранительной деятельности – новый аспект юридической науки о правоохранительной деятельности, в предмет которого включены закономерности возникновения и развития учения о правовой охране историко-культурного наследия; о социальных функциях мест сосредоточения культурных ценностей (музеев, архивов, библиотек) и формах реализации этих функций; правовых способах и средствах защиты материальных объектов историко-культурного наследия и нематериального проявления человеческого творчества от разрушений антропогенного и природного характера, искажения содержания и надругательства над ними, участия в нелегальном обороте, а также особенности применения мер юридической ответственности.

Правоохранительная деятельность представляет форму организации активности субъектов государственной власти, правоохранительных органов, институтов гражданского общества, местного управления и самоуправления, направленную на реализацию правовых норм, обеспечивающих сохранение и восстановление историко-культурного наследия, применение мер юридической ответственности в случае нарушения законодательства, защиту культурных ценностей от чрезвычайного положения и во время вооруженных конфликтов, их безопасность при проведении всех видов работ, сохранение музейного, архивного и библиотечного фондов как части историко-культурного наследия.

В заключении заметим, что возникновение нового научного знания о правоохранительной деятельности является следствием осознанной необходимости научного исследования нового аспекта и обусловлено формированием в Беларуси целенаправленной государственно-правовой политики по сохранению историко-культурного наследия, принятием новой Концепции национальной безопасности, изменением общественных отношений в социальной области. Уже накоплен достаточный научный и методический потенциал, эмпирический материал, которые могут быть объединены в единую концепцию и использованы для качественного совершенствования правоохранительной деятельности в области историко-культурного наследия.

Список цитированных источников

1. Мартыненко, И.Э. Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия государств-участников СНГ: учеб. пособие / И.Э. Мартыненко. – М.: Зерцало-М, 2012. – 943 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье излагаются новые концептуальные подходы к правоохранительной деятельности в сфере историко-культурного наследия. Доказывается, что общетеоретические и прикладные вопросы правоохранительной деятельности в сфере историко-культурного наследия образуют предмет самостоятельного направления юридической науки – защита историко-культурного наследия как направление правоохранительной деятельности, разрабатываемого также на базе соответствующих разделов административного, гражданского, уголовного, международного права, прокурорского надзора.

The article sets out new conceptual approaches to law-enforcement activity in the sphere of historical and cultural heritage. It is proved that the theoretical and applied issues of law enforcement in the sphere of historical and cultural heritage form the subject of an independent direction of juridical science – protection of historical and cultural heritage as the direction of law enforcement, developed on the basis of the relevant sections of the administrative, civil, criminal, international law, public Prosecutor's supervision.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УТОЧНЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

Никитенко О.Г.

Законом Республики Беларусь № 435-З от 26 октября 2012 г. (далее – Закон № 435-З) в ряд нормативных правовых актов, в том числе, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) и Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» № 77-З от 03 января 2002 г. (далее – Закон № 77-З) были внесены дополнения и изменения в части уточнения норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления террористического характера.

Но прежде, чем изложить детальный анализ положений Закона № 435-З, мы охарактеризуем преступления террористической направленности, возможные формы существования терроризма в рамках различных составов преступлений и его базисные характеристики.

Под *терроризмом в узком смысле* мы понимаем состав преступления «Акт терроризма», уголовная ответственность за который предусмотрена в *общей норме* ст. 289 УК. Синонимичным понятию *«терроризм в широком смысле»* выступает категория *«преступления террористического характера»*, к которым относятся *специальные нормы* составов ст.ст. 124, 125, 126, 280, 290, 290[1], 359 УК.

В действующем УК составы преступлений террористической направленности, исходя из их уголовно-правовой природы, можно подразделить на три разновидности.

1. *Состав терроризма в узком смысле* («Акт терроризма» ст. 289 УК).
2. *Составы преступлений террористического характера (терроризм в широком смысле).*

Данную группу образуют терроризм в узком смысле и составы преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена в ст. 124 «Акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации», ст. 125 «Нападения на учреждения, пользующиеся международной защитой», ст. 126 «Акт международного терроризма», ст. 290 «Угроза совершением акта терроризма», ст. 290[1] «Финансирование террористической деятельности», ст. 359 «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля» УК.

Составы преступлений террористического характера сконструированы как сложные преступные деяния.

Совершение таких преступлений характеризуется двумя этапами: на первом этапе деяние нацелено на запугивание, устрашение, провоцирование паники; на втором – понуждает конкретных субъектов поступить определенным образом или воздержаться от совершения каких-либо действий.

Данный подход также разделяют *В.П. Емельянов* [1; с. 11], *С.А. Ланцов* [2; с. 137–138], *В.П. Журавель и В.Г. Шевченко* [3; с. 364], *Дж. Л. Оутман и Е.М. Оутман* [4; с. 4]. Например, *Р.С. Сапаров* говорит о двуэтапности совершения терроризма так: «… терроризм тем и отличается от других порождающих страх преступлений, что здесь страх возникает не сам по себе, а в результате получивших общественный резонанс деяний и создается виновными не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным объективным рычагом целенаправленного воздействия, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели, а в качестве средства достижения цели. Таким образом, создание обстановки страха есть выражение терроризма, проявление его сути, а не его конечная цель» [5].

Отметим, что *В.И. Иванов, К.А. Корсаков и О.Н. Коршунова* именуют цели первого этапа промежуточными, а цели второго этапа – основными [6; с. 141].

Полагаем, что подобное разделение целей террористов не обосновано, так как без достижения первоначальных целей террористов, невозможно достичь последующих целей, т. е. целей второго этапа. Таким образом, данные цели взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены.

Составы преступлений террористического характера имеют усеченную или формальную модель объективной стороны.

3. *Составы преступлений с признаками (элементами) терроризирования:* пп. 4, 5 и 10 ч. 2 ст. 139 «Убийство», ст. 291 «Захват заложника», ст. 292 «Захват зданий и сооружений», ст. 311 «Угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна», ст. 410 «Действия, дезорганизирующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказания в виде лишения свободы, или арестного дома» УК и др.

В целом *терроризирование* можно определить как поведение, нацеленное на запугивание, устрашение или порождение паники на уровне отдельных индивидов или группы путем применения насилия или угрозы с целью понудить их поступить определенным образом или воздержаться от совершения

каких-либо действий. Для составов преступлений с признаками (элементами) терроризирования характерны формальные и материальные конструкции объективной стороны.

Можно отметить, что не все исследователи выделяют преступления с признаками (элементами) терроризирования, в частности, *Б.У. Таджиханов* [7; с. 11–12].

Отметим, что *В.П. Емельянов* предлагает разгруппировать преступления с признаками (элементами) терроризирования следующим образом исходя из выраженности признаков терроризирования: а) терроризирование как свойство деяния выражено в обязательных признаках состава, данная группа подразделяется на две подгруппы: 1) признаки терроризирования выражены безальтернативно и 2) признаки терроризирования предусмотрены наряду с признаками других деяний в сложном составе с альтернативными деяниями; б) терроризирование как факультативный признак выражено прямо в словах «воздействие», «воспрепятствование», «вмешательство», «ограничение», «прекращение», «с целью воспрепятствования»; в) возможность обретения преступными деяниями свойств терроризирования выражено косвенно посредством словосочетания «в связи»; г) деяния в отдельных случаях и при определенных обстоятельствах могут обретать характер терроризирования [1, с. 21–22, 26–27; 7, с. 61–62, 87–95].

Полагаем, что с *В.П. Емельяновым* нельзя согласиться в отношении последнего пункта вышеприведенной классификации, так как законодатель изначально поместил в анализируемые составы преступлений признаки (элементы) терроризирования, которые отражают сущностную характеристику данной группы преступных деяний.

Преступления с признаками (элементами) терроризирования, по нашему мнению, могут быть разгруппированы следующим образом:

1) признаки (элементы) терроризирования существуют в составе единолично, например, ст.ст. 185, 208, 288, 291, 292 УК;

2) признаки (элементы) терроризирования закреплены в составе наряду с иными преступными деяниями, например, ст.ст. 410, 440 УК.

Перейдем к непосредственному анализу положений Закона № 435-З.

Переименовав ряд статей УК, предусматривающих уголовную ответственность за терроризм в широком смысле, законодатель переместил акцент от терроризма как одного из самых общественно опасных явлений уголовно-правовой природы на акты терроризма, как на составляющие терроризм компоненты, посредством совершения которых терроризм обретает свое реальное воплощение.

Закон № 435-З вводит новое легальное определение терроризма, акцентируя внимание на многогранности данного явления, так как терроризм одновременно является феноменом и уголовно-правовой сферы, и социально-политического бытия, и культурно-исторической среды.

Все это затрудняет выработку единой общеприемлемой дефиниции терроризма.

Представленная в Законе № 435-З дефиниция терроризма акцентирует внимание на его социально-политической составляющей, незначительно затрагивая его же в уголовно-правовом ракурсе. В результате имеет место смешение характеристик терроризма в рамках уголовно-правового аспекта и социально-политического.

По нашему мнению, в законодательстве терроризм должен рассматриваться *сугубо в уголовно-правовом разрезе с обозначением четких правовых характеристик*.

Представленные в Законе № 435-З дефиниции терроризма и акта терроризма свидетельствуют о том, что законодатель рассматривает терроризм в узком смысле.

Полагаем, более целесообразным *использование определения «акт терроризма» в значении терроризма в узком смысле; а дефиниции терроризма – в широком смысле. В последнем случае терроризм означает совокупность всех преступлений террористического характера и терроризма в узком смысле (как акта терроризма)*.

Предлагаем обсудить следующую дефиницию терроризма: **терроризм** – совершение действий, создающих общественную опасность и сопряженных с общественно опасным посягательством на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность физических лиц, имущество физических и юридических лиц, в целях понуждения субъекта(ов), обладающих властными полномочиями, к совершению определенных действий или к воздержанию от их совершения, либо с целью терроризирования населения, либо с целью воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо с целью устрашения населения, либо с целью дестабилизации общественного порядка, либо с целью провокации международных отношений или войны, либо с целью дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве.

Отметим, что в юридической литературе существует два подхода к выработке определения терроризма: расширительный (например, *Э.Ф. Побегайло, А.В. Наумов, А.В. Попов*) и унифицированный (например, *В.Н. Кудрявцев, В.В. Устинов, М.П. Киреев*) [9; с. 835].

Сторонник первого подхода *Э.Ф. Побегайло* полагает, что терроризм – это социальное явление, родовое понятие по отношению к различным формам проявления террористической деятельности. В то же время *Е.Г. Ляхова и А.В. Попов* отмечают, что общее определение термина терроризма таит в себе опасность слишком широкого толкования. Приверженец второго подхода *В. Н. Кудрявцев* говорит о необходимости выработки общего определения терроризма, которое должно содержать не случайный набор признаков, а только те, которые вскрывают сущность этого явления и позволяют увидеть объективную закономерность реальной действительности [9; с. 835].

С.А. Эфиров и *А.В. Наумов* полагают, что более плодотворно не искать универсальное определение терроризма, а ограничиться лишь некоторыми его признаками. По мнению *А.Э. Жалинского*, полезно было бы попытаться дать рабочее определение терроризма на правовом уровне. Сходное с этим

мнение высказывают и некоторые зарубежные исследователи, например, *А.М. Лизен*. Другие зарубежные авторы, например, *В. Малиссон, С. Малиссон,* напротив, не считают террор и терроризм понятиями, которые идентифицируются с четко определенными фактическими событиями, в силу широкого смыслового значения этих терминов [5].

Считаем нецелесообразным дублирование в Законе № 77-З легальной дефиниции акта терроризма, закрепленной в ч. 1 ст. 289 УК, сохранив, в то же время, указание на то, что надлежит понимать под иными деяниями, совершаемыми при акте терроризма согласно абзацу 9 ст. 3 Закона № 77-З.

Изменения, внесенные в УК Законом № 435-З, создали *системные пробелы* в нормах УК, предусматривающих уголовную ответственность за проявления терроризма в широком смысле.

Во-первых, как квалифицирующий признак законодатель ввел совершение акта терроризма и акта международного терроризма лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст.ст. 124, 289, 290, 290[1], 359 УК, не упомянув среди данных статей состав «Нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой» ст. 125 УК.

Во-вторых, закрепив в ч. 1 ст. 290 УК законодательный (легальный) перечень составов преступлений террористического характера, законодатель не включил в него состав ст. 125 УК.

Предлагаем обсудить следующие редакции ч. 2 ст. 289 УК: «2. Акт терроризма, совершенный повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст.ст. 124, 125, 126, 290-1 или 359 настоящего Кодекса, или сопряженный с причинением тяжких телесных повреждений, – …»; *и ч. 2 ст. 126 УК*: «2. Акт международного терроризма, совершенный повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст.ст. 124, 125, 126, 290-1 или 359 настоящего Кодекса, или сопряженный с причинением тяжких телесных повреждений, – …».

Закон № 435-З также переименовал ст. 359 УК с террористического акта на акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля. В результате имеет место смешение понятий «террористический акт» и «акт терроризма». Террористический акт представляет собой самостоятельное наименование для одного из преступлений террористического характера, сущность которого заключается в применении, например, насилия в отношении государственного или общественного деятеля, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, для достижения террористом своих целей.

Название ст. 359 УК в действующей редакции УК «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля» говорит о совершении акта терроризма в узком смысле применительно к определенному специальному субъекту. *Возникает противоречие между названием статьи и ее содержанием.* Полагаем, что прежнее название ст. 359 УК в большей мере соответствовало сути признаков закрепленного состава преступления.

Важным является установление оснований для освобождения от уголовной ответственности за такие преступления террористического характера, как акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации, акт международного терроризма, акт терроризма и акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля.

В то же время *не выдержан системный подход* к анализируемой совокупности преступных деяний, так как не установлены основания для освобождения от уголовной ответственности для состава преступления, уголовная ответственность за который предусмотрена в ст. 125 УК.

Предлагаем обсудить следующую редакцию примечания для ст. 125 УК: «Примечание. Лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой».

Внесенные в УК и Закон № 77-З изменения и дополнения, несомненно, направлены на оптимизацию уголовно-правовых средств борьбы с терроризмом во всех его проявлениях.

Список цитированных источников

1. Емельянов, В.П. Уголовная ответственность за терроризм и преступления с признаками терроризма: автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.П. Емельянов. – М., 2001. – 36 с.

2. Ланцов, С.А. Террор и террористы. Словарь. / С.А. Ланцов. – СПб. : Из-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 187 с.

3. Журавель, В.П. О терроризме, террологии и антитеррористической деятельности (Энциклопедический словарь) / В.П. Журавель, В.Г. Шевченок – М.: Изд. «Том», 2007. – 488 с.

4. Outman, J.L. Terrorism: Almanac (Terrorism reference library) / James L. Outman, Elisabeth M. Outman; edit. by M. May, D. Slawinski. – Detroit, Thomson the Gale Group, 2003. – 235 p.

5. Сапаров, Р.С. Проблемы совершенствования борьбы с терроризмом в современных условиях / Р.С. Сапаров [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://referat.ru/referats/view/17157. – Дата доступа: 10.10.2012.

6. Иванов, В.И. Преступления террористической направленности / В.И. Иванов, К.А. Корсаков, О.Н. Коршунова. – СПб.: Юр. центр пресс, 2003. – 433 с.

7. Таджиханов, Б.У. Терроризм: уголовно-правовой аспект / Б. У. Таджиханов. – Ташкент. – 2004. – 22 с.

8. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. / В.П. Емельянов – СПб.: Юр. центр Пресс, 2002. – 291 с.

9. Ситникова, А.И. Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.) – М.: Проспект, 2010. – 944 с. // Преступления с террористической направленностью в условиях глобализации: текстологический аспект / А.И. Ситникова. – С. 834–838.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В данной статье О. Г. Никитенко рассматривает изменения, внесенные в Закон Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» № 77-З от 03 января 2002 г. и УК Республики Беларусь Законом Республики Беларусь № 435-З от 26 октября 2012 г. Автор затрагивает ряд дискуссионных аспектов, связанных с толкованием признаков составов преступлений террористического характера; дает оценку законодательным решениям. В завершении статьи автор предлагает свои варианты формулирования признаков составов преступлений террористического характера в УК Республики Беларусь.

In this article Volha Nikitsenka considers the amendments to the Law of The Republic of Belarus “On combating terrorism” № 77-L, 03.01.2002, and to the Criminal code of The Republic of Belarus, made by the Law № 435-L, 26.10.2012. The author touches upon a wide range of debatable issues, connected with the interpretation of corpus delicti’s signs of terrorist crimes; evaluated legal solutions. In the end the author offers her own formulation’s options concern corpus delicti’s signs of terrorist crimes in the national Criminal code.

ПОВТОРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НЕ ОБРАЗУЮЩИХ СОВОКУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Новик О.О.

Согласно ч. 1 ст. 41 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) повторностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части УК. В данной интерпретации законодатель закрепил общие правила повторности.

В ч. 2 ст. 41 УК законодатель закрепил исключение из общего правила, где повторностью называет совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК только в случаях, специально указанных в Особенной части уголовного закона.

Повторность преступлений, наряду с совокупностью и рецидивом преступлений, является самостоятельной формой их множественности.

Уголовно-правовое значение термина «повторность преступлений» состоит в усилении уголовной ответственности, а именно, выступает либо квалифицированным признаком некоторых составов преступлений (например, ч. 2 ст. 205 УК) либо обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК).

В УК термин «повторность преступлений» использован в узком смысле слова. В широком смысле термин «повторность преступлений» означает совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление. Таким образом, широкое значение термина «повторность преступлений» тождественно термину «множественность преступлений», которое используется в теории уголовного права.

В Российской Федерации законодатель отказался от использования в УК термина «повторность преступлений», и вместо используется термин «неоднократность преступлений», что по содержанию полностью соответствует

содержанию термина «повторность преступлений», изложенного в ст. 41 УК Республики Беларусь. Мотивировка российский ученых сводится к тому, что само по себе понятие повторность более широкое, чем неоднократность. Повторность включает в себя реальную совокупность, рецидив и неоднократность преступлений [2, с. 22].

В теории уголовного права существуют различные подходы к выделению видов повторности преступлений.

Так, И.О. Грунтов выделяет пять видов повторности преступлений: простая повторность преступлений; повторность, не образующая совокупности преступлений; смешанная повторность преступлений одного и того же вида; смешанная повторность однородных преступлений и общая повторность [3, с. 78]. В.И. Куряков предлагает разделить повторность на простую повторность и повторность, не образующую совокупности преступлений [4, с. 297]. Н.А. Бабий повторность преступлений подразделяет на одновидовую повторность (повторность преступлений одного вида) и однородную повторность или повторность-совокупность (повторность однородных преступлений) [5, с. 30]. Существуют и иные подходы к выделению видов повторности преступлений.

В настоящее время в УК свое законодательное закрепление получила лишь повторность преступлений, не образующих совокупности. В комментарии к УК указано, что повторность преступлений, не образующих совокупности, имеет место тогда, когда виновный совершает два или более одинаковых по своему составу преступления [6, с. 193]. Однако необходимо отметить, что одинаковые по своему составу преступления должны быть разными по квалификации. В противном же случае, без указанной оговорки, получится одновидовая тождественная повторность, а не одновидовая нетождественная повторность (повторность преступлений, не образующих совокупности).

Исследуемый вид повторности преступлений регламентирован в ст. 71 УК. В соответствии с законом этот вид повторности имеет место при совершении повторно преступления одного и того же вида, если каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части УК, либо при совершении в одном случае оконченного, а в другом – неоконченного такого же преступления, либо когда в одном случае лицо является исполнителем преступления, а в другом – иным соучастником такого же преступления.

Преступления одного и того же вида – это преступления, предусмотренные одной и той же статьей Особенной части УК.

Каждое из преступлений, образующее такую повторность, всегда квалифицируется и оценивается самостоятельно.

Исходя из законодательной регламентации повторности преступлений, не образующих совокупности, можно выделить три ситуации, в которой она проявляется:

1) при повторном совершении преступления одного и того же вида, если каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части УК (например, кража кошелька с деньгами из кармана, квалифицируемая

по ч. 1 ст. 205 УК, и кража повторно имущества с проникновением в жилище, квалифицируемая по ч. 2 ст. 205 УК);

2) при совершении в одном случае оконченного, а в другом – неоконченного такого же преступления (например, оконченного убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК, и покушение на убийство, квалифицируемого по ст. 14 и ч. 1 ст. 139 УК);

3) когда в одном случае лицо является исполнителем преступления, а в другом – иным соучастником такого же преступления (например, при похищении человека в одном случае субъект преступления будет исполнитель (ч. 1 ст. 182 УК), а в другом – выступило в качестве организатора такого же преступления (ч. 4 ст. 16 и ч. 1 ст. 182 УК).

Однако при уголовно-правовой регламентации повторности преступлений, не образующих совокупности, остаются нерешенными ряд вопросов. Так, неизвестно, как квалифицировать преступления одного и того же вида, подпадающие под одну и ту же часть одной и той же статьи, если одно из преступлений прервано на стадии приготовления, а другое на стадии покушения. Так же в ч. 1 ст. 71 УК не решен вопрос о квалификации преступлений одного и того же вида, если к примеру, в одном из преступлений лицо выступило в качестве организатора, а в другом в качестве пособника. Не известно, как квалифицировать преступления, подпадающие под одну и ту же часть одной и той же статьи, если при этом одно преступление было не окончено, и лицо при его совершении выступило в роли исполнителя, а второе окончено, но лицо выступило не в роли исполнителя, а, к примеру, в роли пособника.

Таким образом, редакция ч. 1 ст. 71 УК имеет пробелы в правовой регламентации повторности преступлений, не образующих совокупности.

В связи с устранением указанных пробелов и совершенствованием уголовно-правовой регламентации повторности преступлений предлагается изменить ч. 1 ст. 71 УК и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 71. Назначение наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности.

1. При совершении повторно преступления одного и того же вида, если каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса, либо когда оно отличается по стадии его совершения от такого же преступления, либо когда лицо выполнило иную роль в совершении такого же преступления, каждое из этих преступлений оценивается самостоятельно. Наказание в этих случаях назначается за каждое преступление отдельно, и окончательное наказание определяется путем поглощения менее строгого наказания более строгим».

По смыслу ст. 71 УК процесс назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности, состоит из двух стадий. На первой стадии суд оценивает самостоятельно каждое повторное преступление, не образующее совокупности и назначает наказание основное, а при необходимости – и дополнительное за каждое преступление отдельно. При назначении наказания суд должен руководствоваться требованиями общих начал назна-

чения наказания, предусмотренными ст. 62 УК, исходя из принципа индивидуализации наказания, а именно учитывать характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнения потерпевшего по делам частного обвинения. Помимо требований ст. 62 УК, при необходимости также суд должен учитывать и требования иных статей гл. 10 УК «Назначение наказания».

На второй стадии определяется окончательное наказание путем поглощения менее строгого наказания более строгим. В этом отличительная особенность назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности. При определении окончательного наказания менее строгое дополнительное наказание также поглощается более строгим дополнительным. Если дополнительное наказание назначено только за одно преступление, и основное наказание за него поглощается более строгим основным наказанием за другое преступление, то оно присоединяется к этому более строгому основному наказанию [6, с. 194].

Н.А. Бабий обращает внимание на то, что законодатель не уточняет, наказание за какое преступление (первое или второе) должно поглощаться. В силу этого, как пишет Н.А. Бабий, не исключаются случаи, когда наказание за первое преступление будет поглощать наказание за второе преступление, если наказание за первое преступление было более строгим [5, с. 104].

Указанными правилами назначения наказания, согласно ч. 2 ст. 71 УК, суд должен руководствоваться и тогда, когда после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен в другом преступлении, образующем повторность с преступлением, за которое он осужден. В этом случае в срок окончательного назначенного наказания засчитывается наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору.

Данное положение, предусмотренное ч. 2 ст. 71 УК, копирует правило предусмотренное ч. 5 ст. 72 УК, которое определяет такой же порядок назначения наказания, но уже по совокупности преступлений.

Вместе с тем формулировку ч. 2 ст. 71 УК нельзя признать удачной. Поскольку в ее редакции говорится о повторности преступлений как о форме множественности преступлений. В то же время, сама ст. 71 УК «Назначение наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности», исходя из ее названия, посвящена правилам назначения наказания не для всей повторности преступлений, а для одного из ее видов – повторности преступлений, не образующих совокупности.

Помимо УК, вопросы назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности, рассмотрены и Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении № 1 от 26 марта 2002 г. «О назначении судами уголовного наказания». Согласно п. 13 указанного постановления «при повторности преступлений, не образующих совокупности (ст. 71 УК), наказание назначается за каждое преступление отдельно, а окон-

чательное наказание определяется путем поглощения менее строгого наказания более строгим.

Если после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, образующем повторность с преступлением, за которое он осужден, окончательное наказание определяется путем поглощения менее строгого наказания более строгим. В срок окончательного наказания засчитывается наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору» [7].

Верховным Судом Республики Беларусь был произведен обзор судебной практики назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности, где также решены некоторые практические вопросы назначения наказания при исследуемом виде повторности преступлений.

В указанном обзоре судебной практики отмечено, что при совершении преступлений, образующих как повторность, так и совокупность, вначале следует назначить наказание по правилам ст. 71 УК, применив принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, а затем при определении окончательного наказания руководствоваться правилами ст. 72 УК, избрав либо принцип поглощения менее строгого наказания более строгим, либо принцип частичного или полного сложения наказаний [8, с. 38].

На примере процедура назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности, выглядит следующим образом. Так, Г. совершил две кражи имущества, каждая из которых образует один и тот же состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК, т. е. имеется повторность, а не совокупность преступлений и содеянное следует квалифицировать как повторное – по ч. 2 ст. 205 УК. Однако исходя из правил ст. 71 УК каждый эпизод оценивается самостоятельно, т. е. первая кража – по ч. 1 ст. 205, вторая – по ч. 2 ст. 205 УК (по признаку повторности). Далее суд назначает наказание за каждое преступление отдельно. Санкция ч. 2 ст. 205 УК устанавливает повышенное наказание, законодателем уже учтен признак повторности. Получается, что при назначении наказания за второе (аналогичное) преступление по ч. 2 ст. 205 УК суд дважды возлагает ответственность за первую кражу. Такая правовая оценка не согласуется с принципом справедливости при назначении наказания.

Таким образом, в УК все еще остается открытым вопрос – каким образом усилить ответственность за повторное совершенное преступление, не нарушая при этом принцип справедливости? Отвечая на поставленный вопрос, прежде всего, следует определиться, где закладывать усиление ответственности: в санкциях статей Особенной части через формулирование квалифицированных повторностью составов или в нормах Общей части. Если усиление ответственности за повторное совершенное преступление предусматривать в Особенной части, то пришлось бы вводить повторность в каждую статью, что бы привело к «разбуханию» Особенной части УК. В связи с этим видится целесообразным в Общей части УК регламентировать усиление ответственности за повторно совершенные преступления.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст кодекса по состоянию на 01.09.2013 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Игнатова, А.Н. Курс уголовного права: в 2 т. Т. 2 Общая часть / А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова; под ред. А.Н. Игнатовой. – М.: НОРМА (изд. гр. НОРМА-ИНФА-М), 2001. – 560 с.

3. Грунтов, И.О. Повторность совершения преступления и ее виды / И.О. Грунтов // Право Беларуси. – 2002. – № 7. – С. 77–91.

4. Куряков, В.И. Уголовное право. Общая часть: учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. профиля: в 2-х ч. / В.И. Куряков. – Новополоцк: ПГУ, 2004. – Ч. 1 – 416 с.

5. Бабий, Н.А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие / Н.А. Бабий. – Минск: Тесей, 2008. – 176 с.

6. Научно-практический комментарий в Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

7. О назначении судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2002 г., № 1: с изм. и доп.: текст постановления по состоянию на 01.09.2013 // // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

8. О практике назначения судами наказания при рецидиве преступлений и при повторности преступлений, не образующих совокупности (ст.ст. 65 и 71 УК): по материалам обзора судебной практики // Судовы веснік. – 2002. – № 2. – С. 36–40.

Дата поступления статьи – 12.09.2013.

В данной статье рассмотрены проблемы квалификации и назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности. Проанализирована правовая регламентация повторности преступлений, не образующих совокупности в ст. 71 Уголовного кодекса Республики Беларусь, характерные ситуации при которых исследуемый вид повторности преступлений может проявиться, а также особенности назначения наказания при повторности преступлений, не образующих совокупности. Выявлен ряд вопросов, которые остаются нерешенными при действующей редакции ст. 71 УК. На основе проведенного исследования автором предложена новая редакция ст. 71 УК, а также обосновано и сформулировано предложение о необходимости усиления уголовной ответственности за повторно совершенное преступление не через квалифицирующие признаки, указанные в некоторых статьях Особенной части УК, а через специальные правила, которые необходимо сформулировать в Общей части УК.

This article examines the problem of qualification and sentencing for repeat offenses, which do not form the aggregate. Analyze the legal regulation of repeat offenses, which do not form together in Article 71 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, typical situations in which the study replicates the form of crime can occur, and especially when re-sentencing of crimes that do not form the aggregate. Identified a number of issues that remain unresolved in the current wording of Article 71 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. Based on research by the author proposed a new wording of Article 71 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, as well as reasonable and proposal for the need to strengthen the criminalization of repeated offense by not aggravating circumstances referred to in some articles of the Special Part of the Criminal Code, and through the rules to be formulated in the General Part of the Penal Code.

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Рочева Е.А.

В соответствии со ст. 45 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения.

Однако не всегда право, гарантированное законом, реализуется должным образом. Согласно опросам общественного мнения первоочередной проблемой в социальной сфере, волнующей граждан Республики Беларусь, является ситуация в сфере здравоохранения [1]. В частности, коррупция в здравоохранении препятствует реализации гарантированного Конституцией права.

Коррупция в сфере оказания медицинских услуг характеризуется некоторыми отличительными чертами, такими, как широкая распространенность, высоколатентность, особая роль морально-этических норм.

Широкая распространенность коррупционных проявлений подтверждается данными различных социологических исследований, которые показывают, что с коррупцией в сфере оказания медицинских услуг сталкиваются почти все [1; 2, с. 4].

Высокая степень латентности обусловлена (помимо общехарактерных для коррупции причин) специфическими особенностями профессионального круга медицинских работников: закрытость, своеобразная кастовость, взаимозависимость коллектива медучреждения. При этом следствием особенности оказания услуг в этой сфере (услуги оказываются лицам, обладающим меньшей, чем исполнители (медперсонал) информацией о потребности в лечении) важной характеристикой медицинских работников выступает внутреннее убеждение врачей (в частности) о невозможности усомниться в правильности их действий [3, с. 20].

Для коррупции в указанной сфере актуальна проблема грани между взяткой и благодарностью. Регулирование отношений в системе здравоохранения осуществляется путем сочетания правовой регламентации и морально-этических норм, являющихся неотъемлемой частью медицинской деятельности и имеющих для нее крайне высокое значение. Данная особенность усложняет возможности правового регулирования сферы оказания медицинских услуг и отличает медицину от других видов деятельности.

Как указано в докладе Transparency International «в то время как большинство людей, задействованных в сфере здравоохранения, старательно и честно исполняют свой долг, существуют, тем не менее, убедительные свидетельства взяточничества и мошенничества в области предоставления медицинских услуг: от мелкого воровства и вымогательства до огромных злоупотреблений в области политики здравоохранения и его финансирования, основанных на «откатах» государственным чиновникам» [4].

Объем государственных средств, направляемых на здравоохранение (до 15 % государственных доходов в некоторых странах), особенности оказания

услуг в этой сфере (услуги оказываются лицам, обладающим меньшей, чем исполнители (медперсонал) информацией о потребности в лечении, необходимость широкого государственного регулирования от обеспечения доступа к бесплатному здравоохранению до регистрации лекарственных средств и согласования их стоимости) создают потенциально благоприятные условия для коррупции.

Регулирующие органы, плательщики, поставщики медицинских услуг и их потребители сталкиваются с целым комплексом стимулов коррупционного поведения. Transparency International называет следующие распространенные коррупционные правонарушения в сфере здравоохранения: растрата и расхищение средств, выделенных на здравоохранение, доходов, полученных за счет платежей со стороны потребителей, коррупция в сфере государственных закупок, коррупция в системе поставок лекарственных препаратов, коррупция в учреждениях, предоставляющих медицинские услуги.

В соответствии с данными социологического опроса, проведенного в республике в 2011 г., в общественном мнении о сферах коррупционных проявлений устойчиво лидирует здравоохранение [1].

В Республике Беларусь в 2012 г. было зарегистрировано 100 коррупционных преступлений в указанной сфере, из которых большую часть составляют: взяточничество – 88, хищения путем злоупотребления служебными полномочиями – 11.

Наибольшее количество коррупционных преступлений в рассматриваемой сфере зарегистрировано в г. Минске (25), Гомельской (29) и Витебской (31) областях.

Основными формами коррупционных преступлений в здравоохранении (по результатам различных исследований) являются: взяточничество при оказании медицинских услуг населению и оформлению официальных документов; противоправные действия при проведении государственных закупок медицинского оборудования и лекарственных средств; использование врачами служебного помещения и оборудования для приема пациентов «по знакомству»; злоупотребление должностными полномочиями при расходовании денежных средств, выделяемых из бюджета на совершенствование медицинской деятельности; нарушение порядка проведения клинических исследований [2, с. 7].

В сфере здравоохранения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в основном совершаются немедицинскими работниками (например, бухгалтерами), умысел которых направлен на завладение денежными средствами лечебных учреждений и обращение их в свою собственность.

Взятки работниками медицинских учреждений в большинстве случаев принимаются за благоприятное решение вопросов, связанных с выдачей листков нетрудоспособности и разнообразных справок, рецептов для бесплатного получения лекарственных средств (или психотропных веществ), назначением (продлением) инвалидности [5, с. 3]. Факты взяточничества в

основном сопряжены с получением незначительных сумм денежных средств, спиртных напитков, продуктов питания. При этом наиболее подверженными коррупционным рискам являются онкологическая служба, МРЭК, наркология и психиатрия, призывные комиссии [6].

Причины коррупционных преступлений в здравоохранении можно условно разделить на четыре группы. Во-первых, экономические: недостаточное выделение бюджетных средств на повышение заработной платы работников здравоохранения; невысокое материальное положение медицинских работников, не обеспечивающее реализацию основных жизненных потребностей. Согласно отдельным данным доход врачей в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития превышает среднедушевой доход в 2,5–4 раза, тогда как в странах Восточной Европы доходы врачей не превышают среднедушевого. Таким образом, финансовое вознаграждение врачей непропорционально уровню их профессиональной ответственности и ожидаемым от них стандартам работы, что может провоцировать медицинских работников на требование от пациентов дополнительной оплаты [7, с. 125].

Во-вторых, организационные, в число которых включены: недостаточный контроль за функционированием и развитием системы учреждений здравоохранения со стороны органов государственной власти; недостаточный внутренний контроль; реформирование здравоохранения без учета мнения профессиональных ассоциаций медицинских (фармацевтических) работников, недостатки в подборе медицинских работников, что проявляется в трудоустройстве по признаку протекционизма, а не по деловым качествам и уровню профессионализма.

В-третьих, недостатки правового регулирования, в том числе: несовершенство действующих нормативных правовых актов.

В-четвертых, нравственно-психологические факторы, к которым относятся: закрепление коррупционного поведения как допустимого в сознании отдельных работников здравоохранения; психологическая готовность значительной части населения к подкупу медицинских работников [3, с. 9]. Большую опасность для общества представляет двойственность восприятия коррупции сознанием граждан – с одной стороны, есть устойчивое понимание пагубности коррупции и ее негативная оценка, с другой – многие граждане не воспринимают бытовую коррупцию как некое зло.

Как верно отмечается, «… развивается … опасный синдром – синдром недоверия к требованиям закона и провозглашаемым им возможностям получать государственные услуги в рамках разумного правового поля. Более того, формируется среда криминогенной неустойчивости основной массы удовлетворять свои потребности законным способом. Невозможность реализации своих интересов легальными способами толкает граждан и иных субъектов отношений с государством к неправовым действиям, расширяется поле неправовых практик на основе субъективно деформированного опыта и искажения представлений о том, что можно и что нельзя» [8, с. 26].

С целью защиты прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, учитывая особенности государственной системы здравоохранения, а также рекомендации международных организаций в республике сформирована система мер противодействия коррупционным проявлениям, основой которой является Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией».

Например, для обеспечения прозрачности ВОЗ рекомендует проведение независимых аудиторских проверок государственных ведомств, больниц, организаций медицинского страхования и иных учреждений, работающих со средствами, направляемыми в сферу здравоохранения [4]. В стране указанную функцию осуществляет Комитет государственного контроля Республики Беларусь, к основным задачам которого относится осуществление государственного контроля за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности.

Проблема урегулирования конфликта интересов нашла отражение в ст. 18-1 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией». Кроме того, так как «работа комитетов по отбору лекарственных препаратов является превосходной целью для коррупции, поскольку их решения имеют огромное коммерческое значение для фармацевтических компаний» [7, с. 125], обязанность эксперта декларировать конфликт интересов при вынесении заключения, если таковой имеется, закреплена Положением о Республиканской формулярной комиссии и об эксперте Республиканской формулярной комиссии [9].

В республике функционирует комплексная система актов законодательства, регулирующих различные аспекты государственных закупок. Получение донорской финансовой помощи регулируется законодательством о получении безвозмездной (спонсорской) помощи, предусмотрена защита лиц, сообщающих о факте правонарушения, связанного с коррупцией, либо иным образом способствующее выявлению коррупции (ст. 23 вышеуказанного Закона).

Вместе с тем существуют определенные вопросы, требующие урегулирования. Например, с целью большей прозрачности целесообразно, чтобы органы управления в сфере здравоохранения регулярно публиковали текущую информацию о расходовании бюджетных средств на республиканском и местном уровнях. Налогоплательщики должны знать, как распределяются их налоги, какая часть идет на зарплаты медикам, какая на закупку оборудования и исследования (эта информация лишь в самом общем виде содержится в законах о бюджете на определенный год, а также отдельные моменты отражены в нормативных актах о госзакупках). Предоставление соответствующей информации может привести к снижению уровня коррупции. Исследование, проведенное в Аргентине, показало, что после того, как Министерство здравоохранения этой страны начало предоставлять информацию о расходах больниц на закупку лекарств, разница в ценах, за которые больницы приобретали лекарственные препараты, упала на 50 % [4].

Достойное вознаграждение, соответствующее образованию, квалификации, профессиональной подготовке, является снижением стимула к коррупционному поведению врачей, среднего медперсонала и иных медицинских работников. Медперсонал вправе рассчитывать на заработную плату, адекватную уровню их профессиональной ответственности и гарантирующую определенную экономическую независимость.

Важным сдерживающим фактором на пути неформальных платежей за лечение, на которое пациент имеет право, помимо четкого изложения прав и обязанностей пациента, в том числе об установленных гарантированных объемах бесплатной медицинской помощи, и активного распространения информации об этих правах, приносят меры по распространению информации о текущем медицинском обслуживании. Хорошим примером такого подхода служит пилотный проект, осуществленный в Хорватии в 2004–2005 гг. с целью борьбы с коррупцией с помощью публикации списков очередников на операции. Больницы обязали предоставлять пациентам информацию об их месте в списке очередников на операцию, а также размещать такие списки на всеобщее обозрение в регистратурах. Пациентам, желающим сохранить свою личность в тайне, были присвоены номера [4]. Подобный контроль как администрации, так и общественности является весьма актуальным, на что было указано на коллегии Минздрава 29 мая 2013 г.: «осуществлять жесткий контроль за порядком проведения высокотехнологических обследований и операций, принимать все меры по недопущению протекционизма» [10].

В 2009 г. Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь было проанализировано действующее законодательство о здравоохранении на предмет выявления положений и норм, применение которых способно вызвать риски криминогенного характера. Уделено особое внимание анализу состояния правовой регламентации вопросов оказания населению медицинских и фармацевтических услуг, а также лицензирования и осуществления административных процедур в области здравоохранения [5].

Результаты анализа практики законодательного регулирования правоотношений в сфере медицинской и фармацевтической деятельности свидетельствовали о том, что в ряде нормативных правовых актов содержатся нормы, соблюдение, применение и исполнение которых может способствовать возникновению криминогенных последствий. Часть замечаний были приняты во внимание Минздравом, однако некоторые предложения учтены не были. Это касается, например, отдельных норм Инструкции о порядке выдачи листков нетрудоспособности и справок о временной нетрудоспособности, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 9 июля 2002 г. № 52/97. Коррупционные риски норм вышеуказанного нормативно-правового акта и по сей день требуют принятия адекватных мер. Так, в Постановлении Коллегии Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 ноября 2012 г. № 21.3 отмечается, что «руководителями организа-

ций не проводится персонифицированный сравнительный анализ выдачи листков нетрудоспособности (справок о временной нетрудоспособности) врачами с определением возможности правонарушения (сроки выдачи, повторной выдачи одному и тому же пациенту после короткого перерыва, частота диагнозов и возможность их верификации и т. д.).

Не изучаются причины того или иного стереотипного поведения врачей при выдаче листков нетрудоспособности, …» [6].

Важное профилактическое значение имеет формирование ответственного профессионального поведения врачей и медицинского персонала, развитие культуры соблюдения этических принципов медицинскими работниками, повышение уровня правовой культуры молодых специалистов, создание атмосферы нетерпимости к взяточничеству (нередко в коллективе оправдывают действия коллег, ссылаясь на малую сумму взятки или необоснованную «подставу» [6].

Как декларируется в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575, в социальной сфере Республика Беларусь намерена войти в число первых 50 стран мира с высоким уровнем развития человеческого потенциала. При этом действия государства будут направлены на обеспечение достойного уровня и качества жизни населения, в том числе за счет роста реальной заработной платы и иных доходов, совершенствования системы пенсионного обеспечения и адресной социальной помощи, развития системы государственных социальных стандартов.

Всемирной организацией здравоохранения достижения системы здравоохранения Республики Беларусь оценены как наиболее высокие среди стран СНГ. По индексу развития человеческого потенциала в странах и регионах мира Республика Беларусь в 2012 г. заняла 50 место среди 187 стран в общем рейтинге и опережает все страны СНГ.

Принимая во внимание комплексную систему противодействия коррупции в республике, а также стремясь к решению обозначенных проблем, можно рассчитывать, что система здравоохранения Республики Беларусь не только не утратит свое место в вышеуказанном рейтинге, но и будет стремиться к дальнейшему совершенствованию.

Список цитированных источников

1. Республика Беларусь в зеркале социологии / Сборник материалов социологических исследований за 2011 год / Информационно-аналитический центр при администрации Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: iac.gov.by/nfiles/s000019_255558.pdf. – Дата доступа: 20.08.2013.

2. Плохов, С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Плохов; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2013. – 25 с.

3. Балебанова, Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Балебанова; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – М., 2013. – 31 с.

4. Коррупция в сфере медицинских услуг (из доклада Трансперенси Интернешнл о положении дел с коррупцией, 1 февр. 2006 г.) [Электронный ресурс] / Интернет-портал Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов, 2006. – Режим доступа: http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Press/corrupt_med.htm. – Дата доступа: 23.08.2013.

5. Аналитическая записка о результатах изучения действующего законодательства о здравоохранении на предмет выявления положений и норм, создающих условия для криминогенных последствий в сфере медицинской и фармацевтической деятельности / П.Я. Киреенко, В.М. Филиппенков // Библиотека Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь – Минск, 2009. – 16 с.

6. О состоянии и мерах по пресечению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений в организациях системы Министерства здравоохранения: Постановление Коллегии Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 29 ноября 2012 г., № 21.3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

7. Рид, К. Коррупция и антикоррупционные стратегии в системе здравоохранения: обзор основных проблем и стратегий их решения / К. Рид // Заключительный отчет: Проект «Российская Федерация – разработка законодательных и иных мер предупреждения коррупции. – Приложение. Том 2. Отчеты, сделанные российскими и зарубежными экспертами в рамках проекта. – Совет Европы. – Страсбург, 2008. – 239 с.

8. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.

9. О формировании Республиканского формуляра: Приказ Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 27 дек. 2012 г., № 1519 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

10. О состоянии и мерах по пресечению правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений в организациях системы Министерства здравоохранения: Постановление Коллегии Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 29 мая 2013 г., № 7.1 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение. Коррупция в сфере здравоохранения препятствует реализации гарантированного Конституцией права. Рассмотрение особенностей коррупции в указанной сфере позволит выявить отдельные недостатки в организации деятельности по охране здоровья и повысить эффективность осуществляемых государством мер, направленных как на предупреждение распространения коррупции в обществе, так и в целом на сохранение жизни и здоровья граждан.

The Constitution of Belarus guarantees citizens the right to health care, including free treatment. Corruption in the health sector hinders the realization of the rights guaranteed by the Constitution. Consideration of corruption in this area will reveal some shortcomings in the organization of health activities and improve the efficiency of the measures undertaken by the State, aimed both at preventing the spread of corruption in society, and in general to preserve the life and health of citizens.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЖЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Сороговец Д.В.

Уголовная ответственность за лжепредпринимательство предусмотрена ст. 234 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1].

Под лжепредпринимательством в уголовном законодательстве понимается государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность в целях получения ссуд, кредитов, либо для прикрытия запрещенной деятельности, либо для сокрытия, занижения прибыли, доходов или других объектов налогообложения, либо для извлечения иной имущественной выгоды, повлекшие причинение ущерба в крупном размере [1].

Следует отметить, что уголовная ответственность за лжепредпринимательство наступает в том случае, если ущерб от такой деятельности причинен в крупном размере (250 и более раз превышающий размер базовой величины). В случае причинения ущерба в меньшем размере предусмотрена административная ответственность по ст. 12.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2].

Таким образом, разграничение между уголовно-правовым составом преступления и административно-правовым составом правонарушения осуществляется по конструкции объективной стороны.

Объектом преступления является установленный порядок осуществления экономической деятельности.

В уголовном процессе объективная сторона лжепредпринимательства заключается в государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или создании юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность, при этом цели создания противоречат закону, а ущерб причинен в крупном размере. Отсутствие одного из перечисленных элементов исключает уголовную ответственность.

Субъектом рассматриваемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, которое является создателем юридического лица (учредителем, участником) или зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя.

В большинстве случаев создателями лжепредпринимательских структур выступают лица, которые де-юре приобретают статус учредителей и должностных лиц организаций, но де-факто таковыми не являются так называемые подставные лица. Например, по просьбе знакомых либо в целях подзаработать передают данные своего паспорта для регистрации субъекта хозяйствования. В дальнейшем они подписывают налоговые декларации (расчеты), платежные инструкции на проведение расчетов, представляемые в обслуживающий банк, получают и передают третьим лицам бланки документов и документы с определенной степенью защиты и печатную продукцию, ин-

формация о которых подлежит включению в электронный банк данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции, посредством которых оформляются фиктивные хозяйственные операции и т. п. Созданные подставными лицами субъекты хозяйствования реально хозяйственную деятельность не осуществляют, их реквизиты и документы используют только для достижения определенных корыстных целей.

Субъективная сторона лжепредпринимательства характеризуется обязательным наличием вины в форме умысла, т. е. психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию, и специальной цели.

Согласно ст. 22 УК преступлением, совершенным умышленно, признается общественно опасное деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. При этом преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично [1].

При создании лжепредпринимательской структуры физическое лицо сознает противоправный характер своих действий по созданию юридического лица или государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя без намерения осуществлять экономическую деятельность и преследует корыстные цели.

Государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность является неотъемлемой частью лжепредпринимательства.

Ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [3] предусматривает, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, т. е. осуществлять законную предпринимательскую деятельность.

В п. 1 ст. 44 ГК закреплено понятие юридического лица, согласно которому юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом [3].

Создание юридического лица сопряжено с приобретением статуса юридического лица в порядке, определяемом законодательными актами. Юридическое

лицо считается созданным с момента его государственной регистрации, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь (п. 2 ст. 47 ГК) [3].

В целях совершенствования порядка государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» [4] утверждено Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования (далее – Положение), согласно которому государственной регистрации подлежат создаваемые (реорганизуемые) юридические лица (коммерческие, некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели).

Ст. 46 ГК установлено, что юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и (или) распределяющие полученную прибыль между участниками (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации) [3].

Коммерческие организации могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, унитарных предприятий, крестьянских (фермерских) хозяйств и иных формах, предусмотренных ГК.

Некоммерческие организации могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законодательными актами.

Некоммерческие организации могут создаваться для удовлетворения материальных (имущественных) потребностей граждан либо граждан и юридических лиц в случаях, предусмотренных ГК и другими законодательными актами.

Некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности некоммерческих организаций, либо поскольку она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам и отвечает предмету деятельности данных организаций. Для отдельных форм некоммерческих организаций законодательными актами могут быть установлены требования, предусматривающие их право на занятие предпринимательской деятельностью только посредством образования коммерческих организаций и (или) участия в них.

Порядок государственной регистрации юридических лиц определен Положением.

Государственная регистрация банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, страховых организаций, страховых брокеров, объединений страховщиков, государственных объединений, открытых акционерных обществ, созданных в процессе приватизации государственной собствен-

ности, осуществляется в порядке, предусмотренном Положением [4], с учетом особенностей, установленных законодательством для соответствующих субъектов хозяйствования. Законодательными актами могут быть установлены особенности государственной регистрации иных субъектов хозяйствования с учетом осуществляемых ими видов деятельности.

Ст. 48 ГК определены учредительные документы юридического лица: устав и (или) учредительный договор [3]. Так, юридическое лицо действует на основании устава и (или) учредительного договора. Учредительный договор юридического лица заключается, а устав утверждается собственником имущества (учредителями, участниками). ГК и иными законодательными актами может устанавливаться иной порядок утверждения уставов юридических лиц. Актами Президента Республики Беларусь может быть предусмотрено утверждение положений, на основании которых действуют соответствующие юридические лица.

Устав (англ. articles of association) – документ, зарегистрированный и утвержденный в установленном законодательством порядке, содержащий свод положений, правил деятельности юридического лица, определяющий его структуру, внутренний регламент и устройство, закрепляющий виды осуществляемой деятельности, права и обязанности во взаимоотношениях с другими лицами и государственными органами [5].

В учредительном договоре учредители обязуются создать юридическое лицо, определяют порядок совместной деятельности по его созданию, условия передачи ему своего имущества и участия в его деятельности. Договором определяются также условия и порядок распределения между участниками прибыли и убытков, управления деятельностью юридического лица, выхода учредителей (участников) из его состава. В учредительный договор по согласию учредителей могут быть включены и другие условия.

Итак, устав и (или) учредительный договор являются учредительными документами юридического лица. Учредительный договор юридического лица заключается участниками организации, а устав утверждается его учредителями (участниками). В уставе, учредительном договоре юридического лица должны определяться наименование юридического лица, место его нахождения, цели деятельности, порядок управления деятельностью юридического лица.

В учредительных документах некоммерческих организаций, а также в предусмотренных законодательными актами случаях в учредительных документах коммерческих организаций должен быть определен предмет деятельности юридического лица. Учредительными документами коммерческих организаций может быть предусмотрен предмет их деятельности и в случаях, когда в соответствии с законодательными актами это не является обязательным.

В уставе юридического лица (учредительном договоре – для коммерческой организации, действующей только на основании учредительного договора) по желанию собственника имущества, учредителей (участников) юридического лица могут указываться виды деятельности, осуществляемые юридическим лицом.

Как правило, лжепредпринимательская структура создается с соблюдением порядка, предусмотренного для образования юридического лица или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, но без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность. Такая структура не осуществляет производство (продажу) продукции (товара), не выполняет работы, не оказывает услуги, и это логично, поскольку цель лжепредпринимательства состоит отнюдь не в удовлетворении общественных потребностей и не в получении прибыли от результата ее законной деятельности, а исключительно в достижении положительного результата от оформления бестоварных сделок, противоречащих законодательству и деятельности, претендующей на признание преступлением. Даже в случае, если такая структура и занимается какой-либо предпринимательской или уставной деятельностью (минимальные объемы, разовые сделки), то только с целью недопущения сомнений контрагентов в добросовестности их партнера и формирования отношения к себе как добропорядочному участнику рынка.

О наличии намерения не осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность при создании юридического лица или государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя может свидетельствовать:

– отсутствие у субъекта хозяйствования необходимого для хозяйственной деятельности помещения, оборудования и т. п.;

– отсутствие факта совершения каких-либо сделок в длительный период времени с даты государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или регистрации юридического лица;

– отсутствие финансового результата от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, пользования имуществом;

– совершение только бестоварных (недействительных) сделок (мнимых, притворных и т. п.);

– непредставление организацией документов для получения лицензии, если в уставе содержатся положения о ведении организацией только деятельности, подлежащей лицензированию и т. д.

Обязательным элементом состава такого преступления, как лжепредпринимательство, является государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица без намерения осуществлять уставную деятельность с наличием хотя бы одной из четырех целей, указанных в ст. 234 УК:

– получение ссуд, кредитов.

Например, если собственник организации для погашения ее долгов создает другую организацию (без намерения осуществлять уставную деятельность), получает кредит от имени вновь созданной организации и направляет его не на осуществление уставной деятельности данной организации, а на погашение долгов первой организации;

– прикрытие запрещенной деятельности.

Например, осуществление от имени юридического лица притворных сделок (п. 2 ст. 171 ГК) с целью прикрыть другие сделки, осуществление которых образует состав лжепредпринимательства либо запрещено действующим законодательством;

– сокрытие или занижение прибыли, доходов или других объектов налогообложения.

Например, создание организаций, которые согласно действующему законодательству имеют право воспользоваться освобождением от уплаты определенных налогов (общество инвалидов и т. п.), т. е. предполагается уклонение от уплаты налогов либо их минимизация;

– извлечение иной имущественной выгоды.

Например, создание юридического лица с целью проведения от его имени сделок, в том числе мнимых и притворных, для обеспечения документального оформления незаконного получения материальных благ, привлечения денежных средств на льготных условиях и т. п.

Причинение крупного ущерба является обязательной составляющей лжепредпринимательства. Состав преступления – материальный. Преступление будет считаться оконченным с момента причинения имущественному положению физического, юридического лица или государства крупного ущерба. При этом причинение такого ущерба вытекает из целей лжепредпринимательства.

Таким образом, уголовному преступлению, состав которого изложен в ст. 234 «Лжепредпринимательство» УК, присущи следующие признаки:

– государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица;

– отсутствие намерения осуществлять уставную деятельность;

– наличие цели получить ссуду, кредит, либо прикрыть запрещенную деятельность, либо сокрыть или занизить прибыль, доходы или другие объекты налогообложения, либо извлечь иную имущественную выгоду;

– причинение ущерба в крупном размере.

Санкцией части первой ст. 234 УК за преступления, повлекшие причинение ущерба в крупном размере (250 и более раз превышающий размер базовой величины), предусмотрен штраф, или лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, или арест на срок до шести месяцев, или ограничение свободы на срок до пяти лет, или лишение свободы на срок до шести лет [1].

Часть вторая ст. 234 УК предусматривает ответственность за лжепредпринимательство, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере (1000 и более раз превышающий размер базовой величины).

Санкция – лишение свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации [1].

В таблице приведены данные о лицах, осужденных за лжепредпринимательство за 2002–2012 гг.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего осуждено:	3	7	12	13	–	3	6	9	2	4	2
В том числе по ч. 1	–	–	11	11	–	1	–	–	–	–	–
по ч. 2	–	–	1	2	–	2	6	9	2	4	2
преступление совершено в группе	1	–	7	10	–	–	4	4	–	–	2
в т.ч. организованной	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
в возрасте 14–17 лет	–	–	–	-	–	–	–	–	–	–	–
18–24 лет	2	3	2	4	–	1	1	–	–	–	–
25–29 лет	–	–	3	4	–	1	–	2	1	1	1
30–49 лет	1	4	5	5	–	1	5	6	1	3	1

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012, № 435-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «Спектр». – Минск, 2013.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012, № 409-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «Спектр». – Минск, 2013.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012, № 419-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «Спектр». – Минск, 2013.

4. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 января 2009 г., № 1; в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 24.01.2013, № 2 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

5. Гавриленко, В.Г. Капитал. Энциклопедический словарь / В.Г. Гавриленко // КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

6. Гладкий, П.А. Квалификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: метод. пособие / П.А. Гладкий; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – 270 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за лжепредпринимательство (ст. 234 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Дана характеристика объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Приведены статистические данные о лицах, осужденных за лжепредпринимательство за последние 10 лет.

The article deals with the issues of criminal liability for pseudo-entrepreneurship (the Article 234 of the Criminal code of the Republic of Belarus). The characteristic of object, the objective side, the subject and the subjective side of the reporting crime is given. The article contains statistics on persons convicted of pseudo-entrepreneurship over the last 10 years.

ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Хилюта В.В.

Одной из гарантий успешного функционирования государства и гражданского общества является надлежащее создание условий эффективной деятельности государственного аппарата власти и управления. Многовековая история развития норм, предусматривающих уголовную ответственность должностных лиц, свидетельствует о стремлении законодателя представить многочисленные случаи незаконного использования служебного положения или полномочий как единый более или менее развитый юридический институт, основанием которого является наказание специального субъекта за те преступления, которые могут быть совершены благодаря его служебному положению, с его превышением и вопреки охраняемым законом интересам [1, с. 3; 2, с. 20; 3, с. 14–18].

Очевидно, что при должностном преступлении имеет место нарушение обязанности правомерного осуществления связанной с должностью власти. Данное деяние как противозаконное осуществление власти может выразиться в причинении ущерба правам и интересам государственной власти, в нарушении правовых отношений государственной власти к подданным, в изменении этих отношений и нарушении тем самым общего государственного порядка. Во всех этих случаях должностное преступление является противоправным злоупотреблением должностными полномочиями, злоупотреблением связанной с должностью власти.

Обосновывая социальную опасность подобных хищений и выделяя основания для криминализации должностных преступлений в имущественной сфере, ученые по этому поводу в разные годы указывали, что неизбежное разделение функций собственника и владельца ведет к тому, что взаимоотношения между ними становятся объектом особого правового регулирования. Естественно, что для собственника (а в ряде случаев это государство) совсем не безразлично, как именно осуществляется пользование и распоряжение его собственностью. Социальная роль индивида, включенного в сеть функционирования материальных ценностей, являющихся собственностью государства или общественных организаций, характеризуется двойственным характером. С одной стороны, такой индивид занимает официальную социальную позицию, а с другой – выступает в роли фактического владельца государственного или общественного имущества. Противоречие здесь заключается в том, что

по своему служебному положению такой индивид является лишь частью данной социальной структуры, а по содержанию социальной роли – он фактический владелец данного вверенного или находящегося у него в ведении имущества. В связи с этой социальной ролью такой работник (как фактический владелец) обособляется от данной социальной структуры (являющейся совокупным собственником) и как владелец противостоит собственнику в том смысле, что его действия по использованию этих объектов далеко не безразличны собственнику и должны вследствие этого специально регулироваться. В этом отношении объектом дисциплинарной провинности всегда является служебный долг, причем его содержание с формальной стороны одинаково для всех служащих. Сущность этого долга заключается в достойном поведении как при отправлении обязанностей, так и вне службы, в исполнении всего, что предписывает служебное достоинство, и в воздержании от всего, что с ним несоединимо. Следовательно, всякая дисциплинарная провинность есть нарушение долга, независимо от того, будет ли это нарушение долга, возложенного публичной или частной службой, или невыполнение каких-либо иных обязанностей, обуславливаемых другими особенными отношениями, как, например, отношениями члена семьи к ее главе, служащего к хозяину, ученика к учителю, члена корпорации к корпорации и т. д. Государство, предоставляя должностному лицу частицу своей власти, не может достигнуть того, чтобы должностное лицо в пределах данных ему полномочий всегда действовало закономерно: последние изначально заключают в себе возможность злоупотреблений. Именно в злоупотреблениях должностных лиц своим властным положением, определяемым кругом их ведомства и силой их особой компетенции, в превращении тем самым государственной власти в орудие преступного посягательства, и следует видеть сущность должностного хищения [4, с. 141–144; 5, с. 150–152].

Уголовное законодательство Республики Беларусь, как впрочем, и ранее действовавшее советское, устанавливает ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Правда, если некогда данное деяние находилось в одной уголовно-правовой норме наряду с присвоением и растратой [6, с. 74–75; 7, с. 87; 8, с. 136; 9, с. 32; 10, с. 177], то в настоящее время оно выделено в самостоятельный состав преступления – ст. 210 УК.

В советское время в уголовно-правовой литературе социальные и криминологические основания установления уголовной ответственности за хищение путем злоупотребления должностным положением обосновывались тем, что должностные хищения представляют серьезную опасность для государства, подрывают его изнутри, так как такое преступление совершается специальным лицом (должностным), носителем специфической социальной связи в советском обществе. При хищении путем злоупотребления служебным положением должностное лицо могло похитить (завладеть) государственное или общественное имущество только допуская различные злоупотребления по службе, т. е. совершая вопреки интересам службы те или иные незаконные служебные действия в силу занимаемой должности.

Введение в уголовное законодательство новой формы хищения – хищения путем злоупотребления служебным положением – явилось результатом отказа законодателя от института аналогии, выражением потребности практики в более четком разграничении между должностным злоупотреблением, заключающемся в обращении в свою собственность государственного или общественного имущества и должностным злоупотреблением, совершенным из корысти или иной личной заинтересованности, чрезвычайно высокой степенью общественной опасности анализируемого деяния, определяемой совокупностью различных качественных и количественных показателей и свойств экономического, правового и социального характера [11, с. 9].

Советские криминалисты, рассматривая сущность хищения государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением, указывали, что при такой форме хищения предмет преступления не находится в непосредственном обладании должностного лица. Он им завладевает в результате незаконных действий, умышленно используя для этого свое положение. Этим по своим объективным свойствам хищение государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением отличалось от присвоения или растраты, потому как для последнего преступления было характерно то, что имущество уже находилось в обладании должностного лица (причем в обладании правомерном), но это лицо неправомерно обращало его в свою собственность [12, с. 373]. Для хищения же путем злоупотребления служебным положением было характерно то, что имущество не находится в правомерном обладании должностного лица, оно находится лишь в его ведении, т. е. должностное лицо имеет право оперативно-хозяйственного распоряжения материальными ценностями, которые непосредственно вверены подчиненным ему лицам.

В правоприменительной практике того времени рассматривались различные случаи хищения путем злоупотребления служебным положением: использование должностным лицом обмана, который обуславливал переход имущества в пользу виновного (обмеривание, обвешивание и т. п.); незаконное получение должностным лицом государственных и общественных средств в качестве премий, надбавок к заработной плате, пенсий, пособий и других выплат; завладение имуществом путем дачи незаконного распоряжения подчиненным лицам и т. д. Использование должностным лицом своего служебного положения в этом случае означало, с одной стороны, незаконное использование должностным лицом служебных правомочий в отношении вверенного ему или находящегося в его ведении имущества, а с другой стороны, использование служебных прав и обязанностей, дающих фактическую возможность завладеть имуществом, в отношении которого оно не имело правомочий [13, с. 96].

Казалось бы, под напором бурно развивающихся экономических отношений, разгосударствления и появлением новых форм собственности и собственников, жизнь потребует принятия принципиально иных решений и установления новых форм их правовой защиты. При такой постановке вопро-

са хищение путем злоупотребления служебным положением должно было изжить себя, но в отличие от многих бывших советских социалистических республик, белорусский законодатель посчитал необходимым сохранить данную норму, и, наверное, не без оснований.

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (а не положением, как это было ранее) в модели социально-ориентированной рыночной экономики должно было явиться тем инструментом, с помощью которого бы осуществлялась охрана доверительного управления имуществом собственника. Однако фактически ст. 210 УК имеет место в случаях использования должностным лицом своих служебных полномочий для завладения имуществом.

Таким образом, сегодня хищение путем злоупотребления служебными полномочиями заключается в незаконном безвозмездном завладении с корыстной целью имуществом или правом на имущество в свою пользу или пользу третьих лиц с использованием должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы. При хищении путем злоупотребления служебными полномочиями должностное лицо завладевает чужим имуществом (или приобретает право на него), допуская различные злоупотребления по службе, т. е. совершает те или иные незаконные действия вопреки интересам службы.

Важным аспектом такого должностного хищения является то, что, совершая хищение, должностное лицо для этого «использует свои служебные полномочия». По этому поводу сегодня многие ученые полагают, что при такой форме как хищение, путем использования служебных полномочий отсутствует свой специфический способ совершения преступления [14, с. 148; 15, с. 18], так как использование служебных полномочий только облегчает совершение хищения, где должностное лицо для завладения имуществом пользуется таким способами как мошенничество, присвоение или растрата. Однако вряд ли это так.

Скорее хищение, путем злоупотребления служебными полномочиями необходимо рассматривать как частный случай более общего состава – злоупотребления доверием, поскольку собственник (государство, юридическое лицо и т. д.) наделяя властными полномочиями определенное лицо управлять или распоряжаться имущественными ценностями, доверяет ему судьбу своего имущества, а должностное лицо, используя это доверие и свои полномочия, совершает преступление, которое и именуется сегодня хищением с использованием особых (служебных, и даже не должностных) полномочий по имуществу. Таким образом, совершая хищение, виновное лицо, прежде всего, действует вопреки интересам службы, злоупотребляя оказанным ему доверием, допускает нарушение конституционных принципов. Таким образом, рассматриваемый способ преступления базируется на отношениях доверия, которые возникают между специальными субъектами и представляют собой специфический вид социальной связи в системе общественных отношений.

В данном случае отношения доверия всегда существуют как двусторонние и порождают для обеих сторон взаимные права и обязанности. Каждая из сторон в таких отношениях видит в другой некоторое «средство» достижения

желаемой цели. Поверенный рассчитывает на определенное, ожидаемое поведение доверителя; последний, в свою очередь, рассчитывает на добросовестное выполнение поверенным возложенных на него обязанностей и на основании отношений доверия наделяет поверенного определенным кругом полномочий (правомочий), которыми он сам владеет и которые выступают для поверенного одновременно и как обязанности. Сочетание прав (полномочий) и обязанностей на стороне поверенного образует его специфический статус уполномоченного субъекта [16, с. 7–9]. В этом смысле поверенный получает статус специального субъекта преступления, ибо отношения доверия здесь выстраиваются с лицами, обладающими функциями должностного лица. Иначе говоря, при хищении путем злоупотребления служебными полномочиями злоупотребление доверием со стороны управомоченного лица характеризуется активным поведением, которое осуществляется путем использования поверенным отношений доверия и предоставленных ему полномочий в ущерб доверителю, вопреки воле и интересам последнего.

Примененный в тексте УК признак «использование служебных полномочий» не является способом совершения общих и специальных должностных преступлений, а является специальным деянием, составляющим самостоятельный способ хищения – должностного, в отличие от альтернативно-должностных преступлений [1, с. 15]. Поэтому используемая сегодня законодателем формулировка «с использованием своих служебных полномочий» имеет двухаспектную природу: одновременно предполагает специальный субъект противоправной деятельности – служащего (должностное лицо), а также является специфическим способом совершения преступления.

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями указывает на то, что служебные, деловые связи не являются больше необходимой, составляющей частью должностных (а точнее, служебных) полномочий и поэтому неправомерно вести речь об их использовании при совершении должностного злоупотребления – хищении. Нельзя злоупотреблять тем, что не принадлежит должностному лицу, не входит в круг его полномочий, так как определить в этих полномочиях место служебному положению, т. е. служебным связям, авторитету должности как неотъемлемой части должностных полномочий крайне затруднительно. Должностное хищение совершается виновным посредством осуществления специальных функций и не обусловлено одним только его особым состоянием. Как представляется, сутью такой формы хищения как злоупотребление служебными полномочиями, является не наличие или отсутствие у виновного определенного правомочия в отношении имущества (в этом отношении оно ничем не отличается от присвоения или растраты), а использование для завладения чужим имуществом официально предоставленных ему по должности служебных полномочий.

Список цитированных источников

1. Тарасова, Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В.Тарасова. – СПб., 1999. – 28 с.

2. Веремеенко, В.М. Уголовная ответственность за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями: совершенствование законодательства и практики его применения: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.М. Веремеенко. – Минск, 2011. – 27 с.

3. Кузьменко, В.С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых должностными лицами: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.С. Кузьменко. – Н. Новгород, 2009. – 36 с.

4. Яковлев, А.М. Социология экономической преступности / А.М.Яковлев. – М., 1988. – 256 с.

5. Безверхов, А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Безверхов. – Казань, 1995. – 234 л.

6. Матышевский, П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности / П.С. Матышевский. – Киев, 1983. – 175 с.

7. Тишкевич, И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность / И.С. Тишкевич. – Минск, 1984. – 168 с.

8. Владимиров, В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М., 1986. – 223 с.

9. Тенчов, Э.С. Квалификация преступлений против социалистической собственности / Э.С. Тенчов. – Иваново, 1981. – 82 с.

10. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А.Кригер. – изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1974. – 336 с.

11. Колыско, А.Ю. Злоупотребление служебным положением как форма хищения государственного и общественного имущества: афтореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ю. Колыско. – М., 1991. – 24 с.

12. Курс советского уголовного права в шести томах. Том IV (Особенная часть) / под ред. А.А. Пионтковского, В.Д. Меньшагина. – М., 1970. – 432 с.

13. Матышевский, П.С. Уголовноправовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР / П.С. Матышевский. – Киев. 1972. – 199 с.

14. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М., 2005. – 408 с.

15. Борзенков, Г.Н. Преступления против собственности (о главе в проекте УК Российской Федерации) / Г.Н. Борзенков // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1992. – № 6. – С. 15–20.

16. Анісімов, Г.М. Зловживання довірою як спосіб вчинення злочину: поняття та кримінально-правове значення: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.М. Анісімов. – Харків, 2003. – 24 с.

17. Динека, В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Динека. – М., 2000. – 60 с.

18. Гончаров, В.А. Злоупотребление должностными полномочиями: законодательные и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Ростовской области): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Гончаров. – Краснодар, 2007. – 22 с.

Дата поступления статьи – 22.06.2013.

В статье раскрывается сущность и содержание такой самостоятельной формы хищения, как злоупотребление служебными полномочиями, проводятся социально-

политические основания установления уголовно-правового запрета за данное преступное поведение в имущественной сфере. Дается уголовно-правовое обоснование необходимости криминализации данного способа хищения, проводится разграничение понятий «злоупотребление служебным положением» и «злоупотребление служебными полномочиями». Автор обосновывает идею самостоятельного указания в тексте УК на хищение путем использования служебных полномочий как особой разновидности формы хищения.

The article reveals the nature and content of such a theft as an independent form of abuse of power, held socio-political foundation of establishing criminal prohibitions for this criminal behavior in the property sector. Given criminal legal justification for the criminalization of the method of theft and distinguishes the concepts of “abuse of office” and “abuse of power”. The author substantiates the idea of self-indication in the text of the Criminal Code for theft by the use of official authority as a special variety of forms of violence.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПОЗИЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Шаблистый В.В.

История развития человечества свидетельствует о многогранности и неоднозначности цивилизационных процессов в различных общественных образованиях в разные времена. Фактически к концу XX века каждая страна пыталась сохранить свои достижения в четко определенных границах всеми доступными средствами. Прогрессивные не по времени идеи эпохи Возрождения нашли свое отражение в законодательных актах лишь в конце XX – начале XXI века. Речь идет о жизненно необходимом, присущем каждому из нас стремлении от рождения – жить в безопасности. Причем для этого стремления всегда были и будут характерны эгоистические проявления – собственная, личная безопасность, безопасность родных и близких. Конечно, без безопасности общества и государства вряд ли можно говорить о безопасности индивида. Вместе с тем только сейчас все всерьез заговорили о правильности и давно назревшей необходимости нормативно-правового закрепления трансформации триады важнейших ценностей «государство–общество–человек» в диаметрально противоположной – «человек–общество–государство».

Следует признать, что Украина в этом плане характеризуется положительно, поскольку ст. 3 Конституции провозгласила человека, его жизнь и здоровье, неприкосновенность и безопасность высочайшей социальной ценностью в государстве. Нормы Основного Закона, будучи нормами прямого действия, нашли свое отражение практически во всей системе права, за исключением той отрасли, существование которой является социально обусловленным, крайним и самым действенным средством обеспечения важнейших ценностей. Конечно, речь идет об отдельных положениях действующего Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, раздел I Особенной части которого стоит на страже безопасности государства.

Двенадцатилетний период существования УК Украины засвидетельствовал чрезвычайно большое количество изменений и дополнений к нему, однако их большинство касалось необходимости или, наоборот, потери актуальности именно уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений. Несмотря на всю очевидность недостаточности наказания в противодействии преступности, дальше научных дискуссий или деклараций вопрос о назревшей необходимости качественного обновления уголовного закона не доходил.

Уголовный процессуальный кодекс (далее – УПК) Украины в 2012 году стал очень необычным, однако неизбежным катализатором изменений основных положений УК Украины. Так, в п. 7 ч. 1 ст. 3 УПК Украины указано, что закон Украины об уголовной ответственности – это законодательные акты Украины, которые устанавливают уголовную ответственность (УК Украины и закон Украины об уголовных проступках).

С этого момента все дискуссии стали вестись вокруг целесообразности введения правового института уголовного проступка или отсутствие таковой; о форме их закрепления, о правовых последствиях признания лица виновным в их совершении и др.

Следует отметить, что значительный вклад в понимание сущности преступления и других правонарушений осуществили такие отечественные ученые, как Ю.В. Баулин, В.А. Беньковский, В.И. Борисов, Г.Н. Зеленов, Л.Н. Кривоченко, В.Н. Куц, А.Н. Матусовский, А.В. Микитчик, В.А. Мысливый, А.А. Музыка, В.А. Навроцкий, Н.И. Панов, Е.Л. Стрельцов, В.Я. Таций, В.П. Тихий, П.Л. Фрис, Н.И. Хавронюк и др. Вместе с тем практически неисследованным сегодня остается генезис законодательного закрепления понятия преступления и его соответствие Конституции Украины.

По этому поводу В.А. Навроцкий отмечает, что, несмотря на свою внешнюю простоту, понятие преступления постоянно привлекает внимание теоретиков-криминалистов. Преимущественно это учебные пособия и статьи в сборниках научных трудов, периодических изданиях. Украинские авторы рассматривали и соотношение понятий преступления в отечественном и международном уголовном праве, и отграничение преступлений от других правонарушений, и понятие малозначительности деяния, формально предусмотренного уголовным законом. Несмотря на наличие достаточно большого количества публикаций, целый ряд вопросов, касающихся понятия преступления, до сих пор является дискуссионным, или малоисследованным. Среди них – признаки, характеризующие это понятие, содержание отдельных признаков понятий преступления; критерии – классификации преступлений; отграничения преступлений от иных правонарушений и т. д. [1, с. 100–101].

Именно поэтому целью этой статьи является авторское определение понятия преступления в контексте введения правового института уголовного проступка и наведения аргументов относительно потери актуальности общественной опасности как ключевого признака в разграничении преступления, проступка и правонарушения.

Можем ошибаться, однако едва ли не единственным из тех, кто предложил по-новому взглянуть на понятие преступления и одну из основных его характеристик – общественную опасность, является В.П. Тихий. Ученый обращает внимание на терминологическую несогласованность между ч. 1 и ч. 2 ст. 11 УК Украины. В ч. 1 ст. 11 УК Украины законодатель под опасным деянием понимает деяния, которое причиняет существенный вред или создает опасность его причинения, а в ч. 2 ст. 11 УК Украины под опасностью деяния предусмотрено лишь создание возможности причинения существенного вреда. В связи с этим он предлагает в ч. 1 ст. 11 УК Украины или исключить признак опасности преступного деяние или дополнить понятие преступления признаком причинения существенного вреда человеку, обществу, государству или человечеству. Это, по его мнению, будет соответствовать природе опасности и в языковом и логическом толковании этого явления. Также неточным является указание на общественную опасность деяния. Преступление может быть опасным не для общества, а для индивидуума, государства, человечества [2, с. 406].

Мы пойдем дальше и попробуем развить приведенную точку зрения В.П. Тихого с учетом трех основных видов нарушений закона – преступления, проступка и правонарушения как краеугольных камней процесса реформирования системы уголовной юстиции Украины, т. е. сформулируем авторское определение понятия преступления с позиций уголовно-правового обеспечения безопасности человека. Это будет своеобразное измерение уровня безопасности введения правового института уголовного проступка в Украине.

Для достижения провозглашенной цели следует учесть историко-правовое развитие определения понятия преступления и его нормативное закрепление. О правильности направления научного поиска свидетельствует указание Н.И. Панова и Н.А. Гуторовой на необходимость использования историко-правового метода, который дает возможность показать генезис проблем уголовной ответственности за отдельные виды преступлений на основе анализа уголовного законодательства прошлых лет и практики его применения, выявить тенденции развития законодательства, проследить его взаимосвязь с социально-экономическими условиями жизни общества и государства, а также развитием других отраслей права. Это, в свою очередь, дает возможность наметить пути совершенствования действующего уголовного законодательства на современном этапе [3, с. 303].

Следует согласиться с Н.И. Хавронюком по поводу того, что понятие преступления является центральным в любой правовой системе. В отличие от многих других стран, в Украине понятие преступления не только имеет значительное теоретическое обоснование, но и получило свое законодательное закрепление и включает в себя необходимое и достаточное количество признаков, которые дают возможность отграничить преступление от других правонарушений и правомерного поведения [4, с. 40].

Л.Н. Кривоченко отмечает, что в истории уголовного права понятие преступления определялось по-разному. В зависимости от того, чему придавалось

большее значение – социальной или правовой характеристике преступления, – можно выделить три определения этого понятия: формальное, материальное и формально-материальное. В ч. 1 ст. 11 УК Украины закреплено именно формально-материальное определение понятия преступления [5, с. 66].

Без особой привязки к четко определенным историческим периодам развития украинского государства проследим развитие определения понятия преступления: на каком этапе общественного развития оно было формальным, на каком – материальным, на каком – формально-материальным.

Проводить такую работу мы будем с оглядкой на указание еще в 1896 году А.Ф. Кистяковского на то, что констатация лишь успехов законодательства очень однобоко освещала бы современное состояние вопроса, поскольку решение его зависит от общественного и научного развития, тогда как законодательство является лишь слабым отражением и постоянно отстающим их результатом [6, с. 6].

Безусловно, одним из самых известных источников права Средневековья является «Русская Правда» [7], которая была своеобразным кодифицированным актом, преимущественно уголовно-правового направления. В ней отсутствует смертная казнь и за любое преступление назначался штраф. Преступление и вред, который им причиняется, объединены понятием «кривда». Сказанное свидетельствует, что в период существования Киевской Руси понятие преступления носило формальный характер – было лишь указанием в законе на противоправность деяния.

Принятие и действие Литовских уставов 1529, 1566, 1588 годов связаны с началом распределения украинских земель между Речью Посполитой и Великим Княжеством Литовским. Достаточно либеральные нормы «Русской Правды» не устраивали правящую верхушку, поэтому поэтапно были приняты три уставы, которые предусматривали более репрессивные нормы для большинства населения. Они предусматривали смертную казнь. Главной целью наказания стало запугивание (подавление желания к противодействию власти). Преступлением понималось все, что содержало в себе опасность для власти и человека (при обязательном учете социально-экономического положения преступников и потерпевших) [8, с. 52–54]. Вышесказанное свидетельствует о материальном характере определения понятия преступления, поскольку акцент в основном сделан на его социальной характеристике.

Следующим этапом, который обязательно подлежит рассмотрению, является казацкая эпоха. Следует признать, что она охватывает значительный промежуток времени, и взгляды ученых на него достаточно неоднозначны. В частности, А.В. Макаренко, на основании изучения источников права Гетманщины 1648–1657 гг., указывает, что в то время под преступлением понималось общественно опасное, противоправное, греховное деяние, посягающее на интересы государства, общества, человека и т. д. В понятии преступления выделяли формальный и материальный элементы преступления [9, с. 46].

По нашему мнению, абсолютное большинство отношений между казаками регулировалось жизненной необходимостью по обеспечению безопас-

ности своих образований, которые постоянно должны были быть боеспособными. Об этом свидетельствует формирование нового менталитета свободных людей «с ружьями за спиной обрабатывающих землю». Они обязаны были в любой момент защитить себя и свое ближайшее окружение. На основании этого можно сделать промежуточный вывод о том, что основой безопасности казацкого устройства была безопасность отдельного взятого его члена. Более того, для начинателей демократических отношений главной была безопасность отдельно взятого человека, обусловлена очень суровыми мерами обеспечения коллективной безопасности. Так, измена товарища в бою наказывалась закапыванием его живым в землю.

Именно поэтому большее значение придавалось социальной характеристике преступления, а потому следует говорить о материальном его определении.

В § 5 Проекта Уголовного Уложения 1813 года понятие частного преступления определяется как такое, которое нарушает права или безопасность одного или нескольких человек. Оно может сопровождаться и не сопровождаться общей опасностью [10, с. 2].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержит практически идентичное понятие преступления – любое нарушение закона, которое посягает на неприкосновенность прав Верховной Власти и установленных ею правил, или на права или безопасность общества или частных лиц [11, с. 8].

По нашему мнению, в указанных источниках права однозначное указание на опасность, которую создает преступление, является свидетельством материальной его характеристики. Относительно формальной, то несмотря на законодательное закрепление понятия преступления, можно говорить о ее двойственности. Об этом свидетельствует указание на любое нарушение закона, т. е. на применение УК по аналогии.

Уголовное уложение 1903 года возвращается в исключительно формальное определение понятия преступления, поскольку в ст. 1 указано, что преступным признается деяние, которое запрещено законом во время его совершения под страхом наказания [12, с. 8].

В УК 1922 года главной задачей провозглашена правовая защита государства трудящихся от преступлений и от *общественно опасных элементов* (курсив наш – *В.Ш.*) (ст. 5). В ст. 6 понятие преступления определено как любое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени [13].

Ст. 7 УК 1927 года предусматривала, что за общественно опасное (преступное) деяние определяется каждое действие или бездействие, угрожающее советскому строю или нарушающее правовой порядок, который завела власть рабочих и крестьян на переходном к коммунистическому строю периоде [14].

Не может не обратить на себя внимание тот факт, что *впервые* (курсив наш – *В.Ш.*) к понятию преступления добавлен признак общественной опас-

ности, который в то время был синонимом преступления. В дальнейшем эта категория трансформировалась в самостоятельный материальный признак преступления и нашла свое выражение в следующих УК Украины. Вместе с тем в первые годы построения советского государства любое деяние, грозящее не человеку, а советскому строю, т. е. государству, считалось общественно опасным и преступным. Об опасности для отдельно взятого человека речи и быть не могло, в отличие от уголовных законов XIX века. Именно поэтому признак общественной опасности преступления не может иметь место в государстве, в котором человек провозглашен высшей ценностью.

Уголовный кодекс 1960 года в ч. 1 ст. 7 предусматривал, что преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй Украины, его политическую и экономическую системы, собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а также иное предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, посягающее на правопорядок [15].

В ч. 1 ст. 11 УК Украины 2001 года [16] содержится формально-материальное определение понятия преступления – это и противоправное, и опять же общественно опасное деяние, тогда как преступление в первую очередь посягает на безопасность человека, а не общества.

Итак, приведенные положения ярко отражают точку зрения Л.Н. Кривоченко о том, что интересы и потребности общества постоянно развиваются, соответственно изменяется на определенном этапе общественного развития и оценка поведения человека как антисоциального, преступного. Поэтому понятие преступления не может быть не переменным: оно всегда должно соответствовать конкретному этапу развития общества, потребностям и интересам, присущим именно этому этапу [5, с. 65].

Также актуальным является вывод А.В. Микитчик о том, что преступление является сопроводительной закономерной тенденцией в жизнедеятельности общества. Поскольку творческая сущность человека и человечества в целом находится в постоянном становлении, то культурно-исторический процесс гуманизации в виде побочного продукта всегда выбрасывает на арену общественной жизни преступление, играет в истории двойную роль – тормозит цивилизационный прогресс и, вместе с тем, побуждает к консолидации в борьбе за выживание здоровые силы общественного организма [17, с. 3].

Учитывая тот факт, что понятие преступления является основной категорией уголовного права, которая лежит в фундаменте таких понятий, как ответственность, наказание, основание уголовной ответственности, уголовно-правовое регулирование, является основой всех уголовно-правовых институтов [18, с. 221], его законодательное определение следует привести в соответствие с Конституцией Украины.

Считаем, что в XXI веке нужно совершить хотя бы попытку переосмысления советского наследия в части понятия преступления как ключевого понятия системы права любой страны. В первую очередь это касается та-

кого его признака, как общественная опасность, поскольку, как отмечалось выше, в случае совершения преступления нарушаются интересы человека, а уже потом общества, государства или человечества.

По нашему мнению, это возможно при условии отказа от использования категории «общественная опасность», которая, при условии принятия Кодекса Украины об уголовных проступках, полностью потеряет свое решающее значение в разграничении преступления и правонарушения. В случае его оставления преступлениям будет присущ высокий или значительный уровень общественной опасности, проступкам – менее высокий, а правонарушениям – низкий. Установление этого уровня по некоторым видам преступлений может стать невыполнимой задачей.

Даже без учета неизбежности внедрения в Украине правового института уголовного проступка, достаточно дискуссионной является точка зрения Н.И. Панова и В.П. Тихого о том, что природа любого правонарушения по своей сути едина, и поэтому любое из них является общественно опасным. Преступление является наиболее опасным видом правонарушения. Именно повышенным уровнем общественной опасности оно и отличается от других правонарушений [19, с. 89].

Аналогичная точка зрения у Л.Н. Кривоченко и Р.С. Орловского. Ученые считают, что преступление среди других правонарушений характеризуется высоким уровнем общественной опасности, и именно это позволяет отграничивать его от близких по объективным и субъективным признакам других правонарушений, например административных [20, с. 37].

Н.Ф. Кузнецова также обосновывает целесообразность существования общественной опасности как социальной характеристики преступления и отмечает, что: 1) общественная опасность деяния по природе есть объективное свойство преступления, т. е. не зависит от правовой его оценки законом. Однако становится она свойством именно преступления только после такой оценки ее УК; 2) общественная опасность по содержанию – объективно субъективная категория, обусловленная совокупностью всех обязательных элементов состава преступления; 3) кодекс употребляет понятие и термин «общественная опасность» в двух значениях: только как объективной и как объективно-субъективной вредности; 4) общественная опасность деяний служит основанием их криминализации законом; 5) общественная опасность выступает основанием привлечения виновного лица к уголовной ответственности; 6) характер и степень общественной опасности определяет категоризацию преступлений; 7) общественная опасность преступления – первый критерий индивидуализации наказания; 8) общественная опасность – такое специфическое свойство преступления, которое позволяет отделять преступления от непреступных правонарушений и малозначительных деяний [21, с. 121].

Следует признать, что на сегодняшний день такая позиция относительно общественной опасности преступления является доминирующей и единственно допустимой в уголовно-правовой науке. Сама попытка обоснования альтернативной точки зрения может вызвать шквал критики и категорических

возражений. На наше субъективное убеждение, поддерживаемое всеми желание привести уголовный закон в соответствие с уровнем общественного и научного развития должно совпадать с необходимостью пересмотра основополагающих постулатов уголовного права и положений законодательства Украины об уголовной ответственности.

Не является исключением и исследование понятия и сущности преступления, проведенное В.А. Навроцким. Ученый считает, что общественная опасность – это ключевой признак понятия преступления в украинском уголовном праве. Понимание общественной опасности как признака преступления состоит:

– в способности причинять реальный вред правоохраняемому объекту или создавать угрозу причинения такого вреда;

– наличии такого вреда (реального или потенциального), который оценивается с позиций всего общества, а не конкретного потерпевшего. Именно поэтому опасность и называется общественной;

– вред настолько велик, что угрожает основополагающим общественным ценностям, представляет для них опасность [1, с. 105].

Вышеизложенное еще раз дополнительно свидетельствует о продолжении превалирования общественных интересов над частными, поскольку для нас остается непонятным, почему опасность преступления должна оцениваться исключительно с позиций общества, а не в первую (и исключительную) очередь – человека.

В связи с этим предлагаем вернуться к прогрессивным идеям уголовно-правовой науки и уголовного законодательства дореволюционных времен, поскольку в них преступлением считалось деяние, которое посягает на безопасность или права человека. Общественная опасность преступления была актуальной для государства, главной ценностью в котором почти целый век было оно само. Украина за время независимости только на самом высоком уровне провозгласила этой ценностью человека, чего в уголовном законе по примере понятия преступления (которое является центральным в любой правовой системе) пока не наблюдается.

В свою очередь, мы предлагаем уголовными проступками считать те, которые будут причинять существенный вред человеку, обществу, государству или человечеству; преступления – такими, посягающими на их безопасность; административные правонарушения – такими, что причиняют им вред.

Ч. 1 ст. 11 УК Украины предлагаем изложить в следующей редакции: *«Преступлением является предусмотренное настоящим Кодексом виновное, наказуемое деяние (действие или бездействие), посягающее на безопасность человека, общества, государства или человечества, совершенное субъектом преступления».*

Список цитированных источников

1. Українське кримінальне право. Загальна частина: підручник / за ред. В.О. Навроцького. – К.: Юрінком Інтер, 2013. – 712 с.

2. Тихий, В.П. Кримінально-правове забезпечення безпеки людини, суспільства, держави та людства / В.П. Тихий // Кримінальний кодекс України: 10 років очікувань: тези доповідей та повідомлень Міжнародного симпозіуму, 23–24 вересня 2011 р. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2011. С. 403–406.

3. Панов, М.І. Методологічні засади дослідження проблем Особливої частини кримінального права / М.І. Панов, Н.О. Гуторова // Проблеми боротьби зі злочинністю. – 2009/100. – С. 291–304.

4. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / Ю.В. Александров, В.І. Антипов, М.В. Володько, О.О. Дудоров та ін.; За ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. – 5-те вид., переробл. та допов. – К.: Атіка, 2009. – 408 с.

5. Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, В.І. Тютюгін та ін.; за ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-те вид., переробл. і допов. – Х. : Право, 2010. – 456 с.

6. Кистяковский, А.Ф. Исследование о смертной казни / А.Ф. Кистяковский. – 2-е изд., под ред. Т.С. – СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1896. – 302 с.

7. Правда руська. Переклад зроблено за виданням: Правда руська. Тексти на основі 7 списків та 5 редакцій. Склав та підготував до друку проф. С. Юшков. — К.: ВУАН, 1935. – Редакція IV. – С. 137–144. (На основі тексту Архівної комісії АН СРСР, № 240, Новгородський 1-й літопис XV ст.).

8. Історія держави і права України: Академічний курс: У 2 т.: Підручн. для студ. юридичн. спец. вузів / ред. В.Я. Тацій, А.Й. Рогожин; Академія правових наук України, Нац. юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – К.: Ін Юре. – 2000. – Т. 2. – 2000. – 577 с.

9. Макаренко, О.В. Поняття та склад злочину за джерелами права Гетьманщини / О.В. Макаренко // Право і суспільство : наук. журнал. – 2011. – № 3. – С. 43-46.

10. Проектъ уголовнаго улаженія Россійской имперіи. Ч. первая. Основанія уголовнаго права. – Въ Санктпетербургъ: Печато при Сенатской типографіи, 1813 года. – 123 с.

11. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. – Санк-Петербургъ: Въ типографіи Втораго Отделения Собственной Его Императарского Величества Канцеляріи, 1845. – 922 с.

12. Уголовное Уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – С.-Петербургъ: Сенатская типографія. – 144 с.

13. Уголовный кодекс УССР с изменениями и дополнениями по 1-е ноября 1924 г. и с алфавитным указателем. – Юридическое издательство Наркомюста У.С.С.Р. – Харьков, 1924. – 73 с.

14. Кримінальний кодекс. В редакції 8 червня 1927 р. – Юридичне Видавництво Наркомюсту У.Р.С.Р. – Харків, 1927. – 149 с.

15. Кримінальний кодекс України : Затверджений Законом від 28 грудня 1960 року // Вісник Верховного Суду УРСР. – 1961. – № 2. Ст. 34.

16. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року № 2341-IV // Вісник Верховної Ради України. – 2001. – № 25–26. – Із наступними змінами і доповненнями.

17. Микитчик, О.В. Злочин як соціальне явище: філософсько-правовий аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.12 «Філософія права» / О.В. Микитчик. – Київ; Нац. акад. внутр. справ, 2002. – 20 с.

18. Кримінальне право. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – 1112 с.

19. Панов, М. Поняття злочину (коментар до Кримінального кодексу України) / М. Панов, В. Тихий // Вісник Конституційного Суду України. – 2004. – № 1. – С. 88–95.

20. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. / за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. – 5-те вид., допов. – Х.: Право, 2013. – Т. 1: Загальна частина / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, В.І. Тютюгін [та ін.]. – 2013. – 376 с.

21. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – 556 с.

Дата поступления статьи – 31.05.2013.

В статье дается авторское определение понятия преступления в контексте внедрения правового института уголовного проступка. Само определение основывается на историческо-правовом развитии общего для постсоветских государств законодательстве. Приводятся аргументы о потере актуальности общественной опасности как ключевого фактора криминализации или декриминализации деяний. Утверждается, разграничение преступления, проступка и правонарушения должно основываться на безопасности человека, общества, государства и человечества.

Практическая реализация выводов статьи станет возможной после нормативно-правового закрепления трансформации триады важнейших ценностей «государство–общество–человек» в диаметрально противоположную – «человек–общество–государство».

The article presents the author's definition of the crime in the context of the implementation of the legal institution of criminal wrongdoing. The definition itself is based on the historical and legal development of the general law for the post-Soviet states. Arguments about the loss of relevance of the social danger as a key factor of criminalization or decriminalization of acts. Approved, the distinction between crime and misdemeanor offenses should be based on human security, society, state and humanity.

Practical implementation of the conclusions of article will be possible after securing regulatory transformation triad core values of “state–society–man” in the exact opposite – the “man–society–state”.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВА НЕВОЗВРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (СТ. 230 УК)

Шилин Д.В.

Ст. 230 УК предусматривает ответственность за умышленное невозвращение историко-культурных ценностей на территорию Республики Беларусь в установленный срок, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным согласно отечественному законодательству.

Родовым объектом данного преступления является порядок осуществления экономической деятельности. Непосредственный объект в научных источниках определяется по-разному. Некоторые авторы полагают, что его составляет право белорусского народа на обладание историко-культурными ценностями [1, с. 164; 2, с. 369]. Другие считают, что вред причиняется уста-

новленному законом порядку оборота названных предметов [3, с. 200]. Конечно, данное преступление связано с оборотом объектов культурного наследия, однако законодательно ответственность установлена в ракурсе того, что историко-культурные ценности все-таки должны возвращаться в страну их происхождения (обладания).

В.Г. Беспалько отмечает, что хотя данное преступление внешне схоже с преступным деянием, посягающим на общественные отношения в сфере таможенного дела, на самом деле его совершение создает угрозу причинения существенного вреда духовной безопасности общества, ведет к преуменьшению национального культурного богатства [4, с. 51–52].

Ю.И. Сучков полагает, что непосредственным объектом анализируемого деяния являются отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, регулирующие порядок возвращения объектов культурного достояния на территорию государства, из которого они были вывезены [5, с. 298]. По мнению Г.А. Русанова, основной непосредственный объект составляют общественные отношения, обеспечивающие правила законного ввоза и вывоза культурных ценностей, а дополнительный непосредственный объект – отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией [6, с. 183]. Л.Р. Клебанов в качестве непосредственного объекта выделяет общественные отношения, возникающие по поводу культурных ценностей, вывозимых за пределы государства с последующим обязательным возвращением [7, с. 250]. В.В. Вершков понимает непосредственный объект как интерес (благо), заключающийся в состоянии защищенности культурных ценностей, временно вывозимых за пределы государства [8, с. 7].

На наш взгляд, непосредственный объект анализируемого деяния следует рассматривать аналогично основному непосредственному объекту любого посягательства на культурные ценности, а именно: через общественные отношения в сфере обеспечения режима сохранности культурного достояния. Это обусловлено тем, что невозвращение историко-культурных ценностей означает их фактическую утрату для общества и государства их принадлежности.

Предметом преступления являются историко-культурные ценности, категория которых не влияет на квалификацию деяния. Невозвращение иных видов культурных ценностей не образует состав рассматриваемого преступления. Однако в отечественной науке отмечается необходимость распространения действия ст. 230 УК на эпизоды невозвращения именно культурных ценностей [9, с. 89]. Стоит отметить, что российский законодатель в своем уголовном законе закрепил аналогичную норму.

Полагаем, что данный подход заслуживает внимания, поскольку на сегодняшний день статусом историко-культурной ценности обладают в основном недвижимые объекты. Иным видам культурных ценностей (картины, скульптуры, предметы археологии) такой статус не присваивается, что ограничивает применение УК к фактам их невозвращения.

Объективная сторона невозвращения представлена бездействием. Как отмечается в научной литературе, общественно опасное бездействие – это осознанное и волевое пассивное поведение лица, выражающееся в несовершении тех действий, которые оно должно было совершить в силу возложенных на него обязанностей [10, с. 134]. Применительно к рассматриваемому составу преступления бездействие состоит в невыполнении обязанности возвратить на территорию Беларуси материальные объекты, включенные в список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, которые были временно вывезены.

По мнению Р.Н. Ключко, механизм установления ответственности по ст. 230 УК состоит в том, что основу бездействия составляет неисполнение обязанности на совершение определенных действий при осуществлении профессиональной (служебной) деятельности. Принимая такую обязанность, лицо осознает общественную опасность ее неисполнения и ответственность, что позволяет избежать объективного вменения и проблем с установлением признаков объективной стороны. Тем самым у лица создаются стимулы к активной модели поведения при осознании угрозы ограничений в случае игнорирования необходимости совершения активных действий [11, с. 109].

Состав преступления формальный: оно считается оконченным с момента невыполнения соответствующей обязанности при условии, что у виновного лица была реальная возможность ее исполнить. При этом не имеет значения, не возвратил ли виновный все вывезенные за границу ценности либо их часть.

Однако в правовой доктрине существуют иные позиции по этому вопросу. Так, В.В. Вершков усматривает в составе невозвращения культурных ценностей признаки преступления с материальной конструкцией: причиняемый вред состоит в уменьшении фондов культурных ценностей [8, с. 7–8]. С данной позицией трудно согласиться, поскольку момент причинения указанного вреда совпадает с моментом неисполнения обязанности, т. е. невозвращением ценностей в установленный срок, что, с позиции уголовно-правовой доктрины, образует формальный состав преступления.

Как справедливо отмечают белорусские ученые, при отсутствии возможности выполнить обязанность ввиду наличия обстоятельств, не зависящих от воли лица (например, похищение у лица историко-культурных ценностей, их уничтожение вследствие пожара), невозвращение ценностей в такой ситуации не образует состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК [12, с. 595].

Невозвращение историко-культурных ценностей является длящимся преступлением, которое характеризуется длительным невыполнением лицом обязанности вернуть указанные объекты с вывезенной территории. Моментом совершения преступления является день, следующий за днем, когда лицо обязано было вернуть ценности в Республику Беларусь. Днем прекращения преступного деяния является либо день его прекращения виновным лицом по своей воле, либо день, когда преступное состояние прекращено по воле других лиц.

Вместе с тем считаем дискуссионной точку зрения о том, что днем прекращения преступного состояния может являться день возбуждения в отношении лица уголовного дела [4, с. 57]. Едва ли можно согласиться с тем, что возбуждение уголовного дела при отсутствии вывезенных историко-культурных ценностей и лица, скрывающегося от следствия, означает оконченность уклонения от возвращения объектов культурного наследия.

В доктринальных источниках подчеркивается важность такого элемента объективной стороны невозвращения, как место его совершения. Некоторые авторы указывают на то, что таким местом является место нахождения виновного лица [13, с. 89]. Другие полагают, что это место нахождения вывезенных историко-культурных ценностей, т. е. территория соответствующего государства [4, с. 56], поскольку применению будет подлежать уголовный закон той страны, в которой окончено преступление [14, с. 27].

На наш взгляд, разрешать данный вопрос следует исходя из содержания диспозиции ст. 230 УК, указывающей на обязательность возвращения ценностей на территорию Республики Беларусь. Последняя и будет местом невозвращения, поскольку в заявлении о временном вывозе историко-культурных ценностей, подаваемом в адрес Министерства культуры Республики Беларусь, лицо гарантирует возврат ценностей на территорию Беларуси. Такая позиция высказывается и в науке уголовного права [8, с. 7–8].

Субъектом преступления является физическое лицо, достигшее 16 лет к моменту совершения деяния. Как следует из Положения о порядке и условиях выдачи Министерством культуры Республики Беларусь разрешений на вывоз культурных ценностей, ограниченных к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь по основаниям неэкономического характера, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.09.2008 № 1397 «О некоторых вопросах порядка перемещения отдельных видов товаров через таможенную границу Республики Беларусь», заявление о временном вывозе историко-культурных ценностей *с гарантией их возврата* подписывается руководителем юридического лица. Тем самым фактическое невозвращение ценностей должностным лицом будет рассматриваться как должностное преступление и квалифицироваться по ст. 230 и ст. 424 УК.

По мнению И.Э. Мартыненко, рассматриваемое преступление зачастую совершают искусствоведы и музейные работники (вывозящие раритеты для экспонирования за границу), музыканты (пользующиеся во время гастролей антикварными либо ценными инструментами), реставраторы, иные научные работники (сопровождающие предметы искусства в период их реставрации в других странах) [15, с. 36]. Однако, по-видимому, речь идет о зарубежной практике применения соответствующих норм уголовного закона, поскольку в Беларуси не зарегистрированы факты возбуждения дел по ст. 230 УК.

Лицо, совершающее преступление, должно иметь разрешение на временный вывоз историко-культурной ценности. При этом данным лицом может быть как собственник ценности, так и лицо, уполномоченное им на совершение указанных действий [12, с. 595].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что не возвращает историко-культурные ценности на территорию Республики Беларусь по истечении установленного срока и желает действовать таким образом.

Незаконный вывоз историко-культурных ценностей, сопряженный с использованием способов, указанных в ст. 228 УК, является контрабандой. В юридической литературе отмечается, что также образует контрабанду по признаку обманного использования документов перемещение через таможенную границу указанных объектов в случае, если лицо в момент получения разрешения на временный их вывоз и дачи обязательства вернуть объекты имело умысел на их постоянное оставление за границей [8, с. 20; 13, с. 49–50].

На наш взгляд, данная позиция требует уточнения, поскольку умысел на невозвращение ценностей на территорию Республики Беларусь до пересечения таможенной границы не во всех случаях образует контрабанду.

Следует иметь в виду, что таможенным органам предъявляется только свидетельство. Декларант не предоставляет обязательства вернуть ценности: оно является условием выдачи свидетельства и, следовательно, заведомо недостоверное декларирование отсутствует, поскольку лицо представляет документы, выданные Министерством культуры Республики Беларусь.

При этом лицо не скрывает указанные документы от таможенного контроля. Контрабанда в данном случае имела бы место, например, если лицо заведомо не обладало бы полномочиями по распоряжению вывозимым имуществом зарубежом либо в силу своего должностного положения не имело возможности оставить за границей предмет искусства. При возникновении у виновного, обладающего реальной возможностью не вернуть ценность, умысла на ее невозвращение до вывоза в другое государство, содеянное в случае невозвращения предмета образует состав преступления, предусмотренный ст. 230 УК.

Изменение внешних характеристик культурного объекта, обладающего отличительными художественными качествами, для упрощения процедуры его перемещения через таможенную границу также образует состав контрабанды (например, в случае, когда лицо замазало красками выдающееся произведение живописи и выдало его за обычную картину).

В целом при исследовании различных позиций ученых относительно разграничения контрабанды и невозвращения объектов культурного наследия в зависимости от момента возникновения умысла на невозвращение следует отметить, что на практике доказать его наличие крайне затруднительно.

Основное отличие анализируемого преступления от контрабанды состоит в следующем. При контрабанде культурные ценности незаконно вывозятся (т. е. совершаются активные действия). В то время как состав преступления, предусмотренный ст. 230 УК, образует невозвращение таких объектов (т. е. бездействие), ранее вывезенных из Беларуси на законных основаниях.

При наличии цели безвозмездного обращения невозвращенных материальных объектов в свою пользу по корыстным мотивам, ответственность должна наступать за хищение [2, с. 371]. Хищение историко-культурных

ценностей путем присвоения или растраты, совершенное лицом, на законных основаниях временно вывезшим их за пределы Республики Беларусь, надлежит квалифицировать по ст. 211 УК. При этом не требуется дополнительной квалификации по ст. 230 УК [12, с. 596].

Ряд правоведов предлагает дополнить анализируемую норму примечанием о том, что лицо, добровольно возвратившее временно вывезенные культурные ценности по истечении установленного срока их возвращения, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях отсутствуют признаки иного состава преступления [7, с. 270; 8, с. 8]. Такой подход нивелирует институт уголовной ответственности применительно к невозвращению культурных ценностей как к абсолютному посягательству. Он не устанавливает каких-либо существенных условий, кроме явки с повинной, и позволяет лицу на законных основаниях избежать ответственности даже по прошествии нескольких лет с момента окончания преступного деяния.

Таким образом, закрепление в УК ст. 230 создает дополнительные гарантии защиты объектов культурного достояния. Вместе с тем правильное уяснение ряда признаков состава преступления позволит выработать единые подходы его применения, которые заключаются в следующем:

1) объектом невозвращения историко-культурных ценностей являются общественные отношения в сфере сохранения культурного достояния, а не порядок осуществления экономической деятельности, как это закреплено в действующем УК;

2) моментом совершения преступления является день, следующий за днем, когда лицо обязано было вернуть ценности в Республику Беларусь;

3) отграничение рассмотренного состава преступления от контрабанды следует проводить исходя из особенностей объективной стороны преступлений, а также момента возникновения и содержания умысла виновного лица.

Список цитированных источников

1. Лукашов, А.И. Классификация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности / А.И. Лукашов // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 1999 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1999. – С. 162–164.

2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие для специальностей «Правоведение» и «Экон. право» вузов / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.

3. Мартыненко, И.Э. Правовая защита культурного наследия: учеб. пособие / И.Э. Мартыненко; Европ. гуманитар. ун-т. – Минск: ЕГУ, 2003. – 239 с.

4. Беспалько, В.Г. Уголовная ответственность за невозвращение культурных ценностей из-за границы / В.Г. Беспалько // Закон. – 2006. – № 6. – С. 49–59.

5. Сучков, Ю.И. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности Российской Федерации / Ю.И. Сучков. – М.: Экономика, 2005. – 421 с.

6. Русанов, Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учеб. пособие / Г.А. Русанов. – М.: Проспект, 2011. – 264 с.

7. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Л.Р. Клебанов; под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 351 с.

8. Вершков, В.В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Вершков; Акад. упр. МВД России. – М., 2005. – 22 с.

9. Петрик, И.Л. Правовая регламентация порядка перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь / И.Л. Петрик // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ: материалы Междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / Ин-т государства и права Нац. акад. наук Беларуси; редкол.: А.Б. Сташкевич [и др.]. – Минск, 2007. – С. 82–90.

10. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск: Тесей, 2005. – 590 с.

11. Ключко, Р.Н. Специальные условия закрепления уголовной противоправности бездействия / Р.Н. Ключко // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск, 2010. – С. 100–111.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

13. Михайлов, В.И. Таможенные преступления: учеб.-правовой анализ и общ. вопр. оператив.-розыскной деятельности / В.И. Михайлов, А.В. Федоров. – СПб.: Юрид. центр пресс, 1999. – 325 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).

14. Клебанов, Л.Р. Время и место невозвращения на территорию России предметов художественного, исторического и археологического достояния / Л.Р. Клебанов // Уголов. право. – 2009. – № 4. – С. 25–28.

15. Мартыненко, И.Э. Вопросы наступления уголовной ответственности за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей / И.Э. Мартыненко // Юстыцыя Беларусі. – 2009. – № 9. – С. 32–36.

Дата поступления статьи – 13.09.2013.

Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, временно вывезенных за ее пределы, является преступлением, которое посягает на режим обеспечения сохранности культурного наследия. Его совершение означает фактическую утрату историко-культурных ценностей для общества и государства их принадлежности.

В статье анализируется объект преступления, предусмотренного ст. 230 Уголовного кодекса Республики Беларусь, его предмет, объективная и субъективная сторона преступления. Рассматриваются наиболее дискуссионные в правовой доктрине вопросы о месте и времени совершения этого преступления; о его правовой природе в целом. Автор проводит отграничение невозвращения историко-культурных ценностей от хищения и контрабанды.

По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что невозвращение историко-культурных ценностей на территорию Республики Беларусь не может рассматриваться как преступление против порядка осуществления экономической деятельности. При этом для максимального обеспечения сохранности культурного наследия предметом этого преступления должны являться все виды культурных ценностей, а не только определенная их разновидность – историко-культурные.

Failure to return of historical and cultural values, temporarily exported outside, to the territory of the Republic of Belarus is a crime that encroaches on the mode of preservation of cultur-

al heritage. The consequence of its commitment is the actual loss of historical and cultural values for the society and the state.

The article analyzes the object of a crime under Art. 230 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, its subject, the objective and the subjective aspect of the crime. Examines the most controversial issues in the legal doctrine of the place and time of the commission of the offense; its legal nature in whole. The author holds the delimitation of failure to return of historical and cultural values and the theft and smuggling.

According to the results of the study concluded that the failure to return of the historical and cultural values to the territory of the Republic of Belarus can not be regarded as a crime against the order of economic activity. For the maximum preservation of the cultural heritage as the subject of this crime should be all kinds of cultural values, not just a certain kind of – the historical and cultural values.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бабичев Д.А.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) издавна является неким «секретным орудием» правоохранительной системы в решении задач, обеспечивающих правопорядок в государстве. Ее специфика, как известно, заключается в выявлении и предупреждении преступлений путем негласного получения, фиксации ориентирующей и доказательственной информации о действиях лиц и фактах криминального характера. Эффективность же применения негласного оперативно-розыскного инструментария в значительной степени зависит от обоснованности, правомерности и своевременности решений, принимаемых уполномоченными субъектами ОРД в рамках действующего законодательства.

Проведенный нами анализ литературных источников отражает отсутствие комплексно-системных научных исследований, посвященных проблематике принятия решений в ОРД. Отдельные ее аспекты затрагивались в трудах Э.А. Дидоренко, С.В. Еськова, В.П. Захарова, А.И. Козаченко, Д.Й. Никифорчука, Ю.Ю. Орлова, Н.А. Погорецкого, Б.Г. Розовского, В.А. Черкова, А.Н. Чистолинова, Н.Е. Шумилы и других известных ученых, однако в большей степени фрагментарно и преимущественно в контексте разных тематических направлений в области ОРД. Отсутствие же единой концепции принятия решений в этой деятельности, особенно в условиях применения нового Уголовного процессуального кодекса Украины, приводит к коллапсу в правоприменительной практике оперативных подразделений ОВД и сопутствующим проблемам, связанным с обеспечением своевременности и полноты документирования действий преступников. С учетом этого, разработка указанной концепции представляется актуальной.

Целью данной статьи является анализ системы научных взглядов и нормативных положений, являющихся основой концепции принятия решений в ОРД. Задачей же работы выступает изучение природы и механизма принятия оперативно-розыскных решений – основных элементов данной концепции.

Итак, руководствуясь весьма распространенной в юридической науке позицией, согласно которой «прежде чем принять то или иное решение государственного, ведомственного или иного значения необходимо определить его концептуальные положения» [1, с. 80], перейдем непосредственно к вопросу о природе решений в ОРД. Его рассмотрение в свете научной литературы, а также действующего оперативно-розыскного законодательства позволяет от-

метить, что исследуемые решения носят познавательный, правовой и социальный характер.

Познавательная природа решений в ОРД, на наш взгляд, охватывается устоявшимися и весьма схожими доктринальными представлениями о гносеологической сущности самой этой деятельности. Например, как отмечает Н.А. Погорецкий – один из ведущих специалистов в области ОРД – оперативно-розыскное познание является деятельностью уполномоченных лиц, осуществляемой по общим основам гносеологии в соответствии с целью и задачами ОРД, способами и формами, определенными законом и ведомственными нормативными актами, путем проведения предусмотренных законодательством гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий для *получения знаний о фактических данных и их источниках, которые, указывая на лиц, готовящих, совершающих или совершивших преступление, либо на признаки преступления, обстоятельства и касающихся его лиц и содействуют его раскрытию* (курсив наш. – *Д.Б.*), могут быть положены в основу принятия соответствующих решений [2, с. 178]. Не менее точной воспринимается и позиция других авторитетных ученых, в соответствии с которой задачей познания в ОРД является *всестороннее исследование ее объекта с целью получения истинных знаний о нем* (курсив наш. – *Д.Б.*) для обоснования соответствующих решений в ОРД [3, с. 16].

Правовая природа решений в ОРД отражается, прежде всего, в нормативной регламентации особых полномочий оперативных подразделений ОВД, среди которых центральное место занимают права, обязанности и запреты касательно проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В частности, положениями чч. 1, 2, 3 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено право и порядок принятия решений о проведении конкретизированных оперативно-розыскных мероприятий, среди которых указаны следующие: негласное обследование публично недоступных мест, жилища и иного владения лица; аудио-, видеоконтроль лица; аудио-, видеоконтроль места; наблюдение за лицом; снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, электронных информационных сетей; наложение ареста на корреспонденцию, осуществление ее осмотра и выемки; установление местонахождения радиоэлектронного средства и др. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 указанного нормативного акта подразделения, осуществляющие ОРД, обязаны в рамках своих полномочий согласно законам, составляющим правовую основу ОРД, проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению, своевременному выявлению и прекращению преступлений, а также определению причин и условий, содействующих совершению преступлений, проводить профилактику правонарушений. В свою очередь, положениями ч. 2 ст. 6 закона запрещается принимать решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий при отсутствии оснований, предусмотренных данной статьей [4, с. 67].

Социальная природа решений в ОРД усматривается в единстве их направленности, задач принятия и гарантий обеспечения законности при реализации. В

частности, направленность проявляется в защите человека и его прав, общества, а также в целом общественных отношений от преступных посягательств. Для этого государство ставит перед субъектами ОРД особые задачи, заключающиеся в поиске и фиксации фактических данных о противоправных деяниях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Украины. При этом на законодательном уровне закреплен целый ряд гарантий законности при проведении ОРД, среди которых запрет на нарушения прав и свобод человека. Так, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 9 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельные ограничения этих прав и свобод имеют исключительный и временный характер, могут применяться только по решению следственного судьи с целью выявления, предупреждения и прекращения тяжкого или особо тяжкого преступления, и в случаях, предусмотренных законодательством Украины, с целью защиты прав и свобод других лиц, безопасности общества [4, с. 75].

Ключевым посылом в исследовании механизма принятия решений в ОРД является понимание последних как определенной формы реализации уполномоченными лицами наделенных прав и установленных обязанностей, т. е. как решений управленческого характера. Такой подход позволяет обратиться к положениям теории управления, в рамках которой разработано множество моделей принятия решений.

Например, наиболее общее представление о механизме принятия управленческих решений отражено в работе Л.Г. Евланова. По мнению автора, в процессе принятия решений осуществляется уменьшение неопределенности. Возникновение проблемной ситуации как бы обуславливает вопрос, что делать. Последовательное выполнение процедур приводит к формированию ответа на него, «что и как необходимо делать» [5, с. 30].

Данная позиция, безусловно, заслуживает внимания, однако видится нам недостаточно конкретизированной, так как не раскрывает непосредственных стадий процесса принятия решений. Не описаны они и в большинстве других исследований в области управления [6, 7]. Как правило, механизм принятия решений в них показан в форме реализации двух отдельных стадий (подготовка решения и принятие решения), каждая из которых делится на определенное количество этапов.

По нашему убеждению, основанному на анализе правовых и организационно-тактических особенностях проведения оперативно-розыскных мероприятий, наиболее приемлемой является точка зрения таких специалистов в области управления ОВД, как В.М. Плишкин и А.М. Бандурка. В своих научных работах авторы объединили процедуры подготовки и принятия управленческих решений и обоснованно рассматривают их как одну стадию управленческого процесса.

В частности, А.М. Бандурка такую стадию преподносит в виде следующих этапов:

– получение информации, включающее ее сбор, обработку или систематизацию, т. е. размещение в разных сводках, таблицах, учетах;

– анализ информации [8, с. 139–141].

Позиция В.М. Плишкина несколько отличается своей конкретикой. К основным элементам рассматриваемой стадии он относит:

– диагностику состояния системы и управляемого объекта; выявление, осознание и формулировка проблемы; остановка цели;

– выдвижение управленческих гипотез;

– оперирование информацией (сбор, обработка, анализ, оценивание управленческих гипотез);

– подготовка (разработка) варианта решения;

– оценивание вариантов решений, выбор оптимального варианта;

– оформление выбранного варианта в виде проекта решения;

– согласование проекта решения с заинтересованными лицами;

– обсуждение проекта решения;

– принятие решения;

– доведение решения до исполнителей [9, с. 53].

Оригинальность данных подходов состоит в том, что в них учтено неразрывное единство правовых, содержательных (целенаправленность, анализ, оценка, определение путей и способов достижения цели), а также организационных свойств управленческих решений. Отсутствие хотя бы одного из них исключает возможность отнесения решений к категории управленческих либо свидетельствует о дефектности решения.

Согласимся, указанные особенности не позволяют механически перенести в область ОРД все положения о специфике принятия решений в теории управления. В то же время, концептуально важные из них образуют видение исследуемого механизма как целенаправленный процесс познания, включающий применение методов анализа оперативно-розыскной ситуации, проблем и способов их разрешения с учетом имеющихся сил и средств, оценку альтернативных вариантов и выбор оптимального решения.

Исходя из этого, процесс принятия решений в ОРД можно представить в форме последовательной реализации взаимосвязанных этапов:

– анализ и оценка оперативно-розыскной ситуации;

– определение цели, на достижение которой направлено решение;

– определение возможных вариантов решений и прогнозирование результата (как положительного, так и отрицательного) их реализации;

– осуществление организационных мероприятий;

– выбор оптимального решения.

Подытоживая рассмотрение концептуальных основ принятия решений в ОРД, можно сделать следующие выводы. Оперативно-розыскные решения носят познавательный, правовой и социальный характер. Механизм (процесс) их принятия состоит из ряда структурированных этапов, система которых дает возможность работникам оперативных подразделений ОВД в алгоритмическом порядке взвешенно подходить к определению не только цели конкретного мероприятия, но и к средствам ее достижения, а, следовательно, обеспечивает объективное убеждение в необходимости и обоснованности проведения

оперативно-розыскных мероприятий в конкретном производстве. При этом важно обратить внимание, что сам механизм принятия решений не исключает возможность его изменения и дальнейшего усовершенствования, поскольку каждый его элемент существенно зависит от влияния многочисленных объективных и субъективных факторов.

Список цитированных источников

1. Євграфова, Є. Доктрини та концепції у правовій системі України: форми і сфери застосування // Право України. – 2010. – № 5. – С. 77–89.

2. Погорецький, М.А. Сутність оперативно-розшукового пізнання // Вісник академії правових наук України. – 2003. – № 1. – С. 176–184.

3. Оперативно-розшукова діяльність: Навч. посіб. / Є.М. Моісеєв, О.М. Джужа, Д.Й. Никифорчук [та ін.] / За ред. проф. О.М. Джужи. – К.: Правова єдність, 2009. – 310 с.

4. Закон України «Про оперативно-розшукову діяльність». – Х.: Одіссей, 2012. – 88 с.

5. Евланов, Л.Г. Теория и практика принятия решений. – М., 1984. – 175 с.

6. Державне управління: Навчальний посібник / А.Ф. Мельник, О.Ю. Оболенський, А.Ю. Васіна та Л.Ю. Гордієнко; за ред. А.Ф. Мельник. – К.: Знання-Прес, 2003. – 343 с.

7. Принятие управленческих решений. Теория и практика: учеб. пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2010. – 400 с.

8. Бандурка, О.М. Управління в органах внутрішніх справ України: Підручник. – Х.: Ун-т внутр. справ, 1998. – 480 с.

9. Плішкін, В.М. Теорія управління органами внутрішніх справ: Підручник / за ред. Ю.Ф. Кравченка. – К.: НАВСУ, 1999. – 702 с.

Дата поступления статьи – 13.09.2013.

В статье рассматривается система научных взглядов и нормативных положений, являющихся основой концепции принятия решений в ОРД. Задачей работы выступает изучение природы и механизма принятия оперативно-розыскных решений – основных элементов данной концепции. Автором аргументируется, что исследуемые решения носят познавательный, правовой и социальный характер. Познавательная природа решений в ОРД охватывается устоявшимися и весьма схожими доктринальными представлениями о гносеологической сущности самой этой деятельности. Правовая природа решений в ОРД отражается в нормативной регламентации особых полномочий оперативных подразделений ОВД, среди которых центральное место занимают права, обязанности и запреты касательно проведения оперативно-розыскных мероприятий. Социальная природа решений в ОРД усматривается в единстве их направленности, задач принятия и гарантий обеспечения законности при реализации. Механизм принятия решений в ОРД раскрывается в форме последовательной реализации взаимосвязанных этапов: анализ и оценка оперативно-розыскной ситуации; определение цели, на достижение которой направлено решение; определение возможных вариантов решений и прогнозирование результата (как положительного, так и отрицательного) их реализации; осуществление организационных мероприятий; выбор оптимального решения.

The article considers the system of scientific views and regulations, which are the basis of the concept of decision-making in the OSA. The task is to study the nature and mechanism of acceptance of operative decisions that are the main elements of this concept. The author arguments that these decisions are of an educational, legal and social character. Cognitive nature of decisions in the OSA is covered by well-established and very similar doctrinal views of the gnosiological es-

sence of the activity itself. The legal nature of the decisions in the OSA is reflected in the normative regulation of the special powers of the operating units of ATS among which the Central place belongs to the rights, obligations and restrictions regarding the search operations. The social nature of decisions in the OSA is seen in the unity of their orientation, tasks of decision and guarantees to ensure the lawfulness of the implementation. Decision-making mechanism in the OSA is revealed in the form of consistent implementation of interrelated stages: analysis and evaluation of operational-investigative situation; definition of the goal, on which the decision is aimed; the identification of possible solutions and forecasting results (both positive and negative) of their implementation; organization of events; choice of optimal solution.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зайцева Л.Л., Савчук Т.А.

С принятием в 1999 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в отечественном законодательстве появился домашний арест, который стал рассматриваться большинством специалистов как альтернативная заключению под стражу мера пресечения. Однако на практике эти ожидания не оправдались ввиду крайне противоречивого отношения к домашнему аресту представителей юридического сообщества – от безоговорочного осуждения до полного одобрения. На наш взгляд, такая ситуация связана с чрезмерно узким пониманием большинством процессуалистов домашнего ареста и игнорированием различных вариантов (форм) данной меры пресечения. Кроме того, анализ имеющейся в Республике Беларусь юридической литературы о домашнем аресте свидетельствует о редком обращении ученых к изучению проблем данной меры пресечения и отсутствии ее специальных исследований в отечественной уголовно-процессуальной науке. В связи с этим вопросы правового регулирования, практики применения и исполнения домашнего ареста стали предметом изучения авторов настоящей статьи [1]. Результаты проведенного нами исследования показывают, что действующая законодательная регламентация домашнего ареста не способствует его эффективному и широкому использованию.

Так, в ч. 1 ст. 125 УПК предусмотрено, что домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания его под стражей. Из этого следует, что данная мера пресечения определяется законодателем путем сравнения с другой мерой – заключением под стражу, что, на наш взгляд, является некорректным с правовой точки зрения и не способствует уяснению природы домашнего ареста.

Необходимо отметить, что понятие «арест» в одних словарях охватывает такие виды ограничения (лишения) личной свободы, как задержание, заключение под стражу и лишение свободы [2, с. 44], в других изданиях к таким ограничениям относят и домашний арест [3, с. 22]. В белорусском законодательстве термин «арест» употребляется в различных отраслях, где используется в нескольких смысловых значениях. Во-первых, арест – это изо-

ляция лица от общества на определенный законом срок по решению компетентного государственного органа или должностного лица. В этом контексте можно выделить административный арест (ст. 6.7 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, далее – КоАП), уголовное наказание в виде ареста (ст. 54 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК), домашний арест (ст. 125 УПК) и заключение под стражу (ст. 126 УПК), которое в теории уголовного процесса по устоявшейся традиции нередко также именуется арестом. Во-вторых, арест означает запрет на распоряжение имуществом, в том числе денежными средствами, и ограничение права пользования им (ст. 127–130 Банковского кодекса Республики Беларусь; ст. 502–510 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь; ст. 54 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть); ст. 132 УПК; ст. 377–381 Хозяйственно-процессуального кодекса Республики Беларусь). В-третьих, арест подразумевает ограничение на доступ к почтово-телеграфным и иным отправлениям (ст. 213 УПК). Таким образом, даже в УПК термин «арест» употребляется в нескольких значениях.

Домашний арест у многих работников правоохранительных органов ассоциируется с содержанием под стражей и понимается буквально как нахождение подозреваемого или обвиняемого (далее – обвиняемый, если не указано иное) под круглосуточной охраной у себя в жилище. Такого же мнения придерживаются и некоторые ученые, считая домашний арест разновидностью содержания под стражей в условиях домашнего комфорта [4, с. 99], при котором обвиняемые подвергаются тем же ограничениям, что и лица, содержащиеся под стражей. Представляется, что причины данного заблуждения имеют исторические корни, ведь с момента появления и законодательного закрепления домашний арест заключался в нахождении обвиняемого в своем жилище под охраной. Полагаем, что именно этим обстоятельством обусловлена трактовка данной меры пресечения как «ареста в собственном доме», заменяющий его в тюрьме [5, с. 942] либо «содержания под стражей у себя на дому» [6, с. 576].

В то же время следует отметить, что хотя названная мера пресечения и предполагает арест, однако по прямому указанию ч. 1 ст. 125 УПК она не является содержанием под стражей. Поэтому представляется неудачным определение в УПК домашнего ареста как изоляции обвиняемого от общества *без содержания его под стражей.* Законодатель выражает сущность домашнего ареста через сравнение его с другой мерой пресечения, тем самым подчеркивая их общность и единственное отличие – при домашнем аресте обвиняемый *не помещается в места содержания под стражей*. Между тем, этот вывод частично противоречит п. 6 ч. 2 ст. 125 УПК, который допускает *охрану* жилища обвиняемого или отведенного ему в жилище помещения, т. е. домашний арест в определенных случаях может сопровождаться *выставлением стражи*.

Ч. 1 ст. 125 УПК указывает, что домашний арест заключается в изоляции обвиняемого от общества. Следует отметить, что термин «изоляция» широко используется в белорусском законодательстве: уголовном (ст. 54 УК),

уголовно-исполнительном (ст. 59 и 73 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, далее – УИК), административном (ст. 6.7 КоАП; гл. 18 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Интересно, что этот термин появился еще в первых законодательных актах российского государства, которые предусматривали лишение свободы в качестве уголовного наказания [7, с. 80]. Поэтому изоляция личности в юридической литературе традиционно отождествляется с наказанием в виде лишения свободы [8, с. 4]. О равнозначности этих правовых категорий свидетельствует и ст. 73 УИК, определяющая режим в исправительных учреждениях. Действующий уголовный закон данный термин использует лишь применительно к наказанию в виде ареста (ст. 54 УК), который заключается в содержании лица в условиях «строгой изоляции». Аналогичную формулировку содержит и ст. 6.7 КоАП по отношению к административному аресту. Вместе с тем в УК имеются и другие виды наказания, которые в той или иной степени связаны с изоляцией личности: ограничение свободы (ст. 55 УК), направление в дисциплинарную воинскую часть (ст. 56 УК), лишение свободы (ст. 57 УК) и пожизненное заключение (ст. 58 УК). Во всех этих видах наказания изоляция осужденного состоит в принудительном помещении его в специальное учреждение под охрану и постоянный надзор, чем ограничивается свобода передвижения лица и его связь с внешним миром.

Такое понимание изоляции применимо и для заключения под стражу, на что указывают многие ученые, полагая, что эта мера пресечения сопряжена с лишением личной свободы человека [9, с. 9–10]. Неслучайно в советском законодательстве лишением свободы иногда именовалась не только мера социальной защиты (наказание) [10, с. 337], но и мера пресечения в виде заключения под стражу [11, с. 373], что также подтверждает их общность. В частности, УПК РСФСР 1922 г. (ст. 160) и 1923 г. (ст. 157) устанавливали, что домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому. Тем самым законодатель подчеркивал фактическую идентичность наказания в виде лишения свободы и мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу.

В современной юридической литературе также отмечается, что домашний арест приближается к лишению свободы [12, с. 275]. Между тем, полагаем, что сущность этой меры пресечения заключается не в лишении, а в ограничении свободы обвиняемого. Ограничение свободы лишь стесняет права человека, а ее лишение устраняет саму возможность располагать своими правами, в особенности пользоваться свободой передвижения. Данное толкование подтверждает, что лишение свободы является частным случаем ее ограничения, т. е. они различаются лишь объемом правоограничений.

Понятие «изоляция» означает «чувство психологической отделенности, отчужденности от других людей» [13, с. 147]. Изолировать – значит отделить от всего окружающего [14, с. 32], лишить соприкосновения, связи с кем-либо или чем-либо [15, с. 846]. Изоляцию понимают как «вынужденное временное

ограничение свободы личности, вызванное необходимостью если не лишить полностью, то, во всяком случае, существенно ограничить возможность причинения лицом нового вреда обществу» [7, с. 86]. Необходимо отметить, что надлежащее поведение обвиняемого и его изоляция от общества может быть достигнута не только посредством помещения его в специальное закрытое учреждение, но и путем установления запретов, ограничивающих права обвиняемого на свободу передвижения, местонахождения, информации и общения. Домашний арест в полной мере соответствует такому пониманию изоляции и позволяет достичь целей мер пресечения при менее строгом ограничении обвиняемого в правах, чем при заключении его под стражу.

При домашнем аресте изоляция может быть полной или частичной. Полная изоляция обвиняемого может быть достигнута путем ограничения свободы его передвижения рамками жилища с установлением запрета покидать его в течение всего срока домашнего ареста, а также ограничения других конституционных прав этого лица посредством применения к нему одной или нескольких мер, указанных в п. 2 и 3 ч. 2 ст. 125 УПК. Частичная изоляция подразумевает установление запрета выхода из жилища в указанный период времени (п. 1 ч. 2 ст. 125 УПК) в совокупности с другими мерами, предусмотренными ч. 2 ст. 125 УПК. Запрет выхода из жилища может действовать как в определенные часы (например, с 19.00 до 06.00 часов для обвиняемых, которые работают или учатся), так и в определенные дни (например, в выходные и праздничные дни круглосуточно). В этих случаях обвиняемый изолируется от внешней среды не полностью, а лишь в установленный временной период. Степень изоляции при домашнем аресте зависит от усмотрения должностного лица, ведущего уголовный процесс, и определяется с учетом личности обвиняемого, характера преступления, поведения до и после его совершения, других обстоятельств, связанных с уголовным делом.

Как уже отмечалось, характерной чертой домашнего ареста является применение к обвиняемому правоограничений, перечисленных в ч. 2 ст. 125 УПК. Анализ этой нормы показывает, что в понятие «правоограничения» законодатель включает такие различные по своему значению и содержанию термины, как: запреты (выхода из жилища, общения, отправления корреспонденции); обязанности (отвечать на телефонные звонки, звонить контролирующему должностному лицу и являться для регистрации); способы контроля и надзора за лицом, находящимся под домашним арестом (применение ЭСК, наблюдение за обвиняемым, охрана его жилища); другие меры, обеспечивающие надлежащее поведение и изоляцию обвиняемого от общества (п. 7 ч. 2 ст. 125 УПК). Такой подход не способствует единому пониманию данных категорий в теории и на практике.

Термин «ограничение» определяется как «правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права» [16, с. 698]. Запрещение, согласно словарям русского языка, означает наложение запрета на какие-либо действия [6, с. 768–769] либо «отсутствие права на совершение чего-либо» [17, с. 339]. Исходя из приведенной этимологической трактовки, полагаем, что «ограниче-

ние» – более широкое понятие, чем «запрет», а последний является самым строгим видом ограничения. Домашний арест предполагает лишь одно ограничение – ограничение свободы передвижения и местонахождения обвиняемого, запретов же может быть установлено несколько. Запрет – это правоограничение в полном объеме, т. е. лишение обвиняемого возможности свободно осуществлять те или иные принадлежащие ему права. С учетом изложенного полагаем, что в ч. 1 ст. 125 УПК термин «правоограничение» следует заменить на термин «запреты и другие меры, сопровождающие домашний арест».

Согласно ч. 1 ст. 125 УПК перечень правоограничений, которыми сопровождается домашний арест, определяет прокурор или его заместитель, Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности. Думается, что данный перечень должен определяться лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Ведь именно это должностное лицо, исходя из обстоятельств совершенного преступления и личности обвиняемого, может установить оптимальные правоограничения и оценить возможность их реализации. В то же время ч. 1 ст. 125 УПК не содержит указания на орган принятия решения о домашнем аресте и сопровождающих его мерах, когда дело находится в производстве суда, что вступает в противоречие с ч. 2 ст. 119 УПК. В связи с этим ч. 1 ст. 125 УПК нуждается в изменении путем уточнения круга субъектов, применяющих домашний арест и определяющих перечень правоограничений, которые сопровождают данную меру пресечения.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правовой регламентации домашнего ареста. По нашему мнению, для этого следует изменить действующую редакцию ч. 1 ст. 125 УПК, указав, что домашний арест заключается в полной либо частичной изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества в его жилище с установлением запретов и других мер, обеспечивающих его надлежащее поведение и осуществление за ним надзора, определяются органом, ведущим уголовный процесс.

Список цитированных источников

1. Савчук, Т.А. К вопросу о правовой природе меры пресечения в виде домашнего ареста / Т.А. Савчук // Научные труды Академии управления при Президенте Респ. Беларусь / учредитель – Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Вып. 15 (2013). – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – С. 250–257; Зайцева, Л. Исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста / Л. Зайцева, Т. Савчук // Законность и правопорядок. – 2012. – № 1(21). – С. 46–51; Савчук, Т.А. Домашний арест: проблемы правового регулирования и применения / Т.А. Савчук // Законность и правопорядок. – 2008. – № 4(8). – С. 52–56.

2. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. А–Й., 1981. – 698 с.

3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1: А–З / В.И. Даль. – М.: Русский язык. – Медиа, 2005. – LXXXVIII. – 699 с.

4. Гречишникова, О.С. Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении процессуального принуждения [Электронный ресурс]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.С. Гречишникова. – М.: РГБ, 2003 (Волгоград, 2001). – 209 с.

5. Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона; под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1893. – Т. XX. – 963 с.

6. Словарь русского языка: в 4-х т. – Т. I. А–Й. – М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей. – 1957. – 963 с.

7. Маковик, Р.С. Изоляция личности в российском праве и законодательстве: учебник / Р.С. Маковик, Н.Р. Бессараб. – М.: Экзамен, 2007. – 319 с.

8. Ной, И.С. Теоретические вопросы лишения свободы / И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. – 167 с.

9. Гельдибаев, М.Х. Исполнение меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу в следственных изоляторах: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Х. Гельдибаев; МВД Рос. Федерации, НИИ. – М., 1993. – 25 с.

10. Основные начала уголовного законодательства союза ССР и союзных республик // Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников / под общ. ред. Генерального Прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. – Т. III. Государственное издательство юридической литературы. – М., 1949. – С. 334–343.

11. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. // Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников / под общ. ред. Генерального Прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. – Т. III. Государственное издательство юридической литературы. – М., 1949. – С. 371–376.

12. Мельников, В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства / В.Ю. Мельников. – М.: Юриспруденция, 2006. – 586 с.

13. Немов, Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 559 с.

14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 2: И–О / В.И. Даль. – М.: Русский язык. – Медиа, 2005. – 779 с.

15. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ : Астрель, 2006. – Т. 1 : А. – Л. – 1165 с.

16. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

17. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье рассматривается мера пресечения в виде домашнего ареста, исследуется ее понятие, правовая природа и способы реализации, анализируется законодательная регламентация данной меры, формулируются предложения по ее совершенствованию путем уточнения определения домашнего ареста и круга субъектов, устанавливающих перечень сопровождающих его мер.

In article the measure of restraint in the form of house arrest is considered, her concept, the legal nature and ways of realization is investigated, the legislative regulation of this measure is analyzed and offers on its improvement by specification of definition of house arrest and a circle of the subjects establishing the list of measures accompanying it are formulated.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Качалова О.В.

Поиск путей оптимального развития современного уголовно-процессуального права, осуществляемый на протяжении вот уже более двух десятилетий, неразрывно связан с определением конкретных задач, стоящих перед органами, осуществляющими возбуждение, расследование и разрешение различных категорий уголовных дел, и способностью осуществлять эти задачи.

В соответствии с этим функционирование правоохранительной и судебной системы в целом и ее отдельных звеньев может быть рассмотрено сквозь призму решения задачи номер один: обеспечения прав и свобод человека. Эта задача является общей для большинства современных демократических государств и определена ст. 2 Конституции Российской Федерации, ст. 2 Конституции Республики Беларусь, ст. 3 Конституции Украины и др.

Однако с учетом специфики различия в правоохранительных и судебных системах, а также различных категорий уголовных дел и различных видов судопроизводства решение этой задачи в каждом конкретном случае приобретает свое специфическое содержание.

Определяя основные направления и пути развития правоохранительной и судебной системы, государство ориентируется, в том числе, и на те задачи, которые решаются посредством уголовного судопроизводства. Очевидно, что поступательное развитие современного уголовно-процессуального права невозможно при архаичности и косности правоохранительной и судебной системы и наоборот.

Одним из важнейших вопросов для современного российского уголовно-процессуального права, решение которого находится одновременно и в судопроизводственной и в судоустройственной плоскостях, на наш взгляд, является вопрос об изменении системы уголовного судопроизводства и передаче следствия под судебную юрисдикцию.

Данный вопрос является отнюдь не новым для российского уголовного процесса, в разные годы он был предметом неоднократного обсуждения. Предложения о введении фигуры судебного следователя либо следственного судьи неоднократно вносились представителями науки и практики уголовно-процессуального права [1, с. 31–36; 2, с. 13; 3, с. 82; 4, с. 9–11; 5, с. 17–21; 6, с. 15–20] . Целью настоящей статьи не является определение сходства и различия понятий «следственный судья», «судебный следователь», определение их конкретных полномочий, места в системе уголовного судопроизводства и т. д.

Позволим себе проанализировать лишь некоторые общие предпосылки, обусловливающие необходимость введения института судебного следствия.

Вынесение по делу справедливого судебного решения возможно только тогда, когда на досудебных этапах производства по делу не было допущено существенных нарушений норм материального и процессуального права,

права участников процесса не были ограничены либо стеснены таким образом, чтобы повлиять на исход уголовного дела. Это означает, что судья, рассматривая уголовное дело и принимая по нему решение, фактически несет ответственность за все предшествующие этапы производства по делу, поскольку вынесение справедливого решения при наличии существенных нарушений в ходе досудебного производства невозможно.

Такая позиция неоднократно отражалась в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ), под юрисдикцией которого находится Россия. Рассматривая право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), ЕСПЧ определяет, что данное право возникает с момента совершения самых первых принудительных действий, совершенных в отношении лица, в дальнейшем привлекаемого к уголовной ответственности, в том числе и предшествующих предъявлению обвинения (Фоти и Озерс против Италии (1982 г.)) и распространяется на весь процесс производства по делу в целом до вступления судебного решения в законную силу.

ЕСПЧ исходит из того, что специфика справедливости уголовного процесса заключается в том, что несправедливости, допущенной полицией при расследовании дела по подозрению обвиняемого, может быть достаточно для нарушения ст. 6 (1) еще до предъявления лицу обвинения [7].

Так, например, в деле «Тейксейра де Кастро против Португалии» (1998 г.) не было никаких доказательств несправедливости самого судебного разбирательства, однако ЕСПЧ постановил, что, поскольку сотрудники полиции явно занимались подстрекательством правонарушения, которое в противном случае не было бы совершено, заявитель с самого начала был лишен права на справедливый суд. В деле Ванян против России при контрольной покупке наркотиков как провокации преступления в целях изобличения дело было полностью организовано и контролировалось милицией, что также было признано нарушением ст. 6 Конвенции.

Фундаментальные нарушения процесса на ранних стадиях являются нарушением права на справедливый суд (Харутунян против Армении (2007 г.) и Гечмен против Турции (2006 г.) – обвинительный приговор был вынесен на основании признаний, сделанных под пытками), Джалло против Германии (2006 г.) – заявитель был признан виновным в торговле наркотиками на основании доказательств, полученных в нарушение запрета на бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение (его принудили принять лекарство, под воздействием которого его вырвало пластиковым пакетом, в котором находились наркотики, и который впоследствии был использован в качестве доказательства его вины). Помимо признания того, что использование данного доказательства было признано несправедливым, ЕСПЧ также признал нарушение права заявителя не оговаривать себя.

Своим постановлением от 01.04.2010 по делу «Павленко против России» ЕСПЧ признал нарушением права на справедливое судебное разбира-

тельство практику, когда с фактически задержанными лицами проводятся внепроцессуальные «беседы» при отсутствии адвоката для получения явок с повинной.

Конечно, контролировать все досудебные действия, происходящие в рамках возбуждения и расследования уголовного дела, суд не может, да и не должен, но может приблизиться к досудебным стадиям производства по делу.

На наш взгляд, потребность приблизить судебные стадии разбирательства дела к стадиям досудебным назрела уже сейчас. Сделать это в рамках действующей системы уголовного судопроизводства невозможно.

Существующая система возбуждения, раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел, предполагающая участие при производстве по уголовным делам оперативно-розыскных подразделений, органов дознания, следственных комитетов, органов прокуратуры и судов, предполагающих наличие, в том числе, и ведомственных интересов, ведущих статистическую отчетность, имеющих самостоятельные показатели качества работы, не позволяет сделать вывод об оптимальности взаимодействия вышеуказанных органов в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство неоднократно в течение последнего десятилетия критиковалось за отсутствие всесторонности, объективности и полноты расследования [8, с. 18–24; 9, с. 55; 10, с. 117–121 ; 11, с. 20–23] . Не вдаваясь в дискуссию по данным вопросам, отметим лишь вполне очевидный, на наш взгляд, факт: следователь, будучи участником процесса со стороны обвинения (ст. 38 УПК Российской Федерации), ориентированным, прежде всего, на осуществление уголовного преследования, не может осуществлять всестороннее и объективное расследование.

Традиционно система предварительного расследования рассматривается как состоящая из трех этапов: 1) общего расследования, в ходе которого устанавливается наличие или отсутствие события преступления, обнаружение и изобличение лица, виновного в совершении преступления, подготовка к выдвижению первоначального обвинения; 2) суммарного производства, предназначенного для выдвижения первоначального обвинения и конкретизации позиции защиты; 3) специального расследования, которое осуществляется в отношении конкретного обвиняемого, в ходе которого еще раз проверяется обоснованность обвинительных доказательств и определяется окончательное обвинение [12, с. 391–393].

Специальное расследование обычно называлось формальным или судебным, поскольку осуществлялось судебным следователем или следственным судьей.

В российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода также существовала фигура судебного следователя.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. следствие проводилось судебным следователем (ст. 294 УУС).

Подчинение следствия судебным органам обуславливалась авторами Устава необходимостью полноты и правильности, «ограждением жителей от

напрасных притеснений и беспокойств». Как писали авторы в пояснительных записках к Уставу «…само достоинство судьи будет надежным ручательством в беспристрастных поступках следователя», «ускорится ход дел уголовных, сократится время пребывания подсудимых под стражей», сократятся расходы на исправление или дополнение следствия [13] .

Обращаясь к зарубежному опыту уголовно-процессуального регулирования, следует внимательнее присмотреться к опыту функционирования тех национальных систем, в которых досудебное производство максимально приближено к судебным этапам рассмотрения уголовного дела. В уголовном процессе ряда современных зарубежных стран (Великобритания, США, Франция) основные этапы расследования осуществляются в судебном порядке [14, с. 270].

По пути введения института следственного судьи пошли и некоторые страны СНГ – Украина, Молдова, Латвия, Литва. Однако функции следственного судьи в данных странах ограничены судебным контролем, осуществляемым в ходе досудебного производства по делу.

Еще одно обстоятельство следует принять во внимание и учесть – новую общемировую тенденцию в развитии уголовного процесса. Это тенденция развития восстановительного правосудия, в основе которой лежит дискурс (выработка решений в результате взаимного изучения мнений сторон и достижения компромисса). В свете этого задача правосудия рассматривается, прежде всего, как обеспечение справедливости, соблюдения прав личности, ресоциализации виновного, восстановлении общественного мира, а не в стигматизации виновного в совершении преступления и его непременном осуждении. Это позволяет сделать вывод о том, что публично-исковый уголовный процесс постепенно приобретает в современном мире более демократичную и либеральную, дискурсивно-состязательную форму [15, с. 280–311].

В современном российском уголовном процессе мы имеем на сегодняшний день сведенную к минимуму возможность досудебного урегулирования споров, фактический запрет на прекращение уголовных дел в ходе расследования (ввиду примирения с потерпевшим, деятельного раскаяния), продиктованный ведомственными интересами, ориентацию предварительного расследования, прежде всего, на судебную перспективу уголовных дел, определение эффективности работы следователя количеством уголовных дел, направленных в суд.

В итоге суд реально отдален от досудебных этапов производства по делу, предварительное расследование фактически подчиняется ведомственным задачам, зачастую идущим вразрез общим задачам уголовного судопроизводства, суд вынужден выносить решение по делу, исходя из позиций сторон, определенных на досудебных этапах производства по делу, препятствующих вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора (в суд поступило дело в отношении лица, совершившего деяние, существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от того, что предъявлено в обвинении либо более тяжкое преступление, в суд поступило уголовное дело в отношении не всех со-

участников преступления, остальные соучастники необоснованно освобождены от уголовной ответственности и т. д.). Фактически суд должен выносить приговор в отношении лица, которое ему предложено в качестве подсудимого и по обвинению, предъявленному в ходе расследования.

Громоздкий, неуклюжий институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК Российской Федерации), который не соответствует потребностям сегодняшнего дня (не позволяет вернуть дело судом прокурору для предъявления более тяжкого обвинения либо существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам, затягивает сроки рассмотрения дела в среднем на 4–6 месяцев) не спасает, а только усугубляет ситуацию.

При этом следствие, проводимое участником процесса со стороны обвинения, как уже отмечалось ранее, зачастую лишено объективности.

Таким образом, перечислим потребности сегодняшнего дня, заключающиеся в необходимости:

1) объективного расследования, проводимого не стороной обвинения, а независимым органом, создания объективных предпосылок для вынесения справедливого и обоснованного решения по делу;

2) приближения суда к досудебным этапам производства по делу с целью определения целостной и единой процессуальной логики в ходе расследования и разрешения уголовного дела;

3) расширения возможности досудебного урегулирования уголовно-правовых конфликтов;

4) сокращения сроков рассмотрения уголовных дел и сроков содержания лиц под стражей.

Перечисленные потребности обращают нас к идее о необходимости реформирования существующей системы производства по уголовным делам. Центральным звеном этой реформы должно стать создание системы судебного следствия.

Нахождение следствия в судебной системе, единая концепция в организации расследования и разрешения уголовных дел, подчинение следствия и суда единым задачам уголовного судопроизводства, статус лица, осуществляющего расследование, обладающего схожими с судейскими гарантиями независимости, дополнительные предпосылки объективности расследования, сокращение сроков рассмотрения дела сделают уголовный процесс более современным и демократичным, а судебную систему более гибкой.

Лицо, осуществляющее судебное расследование, должно иметь особый статус, приближенный к статусу судьи, рассматривающего дело по существу.

Общие положения, определяющие статус такого лица, определены в Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование. (Приняты восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.)

Согласно этим принципам лица, осуществляющие судебное преследование, играют ключевую роль в отправлении правосудия, кроме того, они

строго отделены от выполнения судебных функций (п. 10), играют активную роль в уголовном разбирательстве, включая возбуждение дела, и, когда это разрешается законом или соответствует местной практике, в расследовании преступления, надзоре за законностью этих расследований, надзоре за выполнением решений суда и осуществлении других функций в качестве представителей интересов государств (п. 11). Особое внимание этим документом уделяется объективности и беспристрастности данных участников производства по делу.

В соответствии с п. 13 лица, осуществляющие судебное преследование, выполняют свои функции беспристрастно, защищают государственные интересы, действуют объективно, должным образом учитывают положение подозреваемого и жертвы и обращают внимание на все имеющие отношение к делу обстоятельства, независимо от того, выгодны или невыгодны они для подозреваемого; не возбуждают или не продолжают судебное преследование или делают все возможное для приостановления судебного разбирательства в тех случаях, когда беспристрастное расследование указывает на необоснованность обвинения (п. 14).

Одним из ключевых моментов, определяющих деятельность лиц, осуществляющих судебное преследование, является вопрос об исключении из производства по делу доказательств, полученных с нарушением прав участников процесса.

В соответствии с п. 16 Руководящих принципов, когда в распоряжение лиц, осуществляющих судебное преследование, поступают улики против подозреваемых, полученные, как это им известно или как они имеют разумные основания считать, с помощью незаконных методов, являющихся грубым нарушением прав человека подозреваемого, особенно связанных с применением пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, или других нарушений прав человека, они отказываются от использования таких улик против любого лица, кроме тех, кто применял такие методы, или, соответственно, информируют суд и принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы лица, ответственные за применение таких методов, привлекались к суду.

Важнейшей задачей в деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование, является повышение справедливости и последовательности при подходе к принятию решений в процессе судебного преследования, включая возбуждение или отмену судебного преследования (п. 18).

Еще одно направление в деятельности вышеуказанных лиц определяется возможностью применения альтернатив судебному преследованию [16, с. 82–125].

Они надлежащим образом рассматривают вопрос об отмене судебного преследования, об условном или безусловном приостановлении разбирательства или об отзыве уголовных дел из официальной системы правосудия, при этом в полной мере уважая права человека подозреваемого (подозреваемых) и жертвы (жертв). При этом данные лица руководствуются не только

идеей уменьшения чрезмерной загрузки судов, но и необходимостью избежания того бесчестия, с которым связаны задержание до суда, обвинение и осуждение, а также возможных негативных последствий тюремного заключения.

Важнейшей задачей, возлагаемой на лиц, осуществляющих судебное преследование, является задача защиты интересов несовершеннолетних при привлечении их к уголовной ответственности. В соответствии с п. 19 Руководящих правил лица, осуществляющие судебное преследование, особо рассматривают характер и серьезность правонарушения, соображения защиты общества и характер и уровень развития несовершеннолетнего. При принятии решения лица, осуществляющие судебное преследование, особо рассматривают альтернативы судебному преследованию, имеющиеся в рамках соответствующих законов и процедур отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Лица, осуществляющие судебное преследование, делают все возможное для того, чтобы судебное преследование несовершеннолетних проводилось лишь в строго необходимых рамках.

Весомым аргументом в поддержку идеи введения института судебного следствия может стать создание единой согласованной системы производства по уголовному делу с единой процессуальной логикой, которая неизбежно выстроится в результате вхождения лиц, осуществляющих предварительное расследование, в судебную систему. Об этом говорилось и в Рекомендации № R (95) 12 КМСЕ «Относительно управления системой уголовного правосудия» от 11 сентября 1995 г.: повышению эффективности и действенности системы уголовного правосудия в значительной степени будет способствовать согласование задач различных учреждений в более широких рамках политики в области борьбы с преступностью и в области уголовного правосудия.

Список цитированных источников

1. Ковтун, Н.Н. Институт судебного следователя и специализированного следственного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права / Н.Н. Ковтун, Т.С. Бухранова // Российский следователь. – 2011. – № 17.

2. Корниенко, В.Т. Предварительное следствие и состязательный судебный процесс в Российской Федерации. Конфликт интересов / В.Т. Корниенко // Российский судья. – 2008. – № 4. – С. 13.

3. Деришев, Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования / Ю. Деришев // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 82.

4. Гуськова, А.П. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России / А.П. Гуськова, В.А. Емельянов, А.А. Славгородских // Российский судья. – 2008. – № 4. – С. 9–11.

5. Рябинина, Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? //Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1.

6. Ковтун, Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. – 2010. – № 5. – С. 15–20.

7. INTERIGHTS Руководство для юристов – Право на справедливый суд в рамках ЕСПЧ (ст. 6). – 2009. – Режим доступа: www/echr/ru.

8. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: НОРМА, 2009.

9. Качалов, В.И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития// Российское правосудие, 2011. – № 8. – С. 55–59.

10. Азаренок, Н.В. Уголовное преследование в системе современного досудебного производства // Российский юридический журнал, – 2011. – № 6.

11. Балугина, Т.С. Об «исчезновении» истины в российском правосудии / Т.С. Балугина, И.И. Белохортов, П.Г. Воробьев // Российская юстиция. – 2009. – № 11.

12. Смирнов, А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский – 5-е изд. – М., 2012 – С. 391–393.

13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2 // КонсультантПлюс.

14. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – 2-е изд. – М, 2002. – С. 270.

15. Смирнов, А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. – СПб, 2001 – С. 280–311.

16. Альтернативы судебному преследованию активно обсуждаются и внедряются в правовые системы зарубежных стран. См. об этом: Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследовании в современном праве. – М., 2002.

Дата поступления статьи – 25.06.2013.

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся некоторых перспектив развития уголовно-процессуального законодательства. Автор приходит к выводу о том, что современные тенденции в развитии уголовно-процессуального права определяют необходимость передачи следствия под юрисдикцию судебной системы и создания института судебного следствия. Это обусловлено потребностями в создании более объективного расследования, проводимого не стороной обвинения, а независимым органом; создания объективных предпосылок для вынесения справедливого и обоснованного решения по делу; приближения суда к досудебным этапам производства по делу с целью определения целостной и единой процессуальной логики в ходе расследования и разрешения уголовного дела; расширения возможности досудебного урегулирования уголовно-правовых конфликтов; сокращения сроков рассмотрения уголовных дел и сроков содержания лиц под стражей.

The article considers questions related to the criminal procedure legislation development perspectives. The author comes to the conclusion that current trends in the criminal procedure legislation development dictate the necessity of putting the criminal investigation procedure in the hands of courts, thus creating a system of the judicial enquiry. This is stipulated by the demand of a more impartial investigation, conducted not by the prosecution, but an independent party; creating objective prerequisites for a just grounded decision on the case; drawing courts nearer to pre-trial stages with the aim of setting an integral and uniform procedural logic in the course of investigation and considering a case; enlargement of the scope of pre-trial dispute resolutions; acceleration of criminal cases consideration and detention terms.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ОТМЕНЫ

Князев И.М.

В системе мер уголовно-процессуального принуждения меры пресечения занимают особое место. Совокупность правовых норм, определяющих основания и цели мер пресечения, виды и содержание, порядок применения, изменения и отмены, а также гарантии их законности и обоснованности, образуют институт уголовно-процессуального права. Его назначение заключается в регулировании правовых отношений, возникающих при необходимости предупредить для подозреваемого или обвиняемого возможность скрыться от органа уголовного преследования и суда, воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, совершить новое преступление, противодействовать исполнению приговора. С помощью мер пресечения нельзя полностью исключить указанные действия подозреваемого или обвиняемого, однако они существенно ограничивают возможности их совершения [1, с. 504].

Меры пресечения по своему содержанию оказывают на подозреваемого, обвиняемого психологическое или физическое воздействие, либо ограничивают имущественные права или интересы этих лиц [2, с. 17].

В ч. 2 ст. 116 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [3] определены виды мер пресечения. К ним относятся: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части; отдача несовершеннолетнего под присмотр; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Перечень мер пресечения, закрепленный в законе, не подлежит расширительному толкованию. Это означает, что в качестве мер пресечения недопустимы принудительные меры, которые законодателем не установлены в качестве таковых. Неправомерно применять в качестве мер пресечения, встречаемые иногда на практике, установление административного надзора милиции или помещение лица в приемник-распределитель, наложение ареста на имущество и т. п. [4, с. 235].

В соответствии с законом меры пресечения применяются лишь в рамках уголовного процесса и только в отношении подозреваемого, обвиняемого. Их применение возможно при наличии законных оснований и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами. Меры пресечения могут быть применены только после возбуждения уголовного дела в ходе производства по нему. К подозреваемому или обвиняемому одновременно может быть применена только одна из указанных в законе мер пресечения.

Основания к применению мер пресечения, т. е. достаточные данные, свидетельствующие о том, что подозреваемый или обвиняемый могут совер-

шить предусмотренные в ч. 1 ст. 117 УПК неправомерные действия, должны содержаться в собранных по уголовному делу доказательствах, полученных из указанных в ч. 2 ст. 88 УПК источников [3]. Мера пресечения может применяться на основании данных, содержащихся в материалах оперативно-розыскной деятельности, если таковые признаны в качестве источников доказательств в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и приобщены к уголовному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 117 УПК, основаниями применения мер пресечения могут являться данные, что подозреваемый или обвиняемый могут:

1) скрыться от органа уголовного преследования и суда.

О намерении скрыться могут свидетельствовать такие данные, как увольнение с работы, снятие с регистрационного учета по месту жительства или месту пребывания, распродажа имущества, снятие с военного учета, приобретение проездных билетов для не вызываемого необходимостью выезда из данного населенного пункта и др.;

2) воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс.

Данными, свидетельствующими о возможности воспрепятствовать расследованию дела или рассмотрению его судом, могут служить сведения о попытках подкупа и уговоров свидетелей, потерпевших, экспертов и других участников уголовного процесса, об имевших место в отношении них угрозах, о предпринимаемых находящимися на свободе подозреваемым или обвиняемым действиях по уничтожению либо фальсификации уличающих их документов и иных имеющих значение для дела материалов, перемене места жительства и др.;

3) совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

О намерении заниматься преступной деятельностью могут свидетельствовать данные о попытках приобретения оружия, приискания других средств, которые могут быть использованы для совершения преступления, наличие преступных связей и др.;

4) противодействовать исполнению приговора.

Применение мер пресечения с целью обеспечения исполнения приговора, прежде всего, связано с возможностью назначения судом наказания за совершенное преступление, в первую очередь в виде лишения свободы, пожизненного заключения, смертной казни. Мера пресечения для обеспечения исполнения приговора может быть применена как в случаях, когда возможно назначение судом наказания в виде лишения свободы, так и в случаях, когда суд может назначить наказание, не связанное с лишением свободы. Применить меру пресечения с целью исключения противодействия исполнению приговора может не только суд, но и органы уголовного преследования, а

также специально уполномоченные на то должностные лица, указанные в ч. 1 ст. 119 УПК, в стадии предварительного расследования. О возможности противодействия подозреваемого, обвиняемого исполнению приговора (в части реализации наказания, возмещения причиненного преступлением вреда и т. п.) могут служить данные о предпринимаемых ими действиях по распродаже личного имущества, переоформлению недвижимости на других лиц, снятию денежных средств со счетов в банках, совершенные попытки побега при задержании и др.

С целью применения меры пресечения не требуется наличия всей совокупности вышеуказанных оснований. Достаточно, чтобы было хотя бы одно из них. Эти основания являются общими для всех мер пресечения.

При решении вопроса о применении к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения, кроме оснований, должны быть учтены обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 117 УПК [3]. Это:

– характер подозрения или обвинения (в совершении какой категории преступления подозревается или обвиняется лицо, какое наказание предусматривается за совершение данного преступления, подозревается либо обвиняется лицо в совершении одного или нескольких уголовно наказуемых деяний, способ совершения преступления и т. п.);

– личность подозреваемого или обвиняемого (наличие или отсутствие прошлой судимости, как характеризуется по месту жительства и работы, привлекался ли к административной ответственности и т. п.);

– возраст и состояние здоровья (несовершеннолетний, престарелый, страдает ли физической либо психической болезнью и какой тяжести и т. п.);

– род занятий (работает ли, какого рода работу выполняет, занимаемая должность, не является ли лицом, на которое распространяется статус военнослужащего, связано ли выполнение трудовых или служебных обязанностей с длительными командировками, выездами за границу и т. п.);

– семейное и имущественное положение (каков состав семьи, имеются ли нетрудоспособные члены семьи, за которыми требуется уход, какого возраста дети, каким собственным имуществом располагает и т. п.);

– наличие постоянного места жительства. В соответствии с п. 4.5 Положения о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2007 г. № 413, местом жительства признается местонахождение (адрес) жилого помещения, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно либо преимущественно проживает [5]. На практике наличие у лица постоянного места жительства обычно отождествляется с наличием в его паспорте штампа о регистрации по месту жительства. Следует, однако, отметить, что лицо, имеющее регистрацию по определенному адресу места жительства, может продолжительное время там не жить, а проживать по другому адресу в этом же населенном пункте. При наличии такого рода информации орган, ведущий уголовный процесс, при принятии ре-

шения о применении меры пресечения должен учитывать это обстоятельство, установить продолжительность проживания по новому адресу и не намеревается ли подозреваемый или обвиняемый изменить место жительства. Изменение места жительства может быть связано с переводом на другую работу, поступлением на учебу в другой город или иными обстоятельствами. Целесообразно также выяснять отсутствие постоянного места работы (службы). Регистрация по месту пребывания, которым в соответствии с п. 4.6 Положения о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания признается местонахождение (адрес) жилого помещения или помещения для временного проживания, в котором лицо временно пребывает [5], не всегда является обстоятельством, опровергающим факт преимущественного проживания лица в определенном населенном пункте (месте) на протяжении длительного периода времени (например, иногородние студенты дневной формы обучения, которые зарегистрированы и проживают в общежитиях);

– другие обстоятельства. К таковым могут быть отнесены самые различные обстоятельства (подозреваемый или обвиняемый имеет государственные награды и почетные звания, принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, выполнял интернациональный долг в Афганистане и др.). Указанные обстоятельства должны также приниматься во внимание наравне с обстоятельствами, перечисленными в ч. 2 ст. 117 УПК.

Применение меры пресечения – право, а не обязанность уполномоченных на то органов и должностных лиц. Исходя из конкретных обстоятельств дела, с учетом личности подозреваемого или обвиняемого и других данных мера пресечения может вообще не применяться. В этом случае согласно ст. 129 УПК у подозреваемого или обвиняемого берется письменное обязательство являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс [3].

Меры пресечения в отношении подозреваемого могут быть применены не только в связи с наличием на то оснований, предусмотренных в ч. 1 ст. 117 УПК, но и с учетом оснований и условий, предусмотренных п. 1 ч. 2 ст. 107 и чч. 1, 1^1 ст. 108 УПК, при наличии которых лицо может быть задержано по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления [3].

Обвинение подозреваемому в указанные в ст. 118 УПК сроки [3] должно быть предъявлено вне зависимости от вида примененной к нему меры пресечения. Моментом фактического задержания лица, произведенного до применения меры пресечения, следует считать момент его непосредственного физического задержания должностными лицами уполномоченных на то органов либо захвата его гражданами. Срок задержания исчисляется с той минуты и часа, в которые лицо было задержано или захвачено. Срок применения меры пресечения в случаях, когда задержание не производилось, исчисляется с момента объявления лицу постановления о применении в отношении него меры пресечения.

Определенные в ст. 118 УПК сроки не могут быть продлены, и если к моменту их истечения обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения подлежит безотлагательной отмене в порядке, предусмотренном ст. 119 УПК [3].

Применение меры пресечения в отношении подозреваемого возможно только в стадии предварительного расследования органом уголовного преследования или специально уполномоченными на то должностными лицами, указанными в ч. 1 ст. 119 УПК.

Согласно уголовно-процессуальному закону (ст. 119 УПК), мера пресечения может быть применена, изменена или отменена органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом (судьей) по делам, находящимся в их производстве. Кроме того, прокурор вправе применить, изменить или отменить меру пресечения по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора (п. 7 ч. 5 ст. 34 УПК), а судья – отменить меру пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста в порядке судебной проверки законности и обоснованности их применения (п. 1 ч. 5 ст. 144 УПК). В стадии предварительного расследования в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 35 и ч. 6 ст. 38 УПК, решение о применении, изменении или отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога уполномочены также принять единолично Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности [3]. Эти руководители вправе применить, изменить или отменить данные меры пресечения по уголовным делам о преступлениях, перечисленных в указанных нормах, находящимся в производстве органа уголовного преследования возглавляемого ими ведомства.

Постановление (определение) о применении, изменении либо отмене меры пресечения выносится отдельно в отношении каждого подозреваемого и обвиняемого, независимо от содержания выдвинутого подозрения или обвинения и вида применяемой, изменяемой, отменяемой меры пресечения.

В постановлении (определении) о применении, изменении либо отмене меры пресечения по сложившейся практике указываются: время и место его вынесения; кем, в отношении кого и по какому уголовному делу оно составлено; краткая фабула и уголовно-правовая квалификация совершенного общественно опасного деяния; основания и иные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости применения, изменения либо отмены конкретной меры пресечения, со ссылкой на статьи УПК, регламентирующие решение данного вопроса; решение о применении, изменении либо отмене меры пресечения, а также все вытекающие из него действия (по реализации прав участников уголовного процесса, обеспечению прокурорского надзора и т. д.).

Полагаем, что в постановлении о применении таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, среди данных о личности подозреваемого или обвиняемого следует обязательно указывать дату их рождения. Это обусловлено требованиями ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 126 УПК, в силу

которых при решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о применении данных мер пресечения в отношении несовершеннолетних прокурор или его заместитель либо Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, обязаны во всех случаях лично их допросить [3].

Согласно ч. 5 ст. 38 УПК постановление о применении, изменении или отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, вынесенное лицом, производящим дознание, подлежит до санкционирования прокурором или его заместителем утверждению начальником органа дознания [3].

Постановление (определение) о применении, изменении либо отмене меры пресечения подлежит объявлению подозреваемому или обвиняемому не позднее срока, фактически необходимого для вызова и явки (доставки) его к органу, ведущему уголовный процесс.

Порядок обжалования постановления (определения) о применении, изменении или отмене меры пресечения может быть изложен в этих процессуальных документах, либо может быть составлен отдельный протокол разъяснения подозреваемому или обвиняемому порядка обжалования указанного постановления (определения).

В постановлении (определении) о применении, изменении либо отмене меры пресечения, кроме соответствующих отметок об его объявлении и разъяснении порядка обжалования, должен быть отражен и удостоверен подписями подозреваемого или обвиняемого факт вручения этим лицам копии данного постановления (определения). При отказе подозреваемого или обвиняемого получить копию постановления (определения) также должна быть сделана соответствующая отметка в указанных процессуальных документах.

Белорусскими процессуалистами высказано мнение о том, что о применении, изменении либо отмене меры пресечения должен уведомляться защитник подозреваемого или обвиняемого [6, с. 230–238]. Хотя уголовно-процессуальным законом такое действие и не предусмотрено, представляется, что в целях обеспечения предоставленных защитнику, а также законному представителю подозреваемого или обвиняемого прав, предусмотренных пп. 5, 15, 16 ч. 1 ст. 48, пп. 15, 16 ч. 1 ст. 57, ч. 3 ст. 125, ч. 5 ст. 126 УПК [3], эти участники уголовного процесса должны уведомляться о применении, изменении и отмене любой меры пресечения в отношении лица, интересы которого они соответственно защищают или представляют. На необходимость такого уведомления должно быть указано в резолютивной части постановления (определения) о применении, изменении либо отмене меры пресечения. Уведомление указанных лиц может быть осуществлено в виде направления им об этом отдельных письменных документов либо путем их непосредственного ознакомления с постановлением (определением) о применении, изменении либо отмене меры пресечения. Факт ознакомления защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого с постановлением

(определением) о применении, изменении либо отмене в отношении этих лиц меры пресечения, а также получения его копии должен быть отражен в этих процессуальных документах и удостоверен их подписями.

Мера пресечения отменяется в том случае, когда отпали обстоятельства, послужившие основаниями для ее применения. Основания к отмене меры пресечения должны вытекать из материалов уголовного дела, содержаться в полученных доказательствах, свидетельствующих о ее ненадобности. Мера пресечения отменяется также при прекращении предварительного расследования или уголовного преследования (ч. 2 ст. 251 УПК), прекращении производства по уголовному делу в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства (ч. 2 ст. 279 УПК) или на судебном заседании (ч. 3 ст. 303 УПК) [3].

В случае отмены меры пресечения у подозреваемого или обвиняемого может быть взято обязательство о явке в порядке ст. 129 УПК.

Мера пресечения изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменились основания ее применения, указанные в ч. 1 ст. 117 УПК. Так, если в отношении подозреваемого или обвиняемого была применена мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении для обеспечения их явки в орган уголовного преследования, а в ходе дальнейшего расследования уголовного дела устанавливается, что они, будучи на свободе, лично воздействуют на лиц, участвующих в уголовном процессе, то это является основанием для изменения меры пресечения на более строгую. И наоборот, активное способствование подозреваемого или обвиняемого, находящегося под домашним арестом, расследованию преступления, полное и неукоснительное соблюдение ими правоограничений, установленных в связи с применением данной меры пресечения, может рассматриваться в качестве основания для ее изменения на более мягкую.

В процессе решения вопроса об изменении меры пресечения должны также учитываться обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 117 УПК, которые со временем могут измениться (совершенному деянию дана новая уголовно-правовая оценка, улучшилось либо ухудшилось состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, изменилось их семейное положение, род занятий и т. д.).

Когда мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога была применена с санкции прокурора либо его заместителя, то она может быть отменена или изменена только с согласия прокурора или его заместителя.

Если орган дознания или следователь, исходя из обстоятельств уголовного дела, считают возможным отменить меру пресечения, которая была применена с санкции прокурора или его заместителя, и вместо меры пресечения взять у подозреваемого или обвиняемого обязательство о явке, то в этом случае они должны обратиться предварительно к прокурору или его заместителю и получить у них согласие на отмену меры пресечения.

В ч. 5 ст. 119 УПК в числе субъектов отмены или изменения меры пресечения, примененной с санкции прокурора либо его заместителя, указаны только орган дознания и следователь [3]. Лицо, производящее дознание, в

этой норме не упомянуто. Вместе с тем согласно ч. 1 этой же статьи УПК право применить, отменить или изменить меру пресечения имеет также и лицо, производящее дознание. Здесь имеются в виду меры пресечения, на применение которых не требуется санкция прокурора или его заместителя.

Решение об изменении или отмене меры пресечения, примененной Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, вправе принять только указанные должностные лица. Мера пресечения, примененная этими лицами, может быть также отменена в порядке судебной проверки законности и обоснованности ее применения согласно требованиям ст. 147^1 УПК [3].

Исполнение постановления (определения) о применении меры пресечения в виде заключения под стражу производится органами дознания, имеющими в своем ведении места, предназначенные для содержания лиц под стражей. В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З «О порядке и условиях содержания лиц под стражей», такими местами (следственными изоляторами, изоляторами временного содержания, гарнизонными гауптвахтами, исправительными учреждениями и арестными домами в качестве мест содержания под стражей) обладают органы внутренних дел (в том числе органы уголовно-исполнительной системы МВД), органы государственной безопасности, органы пограничной службы и Вооруженные Силы Республики Беларусь [7].

Исполнение решения о применении меры пресечения в виде домашнего ареста следует возлагать на органы дознания, имеющие реальную возможность осуществления контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым тех или иных правоограничений, определенных в связи с применением данной меры пресечения. С учетом специфики сопровождающих домашний арест правоограничительных мер, указанных в ч. 2 ст. 125 УПК [3], надлежаще исполнить постановление (определение) о применении этой меры пресечения, прежде всего, могут те органы дознания, которые в соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] уполномочены осуществлять этот вид деятельности. Из числа указанных в ч. 1 ст. 37 УПК органов это: органы внутренних дел, органы государственной безопасности, органы пограничной службы, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, таможенные органы [3]. Причем органы внутренних дел и органы государственной безопасности в соответствии с законодательством обладают наиболее обширным кругом оперативных возможностей, которые могут быть задействованы в целях исполнения решения о применении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что основания и процессуальный порядок применения, изменения и отмены мер пресечения довольно детально регламентированы уголовно-процессуальным законом Республики Беларусь. Несмотря на это, в правоприменительной практике встречаются случаи неоднозначной трактовки тех или иных уголовно-

процессуальных норм, затруднения в их применении относительно мер пресечения. Представляется, что учет и реализация в уголовно-процессуальной деятельности сформулированных в статье выводов, предложений и рекомендаций будут способствовать надлежащему выполнению правовых предписаний, касающихся процессуального порядка применения, изменения и отмены мер пресечения, повышению эффективности использования данных принудительных мер в уголовном процессе Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / В.Б. Алексеев [и др.]. – М.: Юрид. литература, 1989. – 640 с.

2. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. – М.: Право и Закон, 1996. – 304 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.07.2012 № 417-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

4. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск: Тесей, 2005. – 352 с.

5. Положение о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 7 сент. 2007 г. № 413: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 сентября 2011 № 439 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

6. Сборник образцов уголовно-процессуальных документов: учеб-практ. пособие / Г.Н. Васильев [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2002. – 592 с.

7. О порядке и условиях содержания лиц под стражей: Закон Респ. Беларусь от 16 июня 2003 г. № 215-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2012 № 361-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 № 325-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов процессуального порядка применения, изменения и отмены мер пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь. На основе анализа норм законодательства Республики Беларусь и положений теории уголовного процесса автором формулируются предложения и рекомендации по оптимальному решению указанных вопросов органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность.

The article is dedicated to the topical issues in the procedure of application, change and repeal of measures of restraint in the Criminal Code of the Republic of Belarus. Basing on the analysis of legislation norms of the Republic of Belarus and theoretical provisions of the criminal procedure, the author formulates his suggestions and recommendations for more effective solution of the above-mentioned issues by the bodies exercising criminal procedure.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Куница Е.В.

Уголовный процесс как один из видов правоприменительной деятельности во многом отражает уровень развития того или иного общества на конкретном общественно-историческом этапе. В связи с этим отмечается закономерное перманентное совершенствование правовой регламентации уголовного судопроизводства.

Проблемы эффективности уголовного судопроизводства, его рационализации, разработки инновационных подходов в настоящее время являются предметом непрекращающихся научных дискуссий и охватывают значительный круг вопросов. При этом в качестве основного критерия эффективности уголовного судопроизводства рассматривается достижение наиболее рациональным способом поставленных перед уголовным процессом задач при неуклонном соблюдении законности, с минимальными затратами времени, человеческой энергии и материальных средств.

Современный этап развития процессуальной науки и уголовно-процессуального законодательства характеризуется рядом общих для различных правовых систем направлений совершенствования, важное место среди которых занимают: 1) гуманизация уголовного процесса; 2) ускорение и упрощение уголовного судопроизводства; 3) расширение диспозитивных начал в уголовном процессе [1, с. 38–44].

Гуманизация уголовного судопроизводства предполагает движение к воплощению приоритета интересов личности, ее прав и свобод и проявляется в сокращении объема государственного принуждения, расширении прав и возможностей стороны защиты, в установлении таких правил доказывания, которые позволяют максимально полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, и т. д. Концепция гуманизации уголовно-процессуального закона не является в строгом смысле современной, поскольку характеризует развитие уголовного процесса практически на протяжении всей его истории.

Стремление к ускорению и упрощению уголовного судопроизводства связано с проблемой чрезмерной длительности сроков уголовного судопроизводства, перегруженности судов, недостаточно эффективной борьбы с преступностью, а также с постоянно возрастающей нагрузкой на органы уголовного преследования. Несоблюдение разумных сроков судопроизводства, с одной стороны, нарушает права и законные интересы участников процесса, а с другой – не позволяет достичь целей судопроизводства, в частности, ограничивает возможность установления истинных обстоятельств дела и принятия правосудного решения.

При этом решение задачи по ускорению и упрощению уголовного судопроизводства может осуществляться как посредством изменения традици-

онных форм судопроизводства, так и посредством появления альтернативных процедур, сокращающих продолжительность уголовного процесса [2, с. 40]. Следует согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что в основе дифференциации уголовного процесса лежит, прежде всего, вполне понятное желание придерживаться таких форм судопроизводства, которые были бы адекватны тяжести и сложности рассматриваемого преступления и тем правовым последствиям, которые могут наступить в результате такого рассмотрения [3, с. 27].

Обозначенная концепция была воспринята и белорусским законодателем, результатом чего стало введение в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь института ускоренного производства (гл. 47 УПК).

По своей сущности ускоренное производство представляет собой дифференцированную форму уголовного процесса, которая предназначена для осуществления в наиболее сжатые сроки расследования определенной категории преступлений (очевидных преступлений, не являющихся тяжкими и не представляющими значительной сложности в расследовании), по относительно упрощенным, следовательно, и оптимальным для данной категории преступлений правилам.

Процессуальный порядок расследования преступлений в ускоренном производстве достигается за счет наличия определенных изъятий из общих правил. В частности, изъятия, установленные нормами гл. 47 УПК, касаются: а) порядка (способов и средств) установления обстоятельств совершения преступлений; б) сроков установления обстоятельств совершения преступлений; в) порядка возбуждения уголовных дел; г) сроков производства предварительного расследования, а также рассмотрения дел судом; д) порядка рассмотрения уголовных дел судом.

Значение ускоренного производства состоит в том, что в результате дифференциации отдельных процессуальных этапов в зависимости от свойств отдельных категорий преступлений в рамках уголовного процесса была создана определенная форма, обладающая общей силой, которая делает уголовный процесс более быстрым, экономичным и обеспечивающим скорейшее достижение поставленных перед ним задач [4, с. 10].

Расширение диспозитивных начал в уголовном процессе являет собой вариант решения ключевой проблемы уголовного судопроизводства – проблемы оптимального соотношения публичных и частных интересов.

В соответствии с принципом публичности уголовного судопроизводства прокурор и органы предварительного расследования обязаны по собственной инициативе (по долгу службы, ex officio) осуществлять уголовное преследование, как правило, по каждому ставшему им известным случаю совершения преступления [5]. Указанный принцип нашел свое закрепление в норме ст. 15 УПК, в силу которой на органы уголовного преследования возложена обязанность принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности, созда-

нию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора. Публичный интерес, вмещающий в себя интересы неограниченного круга лиц и требующий применения к виновному адекватных уголовно-правовых мер, признается более значимым в сравнении с интересом отдельной личности (потерпевшей стороны), которая может иметь возражения против уголовного преследования.

Вместе с тем в некоторых случаях законодатель отдает приоритет личным интересам потерпевшего и, поступаясь публичным интересом, ставит в зависимость от волеизъявления жертвы преступления не только возбуждение уголовного дела (начало уголовного преследования), но даже и прекращение производства по делу. В подобных ситуациях в уголовном процессе находит воплощение частное начало, представляющее собой сферу уголовно-процессуальной деятельности, в которой воля частного лица выступает фактором, непосредственно обуславливающим направление движения уголовного процесса.

В аспекте частного начала можно вести речь о производстве по делам частного обвинения, возбуждении уголовного дела частно-публичного обвинения, освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и других исключениях из принципа публичности.

Перечисленные выше подходы к совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в совокупности нашли свое отражение в рамках *концепции восстановительной юстиции*. Реституционное или восстановительное правосудие (restorative justice) противостоит традиционному, преимущественно карательному правосудию и объединяет в себе различные модели разрешения конфликтов (в том числе уголовно-правовых), ориентированных на достижение соглашения сторон, заглаживание вреда и «исцеление» жертвы.

Проводя различие между концепцией восстановительной юстиции, которая представляет собой самостоятельное комплексное учение о преступлении и способах реагирования государства и общества на него, и традиционным уголовным судопроизводством, можно выделить ряд критериев, которые отражают принципиальные отличия двух моделей.

Прежде всего, среди таких критериев можно выделить само понятие преступления. Несмотря на то, что понятие преступления в строгом смысле не входит в рамки науки уголовного процесса, оно как ключевое понятие науки материального уголовного права оказывает непосредственное влияние на сущность уголовного процесса как отрасли, с помощью которой реализуются нормы уголовного закона. Теоретики восстановительной юстиции (Х. Зер, Н. Кристи, М. Умбрейт, Д. Ван Несс и др.) предлагают рассматривать преступление как причинение вреда одним лицом другому, которое порождает обязательство причинителя вреда загладить его и возместить все убытки, нанесенные лицу, в отношении которого было совершено противоправное деяние.

Таким образом, в отличие от традиционного понимания преступления, восстановительный подход предлагает рассматривать преступление через категорию конфликта, но не между лицом, совершившим деяние и преступив-

шим закон, и государством, призванным стоять на страже общественных интересов, а между конкретными индивидами, которые вовлечены в криминальную ситуацию.

Еще одним критерием разграничения теории восстановительной юстиции и традиционного уголовного судопроизводства являются цели уголовного процесса. С точки зрения восстановительной юстиции производство по уголовному делу в любой его форме должно приводить к разрешению конфликтной ситуации между лицом, совершившим деяние, и лицом, которому деянием причинен вред, восстановлению нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние [1, с. 38–44].

Одной из наиболее проработанных в теоретическом и правовом плане моделей восстановительного правосудия, которая успешно применяется в ряде стран для разрешения уголовно-правовых конфликтов, выступает медиация. В широком смысле термином «медиация» обозначается способ разрешения конфликта с помощью беспристрастной третьей стороны, когда решение принимается при непосредственном участии правонарушителя и потерпевшего. В Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Министров Совета Европы 15.09.1999, медиация по уголовным делам определяется как процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления. Стороны участвуют в разрешении ситуации, но окончательное (юридическое) решение по делу с учетом достигнутого соглашения принимает официальный субъект.

В настоящее время изучение концептуальных вопросов института медиации приобретает для отечественной процессуальной науки существенный теоретический и практический интерес в виду постановки на уровне Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, задачи по введению в уголовный процесс института медиации (посредничества) для внесудебного урегулирования конфликтов (подпункт 16.14 п. 16 Концепции).

Еще одной формой восстановительного правосудия, применяемой по отдельным категориям дел, когда преступлением вред причинен конкретному лицу и может быть возмещен или иным способом заглажен виновным, является замена принципа неотвратимости наказания принципом обязательности заглаживания вреда и возмещения ущерба. В связи с этимпотерпевшему и лицу, причинившему вред, может быть предоставлена возможность примирения в качестве альтернативы уголовной ответственности.

При этом смысл примирения состоит в том, что преступник и жертва, пройдя через процедуру примирительных переговоров, достигают определенного соглашения. Преступник, осознав противоправность своих действий и вред, причиненный жертве, берет на себя обязательства возместить этот вред

или иным способом загладить его. Потерпевший, прощая преступника, соглашается на освобождение его от уголовной ответственности и прекращение производства по делу при условии реального выполнения преступником принятых на себя обязательств [6, с. 42–43].

Идея примирения сторон как альтернативы уголовной ответственности была воспринята белорусским законодателем. В силу нормативных требований ч. 2 ст. 26 УПК предусмотрено осуществление уголовного преследования и обвинения в суде по ряду составов преступлений в порядке частного обвинения. По делам частного обвинения уголовное преследование возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, путем подачи в суд соответствующего заявления, осуществляется данным лицом и подлежит прекращению в случаях примирения его с обвиняемым в любой стадии процесса до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Кроме того, п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК признает примирение лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым в качестве обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу.

Следует признать, что восстановительное правосудие получает все большее признание в международной и национальной политике в области уголовной юстиции.

Еще одним современным концептуальным подходом к совершенствованию уголовного процесса является *разработка новых уголовно-процессуальных процедур*, направленных на упрощение судопроизводства по уголовным делам, в которых обвиняемый признает свою вину, а само преступление не представляет большой общественной опасности.

Так, в уголовном судопроизводстве США на протяжении уже более столетия используется так называемая сделка о признании. Уголовное судопроизводство США строится как уголовно-исковое судопроизводство, в котором обвинитель предъявляет иск, а подсудимый сам выбирает выгодную ему позицию: признать этот обвинительный иск полностью или частично или не признавать его. Признание обвинения позволяет суду не проводить по этому делу судебную процедуру в полном объеме, а сразу постановить обвинительный приговор. Именно с целью упростить и сократить судопроизводство возможно заключение сторонами сделки, предполагающей ряд взаимных уступок. Обвиняемый признает обвинение или его часть и тем самым освобождает обвинителя от необходимости доказывать обвинение в сложной, состязательной судебной процедуре. Обвинитель, в свою очередь, обязуется уменьшить объем предъявляемого обвинения, смягчить свою позицию по вопросу квалификации, требовать наказания не выше оговоренного сторонами предела. Впоследствии суд в своем решении исходит из позиций сторон и не выходит за пределы достигнутых ими договоренностей ни по вопросам фактических обстоятельств дела, ни по вопросам их правовой оценки при квалификации деяния и назначении наказания [7, с. 96–99].

Достижение взаимных уступок между обвинением и защитой позволяет суду сокращать судебную процедуру и существенно упрощать ее, а обвиняемому – рассчитывать на менее строгое наказание.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации с 2009 года предусматривает в качестве самостоятельного правового института особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым или обвиняемым и прокурором. При этом основной целью заключения соглашения о сотрудничестве для стороны обвинения является получение от подозреваемого (обвиняемого) помощи в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. В случае исполнения со своей стороны всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый получает право на рассмотрение уголовного дела в суде в особом порядке, который предполагает, в том числе, возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или освобождение лица от отбывания наказания.

Следует отметить, что в Республике Беларусь разработан и в ближайшее время будет рассмотрен Парламентом проект закона о внесении дополнений и изменений в УПК по вопросу о введении в уголовный процесс аналогичного процессуального механизма.

Таким образом, существуют основания констатировать поступательное движение отечественного законодателя в вопросах реформирования уголовно-процессуального закона в русле обозначенных выше направлений совершенствования, во многом общих для различных правовых систем. Признавая прогрессивность данных процессов, полагаем целесообразным не останавливаться на достигнутом и продолжить поиск наиболее рациональных и эффективных средств и способов раскрытия и расследования преступлений.

Список цитированных источников

1. Арутюнян, А.А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса / А.А. Арутюнян // Адвокат. – 2011. – № 9.

2. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб., 2002. – С. 40.

3. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – М.: Зерцало, 2001. – С. 27.

4. Данилевич, А.А. Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь / А.А. Данилевич, В.В. Шпак. – Минск: БГУ, 2007. – 111 с.

5. Дикарев, И.С. Частно-публичное обвинение / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2008. – № 7.

6. Конин, В.В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / В.В. Конин // Российская юстиция. – 2010. – № 7.

7. Хатуаева, В.В. Реализация диспозитивного начала при регламентации упрощенных процедур уголовного судопроизводства / В.В. Хатуаева. – Воронеж, 2005. – 201 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

Статья посвящена современным подходам к повышению эффективности уголовного процесса. Обращается внимание на ряд общих для различных правовых систем направлений совершенствования уголовного процесса, а также на воплощение данных концепций в национальном уголовно-процессуальном законодательстве на уровне конкретных правовых институтов.

The article is devoted to modern approaches to increase the effectiveness of the criminal process. Attention is drawn to a number common to the various legal systems of the directions of the improvement of the criminal process, as well as the embodiment of these concepts in the national criminal procedure legislation at the level of specific legal institutions.

СДЕЛКА О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ В СТРАНАХ АНГЛОСАКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА И В УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Леляк Е.А.

С принятием нового Уголовного процессуального кодекса Украины в 2012 году (далее – УПК Украины) в законодательство был введен ряд кардинально новых институтов, среди которых и институт производств на основании соглашений (сделок). В уголовном процессе Украины предусмотрено два вида соглашений: соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) и соглашение между прокурором и подозреваемым (обвиняемым) о признании виновности (ст. 468 УПК Украины [1]), о которой и пойдет речь.

Объектом исследования данной статьи являются правоотношения, возникающие в связи с использованием института соглашений о признании виновности, деятельность правоохранительных органов, суда и других участников процесса по обеспечению механизма его внедрения в жизнь. Исследование произведено в основном с использованием сравнительно-правового, исторического метода, а также метода анализа и синтеза и прогнозирования.

Поскольку для украинского законодательства институт соглашений является новым, возникает необходимость в его исследовании через призму законодательства других государств, где уже наработана практика его применения. Институт соглашений (иначе – сделок) в той или иной форме существует во многих странах как англосаксонской, так и континентальной правовой системы, среди которых США, Англия, Франция, Германия, Италия и некоторые другие. И хотя нельзя говорить о тождестве этих соглашений в связи с различиями правовых систем и особенностями законодательства каждой отдельной страны, у них все же есть некоторые общие либо сходные черты, что дает возможность сделать сравнительный анализ института соглашений в различных государствах.

Соглашение (сделка) о признании вины исследовалось многими иностранными и отечественными учеными, среди которых В. Бернам,

Л.В. Головко, Ю.М. Грошевой, Ю.В. Кувалдина, А.В. Курдова, В.Н. Махов, А.В. Молдован, П.В. Пушкар, В.П. Пшонка, С. Сейтман, Г.П. Середа, В.Я. Таций, М. Фили и другие.

В странах англосаксонской системы права институт сделки о признании вины (guilty plea) работает уже довольно долгое время. В США, в частности, существует общераспространенное скептическое отношение к формальным процедурным правилам: они рассматриваются как препятствие к быстрому рассмотрению дел, по которым уже было выполнено необходимое (фактическое) расследование и сделаны выводы о фактической виновности подозреваемых [2, 3].

Факторами, которые в свое время вызвали возникновение и становление процедуры судебного рассмотрения дел на основании сделки, были: повышение роли и участия адвокатов в рассмотрении уголовных дел; процессуальные осложнения процесса; изменение роли судьи в уголовном процессе с активного участника в пассивного арбитра; усложнение системы доказывания; усиление гарантий защиты прав обвиняемого/подсудимого; назначение наказания без широких дискреционных полномочий суда; увеличение количества дел, их содержания; возникновение новых составов преступлений; большая нагрузка на судебные органы и систему правосудия в целом и некоторые другие [4, с. 189–193].

Указанные факторы были определяющими прежде всего именно для англосаксонской системы уголовного процесса, где принципиально существуют «две позиции по делу» – позиция обвинения и позиция защиты, а не обсуждаются материалы собранных следствием доказательств, как в системе «континентального» процесса. Поскольку общая система права не преследует цели установления объективной истины по делу, а функция суда ограничивается оценкой доказательств и вынесением справедливого решения по делу [3, с. 150–151, 5, с. 13–17].

Признание вины как в англо-американской, так и в континентальной правовой системе может приниматься судом, только если это добровольный акт обвиняемого, когда он действует по собственному желанию и без внешнего давления или влияния. Однако в первом случае признание вины как судебное признание считается высшей формой доказывания: как только такое признание принято судом, сторона обвинения полностью освобождается от обязанности представлять доказательства и убеждать суд, и выносит решение по фактам на том основании, что обвиняемый является виновным [6, с. 119, 129–130; 7, с. 41].

С точки зрения нашего законодательства, такая практика является негативной: кроме очевидного противоречия презумпции невиновности, в таких условиях снижаются стандарты доказывания по уголовным делам, отпадает необходимость в качественном сборе, всесторонней проверке и объективной оценке доказательств, что в свою очередь способствует злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. Тем более, в процессе проведения переговоров прокурор, в соответствии с решениями высших кассационных су-

дов США, может скрыть от защиты тот факт, что у него недостаточно допустимых доказательств или отсутствуют необходимые свидетели, т. е. без признания вины обвиняемым прокурор будет вынужден закрыть дело. Такая ситуация возможна потому, что обвиняемый не имеет права полностью ознакомиться с материалами своего дела [8, с. 37].

В англо-американской системе права общепринято, что обвиняемые, которые признают свою вину, могут ожидать существенных скидок при назначении наказания. В ст. 152 закона о полномочиях уголовных судов (при назначении наказания) (Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act 2000 [9]) указано, что суд должен расценивать guilty plea обвиняемого как смягчающее наказание обстоятельство, в каждом конкретном случае принимая во внимание этап процесса, на котором обвиняемый изъявил намерение признать вину, а также обстоятельства, при которых это было сделано. Как правило, ходатайство о признании вины предусматривает применение наказания, которое на 5–30 % ниже обычного.

Такая практика может быть в определенной степени адаптирована и в наше уголовное законодательство. Ст. 470 УПК Украины определены те обстоятельства, которые должен учитывать прокурор при заключении сделки о признании вины. Если принять во внимание также этап проявления инициативы о заключении соглашения со стороны подозреваемого или обвиняемого, мы тоже могли бы выработать систему скидок при назначении наказания за совершенное лицом преступление. Более того, было бы желательно закрепить такую систему на законодательном уровне, чтобы подозреваемый или обвиняемый имели определенные гарантии и понимали, на какую скидку и в каких случаях они могут рассчитывать.

В США свое процессуально-правовое закрепление сделка о признании вины получила в правиле 11 (п. е) Федеральных правил уголовного процесса в окружных судах США (далее – Федеральные правила) [10]. Существует специальная, законная процедура оформления, которая выполняется клерком суда в присутствии федерального судьи, обвиняемого, его защитника и обвинителя (прокурора), а в ряде случаев – и в присутствии потерпевшего [11, с. 171].

В американском уголовном процессе существуют два типа сделок – о признании вины и о сотрудничестве со следствием [12]. В подавляющем большинстве случаев с обвиняемыми заключаются сделки о признании вины, в том числе и те, где дополнительным обязательством выступает содействие обвиняемого в раскрытии преступления и уголовном преследовании других лиц.

Федеральные правила уголовного процесса в окружных судах США не устанавливают никаких ограничений, относительно категории преступлений по которой может быть заключена сделка о признании вины. В результате в системе «конвейерного правосудия» 90 % обвиняемых приговариваются за фелонии и до 95 % за мисдиминоры [13]. В процессуальной литературе отмечается, что вероятность решения дела на основе сделки по более тяжким преступлениям меньше, чем по менее тяжким или малозначительным проступ-

кам. По некоторым делам по причине их дурной славы, жестокости или широкой известности соглашение вообще не обсуждается [12].

В украинском уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 4 ст. 469 УПК Украины) также предусмотрены случаи, когда может быть заключено соглашение о признании вины, а именно в производстве по уголовным проступкам, преступлениям небольшой или средней тяжести, тяжким преступлениям, в результате которых ущерб причинен только государственным или общественным интересам. Заключение соглашения о признании вины в уголовном производстве, в котором участвует потерпевший, не допускается, что обусловлено наличием в законодательстве соглашения о примирении с потерпевшим. Также соглашение заключается в уголовном производстве по тяжким и особо тяжким преступлениям за исключением уголовного производства в форме частного обвинения.

В уголовном процессе США решение о том, нужно ли подвергать лицо уголовному преследованию и какие обвинения предъявить, принимает прокурор. Придя к выводу о возможности решить конфликт с помощью сделки, он обращается с инициативой ее заключения к защитнику обвиняемого на определенных условиях. Роль защитника при признании вины заключается в том, чтобы проконсультировать обвиняемого относительно перспектив такого признания, делать ли его вообще, и если делать, то в отношении всего обвинения или отдельных его пунктов [14].

Согласно ч. 2 ст. 469 УПК Украины, соглашение может быть заключено по инициативе прокурора или подозреваемого (обвиняемого). Что касается роли защитника в таком производстве, то она нигде не определена, что в целом не отвечает требованиям и тенденциям современного законодательства – почти во всех странах, где действует институт соглашений, участие защитника является обязательным, поскольку многие лица не имеют юридического образования и в связи с этим не могут качественно отстаивать собственные интересы.

Американские юристы отмечают, что на результат заключения сделки о признании вины влияют три фактора: 1) степень тяжести преступления, 2) серьезность уголовного прошлого, 3) обоснованность доказательств обвинения [14]. В общем, если сделка заключается с обвиняемым или осужденным, наказание смягчается, если с подозреваемым – уголовное преследование в отношении него прекращается.

Решение дела на основании сделки выгодно для всех участников судопроизводства. Признание вины предполагает пропуск судебного разбирательства и предварительного слушания дела и состоит из слушания, в котором обвинение представляет дело prima facie, т. е. такого, в котором достаточно доказательств для возбуждения судебного слушания по существу, или производства в Большом жюри присяжных, где прокурор тайно подает подобные доказательства. Таким образом, в случае признания вины проводятся только две судебные стадии – предъявление обвинения и определение осужденному меры наказания [2, с. 91–92].

Для обвиняемого преимуществами заключения сделки о признании вины является: освобождение от наказания; избежание неопределенности относительно наказания в суде, в некоторых случаях – применение альтернативного наказания или его снижение. Не секрет, что подсудимые, которые выбирают полное рассмотрение дела в суде присяжных, почти всегда получают наказание существенно выше, чем то, что предлагается при заключении сделки о признании вины [15, с. 271].

Преимуществами сделки о признании вины для прокурора являются: возможность уменьшения бюджетных расходов и экономия процессуального времени; снижение нагрузки на прокуратуру по поддержанию государственного обвинения; вклад в эффективность системы уголовного судопроизводства; в определенной степени устраняется перспектива дальнейших апелляций.

Как и в англосаксонской системе права, согласно отечественному законодательству, соглашение не предполагает наличия всего процесса слушания дела в суде. В подготовительном судебном заседании суд выясняет мнение участников судебного разбирательства о возможности утверждения соглашения о признании вины и разрешает ходатайства, заявленные ими. После этого он имеет право принять одно из таких решений: утвердить соглашение о признании вины или отказать в утверждении соглашения в случае установления оснований, предусмотренных ч. 7 ст. 474 УПК Украины, и вернуть уголовное производство прокурору для его продолжения или назначить судебное рассмотрение для проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Относительно преимуществ, то они подобны тем, которые уже были указаны: для обвиняемого основным является то, что к нему применяется сниженное или альтернативное наказание, для прокурора – экономия процессуального времени и уменьшение перспективы дальнейших апелляций.

В федеральной системе в целом и некоторых штатах судьям не разрешается участвовать в обсуждении условий сделки о признании вины – они могут получить только согласованные условия и только отклоняют или принимают их. Однако есть исключения, где в соответствии с юрисдикцией штатов, участие судьи при заключении таких сделок не редкость [8 , с. 35].

Новым УПК Украины четко указано, что соглашение о признании вины может быть заключено подозреваемым или обвиняемым только с прокурором, а суд лишь рассматривает это соглашение и принимает по нему окончательное решение – утвердить ее или отклонить (ст. 469 ч. 2, ст. 474 УПК Украины).

Суд отказывает в утверждении соглашения, если: 1) условия соглашения противоречат требованиям законодательства; 2) условия сделки не соответствуют интересам общества; 3) условия сделки нарушают права, свободы или интересы других лиц; 4) существуют разумные основания полагать, что заключение соглашения не было добровольным; 5) очевидна невозможность выполнения обвиняемым взятых на себя по договору обязательств; 6) отсутствуют фактические основания для признания вины. В таком случае досудебное расследование или судебное разбирательство продолжаются в общем порядке.

В американском законодательстве требования к сделке (соглашению) несколько иные. Суд обязан отклонить заявление обвиняемого в случае, если: 1) ходатайство является следствием угроз, насилия, обмана, другого принуждения или обещания каких-то выгод, кроме предусмотренных соглашением; 2) обвиняемый не осведомлен о последствиях сделки, своих процессуальных правах; 3) обвиняемому не обеспечено право на защиту. Однако рассмотрение вопроса действительности «признания» часто оказывается поверхностным и необоснованным [2, с. 93–94].

В результате применения указанной процедуры в случае, если не было выявлено нарушений, суд выдает акт, в котором указывается, что ходатайство о признании обвиняемым себя виновным сделано добровольно, с полным пониманием выдвинутых против него обвинений и возможных последствий, а также то, что заявление о признание вины вступает в силу [16, с. 17]. В американской модели суд вправе назначить любое законное наказание, не зависимое от соглашения сторон [17, с. 95].

Согласно ч. 1 ст. 475 УПК Украины, если суд убедится, что сделка может быть утверждена, он выносит приговор, которым утверждает соглашение и, в отличие от американской модели, назначает согласованную сторонами меру наказания.

Таким образом, существует много различий между институтами сделки о признании вины в государствах англосаксонской правовой системы (в частности, в США) и в Украине. Во-первых, в отличие от англосаксонской системы права, заключение соглашения о признании вины не является формой доказательства вины лица (согласно п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК Украины, виновность обвиняемого в совершении уголовного преступления должна быть доказана правоохранительными органами). В Америке в отличие от Украины существуют два типа сделок, соглашение о признании вины и соглашение о сотрудничестве, которые схожи между собой, однако не тождественны, кроме того, Федеральными правилами США предусмотрена специальная процедура заключения таких соглашений. В отечественном законодательстве пока что такая процедура не закреплена, кроме того, не предусмотрено обязательное участие защитника в таких производствах. В Украине заключение соглашения не допускается в случае, если есть потерпевший, а также по отношению к тяжким и особо тяжким преступлениям, кроме производства в форме частного обвинения, в отличие от США, где не установлено никаких ограничений. Также отличаются условия, при которых суд может отказать в утверждении соглашения, и его полномочия по назначению наказания: в нашем государстве назначается согласованное сторонами наказание, в США суд вправе назначить любое наказание по своему усмотрению.

Схожими чертами сделки о признании вины в англо-американской системе права и сделки в законодательстве Украины являются следующие: сокращение этапов судебного следствия, а также срока судебного разбирательства; снижение наказания для обвиняемого или уменьшение объемов обвинения; применение сделки о признании вины к широкому кругу преступлений;

возможность заключения сделки как на этапе досудебного, так и судебного следствия; пассивная роль судьи в заключении соглашения (кроме некоторых штатов); ограничение возможностей апелляции.

Итак, невзирая на то, что указанные институты соглашений во многом отличаются друг от друга, в них присутствуют и некоторые общие черты. Определенным образом это обусловлено тем, что соглашение о признании вины возникло именно в странах англо-американской системы права, и, следовательно, ее дальнейшее развитие в других государствах без изучения практики и науки ее применения в Англии и США невозможно. Но необходимо помнить, что для органичного функционирования соглашения в каждом отдельном государстве, в том числе и в Украине, необходимо учитывать особенности отечественного законодательства. Только тогда не знакомый ранее нашему законодательству институт права будет достаточно эффективным и даст те результаты, которые от него ожидают.

Список цитированных источников

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины 12 августа 2012 г. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17.

2. Пушкар, П.В. Угода про визнання вини у сучасному кримінальному процесі: порівняльно-правове дослідження: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.В. Пушкар – Х., 2005. – 182 с.

3. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. моногр. / Л.В. Головко. – М.: Юрид. Центр Пресс, 2002. – 544 с.

4. Feeley, Malcolm M. Plea Bargaining and the Structure of the Criminal Process// Justice System Journal. – Vol. 4. – 1997. – P. 383–394.

5. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса.– СПб.: Наука. – 2000. – 222 с.

6. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Зерцало-М, 2002. – 528 с.

7. Петрухин, И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И.Л. Петрухин. – М.: ТК «Вел-би», Проспект, 2008. – 288 с.

8. Сейтман, С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия / С. Сейтман // Российская юстиция. – 1998. – № 10.

9. Powers of Criminal Courts (Sentencing). Act 2000. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/6/contents.

10. Federal Rules Of Criminal Procedure. – Режим доступа: http://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp.

11. Золотых, В. Новая практика применения особого порядка судебного разбирательства / В. Золотых, С. Цыганенко // Российская юстиция. –2003.–№ 5.– С. 46–47.

12. Махов, В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) / В.Н. Махов, М.А. Пєшков. – М.: Юристъ, 1998. – 201 с.

13. Лобойко, Л.Н. Уголовно-процессуальное право: учеб. пособие: курс лекций / Л.Н. Лобойко. – 2-е изд. – Х.: Одиссей. – 2008. – 672 с.

14. Курдова, А.В. Практика применения ускоренного порядка рассмотрения уголовных дел судом в УПК Республики Армения (Сравнительно-правовой анализ законодательствами ряда европейских стран, стран СНГ, США) / А.В. Курдова // Вектор науки ТГУ. – 2009. –№ 4(7).

15. Sanders, Andrew and Young, Richard. Criminal Justice. – 2 ed. – London [u.a.]: Butterworths. – 2000. – 815 p.

16. Махов, В. Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 17–19.

17. Кувалдина, Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Кувалдина. – Самара, 2011. – 272 с.

Дата поступления статьи – 27.08.2013.

Статья посвящена изучению института соглашения о признании вины (закрепленного Уголовным процессуальным кодексом Украины 2012 года), целью которого является упрощение процедуры рассмотрения определенной категории уголовных производств, уменьшение нагрузки на судебные и правоохранительные органы, экономия бюджетных средств и прочее. Автором осуществлен анализ отечественного законодательства и законодательства стран общей правовой традиции в сфере заключения сделки о признании вины. Кроме того, проведена сравнительная характеристика указанного института на примере США, проанализирован зарубежный опыт использования сделки, сделаны выводы на основе сопоставления законодательства двух стран. Показано, что несмотря на существенные отличия, обусловленные в первую очередь различными правовыми системами, у сделки о признании вины в системе общего права и в украинском законодательстве есть схожие черты.

The article is devoted to the study of the plea agreement institute (fixed by the Criminal Procedural Code of Ukraine in 2012), the purpose of which is to simplify the procedures for handling certain categories of criminal proceedings, reducing the burden on judicial and law enforcement authorities, budget savings and so on. The author analyzed the domestic legislation and legislations in countries of common law tradition in the field of the plea agreement. In addition, a comparative analysis of this institution was conducted by the example of the United States; the international experience of using the agreement was analyzed, and conclusions were drawn on the basis of comparison of the two countries' legislations. It was shown that, despite the significant differences caused primarily by different legal systems, the plea agreement in common law and in Ukrainian legislation has similar features.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА (ПСИХОЛОГА) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Петрова О.В.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет особый охранительный режим в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса в развитие международных норм, предусмотренных в первую очередь Конвенцией ООН о правах ребенка 1989 года [1], ст. 3 которой требует первоочередное внимание уделять наилучшему обеспечению интересов ребенка.

В качестве одной из мер такой охраны в настоящее время закон предусматривает присутствие педагога (психолога) при производстве допроса несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (ст.ст. 221, 332, 435 УПК).

Следовательно, нельзя не отметить, что сегодня закон не исключает возможность участия педагога или психолога при производстве не только допроса, но и иных процессуальных действий, в особенности связанных с получением показаний, таких, как очная ставка и проверка показаний на месте. По решению суда он может и должен участвовать и в судебном разбирательстве уголовного дела (ст. 299, 332 УПК).

В Республике Беларусь создана система привлечения педагога (психолога) для участия процессе, предусмотренная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2001 г. № 1533 [2]. Этим постановлением утверждено Положение о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе (далее – Положение). Педагог (психолог) может быть привлечен для участия в уголовном процессе согласно утвержденному графику в любое время суток.

Норма п. 2 указанного Положения трактует более широко цель участия педагога (психолога) – установление психологического контакта, атмосферы доверия, соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса. Такое широкое понимание целей не способствует единообразной правоприменительной практике.

В судебно-следственной работе среди привлекаемых к участию в таком качестве представителей учреждений образования сохраняются различные трактовки цели участия педагога (психолога) в производстве по уголовному делу: либо они помогают следователю либо суду, проводя перекрестный допрос; либо формально присутствуют, отстраненно наблюдая за происходящим; либо активно стремятся помочь допрашиваемому. Особенно эта неопределенность заметна в случае допроса несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого, т. е. в условиях острого конфликта позиций следователя и допрашиваемого.

Следует отметить, что при значительном количестве исследований правового статуса педагога (психолога), взгляды ученых также существенно разняться по своим выводам [3].

В советской и российской литературе многие предлагают признать его в качестве самостоятельного субъекта [4]. Это мотивируется, в частности, тем, что функция специалиста не совпадает с функцией педагога (психолога). Специалист рассматривается как технический помощник следователя, в то же время как педагог выполняет специфические задачи, так как с учетом возрастных (прежде всего психологических) особенностей подростка помогает следователю определить последовательность и форму постановки вопросов, оптимальную продолжительность допроса, выбрать правильный стиль допроса с точки зрения педагогики, установить психологический контакт с допрашиваемым и т. д., чтобы получить от несовершеннолетнего полные и достоверные показания [5, с. 183].

Концептуальным является тот факт, что, в отличие от уголовно-процессуальных законов других стран СНГ, согласно отечественному – педагог (психолог) наделен статусом специалиста (ч. 1 ст. 62). А это означает что

его задача – участвовать в производстве следственных и других процессуальных действий, используя специальные знания, навыки и научно-технические средства для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств.

Следовательно, сложно согласиться с необходимостью определения отдельного процессуального статуса для педагога (психолога) в Беларуси, учитывая, что предусмотренное п. 4 ч. 3 ст. 62 УПК содействие в обнаружении доказательств как задача специалиста охватывает перечисленные действия педагога (психолога) и могут рассматриваться именно как техническая помощь следователю.

Противоречивым с точки зрения практики является вопрос о том, какого педагога или психолога следует вызывать: знакомого или незнакомого подростку, которому ребенок доверяет, или это непринципиально [6]. С точки зрения закона на педагога (психолога) распространяются ограничения, предполагающие его беспристрастность при участии в деле, т. е. он не может принимать участие в деле в случаях, предусмотренных в ч. 1 ст. 86 УПК, в том числе если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела. Представляется, что педагог или психолог, знакомый ребенку, а тем более тот, которому ребенок доверяет или, наоборот, с кем имеет неприязненные отношения, должен подлежать отводу.

Поэтому справедливо, что согласно указанному выше Положению педагог (психолог) вызывается по графику и согласно спискам, составленным органами управления образования. Это способствует незаинтересованности педагога (психолога), а как следствие – объективности при осуществлении возложенных на них функций.

Весьма спорным является предлагаемое в юридической литературе мнение о задаче этого участника как обеспечении прав и законных интересов допрашиваемого. Так, некоторые ученые рассматривают педагога (психолога) как гарантию защиты от нетактичного с воспитательной точки зрения поведения должностного лица [7], как важное средство обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних [8, с. 11].

Вместе с тем обеспечение защиты прав несовершеннолетних в ходе производства по делу – это в первую очередь задача его законных представителей, а также защитника или представителя несовершеннолетнего. Так, в отношении несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее – Пекинские правила) [9], говорят только об адвокате и родителях или опекунах, или иных доверенных лицах как о лицах, оказывающих поддержку несовершеннолетнему. В этом смысле, хотя международные нормы содержат лишь рекомендации об участии защитника, отечественное законодательство содержит более высокие требования, так как согласно п. 2 ст. 45 УПК участие защитника обязательно, если подозреваемый или обвиняемый являются несовершеннолетними.

Право родителей или опекуна на участие как раз следует рассматривать как оказание общей психологической и эмоциональной поддержки несовер-

шеннолетнему, как функцию, которая должна выполняться в течение всего разбирательства (комментарий к п. 15 Пекинских правил).

Представители системы образования могут участвовать как законные представители несовершеннолетнего в предусмотренных законом случаях (ч. 2 ст. 56 УПК, ч. 4 ст. 436 УПК), однако ни педагогом, ни психологом они в этом случаях не являются.

Вместе с тем можно согласиться с тем, что педагог-психолог выполняет охранительную функцию, в связи с необходимостью снижения психологической травматизации, в частности, в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей преступления. Участие в производстве следственных действий заставляет несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля заново переживать совершенное в отношении его или увиденное им преступление, что негативно сказывается на состоянии его психологического здоровья.

Как отмечает С.В. Сурменева, психологическая помощь – это создание психологического комфорта и стабилизация состояния лиц, участвующих в уголовных делах. Оказание психологической помощи возможно при соблюдении следующих условий: а) привлечение компетентного психолога; б) предоставление психологу необходимого объема информации (включая ознакомление психолога с материалами уголовного дела и возможное получение дополнительной информации); в) использование специальных психологических знаний с целью адаптации участвующих в деле лиц к условиям предварительного расследования и к особенностям следственных действий [10, с. 11].

На международном уровне разработаны рекомендации, касающиеся психологической помощи несовершеннолетнему. Так, были приняты в рамках ЭКОСОС ООН Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений (2005/20 от 22 июля 2005 года [11]). Норма п. 30 закрепляет существенные требования к социальной и психологической поддержке несовершеннолетних жертв и свидетелей насилия: сопровождение ребенка на всем протяжении его участия в процессе отправления правосудия; дружественные детям технологии допроса, в том числе комнаты для проведения опросов, междисциплинарные службы для детей-жертв, приспособление судебных помещений к учету интересов детей-свидетелей, установление перерывов в процессе дачи ребенком свидетельских показаний и другие меры.

Однако анализ полномочий педагога или психолога говорит и о сложностях для этого специалиста в реализации технологии снижения психологической травматизации в ходе следственных действий.

Педагог или психолог, согласно действующему законодательству, только вправе задавать вопросы несовершеннолетнему, а также знакомиться с протоколом и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей и о нарушении прав и законных интересов допрашиваемых (ч. 3 ст.221 УПК). Однако таких прав недостаточно. Так, неясным остается вопрос, может ли педагог (психолог) обращать внимание на то, что ребенок устал, требуется перерыв, либо что ребенок не понял вопроса.

Современные инновационные технологии, отмеченные в международных актах, требуют изменений в правовом регулировании производства по уголовному делу с участием этого специалиста.

Особенностью специальной технологии допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля является:

1) активное участие в допросе специально подготовленного психолога, имеющего прикладной психологический инструментарий;

2) применение видеоконференцсвязи, которая обеспечивает: при руководстве действием со стороны следователя непосредственный контакт с несовершеннолетним только одного человека – психолога; присутствие в ходе его проведения широкого круга участников, в том числе стороны защиты, чтобы была возможность оперативно представить свои возражения по поводу показаний, разрешить противоречия, которые могли бы возникнуть в суде;

3) запись допроса, обеспечивающая без вызова в судебное заседание достоверность показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Прямое закрепление норм, предполагающих дружественный ребенку допрос при применении видеоконференцсвязи, законодательного ограничения числа допросов несовершеннолетних пострадавших от тяжких насильственных преступлений, в первую очередь связанных с посягательством на половую свободу, предусмотрены законодательством многих государств.

Норма ст. 185-а УПК Польши [12] предусматривает право несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля насильственных преступлений на однократный допрос, проводящийся при этом с применением видеоконференцсвязи.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины [13] в ст.232 закрепляет порядок проведения допроса, опознания в режиме видеоконференции во время досудебного расследования при трансляции из другого помещения (так называемое дистанционное досудебное расследование). При этом одним из оснований является проведение допроса малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего (п. 1. ч. 1). Как правило, такие комнаты применяются по делам о насилии в отношении детей, семейном и сексуальном насилии (ст. 185-а УПК Польши).

При допросе в специальных комнатах исключается визуальный контакт допрашиваемого с иными лицами, за исключением психолога. Такая запись проводится в режиме реального времени с постоянным наличием аудио- и видеосвязи психолога со следователем и иными присутствующими при допросе, что позволяет ему оперативно общаться со следователем и получать по аудиосвязи указания по ходу следственного действия. Исключение визуального контакта с несовершеннолетнего со следователем не исключает руководящей роли последнего.

Возможность приглашения представителей стороны защиты можно рассматривать как гарантию того, что в дальнейшем в суде показания не будут опровергнуты защитой, и соблюдения требований, предусмотренных п. 3 «е» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966

года, без вызова несовершеннолетнего в судебное заседание. Так, согласно § 1 ст. 185-а УПК Польши, в допросе вправе принимать участие защитник обвиняемого, а ст. 232 УПК Украины не ограничивает круг участников следственного действия при применении видеоконференцсвязи.

Представляется, что требуются изменения и дополнения уголовно-процессуального закона, необходимые для создания национальной инновационной технологии допроса несовершеннолетних.

Однако если в отношении потерпевших и свидетелей признана необходимость снижения психологической травмы, то при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого о психологической травме от совершения преступления, как правило, речи не идет, так как допрашиваемый не является пострадавшим. Задачи педагога психолога смещаются в сторону установления психологического контакта и корректного с точки зрения психологии ведения допроса, т. е. предотвращения недопустимого психологического насилия.

Согласно п. 12.1 Пекинских правил для выполнения своих функций наилучшим образом служащие полиции, которые часто или исключительно занимаются несовершеннолетними или которые главным образом занимаются предупреждением преступности несовершеннолетних, должны пройти специальный инструктаж и подготовку. Для этой цели в крупных городах должны быть созданы специальные подразделения полиции. Следовательно, такие задачи должен решать в первую очередь следователь и судья самостоятельно, так как должен иметь специальную подготовку.

Предусмотренное законом участие педагога (психолога) является гарантией предотвращения и пресечения насилия в отношении детей, оказавшихся в системе правосудия по уголовным делам. Представляется, что в случае обеспечения специальной подготовкой всех специалистов, работающих с несовершеннолетними в сфере уголовной юстиции, необходимость использования таких знаний может исчезнуть.

Однако в случае, если несовершеннолетний имеет психические недостатки, следует к допросу в обязательном порядке привлекать судебного эксперта-психолога Государственной службы судебно-медицинских экспертиз. Таким образом, он может качественно оценить как способность правильно воспринимать обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу и давать о них показания (ч. 2 ст. 60 УПК), так и способность несовершеннолетнего обвиняемого/подозреваемого участвовать в следственном действии в целом, осуществлять свою защиту.

Указанное выше позволяет придти к следующим выводам.

1) следует с положительной стороны оценить закрепление в отечественном уголовно-процессуальном законе за педагогом (психологом) процессуального статуса специалиста;

2) требуется на законодательном уровне закрепить возможность применения инновационных методов допроса несовершеннолетних свидетелей и

жертв преступлений, в первую очередь возможность использования видеоконференцсвязи;

3) следует обеспечить специальную подготовку должностных лиц правоохранительных органов, с тем чтобы они не только с помощью педагога-психолога, но и самостоятельно владели методами допроса несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого, корректными с точки зрения психологии.

Список цитированных источников

1. Конвенция о правах ребенка, принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. // Декларации, конвенции и другие нормативные документы [Электронный ресурс]. – Организация Объединенных Наций, 2013. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 12.01.2013.

2. Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе: Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 24 окт. 2001 г. № 1533 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 102. – 5/9250.

3. Дударев, В.А. Педагог и психолог – как специальные субъекты допроса несовершеннолетних / В.А. Дударев // Актуальные вопросы права и государства: материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф., Новосибирск, 2 июля 2012 г. – Новосибирск: Сибир. ассоц. консультантов, 2012. – С. 90–97.

4. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заболоцкий. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1986. – 152 с.

5. Тетюев, С.В. УПК России и УПК Узбекистана об участии педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве / С.В. Тетюев // Сравнительное правоведение. – 2008. – № 5. – С. 182–186.

6. Морозов, В.И. О процессуальном статусе педагога, психолога при допросе несовершеннолетнего / В.И. Морозов, К.В. Морозова // Тюменский районный суд Тюменской области [Электронный ресурс]. – Государственная автоматизированная система «Правосудие», 2011. – Режим доступа: http://tumensky.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=4. – Дата доступа: 14.11.2012.

7. Скичко, О.Ю. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в уголовном процессе / О.Ю. Скичко // Вопросы ювенальной юстиции [Электронный ресурс]. – 2009. – №6. – Режим доступа: http://juvenjust.org/index.php?showtopic=1352&st=0&#entry7104. – Дата доступа: 14.11.2012.

8. Калинкин, Ю.А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: 12.00.09: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1981. – 19 с.

9. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // Декларации, конвенции и другие нормативные документы [Электронный ресурс]. – Организация Объединенных Наций, 2013. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 12.01.2013.

10. Сурменева, С.В. Участие психолога в стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.09 /С.В. Сурменева. – Челябинск, 2009. – 21 с.

11. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, приняты резолюцией 2005/20 ЭКОСОС от 22 июля 2005 г. // Декларации, конвенции и другие нормативные документы [Электронный ресурс]. – Организация Объединенных Наций, 2013. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml . – Дата доступа: 12.01.2013.

12. Kodeks postępowania karnego. Stan prawny 1 lutego 2012 r. – Krakow: OD. NOWA, 2012. – 320 s.

13. Кримінально-процесуальний кодекс України, № 4651-VI від 13.04.2012 р.// Законодавство України [Электронный ресурс] – 2013. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17. – Дата доступа: 12.01.2013.

Дата поступления статьи – 11.09.2013.

Автор обращается к проблемам правового регулирования участия педагога (психолога) в уголовном процессе Республики Беларусь. В статье отмечается большая разнородность взглядов ученых-процессуалистов на сущность процессуального положения такого субъекта уголовного процесса, как педагог (психолог). Автор положительно оценивает закрепление в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь за педагогом (психологом) статуса специалиста. Предложено создать методологическую базу для участия педагога-психолога в производстве следственных действий, с тем чтобы он эффективно выполнял свои задачи. Обосновано для реализации международно-правовых рекомендаций предложение о закреплении на законодательном уровне возможности применения инновационных методов допроса несовершеннолетних свидетелей и жертв преступлений. Высказано мнение о необходимости специальной подготовки должностных лиц правоохранительных органов, с тем чтобы они самостоятельно владели методами допроса несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого, корректными с точки зрения психологии.

The article deals with issues of legal regulation of participation of educator/psychologist in the Criminal Procedure of the Republic of Belarus. The huge diversity of scientific opinions to the essence of educator/psychologist's legal status is shown in the article. The author positively appreciates confirming specialist's status for educator/psychologist by the Criminal Code of Procedure of the Republic of Belarus. The creation of methodological basis for participation of educator/psychologist in criminal proceedings for increasing efficiency of his/or her actions are proposed in the article. The changes to Criminal Code of Procedure concerning innovations in interviewing of abuse children and witnesses of crime are offered in the article. The author pays attention to the necessity of special training for law enforcement' officials in order to get skills of interviewing juveniles with psychologically appropriate methods.

О ВОЗМОЖНОСТИ ОТНЕСЕНИЯ К ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ИЗДЕРЖКАМ РАСХОДОВ ПОТЕРПЕВШЕГО, ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Суховенко Н.А.

«Право на юридическую помощь – это неотъемлемое право каждого человека и гражданина, его обеспечение является важнейшим принципом существования и развития правового государства» [1]. Взяв курс на построение правового государства, Республика Беларусь объявила, закрепив в ст.ст. 2, 21 Конституции, высшей ценностью общества и государства – человека, его права, свободы и гарантии их реализации, а высшей целью государства – обеспечение прав и свобод гражданина [2]. Гарантией же реализации конституционного права на эффективную защиту прав, свобод выступает право на юридическую помощь, предусмотренное нормой ст. 62 Конституции Республ-

лики Беларусь. Приведенные положения Основного Закона Республики являются воплощением в белорусском законодательстве Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г. [3], которой правовая защита жертв преступной деятельности провозглашается одной из приоритетных задач органов, ведущих уголовный процесс. Однако изучение уголовных дел демонстрирует низкий уровень использования в нашей стране юридической помощи указанными лицами при защите своих интересов, что связано прежде всего с материальными затратами и отсутствием уголовно-процессуальных гарантий их возмещения. Вместе с этим и анализ юридической литературы по вопросу возмещения потерпевшим, гражданским истцам расходов, понесенных в связи с обращением за юридической помощью, раскрывает недостаточно полную его проработку в рамках отрасли уголовно-процессуального права. Так, исследования по вопросам, связанным с процессуальным положением потерпевшего в уголовном процессе, а также общим вопросам представительства, участия адвоката-представителя потерпевшего на различных стадиях уголовного процесса были осуществлены А.А. Дмитриевой, Д.Я. Беговой, А.В. Кожевниковым, И.В. Коркиной, В.В. Мелешко, П.В. Мытником, Н.М. Савиной, Д.П. Чекулаевым и другими, но детальное изучение обозначенной проблемы именно в рамках института процессуальных издержек учеными-процессуалистами не проводилось. Таким образом, для достижения одной из целей Концепции защиты жертв преступной деятельности, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 74 от 20.01.2006 [4], состоящей в выработке оптимальных подходов к оказанию потерпевшим от преступлений правовой помощи со стороны государства и общества, в настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа норм, регулирующих общественные отношения по поводу возмещения потерпевшим, гражданским истцам расходов, понесенных ими в связи с реализацией при производстве по уголовным делам конституционного права на юридическую помощь, а также практики их применения.

Право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, предусмотренное ст. 62 Конституции Республики Беларусь и впоследствии нашедшее свое отражение в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), обеспечивается, прежде всего, посредством оказания квалифицированной юридической помощи на профессиональной основе. Оказание участникам уголовного процесса квалифицированной юридической помощи гарантируется Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30 декабря 2011 г. №334-З [5]. В соответствии с ч. 2 ст. 26 указанного закона, профессиональная защита прав и интересов клиентов по уголовным делам может осуществляться только адвокатами. Как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь: «право на получение квалифицированной помощи является одним из важнейших условий осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон в процессе» (ч. 1 ст. 115 Конституции) [6].

Действительно, соблюдение названного конституционного принципа не может быть обеспечено в полном объеме, если с одной стороны в судебном процессе осуществляют свои функции лица на профессиональной основе, а с другой – лица, не обладающие юридическими знаниями и профессиональным опытом по оказанию юридической помощи. Именно на разрешение сложившейся ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый в противовес потерпевшему, гражданскому истцу находятся в более привилегированном положении, обладая законодательно закрепленным правом получить юридическую консультацию адвоката за счет средств местного бюджета, а также пользоваться услугами защитника, назначенного органом, ведущим уголовный процесс, и нацелено внимание ученых-правоведов. Так, ряд процессуалистов (К.Н. Емельянов [7, с. 122–123], И.В. Коркина [8, с. 12], П.В. Мытник [9, с. 110–112], Н.М. Савина [10, с. 182], Б.Ф. Тимошенко [11, с. 87], Д.П. Чекулаев [12, с. 169]) обосновывают справедливость и целесообразность законодательного закрепления обязательного участия адвоката в качестве представителя потерпевшего, унифицируя порядок его привлечения с порядком участия в производстве по материалам и уголовному делу адвоката в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого, высказывая при этом различные предложения о случаях такого участия, среди которых называются: потерпевший не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, либо является неграмотным; потерпевший является несовершеннолетним; потерпевший в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно представлять свои интересы в уголовном процессе; в отношении потерпевшего совершено особо тяжкое преступление; потерпевший является малоимущим. При таком подходе оплата труда адвоката, участвующего в уголовном процессе по назначению без заключения соглашения, должна производиться за счет государства, которое, в свою очередь, включив понесенные при этом расходы в состав процессуальных издержек, может возложить их возмещение на подозреваемого, обвиняемого, осужденного или иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. В это же время Н.М. Савина, рассматривая вопрос участия адвоката в качестве представителя потерпевшего по приглашению, приходит к выводу о том, что расходы на оплату услуг адвоката, представляющего интересы потерпевшего в уголовном процессе по соглашению с клиентом, также должны подлежать включению в состав процессуальных издержек и впоследствии возмещаться подозреваемым, обвиняемым, осужденным [10, с. 182; 13, с. 12]. Аналогичной позиции по данному вопросу придерживаются А.А. Дмитриева [14, с. 10], А.В. Кожевников [15, с. 26]. Однако, принимая во внимание вытекающее из правовой природы процессуальных издержек условие отнесения к их числу лишь расходов, понесенных государством в лице органов, ведущих уголовный процесс, следует признать, что описанный подход А.А. Дмитриевой, А.В. Кожевникова, Н.М. Савиной подлежит дальнейшему развитию с учетом названного требования.

Вместе с этим в ходе выработки оптимальных подходов в обеспечении реализации потерпевшими, гражданскими истцами конституционного права на юридическую помощь также следует помнить, что рассматриваемое право не охватывает лишь представительство адвокатом интересов указанных лиц в досудебном производстве и суде. Так, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», под юридической помощью понимается «деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами» [5]. Согласно ст. 26 этого же закона, наряду с представительством адвокаты могут оказывать потерпевшим, гражданским истцам следующие виды юридической помощи: давать консультации и разъяснения по юридическим вопросам; составлять заявления, жалобы и другие документы правового характера; оказывать иные виды юридической помощи [5]. Проведенное нами исследование показало, что из 910 уголовных дел, изученных путем случайной выборки за период с 2008 по 2013 год, лишь по 35 уголовным делам 39 потерпевшим оказывалась юридическая помощь на профессиональной основе, видовой состав которой распределился следующим образом: 31 случай составления искового заявления, 24 – представления адвокатами интересов потерпевших, из которых 3 случая на стадии предварительного расследования и 21 – в ходе судебного разбирательства, 14 случаев дачи консультаций и 5 – ознакомления с материалами уголовного дела. Согласно имеющимся в уголовных делах квитанций, стоимость услуг адвокатов по составлению исковых заявлений варьировалась от 100 000 до 700 000 рублей, за дачу консультаций – от 40 000 до 150 000 рублей, за ознакомление с материалами уголовного дела – 250 000 рублей и за представительство интересов в уголовном процессе – от 250 000 до 2 000 000 рублей. Приведенные данные подтверждают вывод о том, что низкий процент оказания потерпевшим, гражданским истцам квалифицированной юридической помощи (3,85 %) связан со значительными материальными затратами на ее получение и наличием вероятности отказа в их возмещении. Анализ правоприменительной практики показал, что лишь в одном случае из 39 обвиняемым были добровольно возмещены расходы на юридическую помощь, оказанную адвокатом потерпевшему, и по 19 уголовным делам были вынесены обвинительные приговоры с указанием в резолютивной части о взыскании в пользу потерпевшего, гражданского истца расходов за оказание юридической помощи либо по оплате помощи представителя, по 9 уголовным делам – обвинительные приговоры с формулировкой об отнесении данного рода расходов к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела, и по 1 уголовному делу – с решением о признании права на удовлетворение иска с передачей вопроса о его рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства. Вместе с этим по 5 уголовным делам в ходе вынесения постановлений о прекращении производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям (пп. 3, 4 ст. 29 УПК) вопросы о возмещении потерпевшему расхо-

дов на оплату услуг адвоката, участвующего в уголовном процессе в качестве его представителя, остались без рассмотрения. Возникновение подобных ситуаций связано, как нам представляется, с отсутствием в отрасли уголовно-процессуального законодательства надлежащего правового регулирования отношений, возникающих в связи с оказанием потерпевшим, гражданским истцам юридической помощи на профессиональной основе. Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволяет говорить о том, что в настоящее время в рамках института процессуальных издержек по постановлению органа, ведущего уголовный процесс, могут быть возмещены лишь расходы представителей потерпевших, гражданских истцов по явке к месту проведения процессуальных действий и обратно, по найму жилого помещения и суточные, за отвлечение их от обычных занятий и связанные с недополученной заработной платой (пп. 1–3 ч. 1 ст. 162 УПК). Возмещение же непосредственно потерпевшим, гражданским истцам затрат, возникших в связи с обращением ими к адвокатам за помощью в составлении искового заявления, за консультацией и иной юридической помощью, надлежащим образом нормативно не урегулировано. В целях преодоления сложившейся ситуации потерпевшими предъявляются гражданские иски с требованиями о возмещении расходов по оказанию юридической помощи, в том числе по оплате помощи представителя. Так, по изученным уголовным делам выявлен 31 факт предъявления гражданских исков с такого рода требованиями, 7 – заявления ходатайств и 1 – подачи письменного заявления, которые удовлетворялись судами со ссылкой на ст. 124 «Возмещение расходов по оплате помощи представителя» и ст. 135 «Распределение судебных расходов между сторонами» Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), либо на п. 19 ч. 1 ст. 50 УПК, либо вовсе без ссылки на соответствующую норму закона. Однако подобная практика вступает в противоречие требованиями законодательства. Несмотря на отнесение к издержкам, связанным с рассмотрением гражданского дела, расходов по оплате помощи представителей (п. 6 ч. 1 ст. 116 ГПК) и других расходов, признанных судом необходимыми (п. 8 ч. 1 ст. 116 ГПК), к которым, согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 1, относятся и суммы, уплаченные за оказание юридической помощи по составлению заявлений, жалоб, оформлению доверенности на представительство [0], это не позволяет судам при разрешении вопросов о возмещении потерпевшим, гражданским истцам расходов на оказание юридической помощи, в том числе и на представительство, применять нормы, регулирующие отношения в области судебных расходов по гражданским делам. Обратившись к утратившему силу постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения законодательства о возмещении вреда, причиненного преступлением» от 23 марта 1995 г. № 1, находим, что до 2001 года и в сфере уголовно-процессуальных отношений средства, затраченные потерпевшим или его законным представителем на оплату труда адвоката, подлежали взысканию с осужденного, а также с лиц, которые в силу закона несли материальную ответственность за вред, причиненный преступлением [17]. В настоящее же время реализация права потерпевшего

получать возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, закрепленного нормой п. 19 ч. 1 ст. 50 УПК, в части компенсации затрат на получение юридической помощи на профессиональной основе является нормативно не гарантированной ввиду отсутствия на то правового механизма. Данный вывод обосновывается тем, что рассматриваемый вид расходов не относится к процессуальным издержкам, система которых предусмотрена ч. 1 ст. 162 УПК, и, следовательно, не может быть возмещен по постановлению органа, ведущего уголовный процесс; также удовлетворение требования о возмещении данных затрат неправомерно и в рамках предъявления гражданского иска, ведь в уголовном процессе подлежат рассмотрению гражданские иски о возмещении физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого (ч. 1 ст. 148 УПК), а не материальных трат, вызванных участием в производстве по уголовному делу.

Таким образом, признавая за потерпевшим, гражданским истцом право на возмещение расходов в связи с осуществлением и защитой их прав и свобод адвокатом, в том числе и в качестве их представителя, требуется нормативно закрепить возможность их компенсации по требованию указанных лиц и их законных представителей непосредственно органом, ведущим уголовный процесс, из бюджетных средств, специально выделяемых ему на эти цели, которые впоследствии должны включаться в состав процессуальных издержек, подлежащих возложению на подозреваемого, обвиняемого, осужденного или иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, для чего расширить систему процессуальных издержек нормой следующего содержания: «сумм, выплаченных потерпевшим, гражданским истцам в счет возмещения расходов, затраченных на оказание им юридической помощи».

Сформулированная подобным образом норма ст. 162 УПК Республики Беларусь обеспечит потерпевшим, гражданским истцам при осуществлении и защите своих прав и свобод возможность широкого использования конституционного права на юридическую помощь и, соответственно, возмещения всех понесенных при этом расходов, что позволит «в какой-то мере снизить для потерпевшего «наказание процессом» [18, с. 47–48].

Список цитированных источников

1. О практике применения решений Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 1999 г. «О некоторых вопросах представительства в суде по гражданским делам», от 13 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе», от 4 июля 2000 г. «О некоторых вопросах, связанных с оказанием юридической помощи осужденным» в части реализации положений ст. 62 Конституции: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 5 окт. 2000 г., № Р-103/2000 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

2. Конституция Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2003. – 40 с.

3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, 29 нояб. 1985 г., №40/34 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

4. Концепция защиты жертв преступной деятельности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 2006 г., № 74 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

5. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 334-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.12.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

6. О правовом регулировании процессуальных издержек и судебных расходов в административном процессе: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 21 окт. 2011 г., № Р-629/2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

7. Емельянов, К.Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.Н. Емельянов. – Тюмень, 2009. – 187 с.

8. Коркина, И. В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве: автореферат дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.В. Коркина. –М., 2006. – 32 с.

9. Мытник, П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса: дис… канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.В. Мытник. – Минск, 2001. – 126 л.

10. Савина, Н.М. Адвокат как представитель потерпевшего в уголовном процессе: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации / Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки (Минск, 21 янв. 2011 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск: Акад. МВД, 2011. С.182-183.

11. Тимошенко, Б.Ф. Защита прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве и права человека / Б.Ф. Тимошенко // Прокурорская и следственная практика. – 1997. – № 1. – С. 84–89.

12. Чекулаев, Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба / Д.П. Чекулаев. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 254 с.

13. Савина, Н. Процессуальные издержки: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации / Н. Савина // На страже. – 2011. – 15 июля. – № 28. – С. 12.

14. Дмитриева, А.А. Участие адвоката представителя потерпевшего в Российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Дмитриева. – Челябинск, 2002. – 24 с.

15. Кожевников, А.В. Адвокат-представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Кожевников. – Свердловск, 1974. – 27 с.

16. О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 2 июня 2011 г., № 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

17. О практике применения законодательства о возмещении вреда, причиненного преступлением: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 марта 1995 г., № 1: утратил силу постановлением Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 29.03.2001 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

18. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.

Дата поступления статьи – 06.09.2013.

Статья посвящена рассмотрению вопроса возмещения потерпевшим, гражданским истцам расходов, понесенных в связи с обращением за юридической помощью в ходе участия в производстве по уголовным делам. Комплексный анализ правовых норм позволил констатировать факт отсутствия в отрасли уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь надлежащего правового регулирования отношений, возникающих по поводу компенсации потерпевшим, гражданским истцам затрат в связи с оказанием им юридической помощи, с чем связан низкий уровень профессиональной защиты указанных лиц в уголовном процессе. Актуальность данной статьи обосновывается недостаточно полной проработкой обозначенного вопроса в рамках отрасли уголовно-процессуального права. В результате проведенного исследования автором обоснована необходимость нормативного закрепления за потерпевшими, гражданскими истцами права на компенсацию понесенных ими расходов на оказание им юридической помощи непосредственно органом, ведущим уголовный процесс, из бюджетных средств, которые впоследствии должны включаться в состав процессуальных издержек, подлежащих возложению на подозреваемого, обвиняемого, осужденного или иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

This article is devoted to consideration of a question of compensation of the expenses for victims and civil claimants, which they have incurred in connection with the reference behind a legal aid during participation in criminal proceedings. The complex analysis of rules of law has allowed to establish the absence of criminally-remedial legislation of the Republic of Belarus, including legal regulation of the relations, arising with indemnification to victims, civil claimants expenses, connected with rendering of a legal aid. Such situation causes low level of professional protection of persons, mentioned above, in criminal trial. The urgency of given article is proved by lack of a comprehensive study of this problem within the limits of branch criminally-procedural law. As a result of the conducted research the necessity of standard fastening the right to compensation for victims, civil claimants the expenses, suffered by them on rendering of a legal aid from budgetary funds by governmental body conducting criminal trial is suggested. The necessity of inclusion such expenses in the remedial costs, which should be borne by the suspect, accused, condemned or other persons, bearing under the law a liability for their actions is proved.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хиревич М.Л.

Право на свободу и личную неприкосновенность граждан является неотъемлемым и охраняется многими международными актами. В качестве одной из основных гарантий реализации указанного права в ходе осуществлении уголовно-процессуальной деятельности и средства обеспечения законности в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, выступает судебный контроль. Несмотря на то, что данный процессуальный институт предусмотрен многими международными актами и доказал свою эффективность в

решения задач уголовного судопроизводства во многих странах, в Республике Беларусь предмет его весьма ограничен. Он реализуется лишь в форме последующего судебного контроля.

Так, судебной проверке подлежат лишь законность и обоснованность задержания, применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. Кроме того, в судебном порядке рассматриваются и разрешаются жалобы на принудительное помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение для производства экспертизы.

Также в соответствии с ч. 2 ст. 139 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в судебном порядке, наряду с прокурором (а в случае обжалования решения об отказе в возбуждении уголовного дела – и начальником следственного подразделения), могут быть рассмотрены жалобы на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. При этом, как показывает практика, возрастает количество жалоб на приведенные процессуальные решения, которые рассматриваются именно в судебном порядке, причем с каждым годом все большее количество из них удовлетворяется судом. Так, например, если в 2011 году из 121 жалобы на постановления о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования было удовлетворено только 34 (28 %), то в 2012 году из 169 жалоб удовлетворено 56 (33,1 %). В первом полугодии 2013 года в 98 случаях обжалования постановления о прекращении производства по уголовному делу, уголовного преследования было удовлетворено 39 (39,8 %) жалоб [1; 2; 3]. Приведенные данные показывают эффективность данного института и свидетельствуют о возможности и необходимости расширения его предмета в досудебном производстве.

Ученые-процессуалисты [4, с. 34; 5, с. 66] не раз обращали внимание на тот факт, что, несмотря на принятие Конституционным Судом Республики Беларусь решения от 3 апреля 2001 г. «О праве граждан на обращение в суд по вопросам, возникающим в связи с осуществлением уголовно-процессуальных отношений», признавшим положения УПК относительно ограниченного круга процессуальных решений, подлежащих обжалованию в судебном порядке, не соответствующими требованиям Основного закона, до настоящего времени изменения в УПК по данному вопросы внесены не были.

В различных странах по-разному определяется предмет судебного контроля. Вопрос о том, какие из всего круга предусмотренных законом процессуальных действий и решений должны составлять предмет судебного контроля в уголовном процессе, неоднократно подлежал рассмотрению, в том числе и на уровне кандидатских и докторских диссертаций, монографий [6, с. 43–60; 7, с. 96–124; 8, с. 98–128; 9, с. 5–8]. Вместе с тем единого подхода к

определению границ и пределов деятельности суда на стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовных дел выработано не было.

Полагаем, что право на обжалование в судебном порядке не должно распространяться абсолютно на все процессуальные действия и решения органов, ведущих уголовный процесс. В связи с чем, при очевидной необходимости расширения сферы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел в Республике Беларусь, вопрос о его предмете требует отдельного исследования и нуждается в детальной проработке. Представляется, что основным критерием для определения круга процессуальных действий и решений, подпадающих под процедуру судебной проверки, должна стать возможность ограничения конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, а также влияние их на ход всего судопроизводства в целом. Также считаем возможным закрепить перечень процессуальных действий и решений, подлежащих обжалованию в судебном порядке, среди которых следует предусмотреть в обязательном порядке, наряду с закрепленными в УПК, также решения о приостановлении предварительного следствия, о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности, о наложении ареста на имущество, а также о признании лица потерпевшим.

Гл. 16 УПК предусматривает универсальный механизм обжалования процессуальных действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, в том числе и судебной проверки. Как видно из ее содержания, даже при ограниченном действии процессуальный порядок судебной проверки недостаточно разработан и не в полной мере обеспечивает эффективность уголовного процесса, а также реализацию права подозреваемого, обвиняемого на защиту. В связи с этим необходимо обозначить некоторые проблемы процессуального порядка, возникающие в ходе судебной проверки и требующие своего законодательного разрешения.

В первую очередь следует обратить внимание на противоречие ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 178 УПК. В соответствии с ч. 2 ст. 139 УПК, соответствующему прокурору либо в суд по выбору лица, права которого нарушены, могут подаваться жалобы на решения органа уголовного преследования об отказе от возбуждения уголовного дела, о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. В то же время на основании ч. 3 ст. 178 УПК жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела могут быть поданы также и начальнику следственного подразделения. Несмотря на то, что обжалование указанных решений начальнику следственного подразделения, равно как и прокурору, имеет свои положительные моменты (оперативность устранения нарушений конституционных прав личности и др.), подача жалобы в суд и ее разрешение в процессе судебного заседания позволяет более объективно оценить сложившуюся в ходе уголовного процесса ситуацию, по поводу которой подана жалоба. Более того, прокурор в случае обжалования в суд решения об отказе в возбуждении уголовного дела,

о прекращении производства по уголовному делу, уголовного преследования, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам в любом случае участвует в судебном заседании при рассмотрении данной жалобы и высказывает свою позицию по ней. Анализ международной практики также показывает, что указанные в ч. 2 ст. 139 УПК процессуальные решения составляют предмет последующего судебного контроля и не могут быть обжалованы должностным лицам органов, осуществляющих уголовное преследование.

Относительно порядка подачи жалобы следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 143 УПК жалобы лиц, содержащихся под стражей, подаются в суд через администрацию места предварительного заключения, а жалобы лиц, содержащихся под домашним арестом, и управомоченных иных лиц подаются в орган, ведущий уголовный процесс. Вместе с тем, как представляется, следовало бы предусмотреть в том числе и возможность подачи жалобы лицом, содержащимся под домашним арестом, и иными управомоченными лицами непосредственно в суд. В данном случае судья, приняв жалобу, должен будет в течение 24 часов направить уведомление в орган, ведущий уголовный процесс, и истребовать необходимые для производства судебной проверки материалы, подтверждающие законность и обоснованность задержания, применения мер процессуального принуждения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продления сроков содержания под стражей, домашнего ареста. В данной ситуации может возникнуть вопрос, не будет ли подобное установление способствовать затягиванию сроков судебной проверки и нарушать требования о своевременности и быстроте рассмотрения жалоб. Представляется, что закрепление предлагаемого порядка не только не скажется на сроках рассмотрения жалоб, поскольку по их размерам данный порядок аналогичен порядку подачи жалобы лицом, содержащимся под стражей, через администрацию места содержания под стражей, но и будет способствовать реализации права граждан на доступ к правосудию.

Что касается непосредственно самой жалобы, ст. 143 УПК закрепляет лишь форму ее подачи (устную либо письменную), но не предусматривает требований к ее содержанию. Тем не менее, из текста жалобы должны быть ясны статус лица, ее подавшего, субъект рассмотрения жалобы, а также какие действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, подлежат проверке на предмет из законности и обоснованности. Несомненно, нечеткость изложения жалобы не может служить основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению. Однако в целях оптимизации производства по жалобам представляется необходимым закрепить в УПК требования к их содержанию, которые должны включать: наименование суда, в который она подается, данные о лице, подавшем жалобу, обжалуемое процессуальное решение и наименование органа, его вынесшего, а также доводы лица, подающего жалобу, о незаконности и необоснованности принятого процессуального решения и требования, перечень прилагаемых к жалобе материалов, подпись лица, подавшего жалобу.

Так как жалобы на решения органа уголовного преследования, предусмотренные в ч. 2 ст. 139 УПК, могут приноситься как в суд, так и прокурору, начальнику следственного подразделения, суд должен проверить, не рассматривалась ли аналогичная жалоба указанными выше должностными лицами. Полагаем, что в случае удовлетворения такой жалобы суд также должен принимать решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в связи с отсутствием оснований для проверки законности и обоснованности указанных решений органа, ведущего уголовный процесс. Однако в случае несогласия заявителя с решением, принятым по его жалобе, либо частичным удовлетворением жалобы прокурором, указанные решения должны быть проверены судом на предмет их законности и обоснованности.

Нуждаются в пересмотре и положения ч. 3 ст. 144 УПК относительно участия как подозреваемого (обвиняемого), так и защитника в судебном заседании по проверке законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста.

Так, при рассмотрении в судебном заседании жалобы на заключение под стражу участие прокурора является обязательным, в то время как лицо, в отношении которого применена данная мера пресечения, может быть вызвано в судебное заседание по усмотрению суда в необходимых случаях. Между тем принцип процессуального равенства сторон предполагает обязательное предоставление заинтересованному лицу возможности предстать перед судом одновременно с прокурором, с тем чтобы оно могло возражать на его заключения. Данный вывод подтверждается Европейским Судом в деле Кампанис против Греции (13.07.1995 г.) [10]. Арестованному заявителю было отказано предстать перед судом для того, чтобы выдвинуть доводы в поддержку своего ходатайства об освобождении из-под стражи, в то время как прокурор был заслушан. Европейский суд посчитал, что отказ заявителю в возможности принять участие в судебном разбирательстве, исход которого имел решающее значение для продолжения или прекращения его содержания под стражей, игнорирует принцип процессуального равенства сторон и ущемляет право обвиняемого на обжалование в суде, чем нарушает ч. 4 ст. 5 Конвенции. Таким образом, и процедура судебной проверки законности и обоснованности заключения под стражу должна предусматривать право подозреваемого (обвиняемого) на личное участие в судебном заседании при рассмотрении его жалобы.

Положение о том, что защитник, если он участвует в деле, лишь имеет право, но не обязан участвовать в судебном заседании, также ограничивает право подозреваемого (обвиняемого) на защиту, поскольку сам задержанный, лицо, содержащееся под стражей, домашним арестом, тем более, если он в большинстве случаев не вызывается в судебное заседание, не может надлежащим образом отстаивать свою позицию относительно представленной жалобы. В связи с этим в целях обеспечения равенства сторон в процессе, а также надлежащего обеспечения права на защиту полагаем необходимым закрепить обязанность защитника участвовать в судебном заседании в случае, если

задержанный, лицо, содержащееся под стражей, домашним арестом не вызываются судьей и, соответственно, не участвуют в нем.

Необходимо также обратить внимание и на то обстоятельство, что в соответствии с ч. 6 ст. 142 УПК постановление судьи по жалобе на отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение предварительного расследования или уголовного преследования, отказ в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам может быть обжаловано лицами, которые на основании ч. 4 ст. 142 УПК вправе принимать участие в судебном заседании при ее рассмотрении. В то же время согласно ч. 5 ст. 142 УПК о решении, принятом по жалобе на действия и решения органов уголовного преследования о применении меры пресечения или производстве процессуальных действий, обязательное уведомление предусмотрено лишь в отношении лица, подавшего жалобу на такие действия. Аналогично не предусмотрено уведомление потерпевшего, который вправе как участвовать в ходе судебной проверки задержания, применения меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, а также продление срока содержания под стражей, домашнего ареста, так и обжаловать принятое судом по ее результатам решение. Поскольку указанные действия и решения затрагивают интересы и права не только лица, подавшего жалобу, исходя из принципа равенства граждан перед законом и защиты их прав и законных интересов, полагаем необходимым предусмотреть обязательность уведомления о принятом по жалобе решении всех лиц, которые вправе присутствовать при рассмотрении жалобы, с тем чтобы они могли надлежащим образом и своевременно защищать свои права.

Таким образом, обозначенные проблемы свидетельствуют о необходимости пересмотра всего института судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел для того, чтобы он в полной мере отвечал требованиям международных актов и надлежащим образом мог гарантировать закрепленные в них основополагающие права.

Список цитированных источников

1. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за 2011 г.

2. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за 2012 г.

3. Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных деле за первое полугодие 2013 г.

4. Зайцева, Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод / Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь / сост.: Л.Л. Зайцева, И.В. Кучвальская; науч. ред. Л.Л. Зайцева. – Минск: Тесей, 2003. – С. 28–36.

5. Данилевич, А.А. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / А.А. Данилевич, О.В. Петрова. – Минск: БГУ, 2008. – 168 с.

6. Изотова, О. В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Изотова. – М., 1996. – 176 с.

7. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород, 2002. – 520 с.

8. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Г. Муратова. – Екатеринбург, 2004. – 599 с.

9. Колоколов, Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе / Н.А. Колоколов. – М.: Юрист, 2008. – 416 с.

10. Дело Кампанис против Греции (Kampanis v. Greece, 13 July 1995) // Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kampanis_v_Greece_13_07_1995.pdf. – Дата доступа: 11.09.2013.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

В статье рассмотрены проблемы осуществления процедуры судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел в Республике Беларусь. Высказаны предложения по расширению предмета судебной проверки, а также совершенствованию порядка ее осуществления в целях обеспечения надлежащей защиты прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

The problems of the judicial review of the initiation and preliminary investigation of criminal cases in the Republic of Belarus are discussed in the article. The author made the suggestions to expand the subject of judicial review, and to improve its procedure in order to ensure proper protection of the rights of citizens involved in criminal proceedings.

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В АСПЕКТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Хомич М.В.

Относительное процессуальное обособление предварительного следствия от прокурорского надзора (за прокурором все-таки сохраняется право его проведения) теоретически, да и процессуально конструкция оптимального разрешения проблемы соотношения и взаимодействия собственно надзорных полномочий прокурора и его полномочий как одного из субъектов уголовного преследования остается по-прежнему не вполне понятной и завершенной [1, с. 19–21]. Это влечет за собой правовую неустойчивость процессуальных форм и недостаточную эффективность реализации законодательно установленных полномочий субъектов, осуществляющих уголовное преследование, подрывает процессуальные гарантии правоохранительного аспекта этой деятельности по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта и процессуальной деятельности по его рассмотрению и разрешению. Прежде всего проявляется это в несоответствии процессуальных предпосылок и осно-

ваний начала (открытия) уголовного преследования уголовно-правовым основаниям уголовной ответственности [2, с. 56–62; 3, с. 58]. Собственно с указанными проблемами сегодня связана дискуссия относительно того, что возбуждать – уголовное дело или уголовное преследование [3, с. 57–59].

Уголовное преследование открывается (должно открываться) с момента поступления информации, сообщения об обнаружении фактов, свидетельствующих о совершении деяния, содержащего признаки преступления, а не с момента возбуждения уголовного дела. Начало производства по уголовному преследованию должно оформляться постановлением уполномоченного на его осуществление субъектом об открытии такового. С открытием уголовного преследования начинается и производство предварительного следствия, все следственные действия осуществляются в установленной процессуальной форме и имеют адекватную правовую и процессуальную значимость по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта и участникам процессуальной деятельности [4, с. 2–7].

Возбуждение уголовного дела и (или) отказ в возбуждении уголовного дела в национальном процессуально-правовом формате приемлемо для стадии возбуждения уголовного дела, прежде всего, по материально-правовым основаниям уголовного преследования. В сугубо уголовно-процессуальном отношении – это легитимация или отказ в легитимации публично-правовых свойств и процедур, связанных с осуществлением уголовного преследования по основаниям факта совершения или несовершения преступного деяния. Разумеется, что факт совершения преступного деяния предполагает, что оно совершено «деятельным» субъектом. Однако для возбуждения уголовного дела не требуется полная определенность в лице, совершившем данное преступное деяние, достаточно установления в произошедшем событии объективных признаков состава преступного деяния.

Цель первоначального этапа уголовного преследования (так называемой стадии возбуждения уголовного дела) состоит в установлении материальных и процессуальных предпосылок для начала и публично-правового расследования уголовно-правового конфликта. Материальными предпосылками являются объективные признаки состава преступления, предполагаемое событие, факт совершения деяния преступного характера. При наличии таких исходных условий и принимается решение о возбуждении дела для продолжения уголовного преследования, а при их отсутствии – об отказе в возбуждении дела [5, с. 102]. Других окончательных решений в первоначальной стадии процесса не предусмотрено.

Возбуждение уголовного дела как процессуальный акт (действие) всегда предусматривает вынесение надлежащим должностным лицом решения о начале (продолжении) расследования конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В соответствии с УПК в постановлении указываются пункт, часть, статью УК, по поводу которых будет осуществляться производство (уголовное преследование). Решение о возбуждении дела по признакам преступного деяния является главным, определяю-

щим; оно в первую очередь отражается в резолютивной части постановления. Таким образом, уголовное дело, прежде всего, возбуждается в отношении факта, события преступления и производно в отношении определенного лица, если таковое известно. На это в свое время однозначно указывал М.С. Страгович [6, с. 11].

В свою очередь это означает, что появление (выявление) после возбуждения уголовного дела лица, которое совершило или могло совершить это преступное деяние, не требует возбуждения уголовного дела в отношении данного лица в рамках уже возбужденного дела по факту совершения соответствующего преступного деяния [5, с. 103; 7, с. 40]. В соответствии со ст. 40 УПК, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в последующем получены сведения, дающие основание обоснованно предполагать причастность конкретного лица к совершению данного преступления, должно выноситься постановление о признании данного лица подозреваемым.

Возбуждение дела является установочным процессуальным действием и решением относительно того, что определенное событие с достаточной долей вероятности свидетельствует о факте совершения преступления и необходимости продолжения уголовного преследования в форме предварительного следствия с целью формирования и доказывания обвинения конкретного лица в совершении преступления. Разумеется, предварительное следствие должно проводиться на принципах обеспечения законности и гарантий защиты прав подозреваемого, обвиняемого, равно как и других участников уголовного процесса. Эти принципы лежат в основе уголовного преследования и на стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому теоретическая конструкция процессуального закона о том, что только после возбуждения уголовного дела могут осуществляться все предусмотренные УПК следственные действия, есть не более как процессуальное недоразумение. Представляется, что и до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о факте совершения преступления в порядке ст. 174 УПК должны и могут проводиться необходимые следственные действия. Допустимы следующие процессуальные ограничения для проведения соответствующих процессуальных (следственных) действий: во-первых, объективная невозможность проведения определенных процессуальных действий, поскольку их проведение предполагает предварительное проведение других процессуальных действий; во-вторых, необходимость предварительного санкционирования их проведения, когда такая санкция не получена. Физические лица, привлекаемые для дачи показаний в стадии возбуждения уголовного дела относительно факта совершения преступного деяния (лица, которые стали непосредственными или косвенными очевидцами преступного события), а равно привлекаемые для дачи показаний на предмет их возможной причастности к совершению данного преступного деяния должны допрашиваться в качестве свидетелей. Нет никаких оснований превращать такие показания в письменные объяснения, лишенные статуса свидетельских показаний, в рамках начатого (публично открытого) уголовного преследования по факту деяния (события) на предмет

его оценки как содержащего признаки определенного преступления. Здесь важно обеспечить следующее: во-первых, право любого лица на отказ от дачи показаний, если истребуемые показания могут быть в последующем использованы в качестве доказательства его причастности к совершенному преступлению; во-вторых, при согласии лица давать свидетельские показания оно должно быть предупреждено об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Наконец, свидетельствующее лицо должно свободно и открыто выразить свое отношение к тому, будет давать оно свидетельские показания без адвоката или при его участии, и это должно быть зафиксировано в протоколе допроса.

Таким образом, возбуждение уголовного дела – это не возбуждение уголовного преследования (оно уже начато), а лишь процессуальная констатация факта совершения определенного, предусмотренного конкретной статьей УК преступления. Наличие предполагаемого факта, события преступления впервые с той или иной степенью вероятности констатируется в постановлении о возбуждении уголовного дела. Уголовное преследование из процесса проверки и оценки гипотетической информации о событии (факте) совершения преступления актом возбуждения уголовного дела предметно оформляется в дело о совершении конкретного преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Именно в постановлении о возбуждении уголовного дела дается первоначальная, пусть еще также гипотетическая квалификация деяния, но все-таки уголовно-правовая квалификация, которая выступает в качестве функционального основания пределов и предмета формирования, уточнения и доказывания обвинения. Процессуальные формы осуществления и обеспечения уголовного преследования все более наполняются возможностью применения мер процессуального принуждения. Но возбуждение уголовного дела не может и не должно быть границей раздела допущения или недопущения определенных следственных действий до и после возбуждения уголовного дела. Именно по этой причине правоприменителями постоянно высказываются пожелания о необходимости расширения перечня следственных действий, которые могут проводиться до возбуждения уголовного дела, наконец, о ликвидации данной стадии досудебного уголовного преследования [8, с. 56–58].

Все изложенное в конечном итоге приводит к вопросу: а необходимо ли возбуждение уголовного дела? Может быть, при наличии в полученном сообщении указания на деяние, содержащее признаки преступления, должно возбуждаться не уголовное дело, а уголовное преследование? Представляется, что ставить в таком полярном отношении вопрос о судьбе акта (процессуального решения) возбуждения уголовного дела вряд ли следует, даже если признать, что возбуждение ***уголовного дела заведомо не означает обязательного и окончательного обнаружения признаков преступления***. По нашему мнению, в структуре формирования уголовно-правового обвинения в аспекте оценки в определенном событии материально-правовых оснований уголовной ответственности возбуждение уголовного дела в рамках уголовно-

го процесса (уголовного преследования) на досудебной стадии должно быть сохранено как первое и базовое оценочное процессуальное решение органа, осуществляющего уголовное преследование. Все зависит от того, какую функционально-оценочную задачу решает (должно и может решать) возбуждение уголовного дела в формировании уголовно-правового обвинения. Если возбуждение уголовного дела есть установочно-процессуальное решение, фиксирующее наличие в известном событии объективно-материальных признаков преступного деяния, предусмотренного уголовным законом, то с точки зрения процессуальной формы оно задает необходимость продолжения уголовного преследования в формате оценки данного события как соответствующего преступления. И это решение имеет очень важное значение для настоящих и будущих участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и защиты, поскольку в нем впервые фиксируется факт оценки события как совершенного преступления определенного вида. С формально-логической стороны, пишет П.А. Лупинская, это решение представляет собой умозаключение, в котором конкретные факты (обстоятельства дела) подводятся под норму права: фактическая и юридическая основы решения сопоставляются и делается определенный вывод [9, с. 35]. Только после этого уголовное преследование осуществляется в рамках производства по факту совершения определенного преступления, предусмотренного уголовным законом.

Следовательно, на первоначальном этапе уголовного преследования (в так называемой стадии возбуждения уголовного дела) решение об отказе в возбуждении уголовного дела и решение о возбуждении уголовного дела в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном отношении должны быть противоположно сопоставимы и согласованы.

Прежде всего, решение об отказе в возбуждении уголовного дела и решение о возбуждении уголовного дела должны приниматься соответственно при неустановлении или установлении в определенном событии признаков общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, т. е. при обстоятельстве, указанном в п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК. Это базовое уголовно-правовое основание уголовной ответственности: оно означает, что не может быть уголовной ответственности и, следовательно, уголовного преследования (должно приниматься решение об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовное дело не должно возбуждаться), если об этом прямо не указано в уголовном законе. Слова «прямо не указано в уголовном законе» означают, что оцениваемые обстоятельства имеют строго определенный и объективный характер, непосредственно указаны в законе и имеют однозначное выражение для оценки и принятия решения о преступности или непреступности произошедшего события. Конечно, эти обстоятельства относятся к таким объективным признакам преступного события, как преступное деяние и преступные последствия. Совершенно очевидно, что возбуждение уголовного дела, основанное даже на извинительном заблуждении в оценке указанных обстоятельств, следует рассматривать как серьезное нарушение принципа законности осуществления уголовного преследования.

Возбуждение уголовного дела и последующее его прекращение вследствие отсутствия в содеянном определенных признаков состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК), установление которых возможно в рамках следственного познания, в процессуальном отношении должен оцениваться менее строго. В числе признаков состава, определяющих конкретное деяние как преступление, есть признаки объективно установочные (фиксирующие событие-преступление) и признаки объективно-вариативного или субъективно-вариативного свойства (причинная связь, состояние невменяемости, вина, мотив, цель), для установления которых необходимо проведение «следственного познания». Поэтому отказ в возбуждении уголовного дела вследствие совершения преступного деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, вполне законен и обоснован. Однако не следует выносить такие решения при малейших сомнениях относительно вменяемости или вины лица, причастного к совершению преступного деяния. В таких случаях, по общему правилу, должно возбуждаться уголовное дело, а его последующее прекращение вследствие отсутствия состава преступления по указанному перечню признаков является нормальным развитием уголовного процесса. Поэтому категорическое требование ст. 29 УПК о том, уголовное дело не может быть возбуждено за отсутствием в деянии состава преступления, нельзя признать правильным.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела в рамках обстоятельств, указанных в ст. 29 УПК, может (должно) приниматься по уголовно-правовым или уголовно-процессуальным основаниям.

К числу уголовно-правовых оснований отказа в возбуждении уголовного дела однозначно следует отнести: отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29); отсутствие в деянии состава преступления на основе однозначного вывода об отсутствии такого признака состава преступления, который не позволяет оценивать соответствующее событие как определенное преступление, либо как преступление конкретного лица (п. 2 ч. 1 ст. 29); отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению (п. 6 ч. 1 ст. 29); вступление в силу закона, устраняющего преступность деяния (п. 10 ч. 1 ст. 29).

По уголовно-процессуальным основаниям в возбуждении уголовного дела отказывается в следующих случаях: в отношении лица имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29); в отношении лица имеется неотмененное постановление о прекращении производства по уголовному делу или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же основанию (п. 9 ч. 1 ст. 29); при отказе должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении лица (п. 12 ч. 1 ст. 29); в отношении лица уголовное преследование по просьбе органа уголовного преследования иностранного государства об оказании международной правовой по-

мощи по уголовному делу на основе принципа взаимности осуществляется на территории этого иностранного государства по тому же подозрению, обвинению (п. 13 ч. 1 ст. 29).

Вместе с тем решение (постановление) об отказе в возбуждении уголовного дела в уголовно-правовом и процессуально-правовом формате не может быть формой определения уголовно-правовых последствий преступного деяния, правовая оценка которого в качестве преступления, как и лица и его вины в совершении преступного деяния, в стадии возбуждения уголовного дела носит предварительно установочный характер. Поэтому освобождение от уголовной ответственности решением об отказе в возбуждении уголовного дела, например, вследствие истечения сроков давности или принятия акта амнистии, либо по иным основаниям, предусмотренным Особенной частью УК (пп. 3, 4 и 11 ч. 1 ст. 29), не должно иметь места в системе уголовно-процессуального регулирования [10, с. 274–275].

Список цитированных источников

1. Абдул-Кадыров, Ш.М. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам / Ш.М. Абдул-Кадыров // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 4. – С. 19–23.

2. Жалинский, А.Э. Уголовно-правовое обвинение в структуре применения уголовного закона / А.Э. Жалинский // Вопросы совершенствования правового регулирования и укрепления социалистической законности и правопорядка. – Омск, 1988. – С. 56–62.

3. Кругликов, А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? / А.П. Кругликов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 57–59.

4. Грошевой, Ю.М. Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства Украины / Ю.М. Грошевой, О.В. Каплина // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 1. – С. 2–7.

5. Муравьев, К. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица / К. Муравьев // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 106–112.

6. Стрaгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Стрaгович – М., 1970. – Т. 2 . – 463 с.

7. Быков, В.М. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица / В.М. Быков // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 39–41.

8. Кругликов, А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–58.

9. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 297 с.

10. Хомич, М.В. Процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным Особенной частью Уголовного кодекса Республики Беларусь / М.Л. Хиревич, М.В. Хомич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. док. Междунар. научно-практ. конф. (Минск, 4 апр. 2013 г.); М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; ред. кол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.). – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – С. 274–275.

Дата поступления статьи – 25.10.2013.

В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правового и процессуального назначения стадии возбуждения уголовного дела и процессуальных решений, его оформляющих в контексте реализации функции уголовного преследования.

In the article topical issues of criminal legal and procedural designation of the stage of commencement of criminal proceedings and of the procedural decisions that formalize it are examined in the context of realization of criminal prosecution function.

О ГУМАНИЗАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Штанько А.А.

Гуманизация – одна из основных тенденций развития всей системы процессуального права [1, с. 140–141], которая достаточно четко проявилась при разработке и принятии Уголовного процессуального кодекса Украины (УПК Украины) от 13 апреля 2012 года. Как правильно отмечает В.Я. Таций: «…правовая система должна состоять из таких законов, которые обязаны быть демократичными, гуманными, справедливыми, направленными на обеспечение прав человека, интересов не определенных слоев населения, а всего народа» [2, с. 5].

В отечественном уголовном процессуальном законодательстве, как и во всей украинской правовой системе, гуманизация является главным направлением реформирования уголовной юстиции. Заключается она в повышении уровня правовой защищенности лица при досудебном расследовании и судебном рассмотрении уголовных правонарушений. Гуманизированный уголовный процесс выступает формой гармонизации отношений между человеком и государством, в нем должны оптимально учитываться и обеспечиваться интересы и права лица [3]. И.Л. Беспалько по этому поводу также указывает, что современный взгляд на принцип гуманизма уголовного процессуального права заключается в таких его положениях, как обеспечение и охрана прав каждого, кто принимает участие в уголовном производстве; гуманизация уголовной процессуальной деятельности, а именно: доступность правосудия; сокращение случаев применения мер процессуального принуждения, которые должны назначаться при условии, если обеспечить достижение задач уголовного правосудия другими мерами не представляется возможным [4, с. 147].

Неслучайным является то, что защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечение быстрого, полного и непредвзятого расследования и судебного рассмотрения, с тем чтобы каждый, кто совершил уголовное правонарушение, был привлечен к уголовной ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или

осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению, и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура, – в УПК Украины определены задачами уголовного производства (ст. 2) [5, с. 3].

Кроме того, в основу правил так называемой *элементарной процессуальной справедливости* [6, с. 147], вне всяких сомнений, положена идея гуманизма, воплощенная в общих принципах уголовного производства, а именно: верховенства права, законности, уважения к человеческому достоинству, обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, равенства перед законом и судом, состязательности сторон и свободы в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности и другие (ст. 7 УПК Украины) [5, с. 6].

Гуманизация уголовного процесса нашла свое выражение и в системе мер обеспечения уголовного производства, в частности, с введением в эту систему такой меры пресечения, как домашний арест. Исследуя цели домашнего ареста, Ю.Г. Овчинников приходит к выводу, что принадлежность к системе мер уголовного процессуального принуждения ставит домашний арест в прямую зависимость от общих целей данного института. Однако с учетом многообразия мер пресечения ученый обращает внимание на то, что домашний арест преследует специфическую цель, которая заключается в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого с оставлением их в условиях «мягкой» изоляции, т. е. с сохранением права проживать в собственном жилище, с применением установленных запретов [7, с. 17]. О.П. Кучинская, анализируя указанную меру пресечения, отмечает, что правильным было бы применять при наличии предусмотренных законом оснований домашний арест по отношению к несовершеннолетним лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений, ведь их нахождение в изоляторе временного содержания или в следственном изоляторе не только не оказывает воспитательного воздействия, а наоборот – вредит детской психике. Такую меру пресечения, как подчеркивает она далее, можно было бы применять и к целой группе лиц с особыми потребностями, нахождение которых под стражей является нежелательным. В частности, это лица, страдающие определенными болезнями, которые не подлежат лечению, имеющие на иждивении несовершеннолетних детей, а также лица пожилого возраста [8, с. 10].

Следует отметить, что домашний арест как мера пресечения применяется в Венгрии, Королевстве Швеция, Латвийской Республике, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Российской Федерации, Федеративной Республике Германия, Эстонской Республике и в других странах Содружества Независимых Государств и Европейского Союза. Распространенность домашнего ареста в уголовном процессуальном законодательстве многих стран свидетельствует о правильности введения этой альтернативной содержанию под стражей меры пресечения в УПК Украины.

Теоретические аспекты домашнего ареста исследовали К.Т. Балтабаев, М.Й. Вильгушинский, А.Е. Григорьева, Д.А. Долгушин, Д.И. Есипов, В.В. Кли-

мов, С.В. Колоскова, О.П. Кучинская, Ю.А. Лихолетова, В.Ю. Мельников, М.А. Миловидова, Р.М. Муртазин, Ю.Г. Овчинников, О.В. Ростовщикова, Г.С. Русман, Е.В. Салтыков, В.А. Светочев, Т.Г. Фомина, М.С. Цуцкиридзе, Р.З. Шимсутдинова, С.М. Юткина и другие отечественные и зарубежные ученые. Однако, несмотря на то, что данному предмету исследования уделено немало внимания, некоторые вопросы, в частности, касающиеся понимания и применения домашнего ареста, остаются актуальными и требуют дополнительного изучения.

Целью этой статьи является анализ понятия «домашний арест», раскрытие сущности, а также выявление некоторых особенностей применения этой меры пресечения в уголовном процессе Украины.

Определяя место домашнего ареста среди предусмотренных в ст. 176 УПК Украины мер пресечения, следует отметить, что в науке уголовного процесса эта мера пресечения относится к мерам физическо-принудительного воздействия, ограничивающим личную свободу подозреваемого, обвиняемого [9, с. 299]. Поскольку домашний арест согласно ч. 1 ст. 181 УПК Украины заключается в запрете подозреваемому, обвиняемому оставлять жилье круглосуточно или в определенный период суток [5, с. 70], можно считать, что этой мерой пресечения ограничивается именно свобода передвижения, предусмотренная в ст. 33 Конституции Украины.

Целесообразно обратить внимание на то, что указанная статья Основного Закона Украины предусматривает как право нахождения в одном месте, так и его смену, включая свободу выезда за границу, переезда на постоянное или временное место проживания в другую страну и беспрепятственное возвращение на родину [10, с. 114]. Гарантируемая Конституцией Украины свобода передвижения регламентируется также Законом Украины от 11 декабря 2003 года № 1382-IV «О свободе передвижения и свободном выборе места проживания в Украине», в ст. 2 которого отмечено: гражданам Украины, а также иностранцам и лицам без гражданства, которые на законных основаниях находятся в Украине, гарантируется свобода передвижения и свободный выбор места проживания на ее территории, за исключением ограничений, установленных законом [11]. Ограничение свободы передвижения в связи с избранием лицу меры пресечения в виде домашнего ареста предусмотрено в абзаце 1 ч. 2 упомянутого выше Закона, в котором указано, что свобода передвижения ограничивается в отношении лиц, к которым согласно процессуальному законодательству применены меры пресечения, связанные с ограничением или лишением свободы [11].

Как было указано выше, «…домашний арест заключается в запрете подозреваемому, обвиняемому оставлять жилье», но при этом законодатель не определяет принадлежность такого жилья (места выполнения этой меры пресечения). В ч. 2 ст. 233 УПК Украины раскрыто общее понятие «жилье», под которым понимается какое-либо помещение, которое находится в постоянном или временном пользовании лица, независимо от его предназначения и правового статуса, и приспособлено для постоянного или временного прожива-

ния в нем физических лиц, а также все составляющие части такого помещения. Не являются жильем помещения, специально предназначенные для содержания лиц, права которых ограничены согласно закону [5, с. 96].

Комментируя ст. 181 УПК Украины, В.О. Попелюшко отмечает, что под жильем в значении этой статьи Кодекса необходимо понимать: а) дом частной формы собственности со всеми помещениями, в которых постоянно или временно проживает подозреваемый, включая помещения, не предназначенные для проживания, но которые являются составляющими дома; б) какое-либо жилое помещение, независимо от формы собственности, которое относится к жилому фонду и используется подозреваемым, обвиняемым для постоянного или временного проживания (дом, квартира в доме какой-либо формы собственности, отдельная комната в квартире с необходимыми для проживания помещениями и т. п.); в) какое-либо другое помещение или застройка, в которых постоянно или временно проживает подозреваемый, обвиняемый, не принадлежащие к жилому фонду, но приспособленные для постоянного или временного проживания [12, с. 410].

Следует также обратить внимание на то, что употребленное законодателем в ч. 5 ст. 181 УПК Украины словосочетание «жилье этого лица» предусматривает случаи, когда подозреваемый, обвиняемый: является владельцем (совладельцем) такого жилья; зарегистрирован в таком жилье; постоянно или временно проживает в таком жилье без регистрации и т. п. При этом важно выяснить мнение владельца жилья (если он известен) и оценить все обстоятельства в совокупности, в том числе: прочность социальных связей подозреваемого, обвиняемого в месте его постоянного проживания; наличие у него семьи и иждивенцев (место их фактического проживания); достаточность применения такой меры пресечения для предотвращения рисков, определенных в ст. 177 УПК Украины, в частности: скрываться от органов досудебного расследования и/или суда; совершить другое уголовное правонарушение или продолжить уголовное правонарушение, в котором подозреваемый, обвиняемый подозревается, обвиняется и т. п. [9, с. 315–316; 5, с. 69].

Режим изоляции подозреваемого, обвиняемого в пределах жилья означает, что лицу запрещено покидать жилье либо круглосуточно, либо на определенный период суток (например, с 20 до 8 часов). Выбор режима ограничения определяется с учетом рисков, указанных в ст. 177 УПК Украины, и обстоятельств, перечисленных в ст. 178 УПК Украины.

Согласно требованиям ч. 2 ст. 181 УПК Украины, домашний арест может быть применен исключительно к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, за что законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы [5, с. 71].

О.Ю. Татаров указывает, что особенностью этой меры пресечения является и то, что домашний арест может быть избран только во время производства досудебного следствия при расследовании преступлений. Ученый отмечает, что эти ограничения следуют непосредственно из содержания ст. 299 УПК Украины, где сказано о запрете его применения во время производства

дознания при расследовании уголовных проступков [13, с. 463]. Кроме того, к особенностям применения этой меры пресечения необходимо отнести также предусмотренный в чч. 1, 2 ст. 482 УПК Украины порядок избрания домашнего ареста в отношении судьи и народного депутата Украины, а именно необходимость получения согласия Верховного Совета Украины [5, с. 183].

Процессуальный порядок применения домашнего ареста урегулирован в ч. 3 ст. 181 УПК Украины, в которой указано, что решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста передается для исполнения органу внутренних дел по месту проживания подозреваемого, обвиняемого [5, с. 71]. Однако в отличие, например, от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, УПК Украины не содержит указаний о содержании такого решения, кроме, разве что, чч. 3, 4 ст. 196 УПК Украины, в которых отмечено, что в таком решении указывается точный адрес жилья, которое подозреваемому, обвиняемому запрещается покидать, а также дата окончания действия этой меры пресечения в пределах срока, предусмотренного УПК Украины [5, с. 80]. Согласно ч. 6 ст. 181 УПК Украины срок действия решения следственного судьи о содержании лица под домашним арестом не может превышать двух месяцев. В случае необходимости срок содержания под домашним арестом может быть продлен по ходатайству прокурора в пределах срока досудебного расследования в порядке, предусмотренном ст. 199 этого Кодекса. Совокупный срок содержания под домашним арестом не может превышать шести месяцев. По окончании этого срока действие решения о применении меры пресечения в виде домашнего ареста прекращается, и мера пресечения считается аннулированной [5, с. 71]. К сожалению, как отмечают М.Й. Вильгушинский и Ю.А. Лихолетова, законодателем четко не описана процедура автоматического аннулирования такой меры пресечения, что может повлечь возникновение проблем на практике [14, с. 11].

В ч. 5 ст. 194 УПК Украины предусмотрено, что следственный судья, суд, применяя меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей, могут обязать подозреваемого, обвиняемого прибывать по каждому требованию в суд или в другой определенный орган государственной власти, а также выполнять одну или несколько обязанностей, необходимость возложения которых была доказана прокурором [5, с. 78]. В связи с этим А.Е. Григорьева указывает на целесообразность включения в порядок процессуального оформления домашнего ареста получение у лица подписки о соблюдении ограничений и запретов, возлагаемых на него в силу специфики этой меры пресечения, в которой должны быть предусмотрены следующие положения: разъяснение содержания ограничений и запретов, перечень обязанностей обвиняемого, предупреждение об ответственности в случае их нарушения, а также конкретизироваться уровни строгости отбывания домашнего ареста [15]. Согласно ч. 5 ст. 194 УПК Украины на подозреваемого, обвиняемого при применении домашнего ареста могут быть возложены одна или несколько обязанностей, в частности: не отлучаться из населенного пункта, в котором он зарегистрирован, проживает или находится, без разрешения следователя,

прокурора или суда; сообщать следователю, прокурору или суду об изменении своего места проживания и/или места работы; воздерживаться от общения с каким-нибудь лицом, определенным следственным судьей, судом или общаться с ним с соблюдением условий, определенных следственным судьей, судом; не посещать места, определенные следственным судьей или судом; пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости; приложить усилия к поиску работы или учебы; сдать на сбережение в соответствующие органы государственной власти свой паспорт (паспорта) для выезда за границу, другие документы, дающие право на выезд из Украины и въезд в Украину; носить электронное средство контроля [5, с. 78–79].

Актуальным является вопрос об обеспечении контроля над исполнением домашнего ареста. Так, в ч. 5 ст. 181 УПК Украины указанно, что работники органов внутренних дел с целью контроля над поведением подозреваемого, обвиняемого, который находится под домашним арестом, имеют право являться в жилье этого лица, требовать устных или письменных пояснений по вопросам, связанным с исполнением возложенных на него обязанностей, использовать электронные средства контроля [5, с. 71]. В соответствии с ч. 1 ст. 195 УПК Украины, применение таких средств контроля означает закрепление на теле подозреваемого, обвиняемого устройства, дающего возможность отслеживать и фиксировать его местонахождение. Электронное устройство должно быть защищено от самостоятельного снимания, повреждения или другого вмешательства в его работу с целью уклонения от контроля, и сигнализировать о попытке совершить упомянутые действия [5, с. 79].

Следует отдельно обратить внимание на порядок обжалования во время досудебного расследования домашнего ареста. Согласно пп. 4, 5 ч. 1 ст. 309 УПК Украины решения следственного судьи о применении меры пресечения в виде домашнего ареста или отказе в его применении, а также о продлении срока домашнего ареста или отказе в его продлении могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Апелляционная жалоба на решение следственного судьи, как указано в ч. 2 ст. 395, подается в течение 5 дней со дня его оглашения [5, с. 125–126] и должна соответствовать требованиям, изложенным в ст. 396 УПК Украины. Важно учесть, что решение следственного судьи после его пересмотра в апелляционном порядке и решение суда апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы на такое решение обжалованию в кассационном порядке не подлежат (ч. 4 ст. 424 УПК Украины) [5, с. 163].

Таким образом, несмотря на то, что домашний арест является новшеством в уголовном процессуальном законодательстве и практике правоохранительных и судебных органов в Украине, а также учитывая определенные особенности реализации этой меры пресечения, считаем, что как одна из мер обеспечения уголовного производства она должна стать действенной альтернативой такой меры пресечения, как содержание под стражей.

Список цитированных источников

1. Лукьянова, Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. – М.: Норма, 2003. – 240 с.

2. Тацій, В.Я. Значення юридичної науки у формуванні правової системи України / В.Я. Тацій // Вісник Академії правових наук України. – 2001. – № 3 (26). – С. 3–23.

3. Прокофьева, С.М. Гуманизация уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С.М. Прокофьева. – М.: РГБ, 2002. – 485 с.

4. Беспалько, І.Л. Принцип гуманізму в кримінальному процесі України / І.Л. Беспалько // Проблеми законності: академ. зб. наук. праць – Нац. юрид. акад. України, 2011. – Вип. 113. – С. 140–149.

5. Кримінальний процесуальний кодекс України: станом Харьків на 5 берез. 2013 р. – Київ: Центр учбової літератури, 2013. – 292 с.

6. Погребняк, С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика): моногр. / С.П. Погребняк – Харьків: Право. – 240 с.

7. Овчинников, Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : науч.-метод. пособ. / Ю.Г. Овчинников. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 192 с.

8. Кучинська О.П. Домашній арешт як запобіжний захід в кримінальному-процесуальному законодавстві / О.П. Кучинська // Адвокат. – 2010. – № 7 (118). – С. 17–19.

9. Кримінальний процес : підручник / Ю.М. Грошевий, В.Я. Тацій, А.Р. Туманянц та ін. ; за заг. ред. В.Я. Тація, Ю.М. Грошевого, О.В. Капліної, О.Г. Шило. – Харьків: Право, 2013. – 824 с.

10. Теліпко В.Е. Науково-практичний коментар Конституції України: станом на 1 груд. 2010 р. / Теліпко В.Е.; за ред. В.Л. Мусіяки. – Київ: Центр учбової літератури, 2011. – 544 с.

11. Про свободу пересування та вільний вибір місця проживання в Україні [Електронний ресурс]: Закон України від 11 грудня 2003 р. № 1382-IV / Верховна Рада України. – Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1382-15/print1362040799832600.

12. Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. комент. / за заг. ред. професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. – Київ: Юстініан, 2012. – 1224 с.

13. Кримінальний процесуальний кодекс України: наук.-практ. коментар. Т. 2 / [Є.М. Блажівський, Ю.М. Грошевий, Ю.М. Дьомін та ін.]; за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А.В. Портнова. – Харьків: Право, 2012. – 664 с.

14. Вільгушинський М.Й. До питання застосування домашнього арешту як запобіжного заходу відповідно до Кримінального процесуального кодексу України / М.Й. Вільгушинський, Ю.А. Ліхолєтова // Адвокат. – 2012. – № 11 (146). – С. 9–13.

15. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователем органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: дисс… канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Григорьева. – Красноярск, 2009. – 194 с.

Дата поступления статьи – 12.09.2013.

Научная статья посвящена исследованию такой меры пресечения, как домашний арест. В работе проанализированы цели, а также определено место домашнего ареста в предусмотренной Уголовным процессуальным кодексом Украины (УПК Украины) системе мер пресечения. Установлено, что домашний арест относится к мерам физическо-принудительного воздействия, которые ограничивают личную свободу подозреваемого, обвиняемого.

Особое внимание уделено анализу понятия «домашний арест» и регламентации этой меры пресечения в уголовном процессуальном законодательстве Украины. Раскрыто

содержание понятия «жилье» в значении ст. 181 УПК Украины и смысл употребленного законодателем в указанной статье словосочетания «жилье этого лица».

Рассмотрен процессуальный порядок и особенности применения домашнего ареста, а также порядок обжалования этой меры пресечения во время досудебного расследования.

The scientific article is dedicated to the research of such measure of restrain as house arrest. In the work there were analyzed purposes as well as determined the place of house arrest in the system of restrains stipulated by the Criminal Procedure Code of Ukraine (CPC of Ukraine). It was resolved that house arrest relates to measures of physical coercion imprisoning the suspect, accused.

Special attention was given to the analysis of the concept “house arrest” and this measure of restrain regulations under the Criminal Procedure Legislation of Ukraine. There was interpreted the definition of the notion “home” in compliance with the art. 181 of the CPC of Ukraine and the concept of the phrase “the person’s home” used by the legislator in the above mentioned article.

There was studied procedural order and particularities of house arrest enforcement, as well as the order of this measure appeal during pretrial investigation.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ВЕДЕНИЕМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Белокопытов В.В., Позняк В.С.

Государственная политика Республики Беларусь строится с учетом признания детства важным этапом жизни человека и основывается на принципе, закрепленным международными и внутренними нормативно-правовыми актами, согласно которому во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка [1].

Создание благоприятных условий для безопасной жизнедеятельности детей, оздоровление социальной среды, позволяющей реализовывать разнообразные потребности детей без угрозы для их благополучия, является важнейшей задачей государства. Большое значение при этом имеет профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, проводимая в Республике Беларусь всеми заинтересованными органами на системной основе.

Одной из форм работы в данном направлении является выявление и предупреждение административных правонарушений.

Как результат этой работы в последние годы значительно улучшились показатели преступности и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, и социального сиротства.

Так, количество преступлений, совершенных подростками, снизилось почти в три раза: с 9 096 в 2005 году до 3 220 в 2012 году. Количество административных правонарушений несовершеннолетних снизилось с 29 029 в 2008 году до 23 328 в 2012 году. Значительная положительная динамика наблюдается и по итогам первого полугодия 2013 года.

В структуре преступности несовершеннолетних преобладают кражи. Однако подростками все чаще совершаются преступления, ранее нехарактерные для молодежной среды, в числе которых – незаконные действия в отношении оружия, наркотиков, преступления в сфере высоких технологий.

Несмотря на снижение абсолютных показателей преступности несовершеннолетних, все более острыми становятся проблемы, связанные с алкоголизацией и наркотизацией молодежной среды. При этом наблюдается устойчивая тенденция к омоложению потребителей спиртного и наркотиков.

Помимо деятельности, проводимой соответствующими государственными органами, важная роль в профилактике и преодолении данных проблем отводится родителям и их законным представителям, осуществляющим воспитание детей.

Под «воспитанием» следует понимать целенаправленное формирование личности в целях подготовки ее к участию в общественной и культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями [2].

В словаре В. Даля слово «воспитывать» означает заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его, научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно [3].

Большое значение для надлежащего воспитания детей имеют условия их жизни, личностные особенности родителей, уклад жизни и традиции семьи, межличностные взаимоотношения в семье (психологический климат), готовность всех членов семьи удовлетворить жизненные потребности детей.

По мнению специалистов, главной причиной криминального поведения несовершеннолетних является наличие негативных факторов в семейной сфере. Сотрудники милиции, педагоги, работники социальных служб постоянно выявляют тысячи подростков, находящихся в неблагоприятных для проживания и воспитания условиях [4].

Поэтому законодатель уделяет большое внимание вопросам ответственности родителей за воспитание детей, что находит нормативное закрепление в целом ряде нормативных правовых актов.

Так, ст. 32 Конституции Республики Беларусь предусматривает, что родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их развитии и обучении.

За родителями в соответствии со ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) признаются преимущественное право и обязанность определять формы, средства и методы воспитания детей, а ч. 1 указанной статьи закрепляет обязанность содействовать реализации прав и законных интересов детей.

Ст. 67 КоБС определяет критерии ненадлежащего воспитания и содержания детей. Так, воспитание и содержание ребенка признаются ненадлежащими, если не обеспечиваются права и законные интересы ребенка, в том числе если ребенок находится в социально опасном положении.

Под социально опасным положением понимается обстановка, при которой:

– не удовлетворяются основные жизненные потребности ребенка (не обеспечиваются безопасность, надзор или уход за ребенком, потребности ребенка в пище, жилье, одежде, получение ребенком необходимой медицинской помощи, не создаются санитарно-гигиенические условия для жизни ребенка и т. д.);

– ребенок вследствие отсутствия надзора за его поведением и образом жизни совершает деяния, содержащие признаки административного правонарушения либо преступления;

– лица, принимающие участие в воспитании и содержании ребенка, ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, злоупотребляют своими правами и (или) жестоко обращаются с ним либо иным об-

разом ненадлежаще выполняют обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи с чем имеет место опасность для его жизни или здоровья.

П. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» закреплено, что дети подлежат государственной защите и помещению на государственное обеспечение в случае, если установлено, что родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на детей, являются хроническими алкоголиками или наркоманами, либо иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию детей, в связи с чем они находятся в социально опасном положении.

Ответственность за невыполнение обязанностей по воспитанию детей предусмотрена ст. 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), согласно которой невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей, повлекшее совершение несовершеннолетним в возрасте до шестнадцати лет деяния, содержащего признаки административного правонарушения, либо преступления, административная или уголовная ответственность за которые наступает после достижения этого возраста, влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до десяти базовых величин; то же деяние, совершенное повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, влечет наложение штрафа в размере от десяти до двадцати базовых величин.

Правом составления протоколов об административном правонарушении по ст. 9.4 КоАП наделены органы внутренних дел. Дела по данной статье КоАП рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних райгорисполкомов и районных администраций (далее – КДН).

Вопросы законности и обоснованности применения мер ответственности к несовершеннолетним, их родителям или лицам, их заменяющим, находятся на контроле органов прокуратуры [5].

Анализ практики прокурорского надзора за исполнением законодательства, регулирующего порядок ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних и их законных представителей, показывает, что в деятельности органов, ведущих административный процесс, имеются многочисленные недостатки и упущения, а также допускаются нарушения требований законодательства об административной ответственности. В данной сфере правоотношений не всегда обеспечиваются права и интересы граждан.

Несмотря на то, что за последние пять лет количество правонарушений несовершеннолетних снизилось на 19,6 %, прокурорами ежегодно опротестовывается около 200 постановлений по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних и их законных представителей [6].

Наиболее существенные и системные нарушения требований законодательства, прав и законных интересов граждан выявляются при рассмотрении

КДН дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.4 КоАП, в отношении родителей несовершеннолетних правонарушителей.

Повсеместно при привлечении их к административной ответственности по ст. 9.4 КоАП не выясняются условия жизни и воспитания детей, а также не устанавливается причинно-следственная связь между невыполнением обязанностей по воспитанию детей и совершением ими деяний, содержащих признаки административного или уголовного правонарушения. В результате родители несовершеннолетних привлекаются к административной ответственности по формальным основаниям, исключительно в связи с тем, что их дети, не достигшие возраста привлечения к административной или уголовной ответственности, совершили правонарушения.

При рассмотрении КДН дел об административных правонарушениях допускается привлечение к административной ответственности детей, не достигших возраста, с которого она наступает.

Во многих регионах имеют место случаи привлечения несовершеннолетних и их законных представителей к административной ответственности после истечения срока наложения административного взыскания, предусмотренного ст. 7.6 КоАП.

Нередко не устанавливается наличие вреда, причиненного противоправными действиями, и не выясняются обстоятельства, отягчающие ответственность.

В некоторых случаях не учитываются особенности правового статуса специального субъекта административного правонарушения или неверно указываются сведения о лице, совершившем правонарушение. Впоследствии такие ошибки и неточности приводят к возникновению проблем при рассмотрении вопросов о привлечении этих же правонарушителей к уголовной ответственности за совершение отдельных видов преступлений.

Не соблюдаются предусмотренные ст. 11.3 ПИКоАП порядок и сроки возврата дел об административных правонарушениях органу, ведущему административный процесс.

Не везде обеспечивается установленный ст. 7.4 КоАП порядок наложения административного взыскания при совершении нескольких административных правонарушений.

Вопреки требованиям ч. 2 ст. 4.6 КоАП на несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, не имеющих собственного заработка и иных доходов, налагались административные взыскания в виде штрафа.

Кроме того, органами внутренних дел при подготовке дел об административных правонарушениях несовершеннолетних к рассмотрению нарушаются срок их подготовки, требования к содержанию протокола об административном правонарушении, порядок и особенности опроса несовершеннолетних. Имеют место факты волокиты и ненадлежащей работы по выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию. В отдельных случаях участникам административного процесса не разъясняются их права и обязанности [7].

Допускаются случаи привлечения сотрудниками ГАИ МВД подростков к административной ответственности за совершение ими правонарушений, связанных с безопасностью движения и эксплуатации транспорта, без составления протокола об административном правонарушении на основании ст.10.3 ПИКоАП, что нарушает права несовершеннолетнего как особого субъекта административного права, требующего равного участия в процессе и его законного представителя [8].

Имеются также нарушения требований, предъявляемых к процедуре административного задержания несовершеннолетних, в том числе обеспечивающих соблюдение сроков такого задержания и порядка уведомления об этом законных представителей подростков, что предусмотрено ст.ст. 8.2, 8.4 ПИКоАП.

КДН облисполкомов и Мингорисполкома проблемам правоприменительной практики ведения административного процесса уделяется недостаточно внимания. На постоянной основе не анализируется обоснованность и законность решений по делам об административных правонарушениях, принимаемых нижестоящими КДН. Ненадлежащим образом налажены их организационно-методическое обеспечение и система обучения должностных лиц, реализующих соответствующие полномочия в административном процессе.

Остается актуальной проблема привлечения к административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за ненадлежащее их воспитание, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос о совершенствовании административного законодательства. Для этого необходимо проанализировать практику привлечения родителей к административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей.

Так, согласно складывающейся практике, КДН при отсутствии доказательств, свидетельствующих о невыполнении родительских обязанностей, принимаются решения о прекращении дела об административном правонарушении за недоказанностью виновности физического лица, в отношении которого ведется административный процесс [9].

Во многом такая ситуация сложилась из-за недостаточности диспозиции ст. 9.4 КоАП.

Анализ действующего законодательства в этой сфере свидетельствует о том, что ответственность родителей и лиц, их заменяющих, за ненадлежащее воспитание детей реализована не в полной мере.

Не предусмотрена административная ответственность родителей и лиц, их заменяющих, и в тех случаях, когда их действия (бездействие) влекут нахождение детей в социально опасном положении по основаниям, установленным абз. 2 и 4 ч. 3 ст. 67 КоБС, в то время как по основаниям абз. 3 ч. 3 этой же статьи установлена административная ответственность по ч. 1 ст. 9.4 КоАП.

В целях устранения и профилактики указанных выше нарушений предлагается:

– решить вопрос о целесообразности внесения изменений и дополнений в ст. 9.4 КоАП;

– рассмотреть вопрос о формировании единой системы учета работы КДН по ведению административного процесса;

– разработать комплекс мер, направленных на повышение аналитического и организационно-методического обеспечения деятельности по ведению административного процесса.

В целях обеспечения надлежащего прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере необходимо уделять постоянное внимание организации работы на этом направлении надзорной деятельности.

Не реже одного раза в год анализировать состояние работы соответствующих государственных органов и должностных лиц по ведению административного процесса в отношении лиц названной категории. Средствами прокурорского надзора эффективно влиять на повышение уровня и качества такой деятельности.

С целью выявления случаев незаконного привлечения несовершеннолетних к административной ответственности неуполномоченными органами и должностными лицами, прокурорам регионов необходимо ежеквартально изучать сведения единого государственного банка данных о правонарушениях в части органов, привлекавших несовершеннолетних к административной ответственности.

Нуждается в активизации работа прокурора по составлению протоколов об административных правонарушениях по ст. 9.1 КоАП в отношении лиц, причинивших легкие телесные повреждения несовершеннолетним, с использованием полномочий, предусмотренных ст. 9.4 ПИКоАП.

Совершение в отношении несовершеннолетних правонарушений, предусмотренных ст. 9.1 КоАП, представляет угрозу для здоровья детей, создает почву для уголовно наказуемых деяний, следовательно, затрагивает существенные интересы государства и общества.

Согласно ст. 9.4 ПИКоАП в случае совершения правонарушений, предусмотренных ст. 9.1 КоАП, прокурору предоставлено право начать административный процесс при отсутствии заявления законного представителя о привлечении лица к административной ответственности.

В целях реализации прокурором своих полномочий, предусмотренных ст.9.4 ПИКоАП, прокурорам регионов необходимо регулярно направлять требования начальникам ОВД о предоставлении в прокуратуры материалов по фактам причинения несовершеннолетним легких телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья.

По результатам рассмотрения материалов, поступающих из ОВД, и проведения проверок прокурорами на основании ст.ст. 3.30, 9.4, 10.2, 10.26 ПИКоАП прокурорам следует составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 9.1 КоАП в отношении лиц, причинивших легкие телесные повреждения несовершеннолетним, при отсутствии заявлений законных представителей о привлечении лица к административной ответственности.

Прокурорские работники, принимая участие в заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних, должны занимать активную позицию при выне-

сении решений о наложении административного взыскания. На постоянной основе при осуществлении надзора за законностью принятых ОВД решений изучать материалы об отказе в возбуждении уголовного дела, а также дела о прекращении административного процесса.

Органы прокуратуры, координируя деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью, большое внимание должны уделять профилактике преступности (прежде всего среди несовершеннолетних), анализу причин, условий совершения подростками правонарушений, принятию мер по их устранению; улучшать межведомственное взаимодействие органов, осуществляющих выявление (раскрытие) правонарушений, недопущению в их деятельности формализма и волокиты.

Реализация на практике указанных выше предложений будет способствовать совершенствованию законодательства, повышению эффективности прокурорского надзора за ведением административного процесса в отношении несовершеннолетних, соблюдению законности и правопорядка.

Список цитированных источников

1. Ч. 1 ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций «О правах ребенка» (Заключена в г. Нью-Йорке 20.11.1989) / Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

2. Василевич, Д.Г. Ответственность родителей за невыполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 9.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) / Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1989.

4. Борбат, А.В. Образ жизни семьи и преступность несовершеннолетних / А.В. Борбат // Российский следователь. – 2007. – № 17. – С. 21–25.

5. Курадовец, С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства при ведении административного процесса / С. Курадовец // Юстыцыя Беларусі. – 2009.-№ 6. – С. 48–50.

6. Колесникова, Л. Обжалование и опротестование постановлений по делам об административных правонарушениях /Л. Колесникова // Обзор судебной практики. – 2009. № 1. – С. 135–144.

7. Крамник, А. Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению / А. Крамник // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 1. – С. 18–23.

8. Александров, Д. Защита в административном процессе / Д. Александров // Обзор судебной практики. – 2009. – № 1. – С. 106–116.

9. Калиновский, С. Нарушение порядка получения доказательств как основание для прекращения административного процесса / С. Калиновский // Обзор судебной практики. – 2009. – № 1. – С. 132–134.

Дата поступления статьи – 03.09.2013.

В настоящей статье приводятся результаты исследования допускаемых органами, ведущими административный процесс, нарушений административного и административно-процессуального законодательства при ведении административного процесса в отношении несовершеннолетних и их законных представителей.

В целях обеспечения прав и интересов граждан, а также повышения эффективности прокурорского надзора за ведением административного процесса в отношении несовершеннолетних авторами предлагаются некоторые мероприятия, способствующие преодолению проблем в данной сфере правоотношений и совершенствованию надзорной деятельности органов прокуратуры.

In the article research results are given of research of violations of administrative and administratively-judicial legislation at the conduct of administrative process in regard to minor and their legal representatives of the are given by organs leading the administrative process.

With a view of ensuring rights and interests of citizens, and to increase the efficiency of directorate of public prosecutions supervision of the conduct of administrative process in respect to minors, the authors offer some events that assist in overcoming problems in this sphere of legal relationships and perfection of supervisory activity of public prosecutor's office.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Бурак Р.В., Солтанович А.В.

С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь действует Следственный комитет (далее – СК), объединивший следственные аппараты прокуратуры, органов внутренних дел, Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Однако он пока не единственный орган предварительного следствия, так как продолжает функционировать следственный аппарат КГБ. Таким образом, в республике произошла серьезная реформа следствия, но все-таки нельзя сказать, что в полной мере реализованы положения Концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь 1992 г., которая предусматривала создание единого СК, т. е. единственного органа, который должен был бы осуществлять предварительное следствие.

В качестве главного аргумента образования СК указывалось на то, что ведомственная подчиненность следователей не способствовала формированию единой практики и одинаковых подходов к организации предварительного следствия, приводила к межведомственной конкуренции, снижала качество и эффективность расследования уголовных дел [1, с. 21–23].

Параллельно с вопросами организации СК прорабатывались вопросы внесения изменений в действующее законодательство и, прежде всего, в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). Такие изменения были внесены Законом Республики Беларусь от 13.12.2011 № 325-З [2]. 13 июля 2012 г. был принят Закон Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» [3].

Внесенные в УПК изменения коснулись, прежде всего, корректировки полномочий прокурора, начальника следственного подразделения и следователя, хотя в немалой степени затронули органы дознания.

Что касается изменения объема полномочий прокурора, то, не вдаваясь в дискуссию о поли- или монофункциональности его деятельности в уголов-

ном процессе (лично склоняясь более к той точке зрения, что и надзор, и поддержание гособвинения в суде являются формами реализации прокурором функции уголовного преследования [4, с. 51]), нельзя не указать на то, что в Республике Беларусь, в отличие от большинства постсоветских государств, в целом нашли некую «золотую середину» при перераспределении полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения. Естественно, при этом был учтен во многом российский опыт (как представляется, отрицательный – не использован), где реформа следствия произошла в 2007 г. Что здесь имеется в виду?

С одной стороны, в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, не «перегнули палку» [5, с. 43], лишив прокурора некоторых полномочий, без которых осуществление действенного надзора представляется проблематичным. С другой, мы не остались в советском прошлом с мелочной опекой прокурором следователя, а также не последовали примеру Грузии, где прокуратура сейчас является единственным органом уголовного преследования, а в УПК официально закреплен принцип дискреционности.

Итак, какова ситуация с полномочиями прокурора в настоящее время по направлениям деятельности?

Уголовное преследование

В Республике Беларусь за прокурором сохранено право в ходе досудебного производства по материалам и уголовному делу возбуждать уголовное дело, принимать его к своему производству и расследовать в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручать его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; отказывать в возбуждении уголовного дела. Прокурор имеет право лично производить отдельные следственные и другие процессуальные действия при санкционировании применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, а также предварительное следствие в полном объеме в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Ранее прокурор мог участвовать в производстве дознания и предварительного следствия, а также лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия или предварительное расследование в полном объеме по любому уголовному делу. Прокурор может поручать по возбужденному и принятому к своему производству уголовному делу предварительное следствие группе прокуроров, а по согласованию с начальниками соответствующих следственных подразделений – группе следователей, возглавлять эту следственную группу. До внесения изменений в УПК прокурор имел право поручать предварительное расследование уголовного дела группе следователей (без согласования с кем бы то ни было), формировать ее состав и возглавлять группу следователей. В Российской Федерации прокуроры лишены указанных полномочий.

В настоящее время прокурор имеет право применять, изменять или отменять меры пресечения по уголовным делам, находящимся в производстве у нижестоящего прокурора, продлевать срок содержания под стражей, домашнего ареста (по всем делам). Ранее такие полномочия прокурор имел по всем без исключения делам вне зависимости от подследственности. Как известно, в России прокурор может только давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Процессуальное руководство

В Республике Беларусь прокурор осуществляет процессуальное руководство деятельностью нижестоящего прокурора и, как и в России, фактически руководство дознанием. Это выражается, прежде всего, в праве давать нижестоящему прокурору, органу дознания и лицу, производящему дознание, обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также о применении мер по обеспечению безопасности. В Российской Федерации прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением о том, что «в досудебном производстве по уголовным делам независимо от формы предварительного расследования должен быть обеспечен единый режим законности, основанный на общих принципах уголовного судопроизводства», и что «арсенал мер прокурорского реагирования, позволяющих предупреждать, выявлять и пресекать нарушения законов при производстве предварительного следствия, не может быть уже, чем при производстве дознания» [6, с. 73–74]. Но применительно к Беларуси нужно сделать несколько оговорок.

Во-первых, у нас упразднена такая форма дознания, как дознание по делам, по которым предварительное следствие необязательно, т. е. осталось дознание только в виде неотложных следственных действий.

Во-вторых, штатные дознаватели в результате реформы перешли в СК на должности следователей, что не могло не сказаться на качестве дознания, проводимого по поручению начальника органа лицами, осуществляющими дознание. Поэтому оставление за прокурором более широких возможностей относительно дознания видится оправданным.

В-третьих, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации за прокурорами оставлено право возвращать уголовные дела, поступившие для направления в суд, со своими письменными указаниями, обязательными для исполнения, о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий. В Республике Беларусь, кроме этого, у прокурора имеется аналогичное право также при отмене постановления о прекращении предварительного расследования.

В-четвертых, условно говоря, «чисто» надзорные полномочия прокурора, о которых также будет сказано, существенных изменений не претерпели.

Но, прежде чем о них говорить, следует указать еще на одно оставшееся у прокурора право, относимое к руководству расследованием, а именно: продлевать срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении и срок предварительного расследования. Таким правом наделен и начальник следственного подразделения. Представляется, что наделение двух участников уголовного процесса одинаковыми полномочиями вряд ли можно признать целесообразным.

Надзорные полномочия

Прокурор имеет право письменно истребовать от нижестоящего прокурора, следователя и органа дознания для проверки уголовные дела, материалы, а также проверять уголовные дела, материалы (ранее не предусматривалась обязательная письменная форма запроса). В Российской Федерации по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. Такая формулировка критикуется в российской печати, где авторы совершенно справедливо задаются вопросом: какая особая мотивация нужна для того, чтобы предоставить прокурору возможность честно выполнить свою процессуальную функцию – осуществить надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [7, с. 24; 8, с. 24; 9, с. 23]? Поэтому, по сути, единственным основанием для ознакомления прокурора с материалами дела на досудебной стадии процесса признается наличие жалобы участника уголовного судопроизводства, а также иных заинтересованных лиц, что, в свою очередь, исключает возможность проверки материалов уголовного дела по инициативе самого прокурора.

В Республике Беларусь прокурор наделен полномочиями изымать от органа дознания и передавать органу предварительного следствия любое уголовное дело в соответствии с подследственностью, определенной ст. 182 УПК. В России у прокурора также имеется аналогичное право. Однако, что очень важно, он имеет возможность передавать не только уголовное дело, но и материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ. К чему приводит отсутствие указанного права у прокурора относительно материалов проверки в Республике Беларусь? К невозможности пресечь элементарную волокиту, возможную в силу того, что ч. 1 ст. 186 УПК предоставляет органу дознания при наличии признаков преступления передать заявление или сообщение с собранными материалами по подследственности или возбудить уголовное дело. Такая вариантность игнорирует норму, закрепляющую реализацию одного из фундаментальных начал уголовного процесса, – принципа публичности, согласно которому орган уголовного преследования обязан возбудить уголовное дело в каждом случае обна-

ружения признаков преступления. С другой стороны, п. 6 ч. 2 ст. 35 УПК позволяет начальнику подразделения СК возвращать органам дознания материалы, не содержащие, на его взгляд, достаточных данных, указывающих на признаки преступления, с письменным указанием обстоятельств, подлежащих выяснению, и возможных мер по их установлению. В связи с чем в литературе поднимается опять же закономерный вопрос: что мешает в такой ситуации провести проверочные действия следователю [10, с. 29]?

В отношении, видимо, самого главного надзорного права прокурора в Беларуси ничего, к счастью, не изменилось, так как он по-прежнему может отменять незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания и лица, производящего дознание, за исключением постановлений, указанных в ч. 5 ст. 35 и ч. 6 ст. 38 УПК, а также не соответствующие закону указания нижестоящего прокурора, начальника органа дознания. В России прокурор имеет право отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления дознавателя. Что касается отмены постановлений руководителя следственного органа или следователя, то, исходя из п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ, прокурор имеет право отменять лишь постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в его возбуждении.

Теперь что касается требований прокурора. Вот здесь имеет место использование российского опыта, однако в каком-то худшем варианте. Почему? УПК Беларуси наделяет прокурора правом выносить требование начальнику следственного подразделения, органу дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия. Кроме определения в ст. 6 УПК данного понятия как «требование прокурора – обязательное к рассмотрению письменное требование начальнику следственного подразделения, начальнику органа дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия», закон ничего более не содержит, т. е. ни сроков, ни порядка обжалования. Последний содержится в УПК РФ, однако данный порядок признается слишком громоздким [8, с. 25].

В Республике Беларусь ситуацию попытались исправить приказом Генерального прокурора от 18.04.2013 № 20, согласованным с Председателем СК, п. 3 которого предписывает начальнику следственного подразделения безотлагательно после рассмотрения требования информировать прокурора о результатах его рассмотрения. Однако, как представляется, этого вряд ли достаточно.

Таким образом, можно констатировать, что в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, за прокурором сохранен достаточный объем прав, позволяющий осуществлять надлежащий надзор за предварительным расследованием. Однако для повышения его эффективности по обозначенным проблемам требуется внесение изменений и дополнений в действующий УПК.

Список цитированных источников

1. Швед, А.И. Правовое регулирование деятельности и предпосылки образования Следственного комитета Республики Беларусь / А.И. Швед // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 11. – С. 21–23.

2. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2013.

3. О Следственном комитете Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 325-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2013.

4. Шейфер, С.А. Реформа предварительного следствия: правовой статус и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 51.

5. Арзиани, С. Надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования / С. Арзиани // Законность. – 2011. – № 1. – С. 43.

6. Буланова, Н. Правовая регламентация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия / Н. Буланова // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 73–74.

7. Божьев, В. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. / В. Божьев // Законность. – 2009. – № 5. – С. 24.

8. Ильюхов, А.А. Соотношение процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А.А. Ильюхов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4 (30). – С. 24.

9. Колоколов, Н.А. Баланс обвинительной власти (новеллы УПК РФ) / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2009. – № 3. – С. 23.

10. Кукреш, Л. Актуальные проблемы досудебного производства на современном этапе / Л. Кукреш, О. Рожко // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 6. – С. 29.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

В статье дан сравнительно-правовой анализ полномочий прокурора по надзору за предварительным расследованием в Республике Беларусь и в Российской Федерации после проведения реформы органов предварительного следствия и внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

The comparative legal analysis of supervisory responsibility of the public prosecutor for the preliminary investigation in the Republic of Belarus and the Russian Federation after the reform of the preliminary investigation and alteration to the criminal procedure law is given in the article.

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ

Долгий А.А.

Актуальность исследования, постановка проблемы в общем виде. Проблемы, стоящие перед государством на современном этапе развития системы органов государственного управления Украины, требуют объективной оценки результатов функционирования всего механизма государства, в частности, его государственно-властных органов. Разнохарактерность политических, государственных и экономических процессов в Украине, бесспорно, влияет на развитие всех сфер общественной жизни и государственного управления, в том числе и деятельностью по налогообложению. В этом смысле, если говорить о последствиях введения в действие основного законодательного акта о налогах – Налогового кодекса Украины от 02.12.2010 № 2755-VI (далее – НКУ), то его можно рассматривать как попытку осуществить комплексное государственно-управленческое влияние на процессы, происходящие в экономике страны.

Предоставив определенные полномочия контролирующим органам – налоговым и таможенным (их функции теперь выполняют органы Министерства доходов и сборов Украины), законодатель обязал должностных лиц этих органов соблюдать Конституцию Украины и действовать исключительно в соответствии с НКУ и другими законами Украины, нормативно-правовыми актами, регулирующими общественные отношения в налоговой сфере, а также не допускать нарушений прав и охраняемых законом интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций (ст. 21 НКУ). Наряду с этим, реализация в налоговой практике функции государственного контроля – составляющей государственного управления деятельностью по налогообложению, попрежнему предусматривает, в случае наличия законных оснований, применение мер властного воздействия на налогоплательщиков, которые нарушают требования законодательства. В этих условиях в центре внимания были и остаются актуальными вопросы обеспечения соблюдения законов в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению, что предполагает освещение роли, которая отводится здесь прокуратуре.

Связь исследования с государственными программами. Тема исследования соответствует направлениям и задачам Концепции совершенствования государственного регулирования хозяйственной деятельности, одобренной Указом Президента Украины от 03.09.2007 г. № 816/2007. В частности, этим документом (п. 3 Концепции) к одному из приоритетных направлений совершенствования государственного регулирования хозяйственной деятельности отнесено недопущение неправомерного вмешательства государственных органов и органов местного самоуправления в деятельность субъектов хозяйствования.

Анализ последних исследований и публикаций, посвященных данной теме исследования. Вопросы соблюдения законов в сфере государственного

управления деятельностью по налогообложению в Украине освещали в своих трудах Л. Гапоненко, А. Головач, А. Козина, А. Панасик, А. Яковенко и др. Вместе с тем считать научный поиск в очерченном направлении завершенным вряд ли целесообразно, поскольку в современных условиях проведения налоговой реформы в Украине указанные вопросы остаются актуальными и требуют дальнейших научных разработок.

Заданием исследования является освещение роли прокуратуры в механизме обеспечения соблюдения законов в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению.

Изложение основного материала статьи. Анализируя особенности внедрения НКУ, специалисты, деятельность которых связана с защитой законных прав налогоплательщиков, обращают внимание на то, что одним из последствий его введения в действие стало увеличение количества налоговых споров в Украине [1]. На наш взгляд, оценка ситуации в сфере налоговых отношений с учетом этого показателя, в первую очередь, характеризует просчеты в разработке и реализации налоговой политики государства. В свою очередь, мы считаем, это актуализирует необходимость усиления государственно-властного воздействия на соблюдение законов в указанной сфере.

В теории [2, с. 247] под законностью понимают правовой режим в государстве. Он проявляется в требовании строгого и неуклонного соблюдения действующего законодательства, обязательного его исполнения всеми субъектами права. Следовательно, право должно доминировать над властью, т. е. превалировать в деятельности органов исполнительной и других ветвей государственной власти, создавая условия для предотвращения произвола со стороны чиновников. В нашем случае – в сфере налогообложения.

Поскольку среди главных организационно-правовых средств обеспечения законности в государственном управлении выделяют контроль и надзор [3, с. 295], то усиление управленческого влияния на деятельность по налогообложению возможно, среди прочего, путем надлежащей организации прокурорского надзора за соблюдением и правильным применением здесь законов.

Практический аспект очерченного направления прокурорской деятельности упорядочивает ст. 1 «Прокурорский надзор за соблюдением законов в Украине» Закона Украины «О прокуратуре» от 05.11.1991 № 1789-XII. Согласно положениям этой статьи, Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуроры осуществляют прокурорский надзор за соблюдением и правильным применением законов Кабинетом Министров Украины, министерствами и другими центральными органами исполнительной власти, органами государственного и хозяйственного управления и контроля, Советом министров Автономной Республики Крым, местными Советами, их исполнительными органами, воинскими частями, политическими партиями, общественными организациями, массовыми движениями, предприятиями, учреждениями и организациями, независимо от форм собственности, подчиненности и принадлежности, должностными лицами и гражданами.

К основным субъектам управления деятельностью по налогообложению, главной задачей которых является обеспечение мобилизации средств в бюджеты – государственный и местные, относят:

– органы государственного управления деятельностью по налогообложению (например, Кабинет Министров Украины – высший орган в системе органов исполнительной власти, Министерство финансов Украины, Министерство доходов и сборов Украины с подчиненными этим министерствам территориальными органами);

– субъекты, которые принимают участие в управлении налогообложением (общественные организации налогоплательщиков, профильные научно-исследовательские учреждения, действующие коллегиальные выборные консультативно-совещательные органы и т. д.).

Хотя прокуратура, как государственно-властный институт, не относится ни к одному из этих субъектов, прокурорский надзор, на наш взгляд, необходимо рассматривать как элемент сопровождения реализации функции государственного управления деятельностью по налогообложению. Это – с одной стороны. С другой – в ст. 19 «Предмет надзора за соблюдением и применением законов» Закона Украины «О прокуратуре» четко установлено, что прокуратура не подменяет органы ведомственного управления и контроля и не вмешивается в хозяйственную деятельность, если такая деятельность не противоречит действующему законодательству. В то же время, в соответствии со ст. 8 «Обязательность исполнения требований прокурора» Закона Украины «О прокуратуре», законные требования прокурора являются обязательными для всех органов, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, и исполняются безотлагательно или в предусмотренные законом или определенные прокурором сроки. Это, безусловно, касается и финансово-экономической сферы, деятельности по налогообложению.

Регулируя надзорную деятельность прокуратуры в этой области, п. 4 приказа Генерального прокурора Украины «Об организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов» от 07.11.2012 № 3гн предусматривает, что одним из основных направлений надзора за соблюдением и применением законов следует считать, среди прочего, защиту именно финансово-экономических интересов государства. Последние же, на наш взгляд, во многом находят свое проявление в сфере налогообложения, где приоритетом надзорной деятельности прокуратуры страны сегодня является обеспечение соблюдения законодательства о налогах, прежде всего – налоговыми органами и подразделениями Министерства доходов и сборов Украины.

Подтвердим сказанное несколькими цифрами. Воспользуемся для этого данными Генеральной прокуратуры Украины за 2012 год [4, с. 65]. По результатам надзорной деятельности в налоговой сфере прокурорами возбуждено 117 уголовных дел, 111 из них или 94,9 % направлено в суд. С 20 ноября (с момента вступления в силу нового Уголовного процессуального кодекса Украины) и до конца 2012 года начато еще 6 уголовных производств. За год внесено более 2 тыс. документов реагирования, за допущенные нарушения к

ответственности привлечено 2 тыс. должностных лиц, из них 1,8 тыс. (90 %) – сотрудники налогового ведомства.

Результативность такой деятельности прокуратуры обеспечивается в том числе и путем проведения органами прокуратуры проверок при осуществлении надзора за соблюдением и применением законов. Так, согласно п. 1.4 Положения о порядке проведения органами прокуратуры проверок при осуществлении надзора за соблюдением и применением законов, утвержденного приказом Генерального прокурора Украины от 12.11.2012 № 111, предметом таких проверок являются:

– соответствие нормативно-правовых актов, решений, издаваемых всеми органами, предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами, требованиям Конституции Украины и действующим законам;

– соблюдение законов о неприкосновенности личности, социально-экономические, политические, личные права и свободы граждан, если законом не предусмотрен иной порядок защиты этих прав;

– соблюдение законов, касающихся экономических отношений, бюджетного, земельного, таможенного законодательства и деятельности, конституционных основ предпринимательской деятельности, охраны окружающей среды, межнациональных отношений;

– соблюдение законов об административных правонарушениях.

Следует отметить, что проверки органов прокуратуры могут касаться анализа практики исполнения законов в нескольких правовых сферах, где присутствуют финансово-экономические интересы государства (например, одновременно как налогового, так и банковского законодательства) [5, с. 290–291]. Именно это, по нашему мнению, характеризует универсальность прокурорского надзора в целом, а также относительно защиты финансово-экономических интересов государства в сфере управления деятельностью по налогообложению в частности.

Такую же позицию занимают и специалисты, которые исследуют проблемные аспекты соотношения государственного контроля и прокурорского надзора [6].

Функциональная деятельность государственно-властных органов, задачей которых является обеспечение мобилизации денежных поступлений в бюджеты и реализация полномочий по налоговому контролю, характеризуется природной конфликтностью с финансово-экономическими интересами налогоплательщиков. А это, как подтверждают результаты оценки налоговой практики, непосредственно влияет на интенсивность проявления риска нарушения: органами, входящими в ведомственное подчинение Министерству доходов и сборов Украины – законных прав и интересов налогоплательщиков, налогоплательщиками – действующего налогового законодательства. Поэтому, поскольку процесс налогообложения четко регламентируется нормативно-правовыми актами, он требует усиленного контроля со стороны государства.

Этот контроль вряд ли следует рассматривать как органично соединенный с функциональной деятельностью органов государственного управления

деятельностью по налогообложению. Такой контроль – скорее автономный элемент, который не прямо, а опосредованно связан с системно-структурной организацией государственной власти в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению. При этом именно прокурорский надзор проявляет себя действенным государственным инструментом обеспечения соблюдения и укрепления законности в исследуемой сфере.

Как известно, в теории государственного управления прокурорский надзор рассматривается как одна из форм внешнего (надведомственного) контроля за законностью в организационно не подчиненных объектах [7, с. 334]. Прокурорский надзор, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как в теории, так и на практике, в качестве важного элемента сопровождения реализации функции государственного управления деятельностью по налогообложению:

– во-первых, это в полной мере отражает государственно-властную природу прокурорского надзора за соблюдением законов при осуществлении деятельности по налогообложению;

– во-вторых, правовые основы функционирования органов прокуратуры обеспечивают эффективное влияние на соблюдение законов в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению;

– в-третьих, гарантии независимости прокуратуры в осуществлении полномочий от системы субъектов государственного управления деятельностью по налогообложению неразрывно связаны с поддержкой в надлежащем состоянии функционирования правового механизма защиты финансово-экономических интересов государства и законных прав налогоплательщиков.

Следует также согласиться с точкой зрения А. Казариной, научные исследования которой посвящены освещению проблемных вопросов прокурорского надзора в сфере экономики. Сравнивая особенности деятельности прокуратуры и специализированных органов государственного контроля за исполнением законов в сфере экономики, она обоснованно акцентирует внимание на трех принципиальных моментах [8, с. 201–202]:

1. Прокуроры – это специалисты в сфере правоведения. В органах же специализированного государственного контроля за экономической деятельностью (налоговые, антимонопольные органы и т. д.) работают, преимущественно, специалисты экономического профиля, владеющие соответствующими специальными знаниями.

2. В отличие от таких органов специализированного контроля, предусматривающего соответствие предмета проверки компетенции органа государственной власти, который ее проводит, прокурор наделен универсальными полномочиями.

3. Все события и явления экономической жизни прокурор, в рамках предоставленных ему полномочий, оценивает только с точки зрения закона.

В качестве ***вывода*** отметим следующее.

Реализация органами прокуратуры предоставленных полномочий не имеет прямой цели – управление деятельностью по налогообложению. Но,

поскольку предоставленная законом возможность практического применения законодательных положений по прокурорскому надзору носит универсальный характер, это дает основание рассматривать:

1) прокуратуру Украины – как специальный субъект сопровождения государственного управления деятельностью по налогообложению;

2) прокурорский надзор за соблюдением и применением налогового законодательства – как:

а) инструмент государственно-властного влияния на функционирование органов государственного управления деятельностью по налогообложению и субъектов, принимающих в этом участие;

б) средство обеспечения соблюдения законности в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению;

в) элемент правового механизма, функционирование которого направлено на защиту финансово-экономических интересов государства и законных прав налогоплательщиков, а его действенность проявляется при проведении прокуратурой проверок соблюдения и применения законов органами государственного управления деятельностью по налогообложению.

Список цитированных источников

1. Подробнее см. : Відбувся Австрійсько-український правовий день [Електронний ресурс] // Веб-сайт Австрійсько-українського союзу юристів. – Режим доступу : http://www.oujg.org/show_news.php?id=13&lang=ua

2. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.: Ю.П. Сурмін, В.Д. Бакуменко, А.М. Михненко та ін.; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трощинського, Ю.П. Сурміна. – К.: НАДУ, 2010. – 820 с.

3. Демократичні засади державного управління та адміністративне право : монографія / [Кол. авт.: Шемшученко Ю.С., Авер'янов В.Б., Андрійко О.Ф., Кресіна І.О., Нагребельний В.П. [та ін.]; за заг. ред. д-ра юрид. наук В.Б. Авер'янова. – К.: Юридична думка, 2010. – 496 с.

4. Про стан законності у державі за 2012 рік (відповідно до ст. 2 Закону України «Про прокуратуру»): інформація Верховній Раді України. – Київ: Генеральна прокуратура України, 2013. – 95 с.

5. Організація діяльності районної (міської) прокуратури: науково-практичний посібник / [Г.П. Середа, М.К. Якимчук, В.М. Куц [та ін.]; за заг. ред. Г.П. Середи. – Кіровоград: Антураж А, 2009. – 468 с.

6. Грицаєнко, Л. Державний контроль і прокурорський нагляд: сутність та співвідношення / Л. Грицаєнко // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2012. – № 2. – С. 34–38.

7. Малиновський, В.Я. Державне управління / В.Я. Малиновський. – [3-тє вид., переробл. та допов.]. – К.: Атіка, 2009. – 608 с.

8. Казарина, А. Х. Прокурорский надзор. Экономика. Законность: [монография] / А. Х. Казарина. – М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2007. – 429 с.

Дата поступления статьи – 05.09.2013.

В статье освещается роль прокуратуры Украины, которая отводится ей в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению при обеспечении соблюдения законов.

Рассматриваются основные субъекты управления деятельностью по налогообложению. Подчеркивается особый статус прокуратуры как государственно-властного органа, который проявляется, в первую очередь, в полномочиях, определенных действующим законодательством. Актуализируется необходимость усиления государственно-властного воздействия на соблюдение законов в сфере государственного управления деятельностью по налогообложению. Отдельное внимание уделяется правовому обеспечению надзорной деятельности прокуратуры в сфере защиты финансово-экономических интересов государства и законных прав налогоплательщиков, а также результативности такой деятельности.

Автор приходит к выводу о необходимости рассмотрения прокуратуры в роли специального субъекта сопровождения государственного управления деятельностью по налогообложению.

The article contains the prosecutor's office of Ukraine law assurance functions in the sphere of public administration activities for taxation.

The article observes main subjects for taxation activities administration. The special status of the prosecutor's office as state authority's body with competences determined by current legislation is underlined. The necessity of state authority's influence on law observance in the sphere of taxation activities state's administration is actualized. Special attention is paid to legal support for prosecutor's office supervising activities in the sphere of financial and economic interest of state as well as tax bearer legal rights and to productivity of such activities.

The author develops conclusion concerning the role prosecutor's office as a special subject for support of state's administration activities for taxation.

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ И ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УКРАИНЕ

Зарубинска И.С., Наулик Н.С.

Конституция Украины на уровне современных международных стандартов закрепила права, свободы и обязанности человека и гражданина в Украине. Конституционные права и свободы – это гарантированные государством возможности, которые дают каждой личности и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения, пользоваться предоставленными ему социальными благами как в личных, так и в общих интересах. Закрепленные в Основном Законе Украины права и свободы представляют собой целостную систему, которая обеспечивает достойный конституционно-правовой статус личности.

Основой правового статуса личности являются личные права и свободы. К ним принадлежат права: на жизнь; на уважение достоинства; на свободу и личную неприкосновенность; на неприкосновенность жилья; на тайну переписки, телефонных разговоров; телеграфной и другой корреспонденции;

невмешательство в личную и семейную жизнь; на свободный выбор местожительства; на свободу мысли и слова; на свободу мировоззрения и вероисповедания (ст.ст. 27–35 Конституции).

В Конституции Украины закреплены политические права и свободы, т. е. права, которые принадлежат человеку как члену политического сообщества, когда он выступает как гражданин государства. Они связаны с участием в общественной жизни и в управлении государством. К политическим правам и свободам относятся: право на свободу объединения в политические партии, общественные организации; право принимать участие в управлении государственными делами, во всеукраинском и местных референдумах, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления; право собираться мирно, без оружия, и проводить собрания, митинги, походы и демонстрации; право направлять индивидуальные или коллективные письменные обращения (ст.ст. 36–40 Конституции).

В Основном законе закреплены экономические, социальные и культурные права. Это права, которые связаны с деятельностью человека в хозяйственной сфере, ее социальными отношениями с обществом, государством, коллективами, другими людьми, с деятельностью в сфере культуры и духовной жизни. Перечень этих прав дается в ст.ст. 41–54 Конституции Украины: это право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, результатами своей интеллектуальной, творческой деятельности, право на предпринимательскую деятельность, которая не запрещена законом; на труд, надлежащие, безопасные, здоровые условия труда, на зарплату не ниже от определенной законом; на забастовку для защиты своих экономических и социальных интересов; на отдых; на социальную защиту; на здравоохранение, медицинскую помощь и медицинское страхование; на безопасное для жизни и здоровья состояние окружающей среды и на возмещение нанесенного нарушением этого права ущерба; на образование; свободу литературного, художественного, научного и технического творчества; на результаты своей интеллектуальной, творческой деятельности.

В связи с этим в демократическом государстве должны создаваться все условия для улучшения состояния соблюдения прав человека и усовершенствования процедур защиты нарушенных прав, а также максимальное их упрощение. Воплощение в жизнь этих тезисов и реальная защита должны подкрепляться наличием в государстве системы соответствующих органов.

Защита прав и свобод человека и гражданина является конституционно-правовой и международно-правовой обязанностью современного государства, которая реализуется с помощью системы принципов, институтов, механизмов и процедурно-правовых правил. Это объясняется определением роли общества в государстве, а потому соблюдение интересов общественного блага нужно учитывать в процессе оправдания основных прав и свобод человека. Государство должно защищать интересы индивида при условиях гарантирования достаточной защиты общественных интересов [1]. В большинстве демократических государств основными механизмами защи-

ты прав человека являются суд (США, Канада), конституционная жалоба (ФРГ, Австрия, Испания), омбудсман (Швеция, Норвегия, Финляндия) и тому подобное [14, с. 58].

Правозащитная деятельность заключается в предоставлении правовой помощи каждому гражданину, а также юридическим лицам, иностранцам и лицам без гражданства в спорных вопросах по охране права, злоупотребления правом, защиты физического лица от обвинения и в государственном гарантировании охраны прав граждан правозащитными органами [22, с. 23].

Правозащитные органы подразделяют:

– ***на общественные*** (общественные объединения, адвокатура, нотариат, СМИ, органы защиты прав потребителей);

– ***государственные судебные и административные*** (суд, административные правозащитные институты, правоохранительные органы);

– ***представительские*** (парламент, омбудсман);

– ***международные*** (международные межправительственные гуманитарные органы и конвенции, международные неправительственные органы);

– ***региональные*** (Совет Европы, Организация американских государств (ОАГ), Межамериканская комиссия по правам человека, Африканская комиссия по правам человека и народов, Лига арабских государств (ЛАГ) и другие) [10, с. 139–265].

В Украине существует четко определенная ***система органов и должностных лиц разных уровней, которые должны защищать права и свободы человека и гражданина.*** **Это –** ***Президент Украины, Верховная Рада Украины, Кабинет Министров Украины, местные государственные администрации, суды общей юрисдикции и специализированные суды, Конституционный Суд Украины, Уполномоченный Верховной Рады Украины по правам человека, прокуратура, адвокатура, другие правоохранительные органы Украины*** [13, с. 61].

Однако следует признать, что качество правоприменительной и правоохранительной деятельности этих органов не всегда отвечает тем требованиям, которые гарантируют защиту прав и свобод. Невзирая на всю важность деятельности Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, Конституционного Суда Украины, контролирующих и судебных органов, их роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина на сегодня еще недостаточная. Сегодня актуальной является деятельность прокуратуры относительно осуществления прокурорского надзора за соблюдением и применением законов.

Полномочиями относительно защиты прав и свобод человека в Украине наделяется прокуратура при выполнении функций надзора за соблюдением и применением законов. Деятельность органов прокуратуры относительно решения заявлений и обращений граждан, проверки сигналов прессы и других средств массовой информации, о нарушении законности обеспечивает своевременное и квалифицированное рассмотрение каждого обращения, всесто-

роннюю проверку доводов заявителя и принятия на месте правильного решения, возобновления нарушенных прав и законных интересов граждан, привлечения к ответственности лиц [2].

Такие полномочия были и остаются одним из наиболее весомых факторов поддержания режима законности и правопорядка, повышения правовой защищенности граждан в их отношениях с другими государственными органами, должностными и служебными лицами [8, с. 22].

Новый современный прокурор должен выступать в понимании населения не карателем или даже обвинителем, а в первую очередь защитником прав и свобод граждан и интересов государства. Его главным заданием должно быть реальное возобновление этих прав и интересов, возмещения нанесенных убытков, применение мероприятий влияния, не связанных с привлечением к уголовной ответственности [9].

В результате конституционной реформы в Украине в декабре 2004 года Законом Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» ст. 121 Конституции Украины была дополнена п. 5, которым к полномочиям прокуратуры отнесен «надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, соблюдением законов по этим вопросам органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, их должностными и служебными лицами». Однако в сентябре 2010 года решениям Конституционного Суда Украины, в связи с нарушением процедуры принятия и вступления в силу, данный Закон признан неконституционным, поэтому ст. 121 Конституции Украины возобновила действие в предыдущей редакции.

В соответствии с Конституцией Украины прокуратура продолжает выполнять в пределах действующих законов функцию надзора за соблюдением и применением законов и функцию предварительного следствия к введению в действие законов, которые регулируют деятельность государственных органов относительно контроля за соблюдением законов, и к образованию системы досудебного следствия и введения в действие законов, которые регулируют ее функционирование (п. 9 раздела XV (Переходные положения).

Научным определением проблем прокурорского надзора в Украине занимались В. Долежан, О. Литвак, М. Мичко, М. Косюта, М. Руденко, О. Скрипнюк, Ю. Шемшученко, М. Якимчук и другие ученые.

Прокурорский надзор – это деятельность органов прокуратуры, направленная на соблюдение и правильное применение законов Кабинетом Министров Украины, министерствами и другими центральными органами исполнительной власти, органами государственного и хозяйственного управления и контроля, Советом Министров Автономной Республики Крым, местными Советами, их исполнительными органами, военными частями, политическими партиями, общественными организациями, массовыми движениями, предприятиями, учреждениями и организациями, независимо от форм собственности, подчиненности и принадлежности, должностными лицами и гражданами.

Учитывая практические вопросы надзора за соблюдением и применением законов, проблемой остается определение его предмета и пределов. Пред-

мет прокурорского надзора можно определить как соблюдение и применение законов соответствующими юридическими и физическими лицами, на которых распространяются наблюдательные полномочия прокуроров. Собственно предмет надзора определен в ст. 19 Закона «О прокуратуре»:

1) соответствие актов, которые выдаются всеми органами, предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами, требованиям Конституции Украины и действующим законам;

2) соблюдение законов о неприкосновенности лица, социально-экономических, политических, личных правах и свободах граждан, защите их чести и достоинства, если законом не предусмотрен другой порядок защиты этих прав;

3) соблюдение законов, которые касаются экономических, межнациональных отношений, охраны окружающей среды, таможни и внешнеэкономической деятельности.

Заметим, существуют разные взгляды относительно отнесения к предмету надзора вместе с законами и подзаконных актов, ведь нормой о функции надзора, закрепленной в Конституции и Законе Украины «О прокуратуре», не охватываются подзаконные акты. Однако прокуроры в своей надзорной деятельности сталкивались со случаями, когда определенные общественные отношения, регулировались не законами, а лишь подзаконными актами, а потому на их основании и решали вопрос о законности тех или иных действий. В теории прокурорского надзора данный спор остается нерешенным.

Пределы прокурорского надзора можно рассматривать в двух аспектах. ***Во-первых***, эти пределы касаются объектов надзора, ***а во-вторых***, – оснований для его осуществления.

Объекты надзора определены в Законе Украины «О прокуратуре» (ст. 1), в приказах Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» 7 ноября 2012 г. № 3гн и «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111, и этот перечень широкий, но конкретизация круга объектов осуществляется в зависимости от направления и заданий надзора. Дискутируется вопрос об уменьшении поднадзорных объектов.

Основания надзора за соблюдение и применением законов предусмотрены Законом Украины «О прокуратуре» (ст. 21) и приказами Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 г. № 3гн и «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111. К ним отнесены письменные обращения органов государственной власти, органов местного самоуправления, депутатов всех уровней, физических и юридических лиц, другие данные, которые свидетельствуют о возможных нарушениях законности. В качестве оснований рассматриваются также анализ, обобщение проработки информации о состоянии законности, изучения актов и материалов органов государственного надзора (контроля), материалов рассмотрения судами гражданских, административных, хозяй-

ственных дел и дел об административных правонарушениях, материалов криминального производства, информационных баз данных государственных органов, сообщений в СМИ, сети Интернет и из других источников. Основания надзора могут быть отображены и в организационно-предписывающих документах органов прокуратуры.

Следует отметить, что четко предусмотрены в приказе Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 г. № 3гн и основания к проведению проверок по собственной инициативе прокурора. Проверка инициируется с учетом состояния законности в регионе, на основании решений коллегий органов прокуратуры, координационных и межведомственных совещаний, требований, других организационно-предписывающих документов, поручений руководства прокуратур высшего уровня.

Следовательно, основания должны быть реальными и обоснованными. К сожалению, имеют место случаи в прокурорской деятельности, когда проверки по надзору проводятся безосновательно (не собрано достаточных данных, которые свидетельствуют о возможных нарушениях закона, неправильно квалифицированных действиях, которые указаны как правонарушение, и т. п.).

Относительно обращений и запросов, жалоб, заявлений (кроме тех, в которых сообщается о уголовных правонарушениях) следует сказать, что основанием для надзора они являются лишь после предварительного их рассмотрения компетентными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, их должностными или служебными лицами или неприятие ими решений по этим вопросам.

Осуществляя надзор за соблюдением и применением законов, прокурор пользуется полномочиями, определенными ст. 20 Закона Украины «О прокуратуре», которые заключаются в том, что он обязан своевременно выявлять нарушения закона и принимать меры к устранению выявленных нарушений, причин и условий, которые им способствовали, а также привлечь нарушителя закона к ответственности.

Следует признать, что надзор прокуратуры за соблюдением и применением законов в течение всего периода его существования был предметом научных исследований и дискуссий.

В прошлом году изменениями в Уголовный кодекс Украины проведена декриминализация ряда составов преступлений в сфере хозяйственной деятельности, а значительное количество предусмотренных наказаний в виде лишения или ограничения свободы заменено на более мягкие. Происходит гуманизация криминального процесса. Новым Уголовным процессуальным кодексом Украины уменьшена область применения меры пресечения – взятие под стражу. Внедрены новые для Украины институты признания вины, медиации (примирения) и т. п.

В этом контексте полномочия прокурора вне пределов уголовного права как важной составляющей общегосударственного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина приобретают особенное значение.

Организация прокурорского надзора за соблюдением и применением законов. После внесения изменений в Закон Украины «О прокуратуре» 18 сентября 2012 года изменились и подходы к организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов. В соответствии с приказом Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 г. № 3 гн основным заданием такого надзора является защита от неправомерных посягательств на гарантированные Конституцией и законами Украины права и свободы человека и гражданина, государственные и общественные интересы. На прокуроров, которые обеспечивают надзор за соблюдением и применением законов, возложена обязанность изучать законность актов, которые издаются Кабинетом Министров Украины, местными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами.

В приказе Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 года № 3гн определенны основные направления надзора, к которым относитсязащита:

– социально-экономических, политических, личных прав и свобод человека и гражданина, в первую очередь лиц, которые нуждаются в государственной поддержке и помощи;

– финансово-экономических интересов государства, прежде всего в бюджетной и земельной сферах;

– конституционных принципов предпринимательской деятельности.

Приоритетные направления надзора определяются Генеральным прокурором Украины и решениями коллегий Генеральной прокуратуры Украины. Так, решением расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Украины от 18 декабря 2012 г. главными приоритетами в осуществлении надзорной деятельности в 2013 году определены: защита прав детей; защита интересов государства от неправомерных посягательств в бюджетной сфере, в том числе при закупке товаров, работ и услуг за государственные средства; сохранение военного имущества; защита конституционных принципов предпринимательской деятельности; защита прав граждан на оплату труда, социальное, пенсионное обеспечение, а также социальную и правовую защиту военнослужащих и их семей, предупреждение насилия и нарушений уставных взаимоотношений в военных частях; защита интересов государства и граждан в сфере использования земельных ресурсов (в том числе земель обороны и транспорта); предотвращение и противодействие коррупции.

Дополнительно другие приоритетные направления могут определяться с учетом состояния законности решениями коллегий прокуратур Автономной Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя, специализированных прокуратур (на правах областных). Прокурорская проверка организуется и проводится в порядке, определенном отдельным приказом Генерального прокурора Украины «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111.

Как предусмотрено п. 10.1 приказа Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 г. № 3гн, к началу проверки руководителю органа прокуратуры следует принимать мотивированное постановление, копия которого с разъяснением порядка обжалования должна быть предоставлена представителю предприятия, учреждения, организации, физическому лицу – предпринимателю, который подлежит проверке. Согласно п. 4.1 приказа Генерального прокурора Украины «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111, в постановлении отмечаются основания, которые свидетельствуют о возможных нарушениях законности, с обоснованием необходимости совершения действий, предусмотренных пп. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 20 Закона Украины «О прокуратуре» (более конкретные требования к содержанию постановления указаны в п. 4.3 приказа Генерального прокурора Украины «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111).

Постановление прокурора о проведении проверки подлежит обжалованию в десятидневный срок с дня ее получения. Порядок обжалования регламентирован приказом Генерального прокурора Украины «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111.

У п.6.1 приказа Генерального прокурора Украины «Про внесення змін до Інструкції з діловодства в органах прокуратури України» от 12 ноября 2012 г. № 111 указано, что проверка осуществляется в разумные сроки, необходимые для ее проведения. Вопрос разумных сроков имеет практическое значение, ведь четко не прописаны требования к длительности проверки. Очевидно, что прописать четко такую длительность и невозможно, и нецелесообразно. Прокурор должен учитывать для определения длительности проверки сложность и объем вопросов, которые подлежат выяснению во время проверки, необходимость привлечения специалистов и особенности их работы, длительность проведения экспертных исследований, мероприятия для обеспечения полноты проверки (вытребование необходимых письменных документов и получение объяснений ответственных лиц) и др. Важно, чтобы прокурор не злоупотреблял правом на проведение проверки, использовал надлежащие полномочия, а также оперативно и действенно реагировал на обнаруженные нарушения.

Во время проведения проверки в порядке надзора прокурор наделен полномочиями (требовать от руководителей поднадзорных органов проведения ревизий, проверок подчиненных и подконтрольных объектов, а также направлять специалистов для проведения проверок, изучать оригиналы документов, получать от должностных и служебных лиц, граждан устные или письменные объяснения и тому подобное). Однако в п. 10.6 приказа Генерального прокурора Украины «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів» от 7 ноября 2012 г. № 3гн закреплено запрещение: не допускать остановки деятельности субъектов ведения хозяй-

ства средствами прокурорского реагирования. При наличии достаточных для этого оснований следует обращаться с соответствующими заявлениями в суд.

По результатам проверки составляется докладная записка, в которой отмечаются: основания проведения проверки, фактические данные, установленные в ходе ее осуществления, установленные нарушения законов и предложения относительно мероприятий прокурорского реагирования к их устранению, привлечению к ответственности виновных служебных лиц, возмещению нанесенных убытков, предложения относительно возможности возвращения оригиналов документов в случае их вытребования во время проверки.

Досудебное расследование по результатам самостоятельного выявления в ходе осуществления надзора за соблюдением и применением законов обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, начинается в порядке, определенном отдельным приказом Генерального прокурора Украины.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением и применением законов определяется не только количественными показателями, а исходя из состояния законности, своевременности и полноты реагирования, на нарушение закона, фактического возобновления прав и свобод граждан и интересов государства, реального возмещения средств и нанесенных убытков, привлечения виновных к ответственности, прежде всего должностных лиц органов государственной власти и контроля.

О принятых мерах прокурорского реагирования на факты нарушений прав и свобод граждан и интересов государства систематически информируется общественность и органы власти. Поэтому вовремя и в полной мере такая информация должна отображаться на сайтах прокуратур, в средствах массовой информации.

Особенности надзора за соблюдением и применением законов в сфере охраны окружающей природной среды, земельных отношений, относительно защиты прав и свобод детей, в военной, международной и транспортной сферах определены отдельными отраслевыми приказами Генерального прокурора Украины.

В любом случае, формируя модель прокуратуры, нужно руководствоваться как международными стандартами относительно ее роли и места в демократическом обществе, учитывая отмеченный международный опыт, так и считаться с историческими традициями и реальным состоянием социально-экономического развития Украины.

Следовательно, в условиях реформирования прокурорского надзора в Украине важно, чтобы ни при каких условиях не были нарушены гарантированные конституцией права и свободы человека, а государство обеспечивало их защиту и гарантировало возобновление нарушенного права.

Список цитированных источников

1. Конституція України від 28 червня 1996 р. // ВВР України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

2. Закон України «Про прокуратуру» від 5 листопада 1991 р. // ВВР України. – 1991. – № 53. – Ст. 793.

3. Наказ Генерального прокурора України № 1 гн «Про організацію роботи і управління в органах прокуратури України», від 26.12.2011 р.

4. Наказ Генерального прокурора України № 3 гн «Про організацію прокурорського нагляду за додержанням і застосуванням законів», від 07.11.2012 р.

5. Наказ Генерального прокурора України № 111 «Про затвердження Положення про порядок проведення органами прокуратури перевірок при здійсненні нагляду за додержанням і застосуванням законів», від 12 листопада 2012 р.

6. Наказ Генерального прокурора України № 1/2 «Про особливості організації роботи прокуратур міст з районним поділом», від 11.07.2012.

7. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: сб. ст. / под общ. ред. Н.Н. Карпова; науч. ред.. И.В. Черепановой. – Ч. II. – М.: Акад. Ген. прокур. РФ. – 2011. – 132 с.

8. Боровик, А. Прокурорський нагляд за додержанням законів // Вісник прокуратури / А. Боровик.. – № 1(115). – 2011. – С. 22–29.

9. Головін, А. Діяльність прокуратури щодо захисту конституційних прав і свобод людини і громадянина у рішеннях Конституційного Суду України / А. Головін // Голос України. – № 174 (5424). – 18 вересня 2012 р.

10. Капицын, В.М. Права человека и механизмы их защиты: учеб. пособие В.М. Капицын. – М.: ЭКМОС, 2003. – 288 с.

11. Конституційне право зарубіжних країн: навч. посібник / М.С. Горшеньова, К.О. Закоморна, В.О. Ріяка [та ін.]; за заг. ред. В.О. Ріяки. – 2-е вид., допов. і перероб. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – 544 с.

12. Лист Генерального прокурора України щодо усунення недоліків в організації нагляду за додержанням і застосуванням законів від 14 лютого 2013 р. № 12/1/1-14 вих-100 окв-13.

13. Мінюков, А. Система органів державної влади, що забезпечують конституційні права і свободи людини і громадянина: їх повноваження / А. Мінюков // Право України. – 2002. – № 4. – С. 61–65.

14. Наулік, Н.С. Інститут омбудсмана в Україні та Республіці Польща: порівняльне дослідження: монографія / Н.С. Наулік. – Тернопіль: Воля, 2009. – С. 58

15. Прокурорський нагляд в Україні. Академічний курс. Підручник / І.І. Когутич, В.Т. Нор, А.А. Павлишин, В.В. Луцик; за ред.. В.Т. Нора. – К.: Ін Юре, 2011. – 592 с.

16. Руденко, М. Щодо усунення підміни прокуратурою інститутів контролю і нагляду в сфері управління / М. Руденко // Право України. – 1996. – № 9. – С. 58–62.

17. Руденко, М. Прокуратура України у правозахисній системі держави: теоретичні та практичні аспекти / М. Руденко // Право України. – № 6. – 2004. – С. 6–8.

18. Руденко, М. Наглядова функція прокуратури та її закріплення у майбутньому законі України про прокуратуру: виступ з принципових питань / М. Руденко // Юридичний вісник України. – № 15 (771). – 2010. – 10–16 квітня. – С. 6.

19. Руденко, М. Роль прокуратури поза межами кримінального судочинства // Вісник прокуратури / М. Руденко. – № 1. – 2009. – С. 47–57.

20. Середа, Г. Функція прокуратури з нагляду за додержанням і застосуванням законів / Г. Середа, М. Руденко // Вісник прокуратури. – № 12. – 2010. – С. 8–13.

21. Словська, І. Механізм захисту прав людини – основоположний принцип сучасного українського конституціоналізму / І. Словська // Право України. – 2001. – № 9. – С. 15–17.

22. Суд, правоохоронні та правозахисні органи України: Підручник / О. С. Захарова, В. Я. Карабань, В. С. Ковальський (кер. авт. кол.) [та ін.]; Відпов. ред. В. Маляренко. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – 376 с.

Дата поступления статьи – 05.09.2013.

Осуществлен анализ прав и свобод человека, закрепленных Конституцией Украины, и определены субъекты, которые осуществляют их защиту. Акцентировано внимание на механизме защиты прав и свобод человека, как приоритетного направления прокурорского надзора в Украине.

Выделены приоритетные направления надзора, которые определяются Генеральным прокурором Украины и решениями коллегий Генеральной прокуратуры Украины. Так, решением расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Украины от 18 декабря 2012 года главными приоритетами в осуществлении надзорной деятельности в 2013 году определены: защита прав детей; защита интересов государства от неправомерных посягательств в бюджетной сфере, в том числе при закупке товаров, работ и услуг за государственные средства; сохранение военного имущества; защита конституционных принципов предпринимательской деятельности; защита прав граждан на оплату труда, социальное, пенсионное обеспечение, а также социальную и правовую защиту военнослужащих и их семей, предупреждение насилия и нарушений уставных взаимоотношений в военных частях; защита интересов государства и граждан в сфере использования земельных ресурсов (в том числе земель обороны и транспорта); предотвращение и противодействие коррупции.

The analysis of the rights and freedoms enshrined in the Constitution of Ukraine is conducted. The subjects which carry out the protection are defined in the article as well. Attention is focused on the mechanism of protection of rights and freedoms, as a priority of prosecutor's supervision in Ukraine.

The priority directions of supervision which are defined by the General prosecutor of Ukraine and decisions of boards of the Prosecutor General's Office of Ukraine are allocated. So, the solution of enlarged meeting of board of the Prosecutor General's Office of Ukraine of December 18, 2012 the main priorities in implementation of supervising activity in 2013 it is certain: protection of the rights of children; protection of interests of the state against illegal encroachments in the budgetary sphere, including when purchasing goods, works and services, for public funds, preservations of military property; protection of the constitutional principles of business activity; protection of the rights of citizens on compensation, social, provision of pensions, and also social and legal protection of the military personnel and their families, violence preventions, and violations of authorized relationship in military units; protection of interests of the state and citizens in the sphere of use of land resources (including lands of defense and transport); prevention and corruption counteraction.

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА

Сенько А.С.

Завершающим аккордом проводимой государством политики по противодействию преступности является институт исполнения приговора суда, который обеспечивается рядом установленных государством гарантий. Одну из

таких гарантий представляет прокурорско-надзорная деятельность. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее по тексту – Закон о прокуратуре), прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законодательства при исполнении судебных постановлений, наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера [1, ст. 4, 32–35].

В юридической литературе вопросы, связанные с сопровождением прокуратурой процесса исполнения приговора, освещены на недостаточном уровне. Отсутствуют научные и научно-прикладные исследования системного характера. Имеется только несколько работ советского периода, в которых анализируются отдельные аспекты прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора. К их числу относятся, в частности, труды Н.М. Белякина, В.Т. Михайлова, А.П. Сафонова, Б.М. Спиридонова и др. [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Остальные же теоретико-прикладные источники, во-первых, представлены немногочисленными статьями и тезисами. Во-вторых, посвящены либо частным элементам прокурорской деятельности, либо же в них акцентируется внимание на иных сферах и отраслях прокурорского надзора [8, с. 175–199; 9, с. 29–32].

Изложенное определяет цель проводимого в статье исследования, которой является разработка основ теоретико-правовой конструкции прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора.

При моделировании организации и деятельности по осуществлению надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора, на наш взгляд, необходимо придерживаться классических подходов, успешно применяемых при моделировании иных сфер прокурорского надзора, обращая при этом в первую очередь внимание на такие критерии моделирования, как объект прокурорского надзора, предмет прокурорского надзора и правовые средства прокурорского надзора.

Перед тем как приступить к их непосредственному анализу, следует определиться с правовой сущностью и содержанием самого института исполнения приговора. Вопрос о правовой природе института исполнения приговора в юридической литературе до настоящего времени является открытым и дискуссионным.

Большинство авторов рассматривают институт исполнения приговора в контексте стадий уголовного процесса. Вместе с тем к вопросу о его содержании подходят с различных точек зрения. Как утверждал в свое время Я.С. Аврах, уголовно-процессуальная стадия исполнения приговора наряду с обращением приговора к исполнению, непосредственным его исполнением включает и фактическую реализацию назначенного судом наказания [10, с. 190–191].

Данная точка зрения в юридической литературе подверглась активной критике [11, с. 8]. По мнению И.Д. Перлова, исполнение приговора – «это заключительная и самостоятельная стадия советского уголовного процесса, в

которой реализуется вступивший в законную силу приговор путем обращения его к исполнению, контроля суда и надзора прокурора за приведением приговора в исполнение и законностью исполнения и судебного разрешения в установленном уголовно-процессуальным законом порядке вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора как по представлениям органов и организаций, фактически исполняющих приговор, общественных организаций и коллективов трудящихся, по заявлениям отдельных граждан, так и по инициативе суда или прокуратуры» [12, с. 13].

Подобное понимание назначения и границ стадии исполнения приговора получило достаточно широкое распространение в теории уголовного процесса [11, с. 8].

Параллельно с этим взглядом в юридической литературе осознавалось и признавалось и более широкое значение содержания института исполнения приговора. Е.А. Матвиенко писал – под исполнением приговора в широком значении понимается деятельность суда, прокуратуры, милиции, исправительно-трудовых учреждений, административных и иных органов по фактическому претворению в жизнь вступившего в законную силу приговора [13, с. 24].

С приведенной позиции рассматривается институт исполнения приговора в большинстве работ по проблематике прокурорского надзора [3; 6; 8, с. 175–178]. Этого же взгляда придерживаемся и мы, понимая под исполнением приговора (определения и постановления) суда деятельность суда, а также других органов и учреждений, отдельных должностных лиц по обращению приговора, определения и постановления суда к исполнению, приведению их к исполнению и фактическому исполнению (далее по тексту – исполнение приговора).

Приступая к анализу теоретико-правовой модели прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора, прежде всего остановимся на рассмотрении категории «объект прокурорского надзора». В специальной литературе вызывает разногласия сама трактовка указанного понятия. Одна группа авторов признает объектом прокурорского надзора органы, учреждения, должностных лиц и граждан, за которыми прокуратура осуществляет надзор, другая – точное исполнение законодательства в деятельности указанных органов и должностных лиц, третьи к объектам прокурорского надзора относят их деятельность [14, с. 71; 15, с. 10–58; 16, с. 61–62].

В этом отношении предпочтение стоит отдать мнению В.В. Гаврилова, В.Г. Мелкумова и других юристов, считающих, что к объектам прокурорского надзора все же следует относить органы, учреждения, должностных лиц, граждан, в отношении которых прокуроры осуществляют надзорные функции. Ибо мнение о том, что действия (законность действий) участников правоотношений являются объектом прокурорского надзора, подверглась в теории прокурорского надзора, как видится, заслуженной критике по тем причинам, что прокурор тоже «участник правоотношений, связанных с исполнением закона» и собственным объектом надзора он быть не может [15, с. 11, 58; 17, с. 106; 18, с. 112, 129–130, 144–146].

Таким образом, под объектами прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора следует понимать органы, учреждения и должностных лиц, реализующих функцию исполнения приговора.

Результаты проведенного анализа действующего законодательства позволяют отнести к объектам прокурорского надзора: суд; судебных исполнителей; органы внутренних дел; уголовно-исполнительные инспекции органов внутренних дел; инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел; администрацию по месту работы осужденного, а также органы, правомочные в соответствии с законом аннулировать разрешение на занятие соответствующими видами деятельности; исправительные учреждения открытого типа; арестные дома; исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения; органы или должностные лица, которые присвоены воинские или специальные звания; командование воинских частей, учреждений, органов и воинских формирований; командование гарнизонов на гарнизонных гауптвахтах для военнослужащих; врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи, психиатрические стационары с обычным, усиленным и строгим наблюдением; специальные учебно-воспитательные учреждения (специальные школы закрытого типа и специальные профессионально-технические училища закрытого типа); места содержания под стражей (следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел, следственные изоляторы органов государственной безопасности, изоляторы временного содержания органов внутренних дел, изоляторы временного содержания органов пограничной службы, гарнизонные гауптвахты Вооруженных Сил); лечебно-трудовые профилактории.

Приведенные объекты прокурорского надзора целесообразно классифицировать на две группы, в зависимости от отношения к той или иной отрасли прокурорского надзора, в рамках которой прокуроры осуществляют за ними надзор: объекты надзора за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; объекты надзора за соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, а также мер принудительного характера.

Вторая группа из названных в соответствии с предписаниями действующего законодательства может быть, в свою очередь, классифицирована на такие подгруппы, как: органы и учреждения, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности; органы и учреждения, исполняющие принудительные меры безопасности и лечения; органы и учреждения, исполняющие принудительные меры воспитательного характера; места содержания под стражей; лечебно-трудовые профилактории.

Следующим критерием, используемым при моделировании организации и деятельности прокуратруры по осуществлению надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора, является предмет прокурорского надзора. Законодательная трактовка предмета прокурорского надзора приведена в ст.ст. 32 и 34 Закона о прокуратуре.

В юридической же литературе относительно предмета прокурорского надзора высказаны различные суждения. Б.М. Спиридонов к предмету прокурорского надзора за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях относил: 1) законность содержания осужденных; 2) соблюдение правил о режиме содержания; 3) соблюдение правил о труде осужденных; 4) соблюдение правил о политико-воспитательной работе среди осужденных; 5) соблюдение правил об общеобразовательном и профессионально-техническом обучении осужденных; 6) соблюдение правил об условиях содержания осужденных [5, с. 125–128]. Мнение ученого-юриста можно признать приемлемым, так как оно отражает специфику предмета прокурорского надзора, его отличие от объекта прокурорского надзора. В тоже время оно, как полагаем, не может быть применено в целом к надзору за соблюдением законодательства при исполнении приговора в силу своей узкопрофильной направленности.

Предметом прокурорского надзора за законностью исполнения приговора Г.И. Бровин и В.Т. Михайлов признавали конкретные общественные отношения, складывающиеся в сфере их исполнения между учреждениями и другими органами, призванными исполнять приговора, и осужденными или оправданными лицами, а также всеми другими гражданами и должностными лицами [19, с. 6]. Как представляется, слабой стороной данного определения является гипернеперсонифицированность сферы приложения усилий прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора, что затрудняет уяснение сущности и специфики рассматриваемого вида прокурорского надзора.

Более приемлемыми относительно предмета прокурорского надзора выглядят подходы, высказанные В.В. Гавриловым. Основываясь на их содержании, есть все основания утверждать, что предметом прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора является: соответствие правовых актов, решений, действий (бездействия) объектов прокурорского надзора предписаниям действующего законодательства; соблюдение при исполнении приговора законодательства лицами, в отношении которых постановлен приговор; принятие объектами прокурорского надзора мер к предупреждению нарушений законности при исполнении приговора.

Третьим критерием, определяющим основы теоретико-правовой модели осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора, выступают полномочия прокуроров. В теории прокурорского надзора до сих пор не выработан единый общепризнанный подход к научно-категориальному аппарату, а также к его классификации и содержанию, обозначающему совокупность полномочий прокуроров по осуществлению прокурорского надзора.

Большинство правоведов обоснованно считает, что характер использования правомочий прокурора позволяет разделить их на два вида – установление нарушений законности и реагирование на нарушения законности. Однако из-за отсутствия ясности с понятийным аппаратом одни юристы приме-

няют категорию «методы», подразумевая под ней полномочия прокурора по установлению нарушений законности, и категорию «формы реагирования на выявленные нарушения законности», имея в виду способы реагирования на нарушения законности, другие включают в одно из двух приведенных выше понятий весь комплекс полномочий прокуроров, направленных на установление и устранение нарушений законности, третьи – для обозначения всей совокупности прав и обязанностей прокуроров используют термин «правовые средства прокурорского надзора».

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что более верной, на наш взгляд, является последняя из приведенных точек зрения.

В юридической литературе правовые средства прокурорского надзора классифицируются по различным основаниям, в частности, по характеру, форме и цели. Со своей стороны полагаем, что правовые средства прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора по их целевой направленности можно подразделить на две группы:

– правовые средства выявления нарушений законности и обстоятельств, им сопутствующих (средства по установлению фактов нарушений законности или угрозы такого нарушения; установлению виновных в этом лиц, а также причин нарушений и условий, им способствующих);

– правовые средства устранения и предупреждения нарушений законности и обстоятельств, им сопутствующих (средства пресечения, устранения и недопущения нарушений законности; восстановления нарушенного правового статуса субъектов правоотношений; привлечения к ответственности причастных к этому лиц) [20, с. 31–35].

В соответствии с Законом о прокуратуре к первой группе относятся полномочия прокуроров, перечисленные в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. и Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь от 11 января 2000 г., а также в ч. 1 ст. 35 настоящего Закона о прокуратуре. Ими, в частности, являются полномочия прокуроров:

– посещать в любое время без личного досмотра объекты прокурорского надзора;

– знакомиться с документами, на основании которых лица содержатся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, осуждены, подвергнуты принудительным мерам безопасности и лечения, принудительным мерам воспитательного характера;

– проверять соответствие законодательству постановлений, приказов и распоряжений должностных лиц объектов прокурорского надзора;

– требовать письменные объяснения от должностных лиц и иных граждан по фактам выявленных нарушений законодательства;

– требовать от должностных лиц устранения нарушений прав лиц, содержащихся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, осужденных, лиц, подвергнутых принудительным мерам безопасности и лечения, принудительным мерам воспитательного характера;

– в случаях, предусмотренных законодательными актами (УИК), санкционировать осуществление действий или давать согласие на их осуществление должностными лицами объектов прокурорского надзора.

Вторую группу полномочий прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора составляют следующие правовые меры прокурорского реагирования, содержащиеся в чч. 2 и 3 ст. 35 Закона о прокуратуре:

– отмена прокурором взыскания, наложенного в нарушение законодательства на лиц, содержащихся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, осужденных, подвергнутых принудительным мерам безопасности и лечения, принудительным мерам воспитательного характера, в том числе немедленное их освобождение прокурором из штрафного и дисциплинарного изоляторов, помещения камерного типа, одиночной камеры (одиночной камеры на гарнизонной гауптвахте), карцера;

– отмена незаконных постановлений начальника исправительного учреждения о вводе режима особого положения;

– внесение представления, принесение протеста, вынесение предписания и официального предупреждения;

– составление протокола об административных правонарушениях;

– вынесение постановления о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности;

– вынесение постановления о возбуждении уголовного дела;

– немедленное освобождение прокурором лиц, незаконно содержащихся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, отбывающих наказание в виде ареста, ограничения свободы, направления в дисциплинарную воинскую часть, лишения свободы, пожизненного заключения, а также лиц, в отношении которых незаконно применены принудительные меры безопасности и лечения или принудительные меры воспитательного характера с помещением в специальное учебно-воспитательное либо лечебно-воспитательное учреждение.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что прокурорский надзор за соблюдением законодательства при исполнении приговора распространяется не только собственно на стадию уголовного процесса – исполнение приговора, но и на деятельность, непосредственно связанную с реализацией функции по фактическому исполнению приговора.

При матрицировании организации и деятельности прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора необходимо оперировать такими базовыми критериями, как объект прокурорского надзора, предмет прокурорского надзора и правовые средства прокурорского надзора.

Список цитированных источников

1. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Белякин, Н.М. Прокурорский надзор за соблюдением законов об административном надзоре, осуществляемом органами милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: учебное пособие / Н.М. Белякин, А.П. Сафонов. – М., 1981. – 43 с.

3. Сафонов, А.П. Прокурорский надзор за исполнением законов об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: методическое пособие / А.П. Сафонов. – М., 1971. – 211 с.

4. Сафонов, А.П. Прокурорский надзор в борьбе с рецидивом преступлений / А.П. Сафонов, В.Т. Михайлов. – М., 1970. – 216 с.

5. Спиридонов, Б.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях / Б.М. Спиридонов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 204 с.

6. Спиридонов, Б.М. Советская прокуратура и проблемы надзора за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях: автореферат дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Б.М. Спиридонов; Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1981. – 43 с.

7. Спиридонов, Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора (при разрешении судами вопросов, связанных с исполнением приговора в исправительно-трудовых учреждениях) / Б.М. Спиридонов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 88 с.

8. Басков, В.И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. / В.И. Басков. – 2-е изд. – М.: Юридическая литература, 1986. – 288 с.

9. Гальченко, А. Организация комплексных проверок исправительных учреждений / А. Гальченко // Законность. – 2012. – № 1. – С. 29–32.

10. Аврах, Я.С. Исполнение приговора по УПК РСФСР / Я.С. Аврах // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1961. – С. 190–191.

11. Белозеров, Ю.Н. Исполнение приговора в советском уголовном процессе: учебное пособие / Ю.Н. Белозеров, В.В. Николюк. – М., 1984. – 66 с.

12. Перлов, И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М.: Юридическая литература, 1963. – 228 с.

13. Матвиенко, Е.А. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора / Е.А. Матвиенко, В.Н. Бибило. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 206 с.

14. Новиков, С.Г. Прокурорская система в СССР / С.Г. Новиков. – М.: Юридическая литература, 1977. – 208 с.

15. Гаврилов, В.В. Сущность прокурорского надзора в СССР (предмет, объект, функция, компетенция); под ред. В.И. Новоселова / В.В. Гаврилов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. – 150 с.

16. Даев, В.Г. Основы теории прокурорского надзора / В.Г. Даев, М.Н. Маршунов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 136 с.

17. Мелкумов, В.Г. Советская прокуратура и проблемы общего надзора; под общ. ред. С.А. Раджабова / В.Г. Мелкумов. – Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1970. – 243 с.

18. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л.Г. Букато [и др.]; под общ. ред. А.В. Конюка. – Минск: Амалфея, 2012. – 264 с.

19. Бровин, Г.И. Прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров / Г.И. Бровин, В.Т. Михайлов. – М.: Юридическая литература, 1977. – 136 с.

20. Сенько, А. О научно-категориальном аппарате теории прокурорского надзора / А. Сенько // Законность и правопорядок. – 2008. – № 1. – С. 31–35.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье исследуются основы теоретико-правовой модели осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении приговора. Показывается, что прокурорский надзор распространяется как на стадию исполнения приговора, так и на деятельность субъектов правоотношений, непосредственно реализующих функцию исполнения приговора.

Автор приходит к выводу, что объекты прокурорского надзора представлены судами, иными органами и учреждениями, должностными лицами, на которых законодательством возложена функция по исполнению приговора. Предметом прокурорского надзора является соответствие законодательству решений, действий (бездействия) объектов прокурорского надзора, а также лиц, в отношении которых постановлен приговор. Приводится авторская классификация правовых средств прокурорского надзора.

The article examines the fundamentals of theoretical and legal model of the prosecutor's supervision over the observance of the legislation during the execution of a sentence. It's revealing that the public prosecutor's supervision extends to the stage of execution of sentence as well as on the activities of the subjects of legal relationships that directly implement the function of the execution of sentence.

The author comes to the conclusion that the objects of public prosecutor's supervision are presented by the courts, other structures and institutions, officials, which implement the function of the execution of sentence. The subject of public prosecutor's supervision is the correspondence of decisions, actions (inaction) of the objects of the public prosecutor's supervision to the legislation as well as those in respect of which the sentence decreed. The classification of legal resources of public prosecutor's supervision is given by the author.

НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНА, ВЫЯВЛЯЕМЫЕ ПРОКУРОРОМ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Камчатов К.В.

Обеспечение конституционных прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, посредством осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания является одним из основных и важнейших участков надзорной деятельности органов прокуратуры. На практике ущемление или ограничение прав и законных интересов может выражаться как в непосредственной, так и в опосредованной форме, когда нарушения должностными лицами требований закона неизбежно отражаются на потерпевших.

Анализ результатов надзорной практики позволяет выделить наиболее типичные нарушения.

Так, качество проводимых проверок сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях предъявляемым законом требованиям отвечает не всегда, вследствие чего защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступных посягательств, обеспечивается не во всех случаях. Основными нарушениями при проверке сообщений о преступлениях

остаются их неполнота, вынесение незаконных и необоснованных процессуальных решений, нарушение сроков их принятия. Не исключены факты неоднократного принятия незаконных решений по одному и тому же материалу проверки. В результате проверки сообщений о преступлениях проводятся в течение неоправданно длительного времени, что влечет нарушение прав граждан на защиту от преступных посягательств, разумный срок и существенное ограничение права потерпевших на доступ к правосудию.

Проанализировав причины отмены прокурорами незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и возращении материалов для проведения дополнительной проверки, можно выделить их основные причины: неустановление размера причиненного преступлением имущественного вреда; занижение его размера; неустановление степени тяжести вреда здоровью, причины смерти потерпевшего; наличие противоречивых выводов о механизме причинения телесных повреждений, имеющихся в материалах проверок, судебно-медицинских заключениях и справках скорой медицинской помощи; отсутствие или неполнота, формальность объяснений заявителей; отсутствие объяснений заявителя и очевидцев о причинах изменения их первоначальных объяснений; фальсификация объяснений заявителей, отражающих факты, не соответствующие фактическим обстоятельствам произошедшего; неподтверждение в ходе дополнительной проверки сведений заявителей о совершенном преступлении; неустранение противоречий между пояснениями заявителей, пострадавших и очевидцев и др.

В ряде случаев устанавливаются факты многочисленных нарушений прав заявителей. Так, с целью обоснования незаконных решений в постановлениях об отказе в возбуждении уголовных дел зачастую приводятся надуманные основания: непредставление справок о размере причиненного преступлением имущественного вреда, его незначительности для потерпевших, их нахождение в состоянии алкогольного опьянения. По сообщениям из медицинских учреждений о причинении телесных повреждений намеренно не выясняются обстоятельства происшествий, указываются не соответствующие действительности сведения о невозможности опроса лиц, которым причинены телесные повреждения.

Повышенное внимание соблюдению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, уделялось прокурорами при проверке законности и обоснованности постановлений о возбуждении уголовных дел. Как показывает анализ практики, должностными лицами органов предварительного расследования допускаются факты нарушений требований закона, когда на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют достаточные данные для этого или при наличии гражданско-правовых отношений действия участников квалифицируются как уголовно наказуемые.

Прокурорами отмечаются многочисленные нарушения при производстве дознания и предварительного следствия. Об этом свидетельствует анализ правоприменительной практики и результаты анкетирования прокурорских работников. Так, чаще всего прокурорами устанавливались следующие нару-

шения требований УПК РФ: нарушение разумного срока уголовного судопроизводства в отношении потерпевших; неустановление лиц, которым причинен вред преступлением и непризнание их потерпевшими по уголовным делам; поверхностные, формальные допросы потерпевших; вынесение незаконных и необоснованных постановлений по вопросам, затрагивающим права и законные интересы потерпевших; несоблюдение требований закона, регламентирующего привлечение законного представителя несовершеннолетних и представителя потерпевшего к участию в уголовном деле; неознакомление с постановлениями о назначении судебно-медицинских экспертиз по делам об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, отсутствие выводов эксперта по вопросам, касающимся потерпевших.

О просчетах в организации ведомственного контроля свидетельствует характер обжалуемых прокурору действий и решений органов предварительного расследования. Так, преобладают жалобы на действия (бездействие) и решения при принятии, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. Имеют место жалобы со стороны потерпевших на волокиту при расследовании уголовных дел, на незаконность и необоснованность постановлений о приостановлении и прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Все это свидетельствует о том, что качество проверок сообщений о преступлениях не соответствует предъявляемым законом требованиям, а дознание и предварительное следствие не в полной мере обеспечивают достижение назначения уголовного судопроизводства, что вызывает обоснованные жалобы на нарушение конституционных прав заинтересованных лиц.

Нарушения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, отмечаются при проверках законности и обоснованности приостановления дознания и предварительного следствия. Основной причиной отмены постановлений о приостановлении предварительного следствия и дознания являлось невыполнение всех процессуальных действий, возможных в отсутствие обвиняемого, а именно: непризнание надлежащего лица потерпевшим; неустановление в полной мере объема похищенного имущества и иного причиненного вреда; непроведение следственных действий, закрепляющих показания потерпевших (например, осмотры с их участием, следственные эксперименты, очные ставки и др.); непроведение следственных действий, направленных на изъятие похищенного или предметов (орудий) преступлений (например, выемки, обыск, осмотр места происшествия); несвоевременное ознакомление потерпевших с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов, неназначение экспертиз, в том числе в случаях, когда законом это требуется в обязательном порядке (например, установление психического и физического состояния потерпевшего или его возраста); непроведение допроса потерпевшего; неуведомление потерпевших о принятых процессуальных решениях; нарушение срока и порядка разрешения ходатайств потерпевших.

При проверке законности и обоснованности решения о прекращении уголовных дел (уголовного преследования) прокурорами отмечают-

ся следующие нарушения, допущенные должностными лицами органов дознания и предварительного следствия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и послужившие причинами принятия процессуальных решений о прекращении уголовных дел (уголовного преследования), нарушающие или затрагивающие права и законные интересы потерпевших: установление гражданско-правового характера отношений между обвиняемыми и потерпевшими, явившихся в результате неправильной юридической оценки основанием для возбуждения уголовного дела; изменение показаний потерпевшими, которые при проверке сообщений о преступлениях давали объяснения, являющиеся единственным фактом, указывающим на наличие оснований для возбуждения уголовных дел; добросовестное заблуждение потерпевших об обстоятельствах, влияющих на квалификацию преступления, которые к моменту возбуждения уголовного дела до конца не выяснены, поскольку требовалось проведение экспертиз, других следственных и процессуальных действий. Данные решения, принимаемые вследствие пробелов организации законности и обоснованности возбуждения уголовного дела, приводят к нарушениям прав граждан, ошибочно признанных потерпевшими ввиду незаконности и необоснованности осуществляемого уголовного преследования.

Причинами возвращения прокурорами уголовных дел в порядке, предусмотренном ст. 221 УПК РФ, для производства дополнительного расследования нередко являются нарушения прав и законных интересов потерпевших. Среди них отмечаются: не устанавливается в полном объеме имущественный вред по делам о хищениях; не проводятся следственные действия, закрепляющие показания потерпевших (например, проверка показаний на месте, очные ставки и др.); установлена необходимость дополнительного допроса потерпевших, в том числе с целью устранения противоречий в их показаниях и показаниях обвиняемых; не выяснены причины изменения потерпевшим своих первоначальных показаний.

Как показывает анализ практики, возврат судом уголовных дел прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, является следствием просчетов надзорной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В процессе дознания и предварительного следствия и при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) прокуроры поверхностно изучали соответствие выводов органов предварительного расследования фактическим обстоятельствам дела, формально подходили к оценке соблюдения уголовно-процессуальных норм при выполнении следственных действий и принятии процессуальных решений, соответствию составленных в ходе расследования документов требованиям закона.

Наиболее распространенными причинами для возвращения судами уголовных дел прокурору являлись: неуказание личностных данных потерпевших; неустановление характера и размера ущерба; неуказание характера и последствий совершенного преступления; невыполнение требований закона при ознакомлении потерпевших с материалами дела; отсутствие личностных данных о

гражданских истцах; признание по уголовным делам в качестве представителей потерпевших лиц, не предусмотренных законом; неознакомление потерпевших с заключением экспертиз; отсутствие в материалах уголовных дел сведений об уведомлении потерпевших о направлении дел в суд и др.

Обобщение результатов надзорной деятельности прокуроров как на досудебных, так и на судебных стадиях уголовного судопроизводства позволяет говорить о ряде тенденций в рассматриваемой сфере, характеризуемой их повторяемостью и распространенностью.

Так, повсеместно распространено нарушение прав лиц, потерпевших от преступлений, когда в материалах уголовного дела должностные лица органов предварительного следствия и органов дознания не исследуют в процессе расследования уголовных дел данные о личности потерпевших или вообще их не устанавливают. Несмотря на тот факт, что установление этих данных не входит в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) на практике от них зависит установление характера причиненного морального вреда, обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ), адекватное восприятие личности потерпевшего присяжными заседателями. В результате это приводит к совокупности нарушений: несвоевременное признания лиц потерпевшими, их поверхностные допросы, неназначение судебных экспертиз, потерпевший не уведомляется о процессуальных действиях, затрагивающих его права и законные интересы.

Прокурорами на постоянной основе при осуществлении надзора устанавливаются нарушения прав и свобод лиц и организаций, потерпевших от преступлений, касающиеся определения размера и характера ущерба. Как было указано ранее, на стадии проверки сообщений о преступлениях умышленно занижается размер причиненного вреда, его характер не конкретизируется. В процессе осуществления предварительного расследования фактические данные о вреде также не устанавливаются и процессуально не закрепляются. Нередко в силу малозначительности совершенного преступления, а также наличия гражданско-правовых отношений, некомпетентно воспринятых органами предварительного следствия и органами дознания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, уголовные дела (уголовное преследование) прекращаются, потерпевшие не получают доступ в правосудию в разумные сроки. Принимаемые прокурором меры не всегда являются эффективными. По-прежнему одним из острых вопросов остается вопрос о возмещении ущерба, причиненного различного вида хищениями. Сложности его возмещения практически повсеместно возникают при соблюдении прав потерпевших в рамках расследования уголовных дел о преступлениях в сфере топливно-энергетического комплекса, нецелевого расходования бюджетных средств, организованной преступности, рейдерских захватов, незаконной добычи и переработки биологических и природных ресурсов, в сфере долевого строительства многоквартирных жилых домов. По делам последней категории в качестве потерпевших нередко признаются несколько тысяч лиц, которым причинен ущерб в размере нескольких миллиардов рублей.

Как показывает проведенное изучение, ведомственный контроль руководителей следственных органов и органов (подразделений) дознания не всегда способен в полной мере обеспечить законность принимаемых процессуальных решений, затрагивающих права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Этому в некоторой степени содействуют просчеты и упущения в организации текущего прокурорского надзора: нарушения, как правило, выявляются при оценке законности и обоснованности таких процессуальных решений, как решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о приостановлении предварительного следствия (дознания) либо после окончания предварительного расследования при поступлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением (актом). При этом зачастую бывают утрачены возможности для восполнения пробелов предварительного расследования. В этих случаях становится затруднительно или невозможно установить обстоятельства, определяющие размер и характер вреда, причиненного преступлениями, а также лиц, их совершивших.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере считаем необходимым обратить внимание на возможность реализации мер управленческого (кадровое перераспределение, издание организационно-распорядительных актов) и методического характера (информационно-аналитическое обеспечение, распространение положительного опыта). Целесообразность данных предложений соотносится с результатами опроса прокурорских работников, указавших в качестве факторов, негативно влияющих на качество прокурорского надзора за соблюдением прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве, загруженность другими видами надзора (39 % респондентов) и отсутствие соответствующих методических рекомендаций (32 % респондентов).

В качестве организационно-распорядительных мер предлагается новая редакция п. 1.2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»: «осуществляя надзор за законностью действий и решений органов следствия и дознания, уделять особое внимание правовому и фактическому положению и личности потерпевших, характеру и размеру вреда, причиненного преступлением». Предложенный вариант не противоречит и не дублирует положения действующих приказов (п. 11.3 приказа от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», п. 1.2 приказа от 02.06.2011 № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», п. 1.5. приказа от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»), а нацеливает прокуроров на использование потенциала УПК РФ в целях обеспечения прав и законных интересов потерпевших.

Дата поступления статьи – 10.09.2013.

Данная статья обобщает результаты прокурорской деятельности, связанной с осуществлением надзора за соблюдением прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В ней представлены краткий анализ практики прокурорского надзора в данном направлении, основные нарушения, выявляемые прокурорами, делаются предположения о тенденциях в рассматриваемой сфере, а также выводы и предложения по повышению эффективности прокурорского надзора.

This article summarizes the results of the prosecutor's activities related to the implementation of the supervision of the observance of the rights and lawful interests of individuals who are victims of crimes. It presents a brief analysis of the practice of Public Prosecutions in this direction, the main violations revealed by prosecutors, assumptions are made about the trends in this sphere, as well as conclusions and recommendations to improve the effectiveness of Public Prosecutions.

ФУНКЦИЯ КООРДИНАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ УКРАИНЫ

Козьяков И.Н.

В современных условиях проблема противодействия и предупреждения преступности должна решаться комплексно, при участии всех правоохранительных органов, которые обеспечивают правопорядок и защиту интересов личности, общества и государства. Поэтому существует необходимость согласования действий этих органов как эффективного механизма укрепления законности, обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, государственных интересов. Исходить следует из того, что в сфере противодействия преступности перед правоохранительными органами поставлены общие цели и задачи. При этом они функционируют независимо друг от друга, используя специфические формы и методы деятельности в пределах законодательно установленной компетенции. Единственным средством определения насущных вопросов и путей их решения, объединения их усилий, устранения дублирования во время исполнения определенных функций, а значит, и повышения эффективности противодействия уголовным правонарушениям, является координация, сущность которой состоит в разработке и реализации совместных мер по противодействию преступности. Благодаря координации формируется широкий фронт борьбы с этим отрицательным явлением, обеспечивается целеустремленность в решении наиболее актуальных задач, устраняются параллелизм и дублирование в работе правоохранительных органов, более рационально распределяются между ними силы и используются разнообразные правовые средства и методы работы.

Согласно Закону Украины от 18 сентября 2012 г. № 5288-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в вопросах усовершенствования деятельности прокуратуры» [1], изменена редакция ст. 10 Закона Украины «О прокуратуре», которая получила название

«Координационные полномочия прокуратуры в сфере противодействия преступности и коррупции». Новой редакцией этой нормы предусмотрено, что Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуроры с целью повышения эффективности противодействия преступности и коррупции координируют деятельность правоохранительных органов в вопросах противодействия преступности и коррупции. Координационные полномочия прокуратуры реализуются путем проведения совместных совещаний, создания межведомственных рабочих групп, проведения согласованных мероприятий, аналитической деятельности и т. п. Основной формой координации деятельности правоохранительных органов является проведение координационного совещания ее руководителей под председательством соответствующего прокурора. На координационные совещания приглашаются руководители органов исполнительной власти и органов местного самоуправления для заслушивания информации об их деятельности в вопросах предупреждения и противодействия преступности и коррупции. Решение координационного совещания являются обязательными для исполнения указанными в нем правоохранительными органами.

Организация работы по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией определяется Положением, которое разрабатывается и утверждается Генеральным прокурором Украины по согласованию с руководителями правоохранительных органов.

В развитие законодательных новелл совместным приказом Генерального прокурора Украины и руководителей правоохранительных органов от 11 февраля 2013 г. утверждено Положение о координации деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности и коррупции.

В научной литературе координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью рассматривается в качестве отдельной функции органов прокуратуры. Ю.М. Грошевой, Л.Г. Давыденко, В.С. Зеленецкий, Т.Б. Вильчик, В.В. Кулаков, И.Е. Маточкин, Н.И. Мычко и другие ученые в своих публикациях делают акцент на целесообразности развития координационной функции прокуратуры, поскольку, на их взгляд, объективная потребность в этом обусловлена тем, что согласованность и общность действий органов, которые принимают участие в борьбе с преступностью, является необходимым условием эффективности их деятельности.

В частности, Н.И. Мычко отмечает, что в пределах координационной функции прокурор: организовывает совместное обобщение практики правозащитных органов по борьбе с преступностью; проводит координационные совещания работников правоохранительных органов; организовывает контроль за выполнением общих мероприятий, применяет другие меры по согласованию действий правозащитных органов. При этом им делается справедливый вывод, что координирующая роль прокурора не преуменьшает значения других правоохранительных органов в деле борьбы с преступностью, не ставит их в зависимость и под контроль прокуратуры [2, с. 205, 206].

Как известно, общность действий субъектов борьбы с преступностью обеспечивается, с одной стороны, ими самими на паритетной основе, а с другой – координирующей деятельностью одного из них, на кого эта обязанность возложена действующим законодательством. Прокуратура на протяжении многих лет выполняет указанную функцию и накопила в этом деле значительный опыт. В отличие от других координационных органов по вопросам противодействия преступности, «...прокуратура принимает меры к согласованию действий лишь тех органов, которые специально созданы для борьбы с преступностью и проводят эту борьбу повседневно» [3].

Следует указать, что координационная функция прокуратуры объективно обусловлена ее предназначением как структуры, взаимодействующей в вопросах обеспечения законности со всеми ветвями государственной власти. Координация дополняет надзорную функцию прокуратуры и расширяет ее возможности. Прокуроры координируют действия лишь тех органов государственной власти, для которых борьба с преступностью является основной (приоритетной) и постоянной функцией.

В пользу закрепления за прокуратурой функции координации действий правоохранительных органов в сфере противодействия преступности и коррупции свидетельствует следующая аргументация.

Гарантирование и защита прав и свобод человека и гражданина как фундаментальная задача государства предусматривает их обеспечение на основе точного определения места, роли и высокого уровня согласованности усилий всех государственных органов, независимо от функционального назначения и ведомственной принадлежности. При этом только на базе научно выверенного курса государственно-правового строительства, которое учитывает своеобразность переходной правовой системы Украины и исключает спонтанные и эклектичные заимствования из других национальных правовых систем, возникает возможность построения слаженной правоохранительной системы.

Учитывая специфику социального и политико-правового предназначения, прокуратура Украины является государственным органом полифункционального типа. Широкий диапазон взаимозависимых функций, очевидная универсальность характера ее деятельности указывают на высокую степень применимости правовых средств органов прокуратуры в решении задач обеспечения законности и правопорядка в стране.

Прокуратура Украины является уникальным государственно-правовым образованием, предназначение которого – укрепление законности и правопорядка в стране. Органы прокуратуры представляют единую централизованную систему органов, в которой четко централизованный характер их организации и деятельности создает условия для обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки и служебной дисциплины во всех звеньях прокурорской системы, имеет широкие возможности оперативной мобилизации прокурорских работников для выполнения задач общегосударственного, межрегионального и регионального характера любой сложности.

Прокуратура Украины – это единая централизованная система государственных органов. Предметом внимания прокуратуры являются не ведомственные интересы, а защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства на основе законности. Именно этим определяется содержание основных целей и задач функционирования прокурорской системы, в том числе в сфере противодействия и предупреждение преступности и коррупции.

Основная цель деятельности прокуратуры – максимально полное использование потенциальных возможностей ее органов, которые оказывают содействие реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, осуществлению единой государственной политики в правоохранительной сфере на основе укрепления правовыми средствами органов прокуратуры режима законности во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Задачами деятельности прокуратуры сейчас является своевременное выявление нарушений закона, причин и условий, которые представляют угрозу жизненно важным интересам человека, общества и государства, их устранение или нейтрализация, применение мер по предупреждению нарушений законов.

Иначе говоря, единство органов прокуратуры, которое заключается в наличии единых целей и задач для всех органов прокуратуры независимо от места, которое они занимают в иерархии прокурорской системы, в однообразии полномочий прокуроров всех уровней, является основой целенаправленного, согласованного функционирования механизма прокурорской деятельности. Единство прокурорской системы исключает возможность создания и деятельности на территории Украины иных подобных прокуратуре органов, которые не входят в единую систему прокуратуры Украины. Это положение является одной из весомых гарантий монолитности прокуратуры. Объективно присущий принципу единства прокуратуры высокий правозащитный потенциал прокурорской системы заслуживает серьезного внимания при выполнении современных задач государственного строительства.

Также прокуратура Украины входит в международный правозащитный механизм укрепления международной законности и борьбы с постоянно возникающими глобальными угрозами в правовой сфере. Его реализация происходит в форме международного сотрудничества и правовой помощи правоохранительным и другим органам зарубежных государств, специализированным международно-правовым структурам.

Роль прокуратуры в государственной системе противодействия преступности и коррупции определяется имманентно присущими ей статусными и функциональными характеристиками, которые раскрываются в том, что:

1) компетенция прокуратуры, цели и задачи ее деятельности в этой сфере органически объединяются с положениями принципа верховенства права и представляют собой целостное единство;

2) постоянными приоритетами прокурорской деятельности является охраняемые законом интересы человека и гражданина, общества и государ-

ства, которые определяют содержание противодействия криминальным и коррупционным правонарушениям;

3) органическую часть прокурорской деятельности, которая усиливает ее правозащитное предназначение, представляет выявление, пресечение и предупреждение прокуратурой правонарушений, посягающих на охраняемые законом интересы;

4) функциональная прокурорская деятельность обеспечивает мониторинг всех сфер общественных отношений, в которых могут возникать и развиваться основные виды нарушений прав и свобод человека и гражданина, неправомерных посягательств на интересы общества и государства;

5) надзорной деятельностью прокуратуры охвачены все государственные органы, которые непосредственно противодействуют преступности и коррупции, осуществляя оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие;

6) прокуратура осуществляет системное корректирующее воздействие на деятельность всех государственных субъектов правоохранительной деятельности.

Следовательно, прокуратура является системообразующим центром контрольной и правоохранительной систем государства, в том числе координатором правоохранительных органов в борьбе с правонарушениями.

Основное содержание деятельности прокуратуры заключается в надзоре за соблюдением законов правоохранительными органами и другими субъектами, которые входят в состав государственной системы противодействия и предупреждения преступности и коррупции, и, по сути, создает соответствующий режим законности и правопорядка в этой сфере. Поскольку потребности правового государства предусматривают не только выполнение законов как актов, которые исходят непосредственно от законодательной власти, но и обеспечение законности вообще, понимая под этим внутренне согласованную систему нормативно-правового регулирования и соответствующее ей поведение субъектов правовых отношений.

В условиях укрепления государственности становится закономерной тенденция развития контрольно-надзорной деятельности. Представляется, что прокуратура должна быть основой современной системы социально-правового контроля Украины. Только взаимозависимое функционирование каждого из элементов этой системы будет влиять на снижение уровня угроз правам и свободам человека и гражданина, интересам общества и государства. В этом аспекте важное профилактическое и регулирующее значения имеет правозащитная деятельность прокуратуры. При необходимости она организовывает и стимулирует корректирующее взаимодействие элементов государственного контроля с учетом актуализированных приоритетов укрепления законности и правопорядка. При этом происходит постепенный процесс усиления правозащитной роли прокуратуры, наполнение его новым содержанием, адекватным государственным задачам.

Включение в сферу деятельности прокуратуры функции координации прокурором деятельности правоохранительных органов, безусловно, необходимый шаг, учитывая высокий потенциал консолидации их усилий в борьбе с опаснейшими формами посягательств на эти интересы – уголовными правонарушениями.

Предложенный тезис полностью согласуется с теоретическими основами построения организационных систем, в частности, с «законом синергии», согласно которому для любой организации существует такой набор элементов, при котором ее потенциал будет или существенным образом больше, или существенным образом меньше простой суммы потенциалов, которые входят в организацию элементов [4].

Вполне очевидно, что при формировании эффективной системы противодействия преступности и коррупции общество заинтересовано в обретении им существенно большего потенциала, чем это имело бы место при ее отсутствии. Вместе с тем не возникает сомнений, что без координирующего воздействия внутри правоохранительной системы она не сможет иметь высокий «коэффициент полезного действия», который будет более значительным, нежели механическое сложение результатов работы всех правоохранительных органов, осуществляющих противодействие преступности и коррупции.

Деятельность прокуратуры по стабилизации правовой системы страны в условиях масштабных законодательных реформ является одним из ключевых условий гарантирования и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, защиты интересов общества и государства. В действительности указанная деятельность прокуратуры органически связана с основными элементами правовой системы: правотворчеством, правопониманием и правоприменительной практикой; судопроизводством; обеспечением законности и правопорядка; системами профилактики правонарушений и социально-правового контроля; организационной инфраструктурой защиты прав человека и основоположных свобод; правовой идеологией и культурой.

Список цитированных источников

1. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України з питань удосконалення діяльності прокуратури: Закон України від 18 вересня 2012 р. № 5288-VI // Офіційний вісник України. – 2012. – № 73. – Ст. 2934.

2. Мичко, М.І. Проблеми функцій і організаційного устрою прокуратури України: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / М.І. Мичко. – Харьків: Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого, 2001. – С. 205–206.

3. Бурбика М.М. Координаційна діяльність органів прокуратури у сфері протидії злочинності: організаційно-правові засади: монографія / М.М. Бурбика. – Суми: Сумський держ. ун-т, 2011. – С. 31–32.

4. Введение в теорию организационных систем : учеб. пособие / Н. Дроздов; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2001. – 172 с. – С. 44.

Дата поступления статьи – 10.09.2013.

В статье исследуются особенности правового обеспечения, организации и реализации функции координации противодействия преступности и коррупции в системе деятельности прокуратуры Украины. Раскрывается роль прокуратуры в государственной системе противодействия преступности и коррупции с имманентно присущими ей статусными и функциональными характеристиками. Также акцентируется внимание реализации форм координационной деятельности в сфере противодействия преступности и коррупции.

Автор подчеркивает, что координация дополняет надзорную функцию прокуратуры и расширяет ее возможности. Также в данной научной статье он отмечает, что на практике связь координационной и надзорной функции прокуратуры Украины проявляется в существенном влиянии на обеспечение законности и правопорядка в стране.

Автор обосновывает, что прокуратура является системообразующим центром контрольной и правоохранительной системой государства, в том числе координатором правоохранительных органов в противодействии с правонарушениями; аргументирует необходимость включения в сферу деятельности прокуратуры контрольно-надзорной функции и координации прокурором деятельности правоохранительных органов.

Автор приходит к выводу, что деятельность прокуратуры является одним из ключевых условий гарантирования и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, защиты интересов общества и государства.

In article features of legal support, the organization and realization of function of coordination of counteraction of criminality and corruption in system of activity of prosecutor's office of Ukraine are investigated. The prosecutor's office role in the state system of counteraction of criminality and corruption with immanently inherent it status and functional characteristics reveals. Also the attention of realization of forms of coordination activity in the sphere of counteraction of criminality and corruption is focused.

The author emphasizes that coordination supplements supervising function of prosecutor's office and expands its opportunities. Also in this scientific article he notes that in practice communication of coordination and supervising function of prosecutor's office of Ukraine is shown in essential influence on law enforcement and a law and order in the country.

Proves that the prosecutor's office is the backbone center control and law-enforcement system of the state, including the coordinator of law enforcement agencies in counteraction with offenses. Reasons need of inclusion in a field of activity of prosecutor's office of function control and supervising and coordination by the prosecutor of activity of law enforcement agencies.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПРОКУРОРОМ ПРАВ И СВОБОД ДЕТЕЙ В СУДЕ

Попов Г.В.

Ст. 3 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года предусматривает, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры.

Государства-участники обеспечивают, чтобы учреждения, службы и органы, ответственные за заботу о детях или их защиту, отвечали нормам, установленным компетентными органами, в частности, в области безопасности и здравоохранения и с точки зрения численности и пригодности их персонала, а также компетентного надзора [1].

С целью как можно более эффективной защиты прав и свобод детей государство создает развитую систему органов, на которые, в частности, возлагает обязанности по социальной защите и предупреждению правонарушений среди детей. К таким органам в соответствии со ст. 1 Закона Украины «Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей» относятся:

– центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование государственной политики в сфере семьи и детей, центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере семьи и детей, орган исполнительной власти Автономной Республики Крым в сфере семьи и детей, соответствующие структурные подразделения областных, Киевской и Севастопольской городских, районных государственных администраций, исполнительных органов городских и районных в городах советов;

– уполномоченные подразделения органов внутренних дел;

– приемники-распределители для детей органов внутренних дел;

– школы социальной реабилитации и профессиональные училища социальной реабилитации органов образования;

– центры медико-социальной реабилитации детей учреждений здоровья;

– специальные воспитательные учреждения Государственной уголовно-исполнительной службы Украины;

– приюты для детей;

– центры социально-психологической реабилитации детей;

– социально-реабилитационные центры (детские городки).

В осуществлении социальной защиты и профилактики правонарушений среди детей участвуют в пределах своей компетенции другие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации независимо от формы собственности, отдельные граждане [2].

Вместе с тем следует отметить, что нарушения закона в сфере защиты прав и свобод детей имеют давольно распространенный характер. Так, благодаря принципиальной позиции прокуроров с начала 2013 года восстановлены права более 90 тыс. детей. В их пользу возмещено 19,1 миллионов гривен алиментов, стипендий, социальной помощи и т. д. По прокурорскому вмешательству к ответственности было привлечено почти 3 тыс. должностных лиц, отменено 162 незаконных акта. В защиту прав детей было начато 186 уголовных производств.

Действенной мерой восстановления нарушенных прав детей является представительство их интересов в судах и при исполнении судебных решений, в комплексе с использованием надзорных полномочий, имеет положительный результат [3].

Проблема реализации прокурором представительских полномочий неоднократно становилась предметом исследований Ю. Винокурова, А. Гришина, Ю. Грошевого, В. Долежана, М. Косюты, Н. Руденка, А. Михайленка и других ученых.

Прежде всего следует отметить, что ст. 4 действующего Закона Украины «О прокуратуре» содержит норму, в соответствии с которой деятельность органов прокуратуры направлена на всемерное утверждение верховенства закона, укрепление правопорядка, и имеет своей задачей защиту от неправомерных посягательств:

1) закрепленных Конституцией Украины независимости республики, общественного и государственного строя, политической и экономической систем, прав национальных групп и территориальных образований;

2) гарантированных Конституцией, другими законами Украины и международными правовыми актами социально-экономических, политических, личных прав и свобод человека и гражданина;

3) основ демократического устройства государственной власти, правового статуса местных советов, органов самоорганизации населения [4].

В соответствии с п. 1 приказа Генерального прокурора Украины «Об организации деятельности органов прокуратуры по защите прав и свобод детей» от 01.11.2012 года № 16 гн (далее – приказ Генерального прокурора Украины № 16 гн) основной задачей на указанном направлении является защита личных и социально-экономических прав детей, гарантированных Конституцией, законами Украины, Конвенцией ООН о правах ребенка, другими международно-правовыми актами [5].

В контексте представленной статьи основное внимание будет уделено проблеме определения оснований представительства прокурором прав и свобод детей в суде.

Так, ч. 1 ст. 237 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) определяет представительство как правоотношение, в котором одна сторона (представитель) обязана или имеет право совершить сделку от имени другой стороны, которую она представляет [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 36-1 действующего Закона Украины «О прокуратуре» представительство прокуратурой интересов гражданина или государства в суде заключается в осуществлении прокурорами от имени государства процессуальных и иных действий, направленных на защиту в суде интересов гражданина или государства в случаях, предусмотренных законом.

Вместе с тем остается открытым вопрос об основаниях участия прокурора в процессе с целью защиты прав и свобод детей.

Так, по общему правилу основанием возникновения представительства является юридический факт, с которым закон связывает возникновение правоотношений представителя с лицом, которое он представляет.

Например, в соответствии с ч. 3 ст. 237 ГК Украины представительство возникает на основании договора, закона, акта органа юридического лица, а также по иным основаниям, установленным актами гражданского законодательства.

Таким образом, юридическими фактами, с которыми закон связывает возникновение правоотношений представительства, могут быть обстоятельства, непосредственно предусмотренные законом (например, родители обязаны представлять интересы своих несовершеннолетних детей) [7, с. 557–558].

В соответствии с ч. 2 ст. 36-1 Закона Украины «О прокуратуре», основанием представительства в суде интересов гражданина является его невозможность из-за физического состояния, недостижения совершеннолетия, престарелого возраста, недееспособности либо ограниченной недееспособности самостоятельно защитить свои нарушенные либо оспариваемые права или реализовать процессуальные полномочия. Наличие таких оснований должно быть подтверждено прокурором путем предоставления суду соответствующих доказательств.

Ч. 2 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК Украины) определяет, что с целью представительства интересов гражданина или государства в суде прокурор в пределах полномочий, установленных законом, обращается в суд с исковым заявлением (заявлением), участвует в рассмотрении дел по его искам, а также может вступить по своей инициативе в дело, производство по которому возбуждено по иску других лиц, на любой стадии его рассмотрения, подает апелляционную, кассационную жалобу, заявление о пересмотре судебного решения Верховным Судом Украины, о пересмотре судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствами. При этом прокурор должен представить документы, подтверждающие невозможность гражданина самостоятельно осуществлять представительство своих интересов [8].

Важно отметить, что проект Закона Украины «О прокуратуре» содержит норму в соответствии с которой прокурор осуществляет представительство в суде интересов гражданина в случаях, если последний неспособен самостоятельно защитить свои нарушенные или оспариваемые права или реализовать процессуальные полномочия через недостижение совершеннолетия, недееспособность или ограниченную дееспособность. Наличие таких обстоятельств должно быть подтверждено прокурором путем предоставления суду соответствующих доказательств [9].

Пп. 5, 5.1 приказа Генерального прокурора Украины № 16 гн предусматривают, что при осуществлении представительства интересов детей в судах прокурору надлежит принимать меры по своевременному обеспечению исковых требований. Применять предоставленные законом полномочия участия по собственной инициативе в рассмотрении любого дела, если этого требует защита прав и законных интересов детей.

Вместе с тем важно отметить, что ни процессуальное законодательство, ни ведомственные нормативно-правовые акты не отвечают на вопросы: в каких именно случаях прокурор обязан представлять интересы ребенка и должен ли он (прокурор) ставить вопрос об ответственности законных представителей (родителей, опекунов, специально уполномоченных органов) лиц до 18 лет?

Необходимо отметить, что из анализа приведенных выше норм следует, что прокурор, независимо от того, есть ли у ребенка законные представители либо нет, должен обращаться в суд за защитой его прав.

Говоря об указанных выше проблемах, следует обратиться к позиции Н. Руденко, который справедливо акцентирует внимание на том, что прокуроры не должны осуществлять не свойственные им функции и подменять (дублировать) органы государственной власти, органы местного самоуправления, физических и юридических лиц, судебных представителей, основным назначением которых в соответствующем судопроизводстве является предоставление правовой помощи сторонам, а также некоторым образом влиять на реализацию гражданами их права на судебную защиту [10, с. 31].

Следует также обратиться к практике. Например, определением от 27 ноября 2012 года Малиновский районный суд Одессы отказал в удовлетворении заявления прокурора Малиновского района г. Одессы о вступлении в дело № 1519/16103/2012 по иску «А» к «Б», третье лицо – орган опеки и попечительства Малиновской районной администрации Одесского городского совета о лишении родительских прав. Такое решение мотивировано тем, что прокурор не предоставил ни одного документа или доказательства к заявлению о вступлении в дело о невозможности гражданина самостоятельно осуществлять представительство своих интересов в суде, а судом не установлено, что стороны обращались в прокуратуру с заявлением о защите нарушенных прав или интересов их ребенка. Суд также считает, что родители являются материально и физически способными для самостоятельной защиты прав и интересов их несовершеннолетнего сына как законные представители [11].

Следовательно, в иске прокурору обязательно следует указывать о причинах невозможности обращения в суд за защитой прав и свобод ребенка его законных представителей. Такими причинами могут быть, например, отсутствие денежных средств у родителей малолетнего либо несовершеннолетнего; длительное отсутствие родителей (усыновителей) по месту проживания ребенка и т. д.

Необходимо также обратить внимание на ст. 155 Семейного кодекса Украины (далее – СК Украины), где закреплено положение о том, что родительские права не могут использоваться вопреки интересам ребенка (ч. 2). Уклонение родителей от выполнения родительских обязанностей является основанием для привлечения их к ответственности, установленной законом (ч. 4).

Вместе с тем не всегда действия родителей (усыновителей, опекунов, попечителей, должностных лиц специально уполномоченных органов) могут соответствовать интересам ребенка, т. е. имеет место конфликт интересов. В

таком случае прокурору также целесообразно давать юридическую оценку действиям указанных лиц.

Наличие конфликта интересов также может служить основанием необходимости защиты прав и свобод ребенка именно прокурором.

Остается открытым вопрос об ответственности лиц, которые обязаны защищать права и свободы детей. Так, чч. 1, 2 ст. 242 ГК Украины предусматривают, что родители (усыновители) являются законными представителями своих малолетних и несовершеннолетних детей. Опекун является законным представителем малолетнего лица и физического лица, признанного недееспособным.

Кроме того, в соответствии с чч. 2, 3 ст. 154 СК Украины, родители имеют право обращаться в суд, органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные организации для защиты прав и интересов ребенка, а также нетрудоспособных сына, дочери как их законные представители без специальных на то полномочий.

Родители имеют право обратиться за защитой прав и интересов детей и тогда, когда в соответствии с законом они сами имеют право обратиться за такой защитой [12].

Также, например, в соответствии с абз. 8 ч. 2 ст. 4 Закона Украины «Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей», центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере усыновления и защиты прав детей, орган исполнительной власти Автономной Республики Крым в сфере семьи и детей, службы по делам детей имеют право представлять в случае необходимости интересы детей в судах, в их отношениях с предприятиями, учреждениями и организациями независимо от формы собственности.

Таким образом, с целью обязательной юридической оценки действий (бездействий) лиц, уполномоченных на защиту прав и свобод детей, целесообразно в приказе Генерального прокурора Украины № 16 гн закрепить норму следующего содержания: «Одновременно с подготовкой исковых материалов прокурорам надлежит проводить проверку на предмет наличия в действиях (бездействиях) лиц, обязанных защищать права и свободы детей, оснований для привлечения их к ответственности».

Подводя итог сказанному, следует отметить, что приведенные выше авторские предложения преследуют цель оптимизации деятельности органов прокуратуры в указанной сфере, следствием чего будет объективное установление нарушений закона в сфере защиты детей, а также наиболее полное восстановление их прав и свобод.

Список цитированных источников

1. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/995_021.

2. Закон Украины «Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей» от 24 января 1995 г. № 20/95-ВР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/20/95- %D0 %B2 %D1 %80.

3. Вишинський, В. Роль прокурора щодо захисту прав дітей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/actual.html?_m=publications&_t=rec&id=121154.

4. Закон Украины «О прокуратуре» от 05 ноября 1991 г. № 1789-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1789-12.

5. Приказ Генерального прокурора Украины «Об организации деятельности органов прокуратуры по защите прав и свобод детей» от 01 ноября 2012 г. № 16 гн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=181060.

6. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года № 435-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15.

7. Цивільне право України. Загальна частина: підручник / за ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнєцової, Р.А. Майданника. – 3-тє вид., перероб. і допов. – Київ: Юрінком Інтер, 2010. – 976 с.

8. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г. № 1618-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1618-15.

9. Проект Закона Украины «О прокуратуре», подготовленный Администрацией Президента Украины, направленный 2 августа 2013 г. в Венецианскую комиссию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zib.com.ua/ua/pda/37035.html

10. Руденко, М. Щодо питання „непідміни" прокуратурою органів державної влади, органів місцевого самоврядування, фізичних та юридичних осіб при зверненні до суду з позовом (вступ до проблематики) / М. Руденко // Вісник прокуратури. – 2012. – № 4–5. – С. 25–33.

11. Единый государственный реестр судебных решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/28336126.

12. Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 г. № 2947-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2947-14.

Дата поступления статьи – 05.09.2013.

В статье исследуются проблемы определения, в каких именно случаях прокурор обязан представлять интересы ребенка и должен ли он (прокурор) ставить вопрос об ответственности законных представителей (родителей, опекунов, специально уполномоченные органы) лиц до 18 лет.

Также содержатся предложения автора о необходимости указания в иске прокурором причин невозможности обращения в суд за защитой прав и свобод ребенка его законных представителей. Такими причинами могут быть, например, отсутствие денежных средств у родителей малолетнего либо несовершеннолетнего; длительное отсутствие родителей (усыновителей) по месту проживания ребенка и т. д.

С целью обязательной юридической оценки действий (бездействий) лиц, уполномоченных на защиту прав и свобод детей, целесообразно в приказе Генерального прокурора Украины № 16 гн закрепить норму следующего содержания: «Одновременно с подготовкой исковых материалов прокурорам надлежит проводить проверку на предмет наличия в действиях (бездействиях) лиц, обязанных защищать права и свободы детей, оснований для привлечения их к ответственности».

In article definition problems in which cases the prosecutor are investigated is obliged to represent interests of the child and whether it (prosecutor) has to raise a question of responsibility of lawful representatives (parents, trustees, specially authorized bodies) persons till 18 years.

Also to contain proposals of the author on need of the instruction in the claim the prosecutor of the reasons of impossibility of an appeal to the court behind protection of the rights and freedoms of the child of his lawful representatives. Such reasons, can be, for example, lack of money at parents juvenile or minor; long absence of parents (adoptive parents) in the place of residence of the child, etc.

For the purpose of an obligatory legal assessment of actions (omission) of persons of the rights authorized on protection and freedoms of children sees expedient гн to enshrine standard of the following contents in the order of the General prosecutor of Ukraine No. 16: “At the same time with preparation of claim materials prosecutors should inspect about existence in actions (omission) persons obliged to protect the rights and freedom of children of the bases for attraction them to responsibility”.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СПОСОБЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕПТИВНЫХ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ

Заец А.М.

С приобретением Украиной независимости началось распределение, формирование и развитие отраслей промышленности и экономики, что привело к значительному росту рисков. Обслуживание таких рисков стало невыгодным как страховщику – из-за невозможности покрытия большого риска, так и страхователю – из-за уплаты излишне больших взносов. Поэтому возникла потребность во внедрении нового для отечественного рынка типа страховых отношений – кептивного страхования. С появлением таких компаний начался процесс легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем в сфере страхования. Это явление приобрело общегосударственный масштаб и нуждается в срочном решении на государственном уровне.

Успешное расследование данного вида преступлений зависит от профессионального мастерства работников органов досудебного следствия и оперативных подразделений, а также законодательной регламентации их деятельности. В свою очередь быстрое и качественно проведенное расследование является действенным средством в борьбе с преступностью, воплощением в жизнь принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. Только успешное завершение досудебного расследования является предпосылкой осуществления правосудия, реализации судом своих исключительных полномочий относительно признания лица виновным или невиновным и возможности назначения ему наказания.

Весомый вклад в исследование проблем и перспектив развития кептивных страховых компаний сделали такие ученые экономисты, как Д. Адкинсон, П. Бавкет, С. Вилсон, Н. Внукова, В. Зубарев, Г. Клапкив, И. Наумец, Г. Александрова. В трудах этих ученых приведены разнообразные характеристики кептивных страховых компаний, однако нет единого подхода определения видов кептивов, сущности их признаков, преимуществ и недостатков существования кептивных компаний.

Что касается рассмотрения вопросов легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, то эту проблему исследовали отечественные и зарубежные ученые юридического профиля: В.М. Алиев, К.Н. Алешин, Б.Г. Розовский, О.О. Дудоров, А.Е. Користин, В.В. Кряковцев, В.И. Михайлов, Ю.Г. Старовойтова, С.С. Чернявский и др. В то же время лишь несколько проведенных исследований касаются легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем через использование страховых услуг.

Не уменьшая научную ценность проведенных исследований, необходимо отметить, что большое количество исследований, к сожалению, не учитывает особенностей досудебного расследования уголовных правонарушений в сфере страхования. Также необходимо сказать о том, что существующий уровень исследования вопросов расследования правонарушений в сфере страхования не является полноценным и достаточным для потребностей правовой науки. Учитывая эти обстоятельства, считаем необходимым детально исследовать способы легализации (отмывания) доходов полученных преступным путем через использование кептивных страховых компаний.

Целью статьи является исследование, рассмотрение, определение сущности и признаков одного из тяжких уголовных правонарушений в сфере страхования: легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, которые совершаются с использованием кептивных страховых компаний.

В научной литературе понятие легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, по большей части рассматриваются через призму структуры и содержания процесса легализации денежных средств и другого имущества.

Некоторые авторы акцентируют внимание на том, что отмывание средств − это процесс, посредствам которого преступники пытаются скрыть настоящее происхождение и принадлежность результатов преступной деятельности. В частности, отмывание определяют как процесс, посредствам которого «грязные» деньги, полученные преступным путем, проходят через банковскую систему таким образом, что превращаются в «чистые» средства, т. е. они приобретают видимость законных доходов, в связи с чем исчезает возможность установить лицо, которое является инициатором легализации, или преступное происхождение средств [1, с. 13]. Такое определение, среди других понятий, ограничивает понятие «отмывания средств», поскольку эти преступления осуществляются не только с использованием банковских учреждений, но и кептивных страховых компаний.

Понятие, которое дают А.Е. Користин и С.С. Чернявьский, наиболее точно отображает содержание понятия «отмывание средств» – это негативное социально-экономическое явление, в основе которого лежитсокрытие происхождения доходов, искажение информации о природе их происхождения, местонахождении, расположении, движении, действительной принадлежности и праве собственности на такие доходы, а также предоставление им в любых формах правового вида, когда лицу известно, что эти материальные блага являются доходами, полученными незаконным путем, а также другие действия, прямо или опосредствованно связанные с оформлением правомерности фактических отношений владения, пользования, распространения доходов или укрывательством их незаконного происхождения [2, с. 30].

В широком понимании кептивная страховая компания – это дочерняя страховая компания, созданная с целью страхования и финансирования рисков материнской компании. Специалист в отрасли страхования Осадец С. считает, что кептивная страховая компания – это компания, которая создается

промышленными, банковскими и другими структурами с целью удовлетворения их потребностей в страховых услугах [3, с. 554].

Большинство исследователей считает, что страховой кептив не может быть независимой страховой компанией, потому что:

1) это будет противоречить названию, поскольку слово «кептив» означает «зависимый»;

2) основным заданием кептивной компании является страхование рисков материнской компании, а не получения прибыли от страховой деятельности.

Однако кептивные компании, кроме страхования рисков материнской компании, занимаются страхованием клиентов компании-основателя, что дает возможность получать определенную прибыль. На основе вышеизложенного можно сказать, что кептивная страховая компания – это дочерняя страховая или перестраховая компания, созданная материнской организацией с целью страхования собственных рисков, а в некоторых случаях – страхования рисков клиентов материнской компании.

В Украине периодом создания страхового рынка считают начало 90-х годов. Именно в это время возникли первые частные страховые компании, которые положили конец тотальной монополии Госстраха. Фактически на рынке Украины действуют два вида страховых компаний:

а) кептивные – созданные министерствами, ведомствами, мощными финансово-промышленными группами для обслуживания рисков своих предприятий;

б) основанные на частном капитале, которые функционируют на конкурентной основе.

Одной из особенностей страхового рынка Украины является большое количество кептивных страховых компаний, действующих на нем. Они обслуживают целые отрасли и отдельные промышленные предприятия, риски которых исчисляются миллионами гривен. Таким образом, их удельный вес в структуре национального страхового рынка очень высокий. Для постсоветских государств создание кептивных компаний, кроме целей покрытия внутренних рисков финансовой группы, преследует еще одну, иногда даже более приоритетную цель, – перераспределение финансовых потоков как внутри группы, так и между родственными группами. В целом создание таких компаний имеет ряд вполне объективных, экономически обоснованных целей:

− сэкономить на расходах на страхование через использование тарифов ниже рыночных, или включая прибыль в общую прибыль предприятия;

− увеличить размер собственного капитала предприятия, оставляя определенную франшизу для мелких и средних убытков, допуская, что они могут быть покрыты самой материнской компанией;

− составить резерв для непредвиденных ситуаций, учитывая особенности налогового законодательства;

− снижение налогообложения на прибыли предприятия через завышение затрат на страхование.

Последняя цель является наиболее интересной. Именно этим объясняется тот факт, что кептивные компании в мире в своем большинстве были созданы в странах с более лояльной налоговой системой (так называемые оффшорные зоны) – Бермуды, где их около 800, Багамы, Каймановы острова (около 250), Англо-нормандские острова (около 100), остров Мен и Люксембург (около 200) [4, с. 44].

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным, путем несет серьезную опасность для развития национальной экономики, в том числе ее кредитно-финансовой системы.

Осуществляя легализацию денежных средств и другого имущества, добытого преступным путем, происходит бесконтрольное введение их в законную экономику, политические институты, средства массовой информации, при этом нарушается основное условие нормального функционирования экономики, перекручиваются функции финансово-хозяйственной деятельности, растет теневое производство, ускоряется процесс криминализации экономики.

Само по себе отмывание денег достаточно сложный процесс. При отмывании денег доходы, полученные преступным путем, проводятся через финансовую систему, чтобы скрыть их нелегальное происхождение и предоставить им вид законно полученных. Часто это связано с преступными махинациями, совершенными служащими или лицом, которое занимает высокое общественное положение. Отмывание денег чаще всего состоит из сложной последовательности операций, в целом оно сводится к трем, четырем основным этапам, но, как правило, на практике легализация заканчивается и на удачно проведенном первом или втором этапах: аккумуляция «грязных» денег; интеграция; расслоение; реинтеграция.

В отличие от большинства развитых стран, в Украине при легализации «грязных» капиталов преступники отдают преимущество сохранению их в наиболее ликвидной форме. В большинстве схем отмывания с целью избежания капитальных потерь в процессе легализации используются механизмы перевода денег из безналичной формы в наличную. Такие операции являются незаконными и часто сопровождаются уклонением от уплаты налогов (НДС, налог на прибыль и тому подобное). Главным образом они проходят через страховые учреждения. Поэтому очень важно, чтобы не только государственные органы, но и страховые учреждения (которые занимают на данное время особенное место среди субъектов первичного финансового мониторинга) имели достаточные навыки их выявления. При применении более простых форм отмывания рассмотренные выше этапы отмывания могут объединяться. На практике простые схемы легализации незаконно полученных доходов часто используются в комплексе, создавая более сложные, запутанные многоцепочные операции.

Страховой рынок привлекателен для субъектов отмывания еще и тем, что часто страховые услуги реализуются посредством брокеров − посредников, которая действуют независимо от страховой компании, который

предлагает страховой продукт, а также с применением перестрахования рисков, в том числе за границей.

Страховой рынок имеет ряд уязвимых мест в разных сегментах. Для него характерен низкий уровень выявления отмывания средств в сравнении с масштабами отрасли, из-за чего страховой рынок является очень привлекательным для субъектов отмывания.

На украинском рынке существуют три основные группы пользователей страховых схем. К первым относятся непубличные промышленные компании и холдинги. Использовать цепочку из оптимизации налогов и выведения средств за границу через страховые компании могут финансово-промышленные группы, которые в состоянии выстроить схему перестрахования от Украины к оффшорным страховщикам. Все большие бизнес-группы имеют свои страховые компании.

Вторая группа – предприятия, связанные с государственными органами, в первую очередь – государственные предприятия и профсоюзы. Через страхование бюджетные средства переводятся в интересах чиновников и руководителей госпредприятий, которые подписали договор со страховой компанией. Например, в виде агентской комиссионной. Завезти деньги из-за границы можно через платежные системы или интернет, например, электронные деньги.

Третья группа – предприятия среднего бизнеса, которые остро нуждаются в наличности для получения разрешительных документов на ведение бизнеса и оплаты труда наемных работников, при этом такие предприятия могут группироваться для работы в схемах легализации.

Следовательно, исходя из вышеперечисленного, основными противоправными схемами при осуществлении страховых операций являются: заключение договоров псевдострахования; перестрахование; организация фиктивных страховых случаев; мошенничество и подделка документов; уклонение от налогообложения.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем в сфере страхования имеет международный характер. В последние годы произошел заметный рост профессионализма деятельности организованных преступных формирований и утонченности схем легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем в сфере страхования. Такая тенденция связана, в частности, с выходом на международные страховые рынки преступных организаций из постсоветских стран.

Поэтому для успешной борьбы с этим явлением необходимы усилия всех стран мирового содружества. Противодействие легализации (отмыванию) средств, полученных преступным путем в сфере страхования, является достаточно актуальной проблемой на фоне борьбы с экономической преступностью. Несмотря на то, что экономика Украины нуждается больше всего в инвестициях, необходимо иметь в виду, что деньги неодинаковые и их влияние на экономику в позитивном или негативном аспектах зависит от того, в каких руках они находятся.

Таким образом, устранение или, по крайней мере, нейтрализация условий, которые способствуют совершению легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем в сфере страхования, требует совершенствования не только уголовного законодательства, но и законодательства, которое регулирует деятельность предпринимательских структур, финансово-кредитных учреждений, и образования действенного механизма предупреждения, выявления преступлений этой категории и проведения расследования с опорой на опыт стран с развитой рыночной экономикой.

Список цитированных источников

1. Ларичев, В.Д. Совершенствование законодательства о борьбе с «отмыванием» денег, полученных преступным путем / В.Д. Ларичев // Государство и право. − 1992. − № 4. − С. 11–13.

2. Користін, О.Є., Чернявський С.С. Протидія відмиванню коштів в Україні: правові та організаційні засади правоохоронної діяльності: навч. посіб. / О.Є. Користін, С.С. Чернявський; за ред. О.М. Джужі. – Київ: КНТ, 2009. − 596 с.

3. Осадець, С.С. Страхування: підручник / керівник авт. кол. Ред. С.С. Осадець – Вид. 3-тє, без змін. − Київ: КНЕУ, 2006. – 604 с.

4. Swalter, Leslaw. Bodzce finansowe w gospodarce spodkami I ich skutecznosc. – Warszawa: PWE, 1973. – p. 44.

5. Кравець, А.В. Сутність та класифікація вітчизняних кептивних страхових компаній / А.В. Кравець // Економічний простір. − 2010. – № 44/1. − С. 133–140.

6. Аберніхіна, І.Г. Економіко-фінансове обґрунтування варіантів страхового захисту державних підприємств [Електронний ресурс] / І.Г. Аберніхіна. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/DUTP/2006-1/txts/SOCIALNA/06aigzdp.pdf.

7. Користін, О.Є. Відмивання коштів: теоретико-правові засади протидії та запобігання в Україні: монографія / О.Є. Користін. − Київ: Київський нац. ун-т внутрішніх справ, 2007. − 448 с.

Дата поступления статьи – 18.06.2013.

В статье рассмотрены способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем через использование кептивных страховых компаний. Основными противоправными схемами при осуществлении страховых операций являются: заключение договоров псевдострахования; перестрахование; организация фиктивных страховых случаев; мошенничество и подделка документов; уклонение от уплаты налогов. Для успешной борьбы с этим явлением необходимы усилия всех стран мирового содружества. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем в сфере страхования, является достаточно актуальной проблемой на фоне борьбы с экономической преступностью. Несмотря на то, что экономика Украины нуждается больше всего в инвестициях, необходимо иметь в виду, что деньги неодинаковые, и их влияние на экономику в позитивном или негативном аспектах зависит от того, в каких руках они находятся. Также проведено исследование научно-теоретических подходов определения понятий «отмывание доходов» и «кептивные страховые компании».

The methods of legalization (washings) of profits, got criminal a way through the use of captive of insurance companies are considered in the article. Basic an legal charts during realization of insurance operations is: entering into the contracts of false insurance; reinsurance; organization of fictitious accidents insured; swindle and imitation of documents; avoiding payment of

taxes. For a successful fight against this phenomenon efforts of entire countries of world concord are needed. Counteraction legalization (to washing) of profits, got criminal a way in the field of insurance, is the issue enough of the day on a background a fight against economic criminality. In spite of the fact that the economy of Ukraine needs most investments, it is necessary to mean that money is different and their influence on an economy in positive or negative aspects depends on that, what hands they are in. Research of scientific and theoretical approaches of determination of concepts “washings of profits” and “captive insurance companies”.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

Федончук М.В.

Преступления, сопровождающие человечество со времен сотворения мира и на всех этапах его существования, являлись и являются объектом не только практической деятельности по их выявлению, раскрытию, расследованию, пресечению, предупреждению и т. д., но и объектом исследования ряда наук: уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, социологии и других наук. Каждая из наук занимается изучением преступления в зависимости от ее сущности и назначения, целей, задач и функций, системы используемых методов.

Прежде чем рассматривать дефиниции термина «преступление» в уголовном праве, криминологии и криминалистике, обратимся к Толковому словарю русского языка, который определяет преступление как общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности [1, с. 585].

В Энциклопедии философии и социологии права преступление описывается как одна из наиболее опасных форм деструктивного активизма индивидов и групп, вносящего грубый дисбаланс в ситуации колеблющихся, неустойчивых равновесий, на которых держится цивилизация, направленного против конкретных лиц, их жизни, здоровья, достоинства, собственности, против ценностей цивилизации и культуры, подрывающего экономические, правовые, моральные устои социального порядка [2, с. 629].

На законодательном уровне понятие преступления закреплено в Уголовном кодексе Республики Беларусь. В соответствии с частью первой ст. 11 Кодекса, преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания [3].

Определение преступления, содержащееся в Уголовном кодексе, является основой для его изучения в уголовном праве, криминологии и криминалистике, а также других науках, объектом познания которых оно является.

Будучи системообразующей категорией наук уголовно-правового цикла, преступление порождает множество научных дискуссий о его определении, признаках, их законодательном отражении, о его влиянии на общество,

причинах и условиях, способствующих его совершению, способах обнаружения, фиксации, исследования и изъятия следов преступлений, о методике выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и т. д.

В теории уголовного права учение о преступлении занимает одно из центральных мест, поскольку является его основным компонентом. О значимости категории «преступление» свидетельствует множество дискуссий о его определении и признаках, их законодательном отражении. Рассмотрим некоторые определения подробнее.

К.В. Шавров писал: «Преступление есть посягательство в форме активного или пассивного деяния, объектом которого являются защищенные под страхом наказания интересы общежития и которое совершено лицом при наличности условий вменения (субъективных и объективных)» [4, с. 20].

Преступлением признается общественно опасное, виновное, противоправное, т. е. запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, деяние (действие или бездействие), наносящее серьезный вред общественным отношениям: личности, обществу или государству [5, с. 245].

Преступление следует определять как запрещенное уголовным законом общественно опасное, виновное и наказуемое деяние (действие или бездействие) [6, с. 75].

Преступление есть общественно опасное, виновное, уголовно-противоправное деяние, т. е. действие или бездействие, причинившее общественно опасное последствие [7, с. 278].

Преступление – общественно опасное, уголовно-противоправное, виновное и наказуемое деяние, посягающее на охраняемые законом общественные отношения [8, с. 64].

Анализ существующих дефиниций преступления в уголовном праве, а также его взаимосвязь с другими категориями позволяет сделать вывод, что представления о преступлении в уголовном праве связаны:

1) с определением основания уголовной ответственности;

2) определением признаков преступления и их содержания;

3) формулированием дефиниции преступления в уголовном законе;

4) определением соотношения преступления и состава преступления;

5) описанием признаков составов преступлений, их юридической конструкции;

6) установлением соответствующего наказания за совершенные преступления.

Криминологический подход к определению преступления имеет свои особенности.

«Следует различать уголовно-правовое понятие преступления и криминологическое понятие преступного поведения… Преступное поведение есть процесс, развертывающийся как в пространстве, так и во времени и включающий не только сами действия, изменяющие внешнюю среду, но и предшествующие им психологические явления и процессы, которые и определяют генезис противоправного поступка» [9, с. 31].

Д.А. Шестаков отмечает, что в криминологии под преступлением следует понимать виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом [10, с. 78].

Таким образом, криминологическое определение преступления является более широким, чем уголовно-правовое. Кроме того, в криминологии чаще всего исследуется понятие не «преступление», а «преступность».

Преступность – отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия и требующие специальных государственных и общественных мер контроля за ней [11, с. 22].

Преступность – социально-правовое исторически изменчивое негативное массовое явление, слагающееся из всей совокупности совершаемых в тот или иной период в государстве (регионе, мире) преступлений, имеющих количественные (состояние, динамика) и качественные (структура и характер преступности) показатели [12, с. 74].

Изучение объекта и предмета криминологии, ее функций и задач показывает, что представления о преступлении в криминологии связаны:

1) с исследованием преступления как социально-правового явления;

2) изучением преступного поведения;

3) изучением личности преступников, мотивов их преступного поведения;

4) исследованием причин и условий, способствующих совершению преступлений;

5) разработкой общесоциальных и специальных криминологических мер, направленных на предупреждение преступности.

Ученые-криминалисты предлагают свое видение преступления и дают ему криминалистическое определение.

По мнению Г.А. Густова, в криминалистическом аспекте преступление – это обусловленная обстановкой и в ней отображающаяся конструктивно устойчивая, повторяющаяся, целеустремленная, внутренне согласованная реальная система общественно опасных действий субъекта, которую законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания. Элементы криминалистической системы преступления обладают всеми качествами объектов материального мира, среди которых автор называет следующие элементы: общие для всех преступлений, присущие их отдельным видам и разновидностям; факультативные и индивидуальные; криминалистически значимые и нейтральные в отношении расследования. Автор выделяет следующие общие для всех видов преступлений элементы: 1) объект посягательства; 2) субъект посягательства; 3) физические действия (бездействия) субъекта; 4) психическая деятельность субъекта; 5) факты-последствия (результаты действий или бездействия); 6) место совершения преступления; 7) время его совершения; 8) общественная опасность содеянного [13, с. 18–20].

В.В. Клочков и В.А. Образцов отмечают, что преступление как объект криминалистического научного и практического познания представляет со-

бой специфическую разновидность человеческой деятельности – процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды, порождающий их изменения, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу [14, с. 48–49].

О.Н. Коршунова и А.А. Степанов полагают, что преступление в криминалистическом понимании есть обусловленная субъективными и объективными факторами (материальной и социальной обстановкой, предшествовавшими, сопутствовавшими, последовавшими событиями и процессами) реальная целенаправленная динамичная временная сложная система, состоящая из ряда повторяющихся разнородных по своей физической и правовой природе элементов, взаимосвязанных между собой таким способом, что образуется целостное общественно опасное явление, возникновение которого законодатель пытается предотвратить угрозой уголовного наказания [15, с. 56].

Рассматривая преступление с позиций системного подхода в криминалистике, И.А. Лапина делает вывод о том, что это – открытая, динамичная, вероятностная материальная система. Оно (преступление) реально существует в определенных условиях внешней среды, изменяя их и изменяясь само под их влиянием…. Преступление представляет собой целостную систему, в криминалистической структуре которой можно выделить: субъект, объект, предмет преступного посягательства, орудия и средства совершения преступления, преступный результат и в некоторых случаях – последствия преступной деятельности. Изучение этой системы предполагает как исследование каждого ее элемента в отдельности, так и связей между ними, которые поддерживают целостность структуры… Преступление представляет собой запрещенное уголовным законом деяние, отражающееся в окружающей среде и познаваемое по оставленным следам, обладающим свойством информативности об обстоятельствах происшедшего [16, с. 9, 14–15].

В.Г. Коломацкий полагает, что в фундаменте теории криминалистики лежит естественно-материалистская концепция, в соответствии с которой преступление – это противоправное действие, совершенное субъектом (человеком) в материальной среде, вызвавшее изменение состояния среды, которое в силу закона всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости всех явлений в природе и обществе закономерно отражается в результатах этого взаимодействия – следах [17, с. 74].

Исследование мнений ученых-криминалистов о месте преступления в структуре объекта и предмета криминалистики, его дефиниции и значении для решения задач криминалистики обусловило вывод о том, что представления о преступлении в криминалистике связаны:

1) с комплексным исследованием преступного события, его следов, окружающей среды, явлений и процессов, в том числе и случайных, которые существовали в прошлом, существуют в настоящем и могут существовать в будущем;

2) разработкой технических средств, способов обнаружения, фиксации, исследования и изъятия следов преступления;

3) разработкой научных и методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, тактических приемов проведения следственных действий;

4) разработкой рекомендаций по предупреждению и противодействию преступности.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что особенности определений преступления в уголовном праве, криминологии и криминалистике заключаются в различиях предмета указанных наук, их целях, задачах и функциях.

Соглашаясь с мнением В.Н. Кудрявцева о том, что все представления о преступлении – только модели [18, с. 65], отметим, что, поскольку преступление – это системное явление, сложности в представлении преступления заключаются не в формулировании его определения, а в разработке единой модели преступления, которая позволит наиболее полно исследовать как уже совершенное преступление с позиций различных наук, так и прогнозировать возможность появления новых общественно опасных деяний, осуществлять их профилактику, а также в определении подхода, который будет основой для разработки указанной модели.

По нашему мнению, возможна разработка как единой модели преступления (общей для исследования любыми науками в зависимости от их объекта и предмета познания), так и частных моделей (уголовно-правовой, криминологической, уголовно-процессуальной, криминалистической и т. д.).

Представляется, что в качестве исходного элемента единой модели преступления (универсальной для исследования различными науками) может рассматриваться социальная (антисоциальная) деятельность с позиций ее философского определения.

Уголовно-правовая модель преступления – состав преступления, зафиксированный в уголовном законе, четкое описание признаков которого позволяет правильно квалифицировать содеянное, привлечь виновное лицо к установленной законом ответственности. При этом состав преступления является лишь формальным отражением преступления в виде совокупности правовых норм, определяющих взаимосвязь элементов преступления.

Криминологическая модель преступления – социальное действие индивида, которое в зависимости от характеристики его личности, мотивов, целей и с учетом иных причин и условий, как внутренних, так и внешних, стало преступным (преступное поведение).

Криминалистическая модель преступления – сложный конструкт, включающий как мысленные компоненты, так и реальные материальные объекты либо их модели, отражения, связи между ними, базирующийся на информации об отдельных элементах материальной структуры преступления и их признаках, а также события, явления и процессы, в том числе случайные, которые существовали в прошлом, существуют в настоящем и могут существовать в будущем.

Подводя итог, отметим, что в ходе практической деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений рассматриваемые модели преступлений (уголовно-правовая, криминологическая, криминалистическая) используются в совокупности, дополняя друг друга, а также взаимодействуют с другими моделями (например, уголовно-процессуальной), что позволяет получить наиболее полную информацию о преступлении.

Список цитированных источников

1. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.

2. Бачинин, В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 1093 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

4. Шавров, К.В. Понятие преступления / К.В. Шавров. – Киев: тип. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – 20 с.

5. Энциклопедический учебник уголовного права: в 2 т. / Н.Ф. Кузнецова [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2011. – Т. 1: Энциклопедический учебник уголовного права (Общая часть). – 696 с.

6. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. / С.В. Бородин [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. – 454 с.

7. Полный курс уголовного права: в 5 томах / Ю.В. Голик [и др.]; под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – Т. 1: Преступление и наказание.– 1133 с.

8. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – 496 с.

9. Механизм преступного поведения / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

10. Шестаков, Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества / Д.А. Шестаков. – СПб: Лань, 2001. – 264 с.

11. Криминология: учебник / С.Б. Алимов [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 1995. – 512 с.

12. Криминология: учебник / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 3-е изд. – М.: Юристъ, 2004. – 734 с.

13. Густов, Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Г.А. Густов; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – М., 1993. – 63 с.

14. Клочков, В.В. Преступление как объект криминалистического познания / В.В. Клочков, В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1985. – Вып. 42. – С. 48–51.

15. Курс криминалистики: в 3 т. / С.Н. Амосов [и др.]; под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – Т.1: Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. – 683 с.

16. Лапина, И.А. Преступление в структуре предмета криминалистики: автореф. дис. … к-та юрид. наук: 12.00.09 / И.А. Лапина; БГУ. – Минск, 2004. – 22 с.

17. Коломацкий, В.Г. Криминалистическая концепция преступления / В.Г. Коломацкий // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 3(11). – С. 73–75.

18. Кудрявцев, В.Н. Взаимосвязь элементов преступления / В.Н. Кудрявцев // Вопросы борьбы с преступностью / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1976. – Вып. 25. – С. 54–66.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В статье рассматриваются научные подходы к определению преступления в уголовном праве, криминологии и криминалистике; описываются особенности представлений о преступлении в процессе изучения его этими науками; выдвигается тезис о необходимости разработки единой модели преступления, позволяющей изучать его с позиций различных наук; раскрывается содержание уголовно-правовой, криминологической и криминалистической моделей преступлений.

The article deals with scientific approaches to the definition of the crime in criminal law, criminology and criminalistics, describes the features of the crimes in the process of studying it these sciences, the thesis of the need to develop a unified model of the crime, allowing him to learn from the positions of the various sciences, reveals the content of the criminal law, criminology and criminalistics models of crime.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНЕНИЯ

Бутович А.И.

Коррупция со второй половины XX века стала международной проблемой. В преамбуле Конвенции ООН против коррупции прямо указывается, что демократическое государство является альтернативой коррупционного государства. И Украина, и Республика Беларусь ратифицировали две ключевых конвенции в сфере противодействия коррупции: Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [1] и Конвенцию ООН против коррупции [2]. В Украине они ратифицированы Законами от 18 октября 2006 года [3, 4], а в Республике Беларусь – Законами от 25 ноября 2004 года и от 26 мая 2003 года соответственно [5, 6]. При этом Конвенция ООН была ратифицирована Республикой Беларусь со следующим заявлением: «Республика Беларусь в соответствии с п. 6 ст. 44 Конвенции будет использовать Конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи с другими государствами – участниками Конвенции».

Таким образом, на сегодня под давлением общемировых тенденций и криминологической действительности необходимость противодействия коррупции превратилась в одно из приоритетных направлений государственной политики Украины и Республики Беларусь. В наших странах создается нормативная база, необходимая для более эффективной борьбы с этим негативным явлением. В Украине это Закон «Об основах противодействия и предотвращения коррупции» [7], Национальная антикоррупционная стратегия на 2011–2015 годы [8], Государственная программа по предотвращению и противодействию коррупции на 2011–2015 годы [9] и другие. В Республике Беларусь – Закон «О борьбе с коррупцией» [10], Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы [11], Указ Президента Республики Беларусь «О специальных подразделениях по борьбе с коррупцией и организованной преступностью» [12] и др.

Кроме этого, в Украине и Республике Беларусь существуют уголовно-правовые нормы, направленные на противодействие таким наиболее опасным формам коррупции, как коррупционные преступления.

В первую очередь укажем, что понимается под коррупцией в наших государствах. Ведь соответствующее определение является ключевым в словосочетании «коррупционные преступления». В ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Об основах противодействия и предотвращения коррупции» предусмотрено, что коррупция – это «использование лицом, указанным в части первой ст. 4

настоящего Закона, предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятия обещания/предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещание/предложение или предоставление неправомерной выгоды лицу, указанному в части первой ст. 4 настоящего Закона, или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей» [7]. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», коррупция – это «умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц, с тем чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей» [10].

Перечень преступлений, принадлежащих к коррупционным, соответствующие базисные законы не приводят. Но этот недочет компенсируется отраслевыми нормативными актами. Так, в Украине это указание Генеральной прокуратуры Украины, Министерства внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины, Государственной налоговой службы Украины от 1 июля 2011 г. № 107 «О едином порядке учета уголовных дел о преступлениях с признаками коррупционных деяний» [13], а в Республике Беларусь – постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 31 января 2011 года № 5/8/1/34/6, которым утвержден перечень коррупционных преступлений [14]. К преступлениям с признаками коррупции отнесены преступления, предусмотренные ст.ст. 189, 191 ч. 2-5, 206 ч. 3, 232, 262 ч. 2-3, 364, 364-1, 365, 365-1, 365-2, 366 ч. 2, 368, 368-2, 368-3, 368-4, 369-2, 375 ч. 2, 410 ч. 2-3, 423, 424 УК Украины и другие преступления при наличии таких обязательных признаков: 1) специальный субъект преступления: лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления; лица, которые приравниваются к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления; лица, постоянно или временно занимающие должности, связанные с выпол-нением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или лица, специально уполномоченные

на выполнение таких обязанностей в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы, в соответствии с законом; должностные лица юридических лиц, физические лица – в случае получения от них лицами, указанными в пп. 1, 2, или при участии этих лиц другими лицами неправомерной выгоды; 2) совершение указанными лицами умышленных действий, связанных с использованием своей должности, власти, служебных полномочий; 3) совершение таких действий из корыстных побуждений либо в иных личных интересах или в интересах третьих лиц с целью незаконного получения материальных благ, услуг, льгот или других преимуществ, а преступлений, предусмотренных ст. 189 УК Украины, лишь с использованием служебного положения, а ст. 366 УК Украины – только при наличии корыстных мотивов. То есть исчерпывающий перечень преступлений с признаками коррупции в Украине не определен. Совершенно иная ситуация имеет место в Республике Беларусь. Приложением к вышеуказанному постановлению является исчерпывающий перечень коррупционных преступлений. К ним отнесены: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК); легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч.3 ст. 235 УК); злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК); бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК); превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК); получение взятки (ст. 430 УК); дача взятки (ст. 431 УК); посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК); злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК). Считаем более удачным «открытый» перечень коррупционных преступлений, установленный в Украине. Он имеет ряд существенных преимуществ перед «закрытым» перечнем соответствующих преступлений в Республике Беларусь. Во-первых, соответствующие деяния могут быть декриминализированы или, наоборот, может устанавливаться уголовная ответственность за новые коррупционные преступления. Во-вторых, возможно изменение терминологии, описываемой составы коррупционных преступлений (например, как отказ от термина «взятка» и замена его на терминологический оборот «неправомерная выгода» по УК Украины). Такие изменения в законодательстве никоим образом не коснутся соответствующего перечня коррупционных преступлений.

Сравнив отдельные составы коррупционных преступлений, предусмотренных в УК Украины и Республики Беларусь, можно сделать такие выводы:

1) более удачно, на наш взгляд, поступил законодатель Республики Беларусь, поместив определение понятий «должностные лица», «должностные лица, занимающие ответственное положение» в отдельной ст. 4 «Разъяснение

отдельных терминов Уголовного кодекса». Ведь соответствующие термины имеют сквозное значение в УК Республики Беларусь, они применяются во многих статьях Особенной части этого кодекса. Вообще наличие такой «терминологической» статьи, в которой закрепляются законодательные определения уголовно-правовых понятий, – это шаг вперед в использовании возможностей законодательной техники по сравнению с УК Украины, в котором такая статья отсутствует;

2) хотелось бы отметить более структурированные определения понятий в УК Республики Беларусь. Так, понятие «должностные лица» определено с помощью удачного перечня, который помогает более четко иметь представление о том, кто признается таким специальным субъектом в белорусском уголовном законодательстве: представители власти; представители общественности; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий; должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов. В то время как по УК Украины определение понятия «служебное лицо» (примечание к ст. 364) как бы «сбито в кучу» и отличается многословностью и нагромождением законодательных формулировок. Все это утрудняет адекватное восприятие того содержания, которое закладывал законодатель в понятие служебного лица;

3) при описании общественно опасных последствий в составах некоторых коррупционных преступлений законодатель Украины использует формализовано-оценочное понятие «существенный вред охраняемым законом правам, свободам и интересам отдельных граждан или государственным или общественным интересам, или интересам юридических лиц» (ч. 1 ст. 364, ч. 1 ст. 364-1, ч. 1 ст. 365, ч. 1 ст. 365-1, ч. 1 ст. 365-2, ч. 1 ст. 367). Почему это понятие формализовано-оценочное? Дело в том, что одна его часть имеет формализованный критерий (если существенный вред заключается в причинении материального ущерба: если он в сто и больше раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан), а другая его часть – исключительно оценочное понятие (если существенный вред имеет нематериальный характер). В ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 1 ст. 426 УК Республики Беларусь предусматривается два самостоятельных общественно опасных последствия – ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. При этом ущерб в крупном размере – формализованное понятие. Его содержание раскрывается в ч. 2 примечания к гл. 35 «Преступления против интересов службы»: «размер (ущерб) на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления». А существенный вред – это исключительно оценочное понятие, содержание которого

устанавливается непосредственно в процессе правоприменения с учетом обстоятельств уголовного дела. Именно такое решение закрепления общественно опасных последствий считаем более удачным, нежели в УК Украины;

4) в УК Украины на исполнение международных обязательств после ратификации вышеперечисленных конвенций коррупционные преступления пополнились новыми составами: злоупотребление полномочиями служебным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы (ст. 364-1), превышение полномочий служебным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы (ст. 365-1), злоупотребление полномочиями лицами, предоставляющими публичные услуги (ст. 365-2), незаконное обогащение (ст. 368-2), подкуп служебного лица юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы (ст. 368-3), подкуп лица, предоставляющего публичные услуги (ст. 368-4), злоупотребление влиянием (ст. 369-2) [15]. В УК Республики Беларусь, невзирая на ратификацию таких же конвенций, соответствующих составов преступления нет. Считаем именно такой шаг верным. Ведь в Украине, невзирая на казалось бы глубокую дифференциацию уголовной ответственности за коррупционные преступления, приходится констатировать, что соответствующие новые нормы являются «мертвыми», на практике они фактически не применяются. Так, согласно данным Государственной судебной администрации Украины, в 2012 году приговоры набрали законную силу относительно 45 лиц, осужденных по ст. 364-1; 13 лиц – по ст. 365-1, 6 лиц – по ст. 365-2, 12 лиц, осужденных по ст. 368-2, 27 лиц, осужденных по ст. 368-3, 7 лиц, осужденных по ст. 368-4 и 1 лицо – по ст. 369-2 УК Украины. Создается такое впечатление, что в Украине соответствующие преступления были криминализированы для того, чтобы угодить Европейскому Союзу и избежать санкций с его стороны;

5) считаем, что в УК Украины (опять-таки для того, чтобы угодить Европейскому Союзу) существенно были изменены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за взяточничество. Во-первых, законодатель Украины отказался от термина «взятка», заменив его на терминологический оборот «незаконное вознаграждение». Считаем такое решение законодателя поспешным, учитывая в первую очередь то, что в международных конвенциях в сфере противодействия коррупции термин «взятка», «взяточничество» широко используется. Но в Оценочном отчете по Украине Инкриминации (ETS 173 и 191, GPS 2) (Тема I) Третьего раунда оценки, утвержденном GRECO на 52-м Пленарном заседании, указывается, что на сегодня определение взятки, содержащееся в уголовном законодательстве Украины в положениях о взяточничестве в публичном секторе, достаточно широкое и не включает некоторую нематериальную выгоду [16]. В связи с этим УК Украины была произведена замена термина «взятка» на терминологический оборот «неправомерная выгода». Такой выгодой являются денежные средства или иное имущество, преимущества, льготы, услуги, нематериальные активы, которые обещают, предлагают, предоставляют или получают без законных на

то оснований (абз. 7 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Об основах предотвращения и противодействия коррупции»). Невзирая на такое, казалось бы, прогрессивное законодательное решение, тем не менее, в процессе правоприменения норм об уголовной ответственности за взяточничество (по старой терминологии) предметом соответствующих преступлений практически в 100 % уголовных производств является незаконное вознаграждение в материальном виде (т. е. взятка в классическом понимании). То есть отказ от устоявшейся терминологии никак не отобразился на практике применения норм уголовного права и был, с нашей точки зрения, преждевременным. Во-вторых, законодатель Украины «подробил» общественно опасные деяния взяточничества. На сегодня по УК Украины наступает уголовная ответственность за принятие предложения или обещания предоставить служебному лицу или третьему лицу неправомерную выгоду (ч. 1 ст. 368), получение неправомерной выгоды (ч. 2 ст. 368, ч. 3 ст. 368-3, ч. 3 ст. 368-4), предложение предоставить неправомерную выгоду, а также предоставление такой выгоды (ч. 1 ст. 368-3, ч. 1 ст. 368-4, ч.ч. 1, 2 ст. 369). По УК Республики Беларусь уголовная ответственность настает за «классические» действия относительно взятки: получение (ст. 430) и дача (ст. 431). Все другие действия, описанные в УК Украины относительно такого предмета преступления, по УК Республики Беларусь квалифицируются в пределах института соучастия или неоконченного преступления. Невзирая на то, что уголовная ответственность по УК Украины за взяточничество на сегодня дифференцирована, тем не менее, на практике привлекают к уголовной ответственности, как правило, за классические действия – получение и дачу неправомерной выгоды. Таким образом, изменения в уголовном законодательстве Украины никоим образом не отобразились на качестве применения соответствующих уголовно-правовых норм;

6) самобытным составом коррупционного преступления в Республики Беларусь является состав бездействия должностного лица (ст. 425 УК), предусматривающий уголовную ответственность за умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. В УК Украины криминализирована только служебная халатность, как и в ст. 428 УК Республики Беларусь. Считаем, что в отечественном УК не хватает такой уголовно-правовой нормы. Ведь служебная халатность – это неосторожное преступление. А очень часто служебные лица не исполняют возложенных обязанностей умышленно. Тем более, что в УК Украины криминализированы такие деяния, как бездействие военной власти (ст. 426 УК Украины), совершаемое умышленно. Таким образом, есть все основания для криминализации бездействия должностного лица в УК Украины.

Рассмотрев некоторые аспекты уголовной ответственности за коррупционные преступления по УК Украины и Республики Беларусь, можно сделать вывод, что соответствующие нормы УК Украины требуют существенного усовершенствования. Причем с учетом достижений в этом направлении белорусского уголовного законодательства.

Список цитированных источников

1. Конвенція ООН проти корупції від 31 жовтня 2003 року: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/ cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_c16 – Заголовок с экрана.
2. Кримінальна конвенція про боротьбу з корупцією від 27 січня 1999 року: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_101 – Заголовок с экрана.
3. Про ратифікацію Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією : Закон України від 18 жовтня 2006 р. № 252-V // Відомості Верховної Ради України. – 2006. – № 50. – Ст. 497.
4. Про ратифікацію Конвенції Організації Об'єднаних Націй: Закон України від 18 жовтня 2006 р. № 251-V // Відомості Верховної Ради України. – 2006. – № 50. – Ст. 496.
5. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 344-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravoby.info/docum09/part18/akt18844.htm – Заголовок с экрана.
6. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Закон Республики Беларусь от 26 мая 2003 г. № 199-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoby.info/docum09/part22/akt22284.htm – Заголовок с экрана.
7. Про засади запобігання та протидії корупції : Закон України від 7 квітня 2011 р. № 3206-VI: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/ laws/show/3206-17 – Загловок з екрана.
8. Національна антикорупційна стратегія на 2011–2015 роки, затверджена Указом Президента України № 1001/2011 від 21 жовтня 2011 р. // Урядовий кур'єр. – № 199. – 2011. – 27 жовтня.
9. Державна програма щодо запобігання і протидії корупції на 2011–2015 роки, затверджена постановою Кабінету Міністрів України від 28 листопада 2011 р. № 1240 // Офіційний вісник України. – 2011. – № 94. – стор. 128. – ст. 3431. – 12 грудня.
10. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravoby.info/docum09/part13/akt13370.htm – Заголовок с экрана.
11. Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010-2012 годы, утвержденная Указом Президента Респ. Беларусь от 23 сентября 2010 г. № 485: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10737 – Заголовок с экрана.
12. О специальных подразделениях по борьбе с коррупцией и организованной преступностью: Указ Президента Респ. Беларусь от 16 июля 2007 г. № 330: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10924#doc – Заголовок с экрана.
13. Щодо єдиного порядку обліку кримінальних справ про злочини з ознаками корупційних діянь: вказівка Генеральної прокуратури України, Міністерства внутрішніх справ України, Служби безпеки України, Державної податкової служби України від 1 липня 2011 року № 107

14. Перечень коррупционных преступлений, утвержденный постановлением Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь, Комитета государственного контроля РБ, Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, Комитета государственной безопасности РБ от 31 января 2011 г. № 5/8/1/34/6: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10933#doc – Заголовок с экрана.

15. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо приведення національного законодавства у відповідність із стандартами Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією: Закон України від 18 квітня 2013 р. № 221-VII // Голос України. – 2013. – № 90. – 17 травня 2013 р.

16. Оціночний звіт по Україні Інкримінації (ETS 173 і 191, GPS 2) (Тема I) Третього раунду оцінювання, затверджений GRECO на 52-му Пленарному засіданні (Страсбург, 17-21 жовтня 2011 р.): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// komitet.in/wp-content/uploads/2011/11/Greco-Eval-III-Rep-_2011_-1E-Theme-I-_Ukr_.pdf – Заголовок с экрана.

Дата поступления статьи – 04.09.2013.

В статье исследуются некоторые сравнительные аспекты уголовной ответственности за коррупционные преступления по уголовному законодательству Украины и Республики Беларусь. Определены базисные нормативно-правовые акты этих стран в сфере предупреждения коррупции. Указаны составы преступлений, признаваемые в Украине и Республике Беларусь коррупционными (с признаками коррупции). Такие перечни устанавливаются не в законах, а в указаниях Генеральной прокуратуры Украины и Республики Беларусь вместе с другими правоохранительными органами этих стран. Высказано мнение, что более удачно сформулирован перечень преступлений с признаками коррупции в Украине. Такой «открытый» перечень позволяет причислять к коррупционным преступлениям те общественно опасные деяния, которые могут быть криминализованы. Более удачным признано законодательное решение белорусского законодателя об определении понятий «должностные лица» и «должностные лица, занимающие ответственное положение»; об описании некоторых общественно опасных последствий в составах коррупционных преступлений. Высказана критика относительно криминализации новых составов преступлений в УК Украины, а также относительно отказа в нем от термина «взятка». Учитывая позитивный опыт УК Республики Беларусь, предложено криминализировать в УК Украины такое преступление, как бездействие служебного лица.

The article examines some aspects of comparative criminal liability for corruption offenses under the criminal law of Ukraine and Belarus. Defined the basic regulations of the countries in the area of prevention of corruption. Identify those offenses that are recognized in Ukraine and Belarus corruption (with evidence of corruption) . These lists are not installed in the laws and in the guidelines of the General Prosecutor's Office of Ukraine and Belarus, together with other law enforcement agencies in these countries. Suggested that more successfully formulated the list of crimes with evidence of corruption in Ukraine. This “open” list allows you to rank as the corruption crimes are socially dangerous acts which may be criminalized. More successful is recognized legislative solution Belarusian lawmakers on the definition of “officials” and “officials holding a responsible position”, the description of some of the socially dangerous consequences in the compositions of corruption. Expressed criticism regarding the criminalization of new offenses in the Criminal Code , as well as a waiver in it from the term “bribe” . Given the positive experience of the Criminal Code proposed in the Criminal Code to criminalize the offense of omission of an official entity.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЮ РЫНКОМ ЦЕННЫХ БУМАГ

Данисевич А.Н.

Манипулирование рынком искажает рыночную информацию, разрушает механизм справедливого ценообразования, исключает квалифицированное принятие решений инвесторами. На сегодняшний день не существует единого общепринятого, закрепленного в международных правовых документах определения понятия «рыночные манипуляции». В юридической и экономической литературе также нет объективного определения данного явления. Единственное, в чем сходятся точки зрения различных авторов, так это в том, что манипулирование на рынке – это нечестное намерение изменить цены активов.

«Бизнес. Толковый словарь», «Финансы. Толковый словарь» дают практически идентичное определение понятию «манипулирование рынком (rigging a market)» – это стремление получить прибыль на рынке (обычно – ценных бумаг или биржевых товаров) путем искажения нормального действия рыночных сил. Зачастую это предполагает сперва использование на рынке длинной позиции (long position), т. е. игры на повышение, или короткой позиции (short position), т. е. игры на понижение, в достаточно крупных масштабах, оказывающих существенное влияние на уровень цен, а затем – поддержание на рынке повышающей либо понижающей тенденции за счет дальнейших скупок или продаж [1, с. 450, 2, с. 249].

Термин «манипулирование рынком ценных бумаг» конкретизирует объект манипуляционного воздействия и является более узким по отношению к термину «манипулирование рынком». Манипулирование рынком ценных бумаг в целом можно определить как действия любого участника или группы участников, направленные на установление искусственного контроля за ценами, включающее покупку и продажу ценной бумаги с целью создания фальшивой или вводящей в заблуждение видимости активной торговли или с целью поднять или понизить цену, с тем чтобы побудить других участников рынка к покупке или продаже данной ценной бумаги, ведущее к целенаправленному изменению курсовой цены фондового инструмента по отношению к нормальной ее величине [3, с. 21–25].

Вплоть до начала XX века регулирование рынка ценных бумаг со стороны государственных органов фактически отсутствовало. Для фондового рынка было характерно манипулирование ценами, которое в настоящее время повсеместно признано противозаконным, например: фиктивные продажи ценных бумаг, сделки с ценными бумагами по договоренности, сделки корнеров, пулы (манипулирование ценами на коллективной основе). Также законным считалось и использование инсайдерской информации при совершении сделок. При этом инсайдерская торговля тесно переплеталась с манипулированием ценами, образуя единое целое.

Рынок ценных бумаг контролировался исключительно саморегулируемыми организациями профессионалов фондового рынка, а само регулирование предназначалось для поддержания честных правил игры между профессиональными участниками. Тем не менее, уже к началу XX века многочисленные аферы и махинации на фондовом рынке вызвали необходимость решать вопрос о государственном регулировании.

Так, в США после Великой депрессии впервые была осознана необходимость государственного регулирования рынка ценных бумаг. Был издан ряд законов, предусматривающих меры по борьбе с манипулированием на рынке, которые (с поправками) действуют и в настоящее время (Закон о товарных биржах (1936), Закон о трастовом соглашении (1939), Закон об инвестиционных компаниях (1940), Закон об инвестиционных консультантах (1940), Законы Сарбейнса–Оксли (2002) и Додд–Фрэнка о реформе Уолл-стрит и защите прав потребителей (2010), Впервые в 1934 году в США Законом «О ценных бумагах и фондовых биржах» была введена ответственность за манипулирование рынком ценных бумаг, включая искусственное увеличение цен, предоставление брокером или дилером ложных сведений о ценной бумаге клиенту, чтобы склонить к ее покупке, публикацию ложной информации с целью повлиять на цены на рынке. Первый государственный орган надзора также был создан в США в 30-е гг. – Комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission (SEC)) [4].

В США имеется достаточно хорошо выстроенная система нормативного и судебного регулирования недобросовестной торговли на рынке ценных бумаг, состоящая как из законодательных положений, так и из судебных прецедентов.

Спецификой фондового рынка в Великобритании является то, что традиции и иные неформальные способы регулирования, такие, как, например, согласованный стиль поведения, договоренности, переговоры по разрешению сложных спорных ситуаций и пр., представляют собой основной метод регулирования рынка ценных бумаг. Государство участвует в этом только посредством издания законов, подведения нормативной базы, так как непосредственное управление фондовым рынком осуществляют саморегулируемые организации и уполномоченные биржи.

Работать на рынке ценных бумаг можно, лишь являясь членом какой-либо или нескольких саморегулирующихся организаций. Те правила, которые разрабатываются данной организацией, являются обязательными для исполнения всеми ее профессиональными участниками.

Совет по ценным бумагам и фьючерсам осуществляет лицензирование фирм. Став членом Совета, фирма обязана соблюдать все его предписания. Совет может налагать штрафы и применять исключение фирмы из членов Совета, что автоматически закрывает фирме-нарушительнице доступ на рынок. На основании Закона о финансовых услугах Совет создает и руководит компенсационным фондом, который компенсирует потери инвесторов в случае банкротства инвестиционного института.

Лондонский совет по вопросам слияний и поглощений является частной организацией, однако обладает большим влиянием и следит за соблюдением правил, установленных:

– Кодексом по слияниям и поглощениям;

– Правилами приобретения крупных пакетов акций.

Данные нормы разработаны самим Лондонским советом, поэтому формально юридической силы не имеют (их исполнение основано на добровольности). Однако о случаях их нарушения Лондонский совет ставит в известность соответствующую саморегулирующуюся организацию, которая в свою очередь может принять меры воздействия на своего члена вплоть до исключения.

Практически во всех профессиональных финансовых организациях есть представители Банка Англии. Банк Англии реализует свою политику путем рекомендаций, а не на основе каких-либо законов, но, тем не менее, его рекомендации выполняются неукоснительно.

Наиболее передовой опыт регулирования рассматриваемых отношений, основанный на понятиях и институтах, свойственных континентальной системе права, закреплен в документах ЕС. Основной правовой базой европейских стран по вопросам противодействия инсайдерской торговле и манипулированию является Директива 2003/6/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза об использовании инсайдерской информации в процессе торгов и манипулировании рынком (рыночных махинациях) от 28 января 2003 г. (далее – Директива). Цель Директивы – обеспечение условий интеграции европейских финансовых рынков путем создания общих стандартов, предотвращающих рыночные злоупотребления, и тем самым увеличения доверия инвесторов к финансовому рынку.

В п. 2 ст. 1 Директивы дано определение манипулированию рынком, под которым понимаются:

а) сделки и разрешения на торговлю, способствующие:

– распространению ложной или недостоверной информации относительно необходимости в финансовых инструментах, предоставления таких инструментов или цен на них, или

– поддержанию одним лицом или лицами, действующими совместно, неестественной или искусственно созданной цены на один или несколько финансовых инструментов.

Но данные правила не применяются в отношении лиц, заключивших сделку или издавших распоряжение о начале торговли на законных основаниях, при условии, что подобные сделки и распоряжения соответствуют сложившейся на регулируемом рынке практике;

б) совершение сделок с использованием обманных методов, а также другие формы обмана и мошенничества;

в) распространение через Интернет и средства массовой информации недостоверных сведений о финансовых инструментах, например, ложных новостей, если распространившее их лицо знало или должно было знать о том,

что сведения являются недостоверными или вводящими участников рынка в заблуждение. Если подобные сведения были распространены журналистами, их поведение без ущерба действию ст. 11 Директивы должно быть оценено с точки зрения профессиональных обязанностей журналиста, а также на предмет прямого или косвенного получения журналистом доходов и иных преференций от распространения недостоверной информации.

В частности, из пп. «а», «б» и «в» можно сделать следующие выводы об отнесении определенного поведения к рыночной манипуляции:

– это действия одного или нескольких лиц по удержанию цен на финансовые инструменты или созданию иных нечестных условий на рынке, целью которых является укрепление собственной главенствующей позиции на рынке;

– это покупка или продажа финансовых инструментов в момент закрытия биржи с использованием несуществующих инвесторов, совершающих закупки по заключительной цене;

– это использование преимущества временного или постоянного доступа к регулярным и электронным средствам массовой информации с целью опубликования мнения о финансовых инструментах (или косвенно об их владельцах) при условии, что в прошлом такое лицо опубликовало мнения, повлиявшие на цену финансовых инструментов, получило доход и не сообщило должным образом о подобном конфликте интересов.

В Директиве сказано, что в будущем определение рыночной манипуляции может быть расширено, чтобы наиболее полно отражать все случаи рыночных махинаций, которые существуют на практике.

В ст. 5 Директивы устанавливается общий запрет как для физических, так и для юридических лиц совершать действия по манипулированию рынком.

В соответствии со ст. 14 Директивы, на государства, входящие в ЕС, возлагаются обязанности по закреплению в национальном законодательстве соответствующих мер воздействия (включая административные и уголовные санкции) по отношению к лицам, которые манипулируют рынком.

Директива предписывает каждому государству – члену ЕС создать единый административный (регулирующий) орган, в чью компетенцию бы входило обеспечение соблюдения положений Директивы [5].

Регулирование рынка ценных бумаг – это упорядочение деятельности всех его участников (эмитентов, инвесторов, профессиональных участников рынка ценных бумаг) и сделок между ними со стороны уполномоченных на это органов. Регулирование рынка ценных бумаг (как и любого другого объекта) можно разделить на внутреннее и внешнее регулирование. Внутреннее регулирование – это подчиненность участников рынка ценных бумаг собственным нормативным документам: уставу, правилам осуществления деятельности, стандартам деятельности и так далее.

Внешнее регулирование – это подчиненность деятельности участника рынка ценных бумаг нормативным актам государства, международным соглашениям.

Регулирование рынка ценных бумаг необходимо для создания:

– нормальных условий для функционирования рынка ценных бумаг, всех его участников;

– поддержания порядка на рынке ценных бумаг;

– защиты участников рынка ценных бумаг от недобросовестных действий, мошенничества, преступлений со стороны отдельных лиц;

– обеспечения нормального ценообразования на рынке ценных бумаг;

– стимулирования развития рынка ценных бумаг.

Для этого должны быть созданы:

1) соответствующая законодательная база;

2) государственные регулирующие органы, наделенные законодательными, регистрирующими, лицензионными, аттестационными, контрольными, надзорными и иными функциями;

3) саморегулируемые организации, поддерживающие традиции и обычаи, этику фондового рынка.

К сожалению, на постсоветском пространстве (и Республика Беларусь не исключение) деловые традиции, обычаи делового оборота были прерваны и утеряны за годы существования директивной экономики. На их становление потребуются годы, а может быть, и десятилетия, поэтому основную роль в сдерживании манипулятивных практик на рынке ценных бумаг должны взять на себя именно государственные регулирующие органы.

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, основываясь на Соглашении о Таможенном союзе между Республикой Беларусь и Российской Федерацией (заключено в г. Минске 6 января 1995 г., ратифицировано постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г.), Соглашении о Таможенном союзе (заключено в г. Москве 20 января 1995 г., ратифицировано Законом Республики Беларусь от 13 ноября 1997 г.), Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (подписан в г. Москве 26 февраля 1999 г., ратифицирован Законом Республики Беларусь от 9 ноября 1999 г.), Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества (подписан в г. Астана 10 октября 2000 г., ратифицирован Законом Республики Беларусь от 24 мая 2001 г.), в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала, развития взаимовыгодного сотрудничества в финансовом секторе подписали Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала (заключено в г. Москве 9 декабря 2010 г., ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2010 г.) (далее – Соглашение). Согласно абз. 3 ст. 3 Соглашения, Стороны договорились о совместных действиях, направленных на гармонизацию законодательства Сторон в области раскрытия информации эмитентами, противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию на рынке ценных бумаг [6].

30 августа 2011 г. принят Указ Президента Республики Беларусь № 383 «О внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республ-

лики Беларусь» (далее – Указ № 383). Указ № 383 издан с целью противодействия недобросовестным захватам субъектов хозяйствования и совершенствования порядка осуществления деятельности на рынке ценных бумаг. В нем впервые определен перечень действий, признаваемых манипулированием на рынке ценных бумаг, и установлен запрет на их совершение.

Манипулирование рынком ценных бумаг как правовое явление закреплено в подп. 1.6-1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 № 277 «О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг». Так, запрещаются и признаются манипулированием рынком ценных бумаг, влекущим ответственность в соответствии с законодательными актами, следующие действия (бездействие), оказывающие влияние на спрос на ценную бумагу и (или) предложение ценной бумаги, рыночную цену ценной бумаги или объем торгов ценной бумагой, признаваемое существенным при отклонении от параметров, устанавливаемых республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование рынка ценных бумаг. Далее приводится конкретный перечень таких действий, которые признаются манипулированием рынком ценных бумаг:

– умышленное распространение физическими и (или) юридическими лицами через средства массовой информации, в том числе через глобальную компьютерную сеть Интернет, или иным способом заведомо ложных сведений о ценных бумагах, эмитентах ценных бумаг, ценах на такие бумаги, включая информацию, представленную в рекламе;

– систематическое (два раза и более в течение 12 месяцев подряд) неисполнение обязательств (за исключением случаев прекращения обязательств по основаниям, предусмотренным актами законодательства и (или) правилами биржевых торгов) по сделкам, заключенным в торговой системе открытого акционерного общества «Белорусская валютно-фондовая биржа» с одними и теми же акциями;

– совершение юридическим лицом, осуществляющим профессиональную и биржевую деятельность по ценным бумагам, в течение одного торгового дня двух и более сделок с акциями за счет или в интересах одного лица на основании заявок, имеющих на момент их выставления наибольшую цену покупки либо наименьшую цену продажи ценных бумаг;

– совершение сделок с акциями по предварительному сговору между юридическими лицами, осуществляющими профессиональную и биржевую деятельность по ценным бумагам, и (или) их работниками, и (или) лицами, за счет или в интересах которых совершаются указанные сделки;

– совершение юридическим лицом, осуществляющим профессиональную и биржевую деятельность по ценным бумагам, в течение одного торгового дня за счет или в интересах одного лица:

а) двух и более сделок с одними и теми же акциями, исполнение обязательств по которым не влечет изменения владельца ценных бумаг;

б) более двух сделок с одними и теми же акциями, в которых стороны меняются, выступая то в качестве продавцов, то в качестве покупателей [7].

В целях создания механизма государственного контроля и реагирования на обнаружение действий участников рынка ценных бумаг, которые признаются манипулированием рынком ценных бумаг, подпунктом 1.1.1 п. 1 Указа № 383 Департаменту по ценным бумагам Министерства финансов Республики Беларусь предоставлены полномочия осуществлять камеральные проверки деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, фондовых бирж, а также эмитентов ценных бумаг в целях выявления фактов нарушения законодательства и выносить требования (предписания) об устранении выявленных нарушений [8].

Кроме этого, к компетенции Департамента по ценным бумагам Министерства финансов Республики Беларусь отнесены следующие действия:

– обращение в хозяйственный суд для признания сделки недействительной (установления факта ничтожности сделки) и применения последствий ее недействительности в случае выявления следующих сделок, признающихся манипулированием рынком ценных бумаг;

– установление параметров спроса (предложения) на ценную бумагу, ее рыночной цены или объема торгов ценной бумагой, отклонения от которых при совершении сделок признаются манипулированием рынком ценных бумаг.

Следует отметить, что согласно п. 404 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», систематическое (два раза и более в течение 12 месяцев подряд) совершение действий, признаваемых манипулированием рынком ценных бумаг, и (или) сделок с ценными бумагами с использованием закрытой информации на рынке ценных бумаг, служебного положения и (или) конфиденциальной информации о депоненте признается грубыми нарушениями законодательства о лицензировании [9].

Во исполнение п. 2 Указа № 383 был принят Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 409-З «О внесении дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам манипулирования рынком ценных бумаг» (далее – Закон). С учетом степени общественной опасности манипулирования рынком ценных бумаг, которое может повлечь причинение значительного материального ущерба участникам рынка ценных бумаг и государству, были внесены дополнения в уголовное и административное законодательство в целях установления соответствующей ответственности за совершение данных действий. В частности, гл. 11 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) была дополнена ст. 11.76, устанавливающей ответственность за совершение действий (бездействия), признаваемых манипулированием рынком ценных бумаг, а также гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь была дополнена ст. 226-3, регламентирующей наступление уголовно-правовой ответственности за манипулирование рынком ценных бумаг, повлекшее причинение ущерба в крупном размере [10].

Деятельность на рынке ценных бумаг является высокорисковой и затрагивает интересы широкого круга лиц, в том числе государства, в связи с этим совершенствование механизмов государственного реагирования при выявлении фактов манипулирования на рынке ценных бумаг является объективным и важным условием дальнейшего развития национального рынка ценных бумаг.

Список цитированных источников

1. Бетс, Г. Бизнес. Толковый словарь / Г. Бетс [и др.]; под общ. ред. И.М. Осадчей. – М.: Весь Мир, 1998. – 450 с.

2. Батлер, Б. Финансы. Толковый словарь. – 2-е изд. / Б. Батлер [и др.]; под общ. ред: И.М. Осадчей. – М.: Весь Мир, 2000. – 249 с.

3. Колесников, Г.А. Современные способы манипулирования финансовыми рынками в России / Г.А. Колесников // Рынок ценных бумаг. – 2010. – № 2. – С. 21–25.

4. Статья «Манипулирование рынком ценных бумаг: преступление и наказание (ч. 1)» Л.Б. Фридкин // «КонсультантПлюс: Беларусь» Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»., Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

5. Directive 2003/6/EC of the European Parlament And Of The Council of 28 January 2003 on insider dealing and market manipulat on (market abuse) [Electronic resource] / Base consultant., 2013. – Mode of access: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=InT;n=50239. – Date of access 08.09.2013.

6. Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала: заключено в г. Москва 9 дек. 2010 г., // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

7. О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г., № 277 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

8. О внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 авг. 2011 г., № 383 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

9. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

10. О внесении дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам манипулирования рынком ценных бумаг: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 409-З// КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

Манипулирование на рынке ценных бумаг способно причинить существенный вред национальной и международной экономике, так как оно способствует несправедливому распределению ресурсов, снижению рыночной активности, поэтому данная проблема заслуживает особого внимания. В настоящей статье рассматриваются основные подходы к противодействию манипулированию на рынке ценных бумаг в праве Европейского союза, Великобритании, США. Особое внимание уделено действующему законодательству Республики Беларусь по вопросам противодействия незаконному манипулированию на рынке

ценных бумаг. Автор считает, что совершенствование механизмов государственного регулирования на рынке ценных бумаг является объективным и важным условием дальнейшего развития национального рынка ценных бумаг.

The manipulation of the security market can damage the national and international economy, encourage unjust distribution of the resources, reduction of activities on market, therefore this problem requires the special attention. The article deals with main trends of counteraction against the manipulation on securities market within the framework of the European Union, the United Kingdom, the USA. Special attention is paid to the current legislation of the Republic of Belarus on counteraction of manipulation of the security market. The author considers, that the improvement of the mechanism of state regulation of the securities market is an obvious and important condition for the father development of the national security market.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ

Загиней (Тростюк) З.А.

Исполняя свои международные обязательства и осуществляя процесс имплементации положений антикоррупционных конвенций (Конвенции ООН против коррупции [1], Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией Совета Европы [2], а также Дополнительного протокола к Уголовной конвенции [3]), в Украине было существенно обновлено уголовное антикоррупционное законодательство. В частности, в ч. 2 примечания ст. 364 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) предусмотрено, что должностными лицами также признаются должностные лица иностранных государств (лица, занимающие должности в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, в том числе присяжные заседатели, другие лица, осуществляющие функции государства для иностранного государства, в том числе для государственного органа или государственного предприятия), а также иностранные третейские судьи, лица, уполномоченные решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному, должностные лица международных организаций (работники международной организации или любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени), члены международных парламентских ассамблей, участником которых является Украина, судьи и должностные лица международных судов.

Исходя из законодательного определения, должностным лицом, во-первых, признаются ***должностные лица иностранных государств***. В самом примечании разъясняется, что это лица, занимающие должности в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, в том числе присяжные заседатели, другие лица, осуществляющие функции государства для иностранного государства, в том числе для государственного органа или государственного предприятия. В п. b ст. 2 Конвенции ООН ука-

зывается, что «иностранное публичное должностное лицо» означает любое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, назначенное или избранное, а также любое лицо, осуществляющее публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия [1]. Укажем на то, что законодатель Украины немного по-иному имплементировал положение соответствующей Конвенции в этой части. Во-первых, в Конвенции такая категория лиц называется иностранным публичным должностным лицом, а в УК Украины – должностными лицами иностранных государств. Считаем такое законодательное обозначение соответствующей категории должностных лиц адекватным. Поскольку государство, ратифицирующее Конвенцию, не обязано дословно воспроизводить положения международного договора, а может сохранить национальные традиции терминологического обозначения (именно это имеет место в данном случае). Во-вторых, абсолютно правильно законодатель Украины отказался от указания на административную власть. Понятие «административная власть» имеет несколько значений: «1) в наиболее широком смысле административная власть – подвид государственной власти, деятельность органов исполнительной власти, связанная с осуществлением исполнительных и распорядительных функций; 2) несколько уже административная власть рассматривается как деятельность только той части органов исполнительной власти, которые связаны с правоохранительными функциями государства, например, органы внутренних дел, налоговой полиции, таможни и др. Иначе говоря, решающим фактором в данном случае является право соответствующих органов на распорядительство в сфере своего ведения, в том числе на применение внесудебного принуждения к гражданам и организациям» [4]. В-третьих, в уголовном законодательстве Украины неоправданно, с нашей точки зрения, понятие «публичная власть» заменено на «государственная власть». Конечно, в теории права окончательно не определено соотношение этих понятий, но согласимся с точкой зрения, что термин «публичная власть» объединяет государственную власть и местное самоуправление [5, с. 1]. Соответственно, должностными лицами иностранных государств, и поэтому служебными лицами по уголовному законодательству Украины, не признаются лица, занимающие должности в органах местного самоуправления иностранного государства. Это является существенным недостатком УК Украины. Ведь лицо, осуществляющее функции местного самоуправления, в Украине является должностным лицом (ч. 1 прим. ст. 364 УК Украины).

Во-вторых, должностными лицами признаются ***иностранные третейские судьи.*** Это физические лица, входящие в состав иностранного третейского суда (арбитража). Отметим, что на сегодня в отечественном законодательстве и в научной литературе термины «арбитражный» и «третейский» относительно соответствующего суда являются синонимами, которые могут использоваться как взаимозаменяемые. Как отмечает Ю. Притыка, термин «арбитраж» имеет французское происхождение и употребляется в украинской

юридической литературе как непосредственно, так и в таком переводе, как «третейский суд» [6, с. 45]. Отметим, что в международном праве понятия «международный (публичный) арбитраж» и «международный коммерческий арбитраж» отличаются. Международный (публичный) арбитраж – это процедура третейского судебного урегулирования спора, возникшего между определенными субъектами международно-правовых отношений, и имеет своим следствием принятия обязательного для сторон арбитражного решения, считающегося окончательным (с процессуальной точки зрения), и судебный арбитражный орган функционально относится к международным органам правосудия [7, с. 11]. А международный коммерческий арбитраж – это негосударственный орган смешанной правовой природы, а также собственно способ рассмотрения споров из договорных и других гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, по соглашению сторон и по процедуре, определенной ими [7, с. 3]. Непосредственным решением международных споров занимаются арбитражные (третейские) суды, которые бывают двух видов: 1) арбитражный суд (ad hoc), образованный сторонами специально для рассмотрения конкретного спора, 2) постоянно действующий институциональный арбитражный суд, имеющий свой регламент, правила, процедуры, а также секретариат, осуществляющий ограниченные административные функции. В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О международном коммерческом арбитраже», в этот арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры, связанные с договорными и другими гражданско-правовыми отношениями, возникающими при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Украины, между собой, между их участниками и с другими субъектами права Украины [8]. Считаем, что должностным лицом этого вида может быть любой третейский судья (арбитр), входящий в состав международного арбитражного суда как первого, так и второго вида.

В-третьих, должностными лицами могут быть ***лица, уполномоченные решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному***. Альтернативный порядок разрешения споров – это система взаимодействующих действий сторон гражданских, коммерческих и трудовых споров и иных лиц, направленных на их внесудебное урегулирование или разрешение с использованием пресекательных или других не запрещенных процедур. Это группа процессов, с помощью которых решаются споры и конфликты без обращения к формальной системе судопроизводства. Альтернативный порядок разрешения споров осуществляется, как правило, негосударственным органом или частным лицом, исходя из принципов добровольности, нейтральности, конфиденциальности, диспозитивности, равноправия [9]. В 2002 году Европейская комиссия разработала Зеленую книгу по альтернативному разрешению споров в гражданском и коммерческом праве [9]. Всего в европейской практике существу-

ют следующие основные формы альтернативного разрешения споров: 1) третейский суд или арбитраж (arbitration) – решение спора с помощью независимого, нейтрального лица – арбитра (или группы арбитров), уполномоченных вынести обязательное для сторон решение, 2) посредничество или медиация (mediation), предусматривающее урегулирование правового конфликта с помощью независимого нейтрального посредника, который содействует сторонам в достижении соглашения, 3) переговоры или негоциация (negotiation) – способ урегулирования правового спора непосредственно сторонами без участия других лиц [9]. При этом существуют и другие, смешанные формы альтернативного разрешения споров: «мед-Ард» (посредничество-арбитраж применяется в Великобритании, Швеции и других странах ЕС) – урегулирование спора с помощью посредника-арбитра, который в случае, если стороны не достигли соглашения, уполномочен решить конфликт в порядке арбитража (имеет признаки посредничества и третейского суда), «мини-суд» – широко применяемый способ для урегулирования коммерческих споров, получивший название от внешнего сходства с судебной процедурой, поскольку урегулирование спора происходит здесь с участием руководителей высшего звена управления каждой стороны, которые встречаются в присутствии нейтрального консультанта, заслушивают выступления представителей сторон по обстоятельствам дела и пытаются достичь соглашения по спору; независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела – процедура достижения сторонами соглашения на основе заключения квалифицированного специалиста, изучившего дело с учетом фактического состава; омбудсмен – урегулирование споров, связанных с недостатками в деятельности правительственных агентств и частных организаций официально уполномоченным лицом, расследующим обстоятельства дела по жалобам заинтересованных лиц; частная судебная система «судья напрокат», что обеспечивает решение споров за достаточно высокую плату с помощью судей, вышедших в отставку. Последние имеют полномочия не только примирить стороны, но и вынести обязательное для них решение [9]. Итак, должностными признаются лица, уполномоченные стороной гражданского, коммерческого или трудового спора принять участие в одном из альтернативных форм их решения.

В-четвертых, должностными лицами по УК Украины признаются ***должностные лица международных организаций*** (работники международной организации или любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени). Международная организация – это объединение государств, учреждений, физических лиц, совместно реализующих программу или цель на основании определенных правил и процедур, деятельность которых выходит за национальные границы [10, с. 5]. При этом международные организации бывают следующих видов. По составу членов и юридическому статусу: межгосударственные и неправительственные. Межгосударственные организации образуются на основе официальных правительственных соглашений между странами (например, ООН, НАТО, ОБСЕ, Европейский Союз, МВФ). Неправительственные организации создаются на основе индивидуаль-

ного или коллективного членства субъектов, которые не являются официальными представителями своих правительств (например, Римский клуб, Лондонский клуб). По географическому распространению международные организации делятся на глобальные и региональные. Глобальные организации объединяют страны или другие субъекты независимо от того, где, в какой части света они находятся (например, ООН, МВФ, ВТО, Красный Крест, Римский клуб). Региональные международные организации объединяют страны, расположенные в каком-то определенном регионе, как правило, компактно, в территориальной близости (например, Европейский Союз, НАТО, СНГ). По функциональной направленности организации подразделяются на организации общей и специальной компетенции. Организации общей компетенции в своей деятельности охватывают широкий круг проблем и направлений (например, ООН, Европейский Союз). К организациям специальной компетенции относятся международные организации, в которых одна из функций является главной, а другие (если они есть) – вспомогательными (например, Всемирная торговая организация, Римский клуб, Международная торговая палата). По характеру деятельности международные организации подразделяются на универсальные, политические, экономические, гуманитарные, культурно-просветительские, оборонительные и др. По условиям участия в членстве международные организации делятся на открытые и закрытые. В открытые организации может войти каждое государство, разделяющее принципы и устав организации. В закрытые организации новых членов принимают только по приглашению учредителей организации [10, с. 6–20]. Должностными лицами, как указано в примечании ст. 364 УК Украины, являются как работники международных организаций, так и любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени. Такими лицами могут быть не только иностранные граждане или лица без гражданства, но и граждане Украины. При этом не имеет значения, является ли Украина членом такой международной организации. Учитывая указание закона, должностными лицами могут признаваться: 1) работники международной организации или 2) любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от ее имени. К работникам международных организаций относятся лица, входящие в состав его органов – высших, исполнительных, вспомогательных, контролирующих и административных (например, участники Генеральной Ассамблеи ООН, Европейского Совета Европейского Союза, Совета Министров иностранных дел ОБСЕ, Координационно-консультативного комитета СНГ, Центра ООН по населенным пунктам (Хабитат), советы по торговле интеллектуальной собственностью ВТО). Как правило, лицо, уполномоченное международной организацией действовать от ее имени, принадлежит к работникам такой организации.

В-пятых, должностными лицами являются ***члены международных парламентских ассамблей, участником которых является Украина***. Международные парламентские ассамблеи контролируют деятельность международных организаций, в состав которых они входят или могут иметь автономный харак-

тер. В дипломатической практике, международном публичном праве используется терминологический оборот «международные парламентские институты» (international parliamentary institutions), разновидностями (генотипами) которых являются межпарламентские организации и парламентские ассамблеи международных организаций. Международный парламентский институт – это международная организация или особая часть (структура) международной организации, которая создается в подавляющем большинстве случаев не менее чем двумя государствами-участниками или другими субъектами международного права, имеющая согласованные парламентариями, которые входят в ее состав, цели, компетенцию и свои постоянные органы [11, с. 96]. Согласно классификации международных парламентских институтов, одним из ее видов являются международные парламентские органы (ассамблеи). Основные черты таких институтов: являются органами международных, региональных и наднациональных организаций; имеют устав, правила, процедуры, бюджет, разветвленную структуру, их правосубъектность – часть общей правосубъектности международной организации; подчиненность головной организации; членство согласно уставу государств-участников международных организаций; постоянное взаимодействие с другими органами международных организаций; статус не соответствует статусу национального парламента в государстве [11, с. 96]. Очевидно, что с учетом прямого указания в уголовном законе Украины, должностными лицами могут признаваться только члены международных парламентских ассамблей. То есть в ее названии должен фигурировать термин «ассамблея». Если его нет – соответствующее лицо не принадлежит к проанализированной выше категории должностных лиц (это, в частности, член международных (региональных) парламентских организаций, международных парламентских ассоциаций, парламентских организаций при международных организациях). Поэтому считаем, что более удачным терминологическим оборотом, который соответствует практике международного права, является не «международные парламентские ассамблеи», а «парламентские ассамблеи международных организаций». Его и нужно использовать в УК Украины. Как указано в примечании ст. 364 УК Украины, должностным лицом признается только такой член международных парламентских ассамблей, участником которых является Украина. На сегодня наше государство – член Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, Межпарламентской ассамблеи Украины и Республики Польша и т. д. В случае, если субъектом преступления является член международных парламентских ассамблей, ассоциированным делегатом которых является Украина (например, Украина – ассоциированный делегат в Парламентской ассамблее НАТО), то он не может признаваться должностным лицом этого вида.

В-шестых, должностным лицом по УК Украины признаются ***судьи и должностные лица международных судов***. Международные суды – это специфические контрольные органы международных организаций. Международные суды могут решать межгосударственные споры (Международный суд ООН), рассматривать дела, возбужденные физическими и (или) юридически-

ми лицами против государств и международных организаций (Европейский суд по правам человека), трудовые споры в рамках международных организаций (Административный трибунал МОТ), различные категории споров (суд ЕС). Должностными лицами признаются судьи международных судов, а также их должностные лица. Лицо становится судьей международного суда с момента его избрания в соответствии с установленной процедурой. В частности, судьи Международного суда ООН избираются Генеральной Ассамблеей ООН и Советом Безопасности ООН на девять лет. Судьи Европейского суда по правам человека избираются Консультативной Ассамблеей Совета Европы на девять лет. Должностными лицами международных судов, в частности, могут быть секретарь Международного суда ООН, руководители подразделений секретариата Международного суда ООН.

Таким образом, вышеприведенный анализ позволил с помощью разных средств толкования инетрпретировать ту часть нормативного определения должностного лица в УК Украины, касающуюся представителей иностранных государств, международных парламентских институтов, международных судов как должностных лиц. Очевидно, что сделать это непросто. Ведь для правильного понимания этой категории лиц необходимо изучать не только нормативно-правовые акты Украины, но и международные договоры, а также международную практику урегулирования споров и конфликтов.

Список цитированных источников

1. Конвенція ООН проти корупції від 31 жовтня 2003 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/ cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_c16 – Заголовок з екрана.

2. Кримінальна конвенція про боротьбу з корупцією від 27 січня 1999 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_101 – Заголовок з екрана.

3. Додатковий протокол до Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією від 15 травня 2003 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/994_172 – Заголовок з екрана.

4. Энциклопедический словарь конституционного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitutional_law.academic.ru – Заголовок с экрана.

5. Полещенко, Д.А. Соотношение государственной власти и местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование / Д.А. Полещенко: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»; 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право». – М., 2010. – 31 с.

6. Притика, Ю.Д. Міжнародний комерційний арбітраж: Питання теорії та практики: монографія / Ю.Д. Притика. – К.: Ін Юре, 2005. – 516 с.

7. Мамон, З.В. Співвідношення міжнародного публічного та міжнародного комерційного арбітражів / З.В. Мамон: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11 «Міжнародне право». – Київ, 2011. – 20 с.

8. Про міжнародний комерційний арбітраж: Закон України від 25 лютого 1994 р. № 4002-XII // Відомості ВР України. – 1994. – № 25. – Ст. 198.

9. Бондаренко-Зелінська, Н.Л. Запровадження альтернативних способів врегулювання спорів: європейський досвід для України / Н.Л. Бондаренко-Зелінська // Міжнародне

приватне право: розвиток, порівняльний аспект, гармонізація [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ndippp.gov.ua/Schorichnuk/BondarenkoZelinska.pdf (10.06.2010) – Заголовок з екрана.

10. Міжнародні організації: навч. посіб. / за ред. Ю.Г. Козака, В.В. Ковалевського, З. Кутайні – Київ: Центр учбової літератури, 2007. – 440 с.

11. Виноградова, А. Межпарламентские институты: критерии и классификация / А. Виноградова // Обозреватель. – 2012. – № 6. – С. 90–106.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

В статье исследуются проблемы признания должностным лицом как специальным субъектом преступления по уголовному праву Украины должностных лиц иностранных государств; иностранных третейских судей; лиц, уполномоченных решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному; должностных лиц международных организаций; членов международных парламентских ассамблей, участником которых является Украина; судей и должностных лиц международных судов. Проанализированы отдельные проблемы толкования соответствующей категории должностных лиц с учетом положений международных конвенций. В частности, сделан вывод о том, что иностранным третейским судьей нужно признавать судью (арбитра), входящего в состав как международного публичного, так и международного коммерческого арбитража. Также установлено, что должностными признаются лица, уполномоченные стороной гражданского, коммерческого или трудового спора принять участие в одном из альтернативных форм их решения. Предложены конкретные пути усовершенствования уголовного законодательства Украины в этой части. Например, относительно целесообразности использования в УК Украины терминологического оборота «международные парламентские институты».

The article studies the problem of official recognition as a special subject of crime in the criminal law of Ukraine of foreign public officials, foreign arbitrators, the persons authorized to decide civil, commercial and labor disputes in foreign countries in order, an alternative court, officials of international organizations, members of international parliamentary assemblies, which Ukraine is a party to, judges and officials of international courts. Review some of the problems of interpretation of the relevant categories of officials subject to the provisions of international conventions. In particular, it is concluded that the foreign arbitrator must accept the judge (arbitrator), a component of both international public and international commercial arbitration. Also investigated that officials are persons who are authorized by the party of civil, commercial, or industrial dispute to participate in one of the alternative forms of their solutions. Proposed concrete ways to improve the criminal law in this part of Ukraine. For example, on whether to use the terminology of the Criminal Code traffic “international parliamentary institutions”.

ОБЩЕЕ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ МИГРАНТОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Никитенко И.В.

Следует признать, что на фоне активизации миграционных процессов, предупреждение преступности мигрантов вообще и их нелегальной компоненты в частности получило широкое распространение в тех странах, которые проводят активную миграционную политику в качестве «миграционных реципиентов». Так, например, в Австралии, ФРГ, Швеции, Канаде и США уже в первой половине прошлого века были сформированы государственные

институты реадмиссии, миграционного контроля, селекции и социальной адаптации иммигрантов. Кроме этого, большинство из наиболее привлекательных для иммиграции стран придерживаются достаточно жесткой миграционной политики, используя широкий спектр репрессивных мер в случае нарушения миграционного законодательства как самими мигрантами, так и гражданами этих государств, содействующими нелегальной миграции.

Известно, что Россия сегодня является одним из мировых лидеров по количеству въезжающих на ее территорию иностранцев за условную единицу времени. Так, по данным Всемирного банка на 2010 год, РФ уверенно занимала второе место после США по количеству иммигрантов (США – 43 млн чел., Россия – 12 млн чел.), что примерно составляло 8,6 % населения страны. Далее следуют Германия (11 млн чел.), Саудовская Аравия и Канада (8 и 9 млн чел), Великобритания, Испания и Франция (по 7 млн чел) [1, с. 12–38]. Вместе с тем наша страна занимает второе место после США по количеству граждан, родившихся за рубежом, при этом 90 % из них – представители русскоязычного населения. Однако показатель, отображающий объективный демографический баланс между коренным населением и иностранцами, заключается в их количественном соотношении, которое составляет 11,2 иностранных иммигранта на одну сотню коренного населения, а в течение 2010–2011 годов, вследствие либерализации миграционного законодательства, количество иммигрантов увеличилось еще на 22–24 %, а в некоторых регионах на 26 %. Следует отметить, что представленные сведенья являются официальными и не включают латентную составляющую миграционных процессов.

Предварительный анализ обусловленных комплексом исследуемых проблем (включая – социологическое наблюдение, экспертные оценки, контент-анализ, а также иные формы эмпирической деятельности, в том числе практический и аналитический опыт автора) позволил предположить, что нелегальная (латентная) иммиграция в современной России составляет до 1/3 легальной. Предположительно и то, что в таком крупном государстве имеет место весьма широкий причинно-факторный комплекс, влияющий на интенсивность, характер и структуру внешней иммиграции, что, несомненно, обуславливает наличие региональной специфики обеспечения миграционной безопасности государства в общем и ее криминологической составляющей в частности. В связи с этим можно предположить, что изучение и учет при формировании миграционной политики региональных особенностей административно-территориальных образований является обязательным условием эффективного обеспечения миграционной безопасности государства, особенно в контексте нейтрализации криминологически-значимых явлений, образующих наиболее опасные угрозы и риски причинения существенного вреда правоохраняемым интересам[2].

Надо ли напоминать, какое значение для разработки эффективного механизма предупреждения правонарушений вообще и преступлений в частности имеет выяснение причин и условий, способствующих их совершению. Вполне вероятно, что коренные причины преступности нелегальных мигран-

тов имеют много общего с причинами существования самой нелегальной миграции. Именно поэтому, устраняя детерминанты нелегальной миграции, мы в значительной степени упреждаем и ее криминальные проявления. Можно предположить, что эффективная профилактика преступности нелегальной миграции невозможна без нейтрализации причин самой нелегальной миграции. В связи с этим следует отметить, что современная криминология располагает знаниями о множестве, самых разнообразных криминогенных факторов, которые могут объяснить причины совершения не только всевозможных преступных деяний, но и других форм противоправного поведения [3, с. 31]. Она, по сути, решила ряд фундаментальных задач относительно нового, но вместе с тем, по мнению ряда исследователей, весьма перспективного направления юриспруденции – «административной деликтологии»[4, с. 22].

По мнению экспертов со ссылкой на популярное издание «USA Today», основные причины незаконной миграции имеют не только экономическую, но и политическую природу. Среди которых называют следующие:

– постоянные и прогрессирующие потребности работодателей в дешевой рабочей силе, источником которой и является незаконная миграция;

– потребности политических партий и сил, обычно леволиберального толка, в дополнительной поддержке на выборах. Это, по мнению демографов, объясняется тем, что значительная часть прогрессивных либерально-ориентированных избирателей демонстрируют более низкий коэффициент рождаемости в силу своих жизненных убеждений (т. е. имеют меньше детей), чем более консервативная часть избирателей. В связи с этим количество коренных либералов со временем сокращается. Таким образом, либеральные силы, в надежде легализации новых мигрантов, рассчитывают на увеличение своего электората [5].

Очевидно, что причины незаконной миграции в современной России носят в большей степени экономический, чем политический характер. Вероятно, что это обусловлено отсутствием устоявшихся традиций острой политической конкуренции, в отличие от стран Западной Европы и Северной Америки. Представляется вполне обоснованным, что именно экономические причины на протяжении ряда последних лет способствуют динамичному росту неуправляемых миграционных процессов в РФ. Однако глубинный анализ указанных факторов находится вне формата настоящего исследования. А устранение таких фундаментальных причин не может быть обеспеченно сугубо криминологическими средствами.

В данном случае автор солидарен с позицией М.М. Бабаева, суть которой отражает следующий тезис: «криминология не вправе «приватизировать» то, что по своему социальному предназначению несоизмеримо превосходит масштабы предупреждения преступлений и далеко выходит за рамки предмета этой науки» [6, с. 130]. Вместе с тем справедливо и то, что именно через политические стратегии и решения можно принять необходимые меры для устранения или минимизации фундаментальных (основных) причин незаконной миграции. Кроме этого, проблема незаконной миграции не может быть

решена исключительно на уровне принимающего иностранную миграцию государства, так как некоторые из причин этого явления начинают формироваться в местах постоянного проживания будущих «нелегалов»: коррупция в миграционных и пограничных службах; попустительское отношение некоторых государств к проблемам противодействия незаконной миграции, а иногда и целенаправленная политика образования в принимающих странах национальных анклавов, и в том числе за счет нелегальной миграции; рост стоимости оформления миграционных процедур и введение новых эмиграционных сборов и платежей. Именно поэтому проблемы профилактики незаконной миграции и связанной с ней миграционной преступности сегодня выходят за пределы национальных систем предупреждения преступности, а эффективность их решения все чаще зависит от уровня международного сотрудничества государств «миграционных доноров и реципиентов».

Если коренные детерминанты незаконной миграции могут быть нейтрализованы лишь политическими и экономическими средствами исключительно на уровне высших органов государственной власти, то их производные (назовем их вторичными криминогенными факторами) являются предметом профилактического воздействия других (нижестоящих) институтов государственной власти, и прежде всего правоохранительных органов. Вместе с тем практика показывает, что эффективная профилактика преступности и сопутствующих ей негативных явлений невозможна без активного участия в этом процессе институтов гражданского общества, содействие которых должно всячески приветствоваться и поощряться. Формы подобного сотрудничества могут быть самыми разными, от идеологической и информационной поддержки правоохранительных органов до совместного участия в специальных профилактических мероприятиях.

Итак, анализ вторичных причин незаконной миграции и связанной с ней преступности, которые являются предметом криминологических исследований прикладного характера, позволяет объединить их в несколько групп, соответствующих основным критериям классификации криминологической теории о «детерминантах преступности». Так, образующие причинный комплекс незаконной миграции и связанной с ней преступности факторы можно классифицировать относительно их содержания как экономические, культурно-идеологические, социальные, организационные и политико-правовые. При этом следует отметить, что в криминологии существуют и другие критерии классификаций, но они имеют в большей степени теоретическое, чем практическое значение, и фактически не могут быть использованы при разработке адекватных мер криминологической профилактики. Предложенная же классификация соответствует целям настоящего исследования и будет взята за основу при обосновании направлений профилактики преступности незаконных мигрантов.

На основании многолетних и разноплановых наблюдений, а также изучения следственной и судебной практики можно обоснованно утверждать, что причины преступности нелегальных мигрантов мало чем отличаются от

причин преступности иностранных мигрантов вообще. Однако в них есть и некоторые различия, что обусловливает необходимость целенаправленного изучения, а следовательно, и разработки специальных мер профилактического воздействия.

1. Нелегальное (противозаконное) положение само по себе представляет более высокий криминогенный потенциал.

2. Преступления, совершаемые незаконными мигрантами, как и сама незаконная миграция, a priori латентны.

3. Незаконные мигранты ввиду специфики своего положения могут быть отнесены к потенциальным жертвам преступлений, обладая повышенной виктимностью в сравнении с иными категориями мигрантов. Это же в свою очередь вынуждает «нелегалов» принимать упреждающие меры к обеспечению собственной безопасности, которые сами по себе могут создавать криминальные риски либо содержать признаки преступлений (повышенная агрессивность и готовность причинить упреждающий вред, незаконное хранение оружия и других запрещенных средств защиты, стремление к объединению в группы, которые при определенных условиях могут представлять повышенную криминальную опасность, в поисках покровительства и защиты вступление в ряды организованной преступности и так далее).

4. Мотивация криминального поведения незаконных мигрантов, часто связанная с осознанием отсутствия контроля со стороны власти, что в свою очередь порождает безответственность и расчет на возможность нелегального возвращения на родину в случае угрозы уголовного преследования за содеянное.

По мнению главы СК России А.И. Бастрыкина, отсутствие должного контроля над мигрантами приводит к росту соответствующего сегмента преступности и повышению уровня ее латентной составляющей, что лишает оперативные службы и следственные органы возможности своевременно выявлять и расследовать данные преступления. Преступники-мигранты беспрепятственно скрываются в своих странах, которые их потом не выдают [7].

5. Однако некоторые из незаконных мигрантов, которые, как правило, стали «нелегалами» в виду вынужденных обстоятельств, напротив, в целях сокрытия своего нелегального статуса стараются без особых на то причин не совершать противоправных деяний, а тем более преступлений, которые могут явиться поводом для проведения специальных мероприятий, угрожающих им обнаружением и последующим выдворением с применением иных принудительных мер и ограничений.

6. Причины значительной части преступлений, совершаемых незаконными мигрантами, связаны с желанием узаконить свой статус. Подобные деяния принято называть в отечественной криминологии «преступлениями миграционного характера», которые в своей совокупности и образуют содержание миграционной преступности. Основные же компоненты причинного комплекса, характерные для преступности мигрантов в целом и нелегальной миграции в частности, можно представить следующим образом: криминогенные факторы, влияющие на формирование личности до миграции; криминогенные

факторы, влияющие на формирование целей и мотивов миграции; криминогенные факторы, воздействующие на личность после прибытия в место назначения.

Известно, что миграция в большинстве случаев связана экономическими и социальными трудностями. Вследствие этого многие мигранты даже после успешного прибытия на новое место испытывают психологический дискомфорт. Кроме этого, на новом месте мигранты сталкиваются с настороженным, а иногда и враждебным отношением местного населения. Так, до 80 % респондентов социологических опросов считают мигрантов источником криминальных угроз; каждый десятый из Россиян высказался против иммиграции вообще, а каждый второй – против приема мигрантов нехарактерных для России национальностей.

Рост иммиграционного присутствия осложняет социальную и экономическую обстановку, что побуждает иммигрантов объединяться. А это, в свою очередь, является условием и для организации преступных формирований. Однако не все из мигрантов, и в том числе нелегальных, попадая в самые неблагоприятные жизненные условия, совершают преступления. Опасность обуславливается в основном сочетанием домиграционных и послемиграционных детерминант преступности: наличием криминального опыта до миграции, утратой социальных связей в процессе миграции и отсутствием возможности их восстановить после миграции [8, с. 820–826].

Это наиболее типичные особенности детерминант преступности нелегальной миграции, в остальном же, как было отмечено ранее, причины такой преступности идентичны причинному комплексу преступности мигрантов в целом, что позволяет проводить определенные аналогии при разработке мер профилактического воздействия.

По мнению А.И. Бастрыкина, сегодня только треть преступлений в структуре преступности мигрантов приходится на долю «нелегалов», что примерно составляет от 15 до 20 тыс. преступлений в год, а их попытка легализоваться приводит к новым преступлениям, например, изготовлению и использованию поддельных документов [9]. Таким образом, преступность нелегальных мигрантов, в сравнении с преступностью иностранцев вообще, не оказывает столь значительного влияния на общую криминальную ситуацию в России. Однако учитывая ее значительный криминогенный потенциал, а также зарубежный и отечественный опыт осложнения криминальной ситуации в связи с миграционными процессами, следует признать, что это явление нуждается в перманентном мониторинге и совершенствовании системы профилактического воздействия, которые направлены: на упреждение роста самой нелегальной миграции как источника криминогенных рисков; на снижение количества преступлений, совершаемых нелегальными мигрантами; на минимизацию криминальных последствий совершенных нелегальными мигрантами преступлений.

Итак, было установлено, что наиболее оптимальными уровнями профилактического воздействия на криминогенные факторы преступности нелегальных мигрантов являются общесоциальный (общий) и специальный.

По мнению А.И. Долговой, профилактику преступности следует рассматривать как специальную область социального управления, которой свойственны планирование и систематизация. Среди наиболее распространенных называются два варианта планирования: а) создание специальных программ, направленных на борьбу с преступностью иностранных мигрантов, включая и их нелегальную часть; б) приобщение указанных мероприятий к планам (программам), преследующим общие цели борьбы с преступностью [10, с. 453–458].

Примером первого варианта планирования может быть Межведомственная программа борьбы с преступностью, связанной с иностранными гражданами, в которой были предусмотрены мероприятия по предупреждению такой преступности, укреплению сотрудничества с правоохранительными органами зарубежных стран и т. п.

Однако при реализации целевого подхода к планированию основная (генеральная) цель профилактики, как правило, предполагает достижение частных целей, некоторые из которых предусматривают борьбу с преступностью иностранцев. Достижение этой «подцели» возможно посредством решения конкретных задач, образующих суть соответствующего раздела плана (программы). Подобный подход является примером второго варианта криминологического планирования. Реализация и осуществление любого из вариантов плана требует соответствующего ресурсного обеспечения.

Следует признать, что наибольшую озабоченность в России сегодня вызывают миграционные потоки из стран СНГ, которые входят в так называемое безвизовое пространство. Однако именно на долю мигрантов из стран СНГ приходится наибольшее число правонарушений миграционного законодательства, а следовательно, и фактов незаконной миграции. Кроме этого, соотношение преступлений, совершаемых мигрантами из стран, расположенных на так называемом «постсоветском пространстве» и другими категориями мигрантов, составляет: в азиатской части России примерно 6/1, а в ее европейской части – 10/1 и более [11]. Эти факты дают основания задуматься об адекватности профилактических мер криминальным угрозам, исходящим от миграций из стран «ближнего зарубежья» и особенно от их нелегальной составляющей. В связи с этим следует обратить особое внимание на организацию сотрудничества в области противодействия нелегальной миграции и связанной с ней преступности в формате СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭс.

6 марта 1998 г. на уровне глав стран – участников СНГ подписано Соглашение «О сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с незаконной миграцией». В формате реализации настоящего Соглашения 25 января 2000 г. решением Совета глав правительств стран – участников СНГ было утверждено Положение «Об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства – участники настоящего Соглашения закрыт в соответствии с действующим

национальным законодательством Сторон». Этим же положением определен порядок обмена информацией о незаконной миграции, соответствующий ст.ст. 4 и 6 настоящего Соглашения.

Так, в соответствии со ст. 4, стороны настоящего Соглашения осуществляют взаимодействие в области борьбы с незаконной миграцией, а следовательно, и связанными с этим явлением криминальными угрозами.

Механизм пролонгации данного Соглашения предполагает его действие в течение пяти лет со дня вступления в силу, а затем автоматического продления каждый раз на последующий пятилетний срок. Однако сегодня представляется неоспоримым, что на протяжении пятнадцати лет существования этого межгосударственного акта проблема незаконной миграции и связанной с ней преступности не только не утратила актуальности, но и приобрела новые негативные аспекты, связанные с обострением социальной напряженности на фоне обострения межнациональных отношений, ростом преступности мигрантов, сопровождаемой увеличением числа преступлений против личности, поражающих своей жестокостью и цинизмом, и тому подобное.

Вероятно, что это следствие формального отношения сторон настоящего Соглашения к реализации предусмотренных профилактических мер, что в свою очередь может быть обусловлено несовпадением интересов в реально проводимой миграционной политике. Известно, что одна часть государств, ратифицировавших настоящее Соглашение, является «миграционными реципиентами», а другая «миграционными донорами». Не секрет, что экономические проблемы вторых на фоне стремления к ужесточению иммиграционных режимов первыми часто являются главным катализатором роста незаконной миграции, включая ее криминальные проявления.

Следует отметить, что упомянутое Соглашение – далеко не единственный международный правовой акт, действующий на общепревентивном уровне ранней профилактики незаконной миграции и связанной с ней преступности в формате стран – членов СНГ.

Так, государствами – членами Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) на межправительственном уровне был учрежден Координационный совет руководителей компетентных органов государств-членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией (КСБНМ), являющийся вспомогательным органом ОДКБ и созданный в соответствии со ст. 13 Устава Организации.

Судя по результатам противодействия незаконной миграции и ее криминальным проявлениям, одной из главных составляющих которой является профилактика этих явлений, Координационный совет руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией, так же, как и Соглашение «О сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией», существенно не повлияли на состояние и динамику как самой неза-

конной миграции, так и миграционной преступности. Представляется, что причины этого, как было отмечено ранее, в несогласованности миграционной политики договаривающихся сторон.

Если же говорить о более чем скромных результатах превентивной деятельности в отношении исследуемых явлений, то это, скорее, должно быть отнесено к целенаправленной работе стран Евроазиатского экономического союза: России, Белоруссии и Казахстана. Что вполне обоснованно, так как именно эти государства, в формате СНГ и ОДКБ, являются крупнейшими «миграционными реципиентами», заинтересованными в развитии совместной деятельности со странами – «миграционными донорами», направленной на профилактику незаконной миграции, а также ее криминальных проявлений. В связи с этим следует обратить внимание на общесоциальные и специально-криминологические меры профилактики, применяемые в Российской Федерации и на территории ЕврАзЭс в целом. К указанным категориям мер можно отнести:

– меры экономического и социального характера, позволяющие устранить основные детерминанты незаконной миграции и связанной с этим явлением преступности;

– меры пограничного и внутригосударственного миграционного контроля;

– законодательные меры;

– меры информационного и аналитического характера;

– культурно-воспитательные и идеологические меры;

– общественный контроль.

Так, меры экономического и социального характера, прежде всего, нацелены на устранение коренных причин исследуемых явлений, что, в свою очередь, делает нарушение миграционного законодательства экономически нецелесообразным, бесперспективным в плане получения социальных благ и гарантий, общественно порицаемым, но главное – предоставляет возможности участвовать в легальном секторе экономики, превращая выполнение требований миграционного законодательства в общедоступный и экономически выгодный процесс.

Меры пограничного и внутригосударственного миграционного контроля находятся в авангарде специально-превентивных мер, направленных на непосредственное предупреждение уже действующих криминогенных факторов, способствующих росту незаконной миграции. Субъекты пограничного и внутригосударственного миграционного контроля составляют основное звено в системе обеспечения миграционной безопасности России [12, с. 66–69].

Представляется, что содержание законодательных мер не нуждается в подробных комментариях, так как их название говорит само за себя. Однако именно законодательные меры наполняют процесс предупреждения преступности юридическим смыслом, подразумевающим развитие механизма нормативно-правового регулирования и совершенствования юридических процедур, которые могут иметь отношение к регулированию миграционных про-

цессов, а, следовательно, профилактике незаконной миграции и ее криминальных проявлений.

Меры информационного и аналитического характера направлены на повышение осведомленности о негативных свойствах предмета профилактического воздействия через информационно-просветительские кампании об опасности незаконной миграции, повышение осведомленности как сотрудников правоохранительных органов, так и самих мигрантов, а также местного населения принимающих стран. Кроме этого, указанные меры включают в себя и аналитическую работу, направленную на изучение предмета профилактики с целью совершенствования превентивной деятельности. Они подразумевают осуществление мониторингов и информационный обмен, что в конечном итоге также направлено на осознание причин незаконной миграции и связанной с этим явлением преступности.

Мы не ставим знака равенства между культурно-воспитательными и идеологическими мерами профилактики незаконной миграции и связанной с этим явлением преступности, однако они тесно связаны, как в содержательном плане, так и с точки зрения механизма превентивного воздействия на предмет профилактики.

Бесспорно то, что проблемы противодействия незаконной миграции и связанным с ней криминальным угрозам в первую очередь должны быть сняты за счет решения экономических, социальных, демографических и других задач. Накопленный опыт свидетельствует о том, что только административными и ограничительными средствами, повышением эффективности правоохранительной деятельности и миграционного контроля не удастся достичь желаемого результата. Необходима целенаправленная культурно-просветительная работа с привлечением институтов гражданского общества, как в среде мигрантов, так и местного населения.

Известно, что идеология занимает важное место в сфере государственного и общественного строительства. Недооценка идеологической составляющей в профилактике преступности вообще и преступности незаконных мигрантов в частности является значительным упущением.

На фоне актуализации проблемы противодействия незаконной миграции и связанной с ней преступности стали высказываться идеи о сотрудничестве государства и гражданского общества в вопросах профилактики. Так, сегодня высказываются мнения о создании в крупных населенных пунктах, где обострена проблема миграционной преступности, так называемых «миграционных патрулей» с привлечением представителей казачества, членов добровольных общественных формирований и просто инициативных граждан. Основная цель этих мероприятий заключается в профилактике преступности через общественный контроль, что представляется весьма перспективным направлением.

Кроме перечисленных направлений предупреждения незаконной миграции и ее криминальных проявлений, сегодня многие из государств «миграционных реципиентов» (например, США, Канада, ФРГ, Франция, Италия) в отношении нелегальной миграции активно используют метод юридического

компромисса. Реальным воплощением этой формы превентивной деятельности является так называемая «миграционная амнистия», которая способствует добровольной легализации незаконных мигрантов посредством предоставления гарантий освобождения от административной, а в некоторых случаях и уголовной ответственности за прежние нарушения ими требований миграционного законодательства. Российский вариант подобного компромисса заключался во внедрении патентной системы узаконивания трудовых отношений между мигрантами и потенциальными работодателями, что на первоначальном этапе позволило несколько ослабить теневой рынок трудовой иммиграции, предоставив возможность оформлять трудовые патенты лицами, уже имеющими нарушения миграционного законодательства, но выразившими согласие после возмещения наложенных штрафных санкций оформить трудовые патенты. Однако этот метод породил ряд непредвиденных проблем. Так, сегодня основная часть трудовых мигрантов, владеющих трудовым патентом, злоупотребляют своим правом, трудятся по найму только у физических лиц и исключительно в личном хозяйстве, осуществляют незаконную трудовую деятельность у корпоративных работодателей на строительстве различных объектов, в сфере услуг и даже промышленном производстве, что способствует расширению теневого сектора экономики.

Следует отметить, что многие из экспертов признают миграционную амнистию вынужденной мерой. Потребность в ней возникает из-за недостатков миграционной политики и, как следствие, миграционного законодательства государства, вступающих в противоречие со сложившимися реалиями. Это, прежде всего, результат, запретительной миграционной политики, которую в той или иной степени проводят практически все страны – «миграционные реципиенты» и которая выталкивает определенную часть мигрантов за пределы правового поля. Подобные меры, как правило, продиктованы репрессивным, а не криминологическим мышлением, что не способствует развитию профилактической деятельности.

Подводя некоторые итоги аналитического обзора различных направлений общего и специального предупреждения незаконной миграции, следует отметить, что проблемы противодействия сопровождающим это явление криминальным угрозам и рискам, как и самой незаконной миграции, а также криминогенным факторам, порождающим эти явления, все чаще рассматриваются в контексте криминологического обеспечения миграционной безопасности России. Учитывая их динамичный рост и негативное влияние на уровень общественной напряженности, а также комплекс других проблем экономического, социального и даже политического характера, представляется, что подобный подход сегодня вполне оправдан.

Список цитированных источников

1. Настоящие сведения взяты из доклада Всемирного банка за 2011 г. См. Рата Д., Мохапатра С., Сивал А. Миграция и денежные переводы: цифры и факты – 2011. – The World Bank, 2011. – С. 12–38.

2. Данные предположения рассматриваются автором как составляющие рабочих гипотез настоящего исследования.

3. Кудрявцев, В.Н. Причинность в криминологии / В.Н. Кудрявцев. – М., 1968. – С. 31.

4. Гензюк, Э.Е. Административная деликтология: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.14. – М., 2001. 324 с. РГБ ОД, 71:03-12/29-4; Ремнев, В.И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период // Актуальные проблемы административной деликтологии: сб. науч. тр. – Киев, 1984.; Дерюга, А.Н. Административная деликтология и криминология: конкуренты или союзники? // Государство и право: вызовы 21 века (Кутафинские чтения): материалы Междунар. науч.-практ. конф. 1 дек. 2010 г. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010.

5. Ежедневная газета «USA Today» от 13.03.2006.

6. Бабаев, М.М. Теоретические и прикладные проблемы предупреждения сексуальной эксплуатации женщин и детей: монография / М.М. Бабаев, В.И. Коваленко. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. – С. 130.

7. Бастрыкин, А.И. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // Журнал «Право и безопасность» – № 2 (31). – Июль. – 2009.

8. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 2007. – С. 820–826.

9. Бастрыкин, А.И. Указ. соч.

10. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – С. 453–458.

11. ГИАЦ МВД России: Сведенья о состоянии преступности и результатах деятельности правоохранительных органов по раскрытию преступлений, в период с 2006 по 2013 г.

12. Никитенко, И.В. Миграционная безопасность Дальневосточного федерального округа России: политико-правовой и криминологический аспект / И.В. Никитенко. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. – С. 66–69.

Дата поступления статьи – 15.09.2013.

В настоящей статье отражены актуальные аспекты криминологического предупреждения преступности незаконных мигрантов со ссылками на отечественный и зарубежный опыт. Исследуя данный вопрос, автор статьи приходит к выводу о том, что именно общий и специальный уровни предупреждения наиболее эффективны в противодействии преступности незаконной миграции. Кроме этого, в статье акцентируется внимание на причинах незаконной миграции и связанной с этим явлением преступности, а также на классификации превентивных мер и кратком разъяснении их содержания. Затрагиваются вопросы межгосударственного сотрудничества в формате Содружества Независимых Государств и Евроазиатского экономического союза.

In this become a reflection of current criminological aspects of crime prevention of illegal migrants, with reference to Patriotic and international experience. Investigating the matter, the author, we arrive, leads to the conclusion that it is the general and special levels of prevention are most effective in countering the crime of illegal migration. In addition, the article focuses on the causes of illegal Migration and the related phenomenon of crime, as well as the classification of preventive measures and a brief explanation of the content. Touching, are issues of interstate cooperation within the Union of Independent States and the Eurasian Economic Union.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Сафонов А.И.

Получение независимости Республикой Беларусь и проведение в стране социально-экономических реформ способствовало зарождению и распространению новых видов общественно-опасных деяний, ранее неизвестных практике, одним из которых считается легализация преступных доходов.

Обращает на себя внимание тот факт, что проблема легализации преступных доходов в Республике Беларусь является практически неизученной. Ст. 235 УК Республики Беларусь, предусматривающая уголовную ответственность за легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, появилась лишь в новом Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года. Ранее уголовная ответственность за легализацию была установлена в 1997 году и была предусмотрена УК 1960 г. ст. 152-6. Принятие Закона Республики Беларусь от 19 июля 2000 г. № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности» и опыт его применения не дали практических результатов, которые могли быть подвергнуты уголовно-правовому анализу.

Данное исследование выполнено в соответствии с п. 11 Перечня приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований Республики Беларусь на 2006–2010 годы «Научное обеспечение борьбы с преступностью», утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2005 года № 512.

Актуальность темы нашего исследования определяется тем, что общественно-политические изменения, происходящие в Республике Беларусь за последнее десятилетие, кризис в экономике страны в 2010–2011 годах и деформированность складывающихся рыночных отношений повлекли за собой появление и распространение ряда общественно опасных деяний, ранее неизвестных или почти неизвестных теории права, практике борьбы с преступностью в нашей стране.

Специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН в рамках Глобальной программы ООН против отмывания доходов на 1997–1999 годы 10 июня 1998 г. приняты Политическая декларация и План действий против отмывания доходов.

Наличие уголовно-правовой нормы само по себе не означает решения всех проблем предупреждения и пресечения такой деятельности. Международный опыт показывает, что для этого необходима система законодательных мер по обеспечению государственного контроля за операциями юридических и физических лиц с денежными средствами и другим имуществом, ограничению в этих целях институтов банковской и коммерческой тайны.

В частности, определение состава этого преступления не вполне соответствует положениям Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г. (Страсбургская конвенция) [1], так как предусматривает ответственность только за совершение финансовых операций (например, размещение средств во вклады банков), преступных и иных незаконных сделок с имуществом, а также использование незаконных средств для предпринимательской или иной экономической деятельности. Совершение других операций с денежными средствами и иным имуществом чаще остается вне сферы действия данной нормы.

В Республике Беларусь регулярно проводятся мероприятия, направленные на пресечение и предупреждение легализации преступных доходов. Так, 7–8 июня 2012 г. по инициативе МВД Республики Беларусь в Минске прошел международный семинар по вопросам пресечения и предупреждения отмывания преступных доходов. В нем приняли участие сотрудники МВД, КГБ, КГК, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и международные эксперты из Нидерландов, Бельгии и Румынии [2].

Предметом нашего исследования являются нормы белорусского и зарубежного и международного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за легализацию преступных доходов, следственно-судебная практика применения ст. 235 УК Республики Беларусь, международно-правовые акты, направленные на противодействие легализации преступных доходов, уголовно-правовые и криминологические средства воздействия на рассматриваемые отношения, в том числе проблемы повышения эффективности этих средств в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании фактов легализации преступных доходов, а также проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов в этом направлении.

В основу исследования проблемы уголовной ответственности за легализацию преступных доходов в настоящей работе положены белорусское национальное законодательство, отдельные источники международного права.

В качестве методологической основы настоящего исследования использованы: основные принципы и категории диалектики; метод анализа и синтеза; логический метод, метод формально-юридического и грамматического толкования; автором также использовались частнонаучные методы, в числе которых исторический (при изучении вопроса о международных аспектах развития понимания проблемы борьбы с легализацией преступных доходов); метод сравнительного правоведения (при анализе отечественных и зарубежных уголовно-правовых норм об ответственности за легализацию преступных доходов); метод конкретно-социологических исследований, включая анкетирование и экспертные оценки (при опросе экспертов (судей, прокурорских работников, следователей Следственного комитета Республики Беларусь, адвокатов, студентов юридического факультета 4–5 курсов) по проблемам борьбы с легализацией преступных доходов).

Эмпирическую базу проведенного исследования составили официальные статистические данные о состоянии структуры, динамики преступности по легализации («отмыванию») материальных ценностей, приобретенных преступным путем в Республике Беларусь с 1999 по 2012 г.

В качестве экспертов по данной проблеме было опрошено 30 следователей Следственного комитета Республики Беларусь, также экспертному опросу подверглись 20 судей, 1 прокурорский работник, 30 адвокатов, 128 студентов 4–5 курсов дневной формы обучения юридического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», сдавших экзамен по курсу «уголовное право (Особенная часть)». Всего 209 респондентов. В процессе опроса осуществлялся сбор, обработка и обобщение данных в этой сфере о лицах, совершающих преступления, предусмотренные ст. 235 УК Республики Беларусь, причинах, условиях и т. д. Обследования проводились в г. Витебске и Витебском районе, г. Орша Витебской области, г. Борисове Минской области, г. Минске. Для сопоставления использовались данные конкретных социологических исследований, проведенных другими авторами. Автором проведено выборочное исследование уголовных дел, возбужденных по ст. 235 УК и квалифицированных по совокупности с другими преступлениями. Количество собранных эмпирических материалов, методика их научного изучения и анализа, по мнению автора, обусловливают достаточный уровень их репрезентативности, обоснованность и достоверность научных выводов и предложений.

В ряде международно-правовых актов предписывается устанавливать в рамках национального законодательства юридическую ответственность за искажение природы финансовых средств, полученных от незаконной деятельности, и иное способствование их проникновению в экономику страны.

В конце 80-х годов двадцатого столетия в рамках международного сообщества сложился широкий консенсус по поводу того, что криминализация отмывания денег является важным компонентом стратегии борьбы с преступностью. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (Венская конвенция) [3] стала первым универсальным международным договором, направленным на развитие сотрудничества в сфере борьбы с «отмыванием денег» и пресечение преступной деятельности, приносящей максимальные доходы.

Венская конвенция предусматривает, что государства – участники обязаны квалифицировать во внутреннем законодательстве в качестве преступления «отмывание» имущественных ценностей, полученных от правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также регламентирует международное сотрудничество, включая выдачу. Положения этой Конвенции являются отражением этой потребности, хотя собственно термин «отмывание денег» ввиду его относительной новизны и сложности перевода не был использован в тексте. Тем не менее, само понятие сформулировано весьма подробно.

Таким образом, международно-правовое сообщество разработало перечень основных деяний, образующих отмывание криминальных доходов. Это послужило отправной точкой для дальнейшей, более детальной, научной разработки данного понятия и реализации его в ряде международных и национальных законодательных актов.

Положения Венской конвенции получили дальнейшее развитие в Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» [4], принятой в Страсбурге 8 ноября 1990 г. (Страсбургская конвенция) и ставшей основной правовой базой европейского сотрудничества в противодействии этому виду преступной деятельности.

Обязательство по криминализации отмывания денежных средств и иного имущества, полученных от преступной деятельности, отражены и в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой в Палермо, Италия, 12–15 декабря 2000 г. [9].

В белорусской научной литературе проблеме борьбы с легализацией преступных доходов, к сожалению, уделяется мало внимания.

Таким образом, Республике Беларусь необходимо вырабатывать собственные и более активно имплементировать самые позитивные наработки международного сообщества в области противодействия легализации преступных доходов.

Мировым сообществом накоплен значительный межгосударственный опыт борьбы с отмыванием доходов и разработана общая международно-правовая концепция противодействия этому явлению, нашедшая свое отражение в таких важнейших международно-правовых документах, как:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (Венская конвенция) [3].

2. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (Страсбургская конвенция) [4].

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (15 ноября 2000 г.) [5].

4. Директива Совета Европы 1991 г. №91/308/ЕЕС «О предупреждении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств» [6].

5. 40 специальных рекомендаций ФАТФ, принятые в 1990 году, с последующими изменениями и дополнениями.

Положения вышеперечисленных документов были частично дополнены Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.

Разработка и принятие договора государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансировании терроризма 2007 г. [7] является важным

шагом этих государств по решению вопросов, связанных с борьбой против отмывания денег и финансирования терроризма.

Совершенствование законодательства о противодействии отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма является одним из приоритетных направлений государственной политики в Республике Беларусь. На основании анализа международного законодательства в области противодействия легализации преступных доходов и его сопоставления с соответствующими известными данными можно сформулировать следующие выводы и предложения.

По мнению автора, название ст. 235 УК Республики Беларусь по смыслу вступает в противоречие с со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2000 г. № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности» [8], где содержится легальное определение термина «легализация доходов полученных преступным путем». В связи с этим название ст. 235 УК Республики Беларусь подлежит реформированию и унификации с Законом.

Понятие «денежные средства, ценные бумаги или иное имущество», нашедшее свое отражение в диспозиции ч. 1 ст. 235 УК Республики Беларусь, по нашему мнению, не соответствует нормам международного права и не позволяет определить весь перечень доходов, полученных в результате преступной деятельности различного рода, в связи с чем полагаем внести следующие изменения: в диспозиции ч. 1 ст. 235 УК Республики Беларусь заменить понятие «денежные средства, ценные бумаги или иное имущество» на термин «доходы». В примечании к указанной статье необходимо дать законодательное разъяснение о том, что следует понимать под доходами, приобретенными заведомо преступным путем применительно к указанной норме:

«Доходы, приобретенные заведомо преступным путем, – денежные средства, ценные бумаги или иное имущество, а также права на имущество, заведомо полученные в результате совершения преступления, за исключением преступления, предусмотренного ст. 236 УК Республики Беларусь». При этом необходимо унифицировать определение данного термина со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2000 г. № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности».

В целях повышения эффективности противодействия легализации преступных доходов, используя международный опыт, следует изменить п. 2 примечания к ст. 235 УК Республики Беларусь и изложить его как п. 3 в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, и способствовавшее выявлению и раскрытию преступления, связанного с легализацией («отмыванием») доходов, приобретенных преступным путем, полученных в результате совершения преступления, изобличению лиц, его совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, и полностью возместившее причиненный ущерб, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление».

В диспозицию ч. 2 ст. 235 УК Республики Беларусь предлагаем добавить квалифицирующий признак «группой лиц», исключить квалифицирующий признак «в особо крупном размере» и переместить его в диспозицию ч. 3 ст. 235 УК.

Используя положительный опыт других государств по вопросам регламентации санкций, считаем целесообразным установление штрафных санкций в заранее установленном размере, а также введение в диспозицию ч. 1 ст. 235 УК Республики Беларусь в качестве санкции дополнительного вида наказания в виде конфискации имущества.

С учетом всех изложенных предложений по реформированию действующего законодательства, предлагаем измененное название и редакцию ст. 235 УК Республики Беларусь «Легализация («отмывание») доходов, приобретенных заведомо преступным путем».

1. «Умышленное совершение финансовых операций, иных действий, направленных на сокрытие, маскировку, утаивание сведений о доходах, заведомо приобретенных в результате совершения преступления, с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными доходами, либо использование их для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, если эти деяния совершены в значительном размере – наказываются штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или лишением свободы на срок от двух до четырех лет с конфискацией имущества и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

2. «Те же действия, совершенные повторно либо группой лиц, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо в крупном размере, – наказываются…»

3. «Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, – наказываются…»

Примечания:

1. «Под доходами, приобретенными заведомо преступным путем, следует понимать денежные средства, ценные бумаги или иное имущество, а также права на имущество, заведомо полученные в результате совершения преступления, за исключением преступления, предусмотренного ст. 236 УК Республики Беларусь».

2. «Доход, приобретенный заведомо преступным путем, признается полученным в значительном размере, если он в сорок и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, в крупном размере, если он в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, в особо крупном размере, если он в две тысячи пятьсот и более раз превышает размер такой базовой величины».

3. «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, и способствовавшее выявлению и раскрытию преступления, свя-

занного с легализацией («отмыванием») доходов, приобретенных заведомо преступным путем, полученных в результате совершения преступления, изобличению лиц, его совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, и полностью возместившее причиненный ущерб, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление».

Несомненно, в связи с наличием трудностей у судей при рассмотрении уголовных дел данной категории, назрела необходимость обобщения судебной практики и издания Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь соответствующего постановления.

Инициативу автора в части расширения им круга рассматриваемых вопросов пришлось ограничивать и направлять в русло заявленных объекта и предмета исследования.

Список цитированных источников

1. Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Конвенция Совета Европы (ETS № 141) от 8 ноября 1990 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Белорусские специалисты ознакомились с международным опытом борьбы с отмыванием преступных доходов/ Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eurasiangroup.org/ru/additionally/detail/ eag_v_smi/belorusskie _spetcialisti_ oznakomilis_s_mezhdunarodnym. – Дата доступа: 10.09. 2013.

3. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Конвенция Организации Объединенных Наций 1988 г. (Венская конвенция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/decl_conv/conv_drugs.shtml. – Дата доступа: 10.09.2013.

4. Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: Конвенция Совета Европы (ETS № 141) от 8 ноября 1990 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/ orgcrime.shtml. – Дата доступа: 10.09.2013.

6. О предупреждении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств: Директива Совета Европы 1991г. №91/308/ЕЕС[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.imolin/pdf/ imolin/overviewr.pdf. – Дата доступа: 10.09.2013.

7. О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма: Договор Государств – участников Содружества Независимых Государств от 5 октября 2007 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

8. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности: Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2000 г. № 426-З: с изм. и доп.: текст по сост. на 1 окт. 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]/Режим доступа: http://www.un.org /ru/decl_conv/conventions/ orgcrime.shtml.-Дата доступа: 10.09.2013.

Дата поступления статьи –13.09.2013.

В статье рассматриваются отдельные аспекты международного законодательства в области противодействия легализации преступных доходов. На основе проведенного анализа национального и международного законодательства в данной сфере автором сформулированы выводы и предложения по реформированию действующего законодательства. При написании статьи использованы эмпирические данные. Автором предлагается реформировать ст. 235 УК Республики Беларусь в связи с тем, что остроту проблемы не сняла и четырехкратная корректировка законодателем ст. 235 УК Республики Беларусь в 2006, 2007, 2008 и 2010 гг. Также предлагается издание Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь соответствующего постановления в связи с необходимостью обобщения судебной практики. Подобные постановления уже изданы в Украине и Российской Федерации.

In this article separate aspects of the international legislation in the field of counteraction of legalization of the criminal income are considered. On the basis of the carried-out analysis of the national and international legislation in this sphere the author formulated conclusions and offers on current legislation reforming. The author used empirical material in the article. The author offers to reform the article number 235 of the Criminal Code of the Republic of Belarus because sharpness of a problem wasn't removed also by quadruple adjustment by the legislator of the article number 235 of the Criminal Code of the Republic of Belarus in 2006, 2007, 2008 and 2010. Also the edition by Plenum of the Supreme Court of Republic of Belarus of the relevant resolution, due to the need of synthesis of jurisprudence is offered. Similar resolutions are already issued in the Ukraine and in Russian Federation.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Стаценко В.Г.

Одной из наиболее острых проблем как уголовно-правовой теории и практики, так и криминологии является проблема правового статуса потерпевших от преступлений и обеспечения защиты их законных прав и интересов.

Прошло уже более 7 лет с момента принятия в Республике Беларусь «Концепции защиты жертв преступной деятельности», которая была направлена, прежде всего, на приведение национального законодательства в соответствие с международными правовыми стандартами и законодательством «развитых стран мирового сообщества» в сфере обеспечения правовой защиты потерпевших от преступлений.

В Концепции, в частности, предлагалось:

– регламентировать на законодательном уровне ряд вопросов, посвященных защите потенциальных потерпевших от преступных посягательств, с указанием мер по профилактике воздействия последствий преступной дея-

тельности на население, направленных на уменьшение риска стать жертвой преступления;

– регулярное осуществление учета и мониторинга складывающегося уровня воздействия последствий преступной деятельности на население в стране и ее регионах, проведение периодических опросов населения в целях выявления истинных масштабов воздействия последствий преступной деятельности на население и оценки деятельности органов, ведущих уголовный процесс, по предупреждению преступности и такого воздействия;

– внедрение в правоохранительную практику передовых форм и методов профилактики воздействия последствий преступной деятельности, оказание гражданам, обладающим повышенным воздействием последствий преступной деятельности, финансовой поддержки в приобретении технических средств самозащиты от преступных посягательств;

– введение в законодательство норм, предусматривающих возможность бесплатного выделения адвокатов для потерпевших от преступлений при желании последних, которые бы выступали в уголовном процессе в качестве их представителей;

– возложение организации социальной защиты и реабилитации потерпевших от преступной деятельности на соответствующие местные исполнительные и распорядительные органы;

– подготовка и принятие Закона Республики Беларусь «О правовом статусе жертв преступной деятельности» и ряд других мер [1].

К сожалению, большинство из перечисленных предложений по совершенствованию отечественного законодательства в рассматриваемой сфере, так и остались нереализованными.

В связи с этим по-прежнему весьма актуален, на наш взгляд, сравнительный анализ международно-правовых стандартов в сфере правового обеспечения прав потерпевших от преступлений и соответствующих норм национального законодательства.

Правовыми императивами и ориентирами для национальных законодательств и правоприменительной практики в сфере защиты прав и законных интересов тех лиц, которые стали жертвами преступлений и потерпели моральный, физический или материальный ущерб, являются, прежде всего, нормы универсальных и европейских международно-правовых актов по правам человека.

К ним можно отнести Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 года, Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 года и другие.

Так, например, ст.ст. 2, 10 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года гарантируют каждому человеку право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой лично-

сти, на действенную судебно-правовую защиту, а также устанавливают обязанность законодательных, административных и судебных органов создавать все благоприятные условия для реализации этого стержневого права, равно как и для реализации всех остальных производных человеческих прав и обязанностей» [2].

Общие принципы обеспечения правовой защиты прав жертв преступлений были конкретизированы в ряде универсальных и региональных международных актов, принятых в последние десятилетия.

Между тем, как это неоднократно отмечалось в докладах ООН и других международных организаций, далеко не всегда положения национального законодательства, определяющие механизмы защиты прав жертв преступлений, в полной мере соответствуют международным стандартам, в результате чего «жертвам преступлений и зачастую их семьям, свидетелям и другим лицам, оказывающим им помощь, несправедливо наносится ущерб, телесные повреждения или ущерб их собственности и что, помимо этого, они могут подвергаться лишениям при оказании содействия судебному преследованию правонарушителей» [3].

Данный вывод в значительной степени справедлив и для законодательства Республики Беларусь.

Рассмотрим, с позиций их соответствия белорусскому законодательству, некоторые из ключевых международно-правовых актов, регулирующих круг рассматриваемых правовых отношений.

В 1985 году Генеральная Ассамблея ООН, исходя из «осознания» того, что «миллионам людей во всем мире в результате преступлений или злоупотребления властью наносится ущерб, и что права жертв этих преступлений не признаются должным образом..., что жертвам преступлений и жертвам злоупотребления властью, а также зачастую их семьям, свидетелям и другим лицам, оказывающим им помощь, несправедливо наносится ущерб или телесные повреждения или ущерб их собственности... и что, помимо этого, они могут подвергаться лишениям при оказании содействия судебному преследованию правонарушителей...», приняла так называемую «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» [4].

В разделе «Доступ к правосудию и справедливое обращение» здесь устанавливается, в частности, что жертвы «имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством», что следует «создать и укрепить судебные и административные механизмы», которые бы «в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

a) предоставления жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация;

b) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех слу-

чаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия;

c) предоставления надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства;

d) принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести;

e) предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнении постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам».

В разделе «Компенсация» Декларация устанавливает, что «в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации:

a) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье;

b) семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

Следует содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсации жертвам. При необходимости в этих целях могут создаваться и другие фонды, в том числе в тех случаях, когда государство, гражданином которого жертва является, не в состоянии возместить жертве причиненный ей ущерб».

Таким образом, Декларация устанавливает, по сути, обязанность государства брать на себя обязательства по компенсации вреда лицам, получившим в результате преступления значительные телесные повреждения или увечья, с последующим возмещением выплаченных (выплачиваемых) сумм с осужденного *в регрессном порядке*. Таким же образом должна выплачиваться компенсация иждивенцам жертв преступлений в случае смерти или недееспособности последних.

Законодательство Республики Беларусь, однако, не содержит норм, которые обеспечивали бы реализацию этих положений. По нашему мнению, в Бюджетном кодексе следовало бы предусмотреть создание соответствующего фонда, порядок его функционирования и механизм осуществления компенсационных выплат. Обращаться в такой фонд могли бы граждане, которым преступным посягательством причинен физический вред в виде менее тяжких и тяжких телесных повреждений, близкие родственники лица, погибшего в результате преступления, а также те лица, жилище и имущество которых уничтожены в результате совершения преступления.

Не соответствует положениям Декларации и определение правового статуса потерпевшего в национальном законодательстве. В качестве жертв преступления Декларация рассматривает «лиц, которым индивидуально или кол-

лективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью», в то время как согласно ч. 1 ст. 49 действующего УПК потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред, и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим [5].

Очевидно, что подобный способ определения статуса потерпевшего, который можно определить как *разрешительный*, противоречит международно-правовым стандартам, в соответствии с которыми потерпевший определяется как лицо, чьи права и законные интересы были нарушены неправомерными действиями, *независимо от получения официального статуса со стороны государства*.

Ограничение права гражданина на судебную защиту своих прав в уголовном судопроизводстве на том лишь основании, что эти граждане не были признаны в установленном законом порядке участниками производства по уголовному делу, является, по сути, ограничением его конституционных прав.

Следует поэтому закрепить в УПК следующую норму: «в случае заявления лицом требования о возмещении вреда, причиненного преступлением, и признании его потерпевшим, орган, ведущий уголовное дело, обязан принять решение о наделении его статусом потерпевшего при наличии к тому основания».

В последующие годы базовые положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью были конкретизированы в ряде международных актов – Рекомендациях по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 года; Руководстве для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1990 г.; Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г., а также в решениях Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Так, например, на Десятом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 2000 года отмечалось, что закономерной тенденцией развития современного уголовно-процессуального законодательства и правоохранительной практики для наиболее развитых государств является смена акцентов в деле защиты прав потерпевших и обвиняемых, а в принятой на нем «Декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» государствам было рекомендовано разработать национальные, региональные и международные планы действий и создание специальных фондов в поддержку жертв преступлений [6]. Перспективной

идеей является напоминаемое в документах IX Конгресса ООН предложение о создании типового закона о правах жертв и кодекса обращения с жертвами преступлений.

В еще большей мере диссонирует белорусское законодательство с европейскими нормами, предусматривающими обеспечение компенсации ущерба жертвам преступлений со стороны государства.

Так, в резолюции Комитета министров Совета Европы «О компенсации потерпевшим от преступлений» (28 сентября 1977 г.) отмечается, что если после вступления обвинительного приговора суда компенсация не может быть произведена наличными средствами преступников, государство само обязано выделить из специальных фондов достаточные денежные средства для своевременного и полного возмещения ущерба потерпевшим. Если в результате совершения насильственных преступлений потерпевшие были убиты или получили существенные телесные повреждения, то компенсацию вправе получить также и те лица, которые находились на иждивении потерпевших, даже если преступник не может быть подвергнут уголовному преследованию и наказанию.

Предполагаемая компенсация должна предоставляться либо в рамках системы социального обеспечения, либо путем создания специальной схемы компенсации или путем обращения к механизмам страхования [7].

Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.), ратифицированная большинством европейских стран и вступившая в силу с 1 февраля 1988 г., также предусматривает, что возмещение ущерба осуществляется государством, даже если преступник не может быть подвергнут уголовному преследованию (например, не установлен) или быть наказан. При установленном ущербе государственная компенсация должна охватывать как минимум следующие элементы: потеря заработка, медицинские расходы, больничные сборы, а также потеря кормильца (в случае наличия иждивенцев у потерпевшего). Конвенция также определяет способы избежать двойной компенсации от государства и из других источников, обязывает государства, подписавшие документ, информировать лиц, которые могут быть заинтересованы в получении государственной компенсации, и об их правах на возмещение ущерба [8].

В 1985 году Совет Европы в Страсбурге принял Рекомендации № R/85/11 «О положении потерпевшего в системе уголовного и уголовно-процессуального законодательства», где наряду с нормами, направленными на защиту неприкосновенности частной жизни и особую защиту потерпевшего в случае угрозы со стороны посягателя, определяется круг жертв, которые требуют специальной правовой защиты (инвалиды, душевнобольные и несовершеннолетние (ст. 8). При этом здесь речь идет о возмещении четырех (а не трех, как в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве) видов возможного вреда, который может претерпевать потерпевший от преступления, – это физический, материальный, психический (моральный) и *социальный* вред. Под последним здесь понимается специальная защита прав и

интересов особых категорий жертв в ситуациях, когда они по объективным, не зависящим от них причинам не могут отражать фактические обстоятельства совершаемого в отношении их преступления. К ним относятся, например, жертвы изнасилования: лица, страдающие психическими расстройствами, умственно отсталые и малолетние, не имеющие в настоящее время права на компенсацию морального вреда в случаях, когда они не понимают смысла совершаемых с ними преступных действий [9].

Основополагающим документом ЕС в отношении жертв уголовных преступлений является так называемое «Основополагающее» (рамочное) решение от 15 марта 2001 г. о положении жертв в уголовном процессе, принятое Советом Евросоюза и являющимся обязательным для всех государств-членов. В документе даются определения следующим понятиям: «жертва», «организация по поддержке потерпевших» (victim support organization), «уголовное дело», «производство» и «посредничество в уголовных делах». Это решение обязывает государства – члены ЕС принять правила обеспечения жертв уголовных преступлений и признать следующие права потерпевших: право на уважение и признание, право быть услышанным, право получения информации, право на защиту, право на компенсацию [10].

Значительное место в развитии законодательства о правах потерпевших от преступлений занимают правоприменительные рекомендации Европейского суда по правам человека.

Так, в ряде решений Европейского суда по правам человека (по делам «Костелло Робертс против Соединенного Королевства», «Ассенов против Болгарии» и др.) в качестве судебного прецедента было установлено, что если предварительное следствие, вопреки заявленным фактам и требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства, не было возбуждено или было проведено поверхностно, неполно и с большими и очевидными погрешностями, либо уголовное дело было неправомерно прекращено или приостановлено, либо преступникам по тем или иным причинам был необоснованно вынесен оправдательный приговор, то государство может быть признано виновным в нарушении соответственно ст.ст. 2, 3 и 13 Конвенции и обязано произвести компенсацию причиненного потерпевшим ущерба [11] .

Таким образом, международные правовые нормы при осуществлении уголовного судопроизводства направлены, прежде всего, на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего, включая восстановление (реституцию) причиненного ему физического, психологического, материального и социального ущерба.

При этом:

– правомерный отказ правоохранительных органов от уголовного преследования должен обязательно сопровождаться фактом примирения обвиняемого и потерпевшего, а также своевременной и полной компенсацией обвиняемым вреда, причиненного потерпевшему;

– на всех стадиях уголовного судопроизводства при вынесении того или иного судебного решения, непосредственно затрагивающего права и за-

конные интересы потерпевшего, мнение последнего должно быть принято во внимание, учтено в полной мере и оценено с точки зрения положений действующего международного и национального законодательства.

Официальные органы государства обязаны также гарантировать охрану безопасности жертвам преступлений и членам их семей, защищать свидетелей обвинения от возможного запугивания, угроз и мести, а также предоставлять всякую правомерную помощь пострадавшему от преступления лицу.

Следует отметить, что, к сожалению, законодательное обеспечение прав потерпевших от преступлений в Республике Беларусь не только не соответствует по ряду позиций нормам международного права, но и уступает в своем «качестве» законодательству союзного государства – Российской Федерации, где за последние годы произошли, при сохранении проблемных вопросов, определенные подвижки в рассматриваемой сфере – принят Федеральный Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», разработан проект Закона «О потерпевших от преступлений», вносятся поправки в уголовно-правовое законодательство.

На наш взгляд, существует насущная необходимость реализации положений Концепции защиты жертв преступной деятельности 2006 года, включая имплементацию ряда норм вышеуказанных международных правовых актов, определяющих правовой статус жертв преступлений.

Все это потребует внесения ряда изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодекс, разработки законодательства, основанного на субсидиарности, селективности и реституции компенсации, а также создания специального Фонда компенсаций жертвам насильственных преступлений, разработки и принятия правовых норм, регулирующих его деятельность, основания, размер компенсаций и их виды, методику расчета нанесенного вреда здоровью, морального вреда и т. д.

Список цитированных источников

1. Концепция защиты жертв преступной деятельности: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20.01.2006 №74 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 109.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА – М, 1999.

3. Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 1992. – С. 242.

4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью: принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человек: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА – М, 1999.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: Текст Кодекса по состоянию на 20.09.2013 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2013.

6. Лунев, В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов / В.В.Лунев // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 95–100.

7. Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А.Зайцев. – М., 2002.

8. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81–85.

9. Рекомендация № R(85) 11 Комитета министров государствам-членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса: принята Комитетом министров 28 июня 1985 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sposterejni.ru/mijnarodni/104-rec85.html. – Дата доступа: 09.09.2013.

10. Основополагающее решение Совета Европейского союза от 15 марта 2001 г. О месте жертв в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mosmediator.narod.ru/.- Дата доступа: 09.09.2013

11. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения. – М., 2002. – С. 205–213

Дата поступления статьи – 13.09.2013.

Правовыми императивами и ориентирами для национальных законодательств и правоприменительной практики в сфере защиты прав и законных интересов тех лиц, которые стали жертвами преступлений и потерпели моральный, физический или материальный ущерб, являются, прежде всего, нормы универсальных и европейских международно-правовых актов по правам человека и защите прав потерпевших от преступных посягательств.

Положения национального законодательства, определяющие механизмы защиты прав жертв преступлений, соответствуют международным стандартам не в полной мере.

Существует насущная необходимость реализации положений Концепции защиты жертв преступной деятельности 2006 года, включая имплементацию ряда норм вышеуказанных международных правовых актов, определяющих правовой статус жертв преступлений.

Все это требует внесения ряда изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодекс, разработки законодательства, основанного на субсидиарности, селективности и реституции компенсации, а также, создания специального Фонда компенсаций жертвам насильственных преступлений, разработки и принятия правовых норм, регулирующих его деятельность, основания, размер компенсаций и их виды, методику расчета нанесенного вреда здоровью, морального вреда и т. д.

Legal imperatives and guidance for national legislation and law enforcement practice in the sphere of protection of rights and legitimate interests of those persons who have become victims of crimes and suffered moral, physical or material damage, are, first of all, the norms of the universal and European international legal acts on human rights and the protection of the rights of victims of crimes.

Provisions of the national legislation defining the mechanisms for the protection of the rights of victims of offences, conform to international standards.

There is an urgent need for implementation of the Concept of the protection of victims of criminal activity 2006, including the implementation of the norms of the aforementioned international legal acts determining the legal status of victims of crimes.

All this requires a number of amendments to the criminal, criminal procedural and Criminal-Executive code, development of legislation, based on subsidiarity, selectivity and restitution, compensation, as well as, creation of a special Fund for compensation of victims of violent

crimes, the development and adoption of legal norms regulating its activities, the Foundation, the amount of compensations, and their types, method of calculation of harm to the health, moral damages, etc.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ ОБОГАЩЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Шакель Н.В.

В соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции *при условии соблюдения своей конституции* и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник *рассматривает возможность* принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать *в качестве уголовно наказуемого деяния*, когда оно совершается *умышленно*, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать [1].

Таким образом, для того чтобы надлежащим образом имплементировать в свои законодательства положения данной статьи, государства должны соблюсти содержащие в ней требования. Они заключаются в следующем:

1. Незаконное обогащение должно быть признано в качестве уголовно наказуемого деяния. Актом, в котором определяется, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляются основания и условия уголовной ответственности, устанавливаются наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, в большинстве государств, как и в Республике Беларусь, является Уголовный кодекс (УК). Установление за незаконное обогащение иной ответственности, не являющейся уголовной (например, гражданско-правовой), не отвечает смыслу и содержанию Конвенции.

2. Должно быть установлено наличие умысла. Отметим, что законодательство Республики Беларусь также не допускает привлечение к уголовной ответственности лица за совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные УК, если в их отношении не установлена *его вина*, т. е. *умысел* или неосторожность [6].

3. Законные доходы публичного должностного лица должны сравниваться с его активами.

4. Имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции возможна исключительно при условии соблюдения страной своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы. Данное важнейшее положение связано с тем, что данная статья носит факультативный характер и,

как следствие, необязательна для имплементации. При этом не требуется делать какие-либо оговорки при ратификации Конвенции.

Вместе с тем, как показывает анализ законодательств различных государств, при имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции допускаются достаточно существенные отклонения от ее требований.

Так, например, в Российской Федерации принят Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [7], который пропагандировался как имплементация ст. 20 Конвенции против коррупции. Закон устанавливает, что если в ходе осуществления контроля за расходами лица, замещающего соответствующую должность, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии расходов их общему доходу, материалы направляются в органы прокуратуры. Прокуроры в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) соответствующую должность, не представлены сведения, подтверждающие их приобретение на законные доходы (ст. 17) [7].

Вместе с тем данные положения не могут рассматриваться в качестве имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции. Ни одно из требований этой статьи, которые были рассмотрены нами выше, в ней не реализовано. Более того, в действующей редакции данные нормы представляются достаточно сомнительными с точки зрения их эффективности и, возможно, антиконституционными.

Особенно спорным является введение конфискации «незаконного» имущества. Здесь возможно пояснить следующее. Несмотря на то, что ст. 20 Конвенции ООН против коррупции требует признания незаконного обогащения в качестве уголовно наказуемого деяния, она не устанавливает и никоим образом не предопределяет, каким именно образом необходимо карать лицо, совершившее такое уголовное преступление. Вместе с тем часто в силу различных, порой достаточно популистских причин, многие страны полагают, что надлежащая имплементация Конвенции обеспечивается исключительно посредством введения того или иного варианта конфискации незаконного обогащения (остальные же требования Конвенции можно не учитывать).

Так, например, в Италии ст. 12(6) законодательного декрета № 306 от 8 июня 1992 г. «О неотложных изменениях в уголовных процедурах в связи с задачами по противостоянию оргпреступности» была введена так называемая «расширенная конфискация» (confisca allargata) [8]. При этом, в отличие от обычного порядка, такая конфискация осуществлялась в рамках гражданского судопроизводства, с переложением бремени доказывания на лицо, против которого подается иск, которое должно доказать законность происхождения своего

имущества (по сути, конфискация in rem). Вместе с тем уже в 1994 г. такая конфискация была провозглашена антиконституционной (постановление Конституционного Суда Италии № 48), поскольку противоречила принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 27 Конституции Италии (лицо не считается виновным в преступлении, пока приговор не вступил в силу). Как следствие, соответствующее законодательное положение было отменено.

Проблема с имплементацией норм о незаконном обогащении в национальные законодательства во многом связана с конъюнктурным их включением в Конвенцию ООН против коррупции. Как отмечает российский исследователь В. Михайлов, данная статья появилась «в связи с настойчивой позицией делегации одного из государств Южной Америки, как представляется, по причинам сугубо внутриполитического характера» [3, с. 113]. В другой работе он более откровенно указывает, в частности, что «ст. 20 Конвенции ООН появилась после того, как делегация Перу заявила, что если такой статьи не будет, она не сможет вернуться на родину. Их президент, этнический японец, бежал в Японию с двумя миллиардами долларов, и Япония его не выдавала» [2, с. 53].

Отметим, что несмотря на большое количество государств, подписавших Конвенцию, ее ратификация осуществлена значительно меньшим количеством стран. Многие страны, ратифицировав Конвенцию, воздержались от имплементации ст. 20 в национальные законодательства (Нидерланды, Бельгия, Италия, Португалия, Швейцария, Финляндия, Норвегия, Франция, США, Испания, Швеция, Дания) [5].

В связи с этим представляет существенный интерес анализ мировой практики применения ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, проведенный Министерством иностранных дел Российской Федерации [4]. В рамках данного анализа были изучены законодательства и практика Австрии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Норвегии, Португалии, США, Финляндии, Франции, Швейцарии и Швеции. Ознакомление с данным анализом позволяет сделать вывод о том, что большинство стран с крайней осторожностью относятся к имплементации рассматриваемой статьи, либо прямо указывают на то, что данная статья имплементирована не будет. Среди основных причин этого называются следующие.

Во-первых, ст. 20 противоречит конституции и основополагающим принципам правовой системы, так как противоречит презумпции невиновности (Италия, Норвегия, США, Испания, Швеция); не обеспечивает гарантии защиты обвиняемого в уголовном процессе (Португалия); противоречит закрепленному в законодательстве запрету обязывать подозреваемого давать против себя обвинительные показания (США).

Рассматривался данный вопрос и в Российской Федерации (в 2006 г. и 2008 г.) при подготовке ряда проектов федеральных законов, их рассмотрении в комитетах Госдумы и ее пленарных заседаниях, по результатам чего был сделан вывод о несоответствии положения ст. 20 Конвенции Конституции Российской Федерации и правовой системе [3, с. 115]. Это может свидетельствовать и о неконституционности Федерального закона Российской Федера-

ции от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [7], поскольку такой закон фактически вводит конфискацию имущества, являющуюся уголовным наказанием, вне презумпции невинности и вне рамок уголовного и уголовно-процессуального права.

Достаточно четко на эту проблему указали власти Финляндии, отметив следующее: «Статья не предполагает виновности должностного лица в преступлении и основывается главным образом на возложении бремени доказывания на обвиняемого. Нет необходимости включать в правовую систему Финляндии совершенно чуждый ей институт» [4].

Во-вторых, незаконное обогащение не может быть основанием уголовной ответственности, так как является не деянием, а его результатом [5, с. 113]. Фактически же Конвенция содержит требование признать преступлением положение (а именно, наличие активов), в котором оказалось соответствующие лицо, сами же действия, в результате которых могут образовываться такие активы (хищения, злоупотребление и т. д.), уже криминализованы [3, с. 116].

Если же признавать в качестве самостоятельного состава преступления обогащение в результате присвоения доходов от преступного деяния, то, как полагают швейцарские юристы, подобный принцип несовместим со швейцарской правовой системой, как и правовыми системами других европейских государств (Германии, Франции и Австрии). Об этом же говорят и португальские эксперты, отмечая, что наказание за незаконное обогащение может быть обеспечено за счет привлечения к уголовной ответственности за совершение иных преступлений, лежащих в его основе.

Ряд стран указывают, что их уголовное законодательство и так направлено на предотвращение и криминализацию коррупции (США) [4]. Поскольку в законодательстве имеется достаточно мер, отсутствует необходимость принимать дополнительные правовые акты (Франция, США).

Еще один важный аргумент призывает учитывать тот факт, что положения ст. 20 Конвенции ООН против коррупции «применяются государствами по собственному усмотрению» (Финляндия), носят рекомендательный характер, а их ратификация не накладывает обязательства адаптировать положения данной статьи в национальное законодательство (Швейцария) [4].

Как отмечает кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ В. Михайлов: «В ряде случаев суждения об обязательности включения в национальное законодательство положений соответствующих международных актов формируются без надлежащей критической оценки этих положений, должного учета особенностей менталитета российского социума и вопреки особенностям правовой системы нашей страны» [3, с. 13]. Это утверждение представляется особенно справедливым в свете проведенного сравнительного анализа имплементации положений ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в законодательства зарубежных государств.

Представляется, что введение соответствующего механизма в отечественное законодательство невозможно. В первую очередь это связано с

необходимостью закрепления незаконного обогащения в качестве уголовно наказуемого деяния в противоречие с презумпцией невиновности, закрепленной в статье Конституции Республики Беларусь (никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность).

Цель, на которую ориентировались разработчики рассматриваемой статьи Конвенции ООН против коррупции, может быть достигнута в Республике Беларусь в рамках действующего правового регулирования без необходимости внесения в него каких-либо изменений. Законодательством Республики Беларусь предусмотрена необходимая ответственность за совершение преступлений и иных правонарушений, вследствие которых незаконно приобретается имущество (например, ст.ст. 430, 424, 210 и др. УК). В качестве одного из наказаний, предусмотренных УК, установлена конфискация имущества, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Кроме того, доходы и имущество, полученные в результате преступлений или иных правонарушений, подлежат специальной конфискации в соответствии с законодательством (ч. 6 ст. 61 УК, ст. 6.10 КоАП). Таким образом, имущество, незаконность происхождения которого доказана в установленном процессуальным законодательством порядке, может быть конфисковано в рамках действующего законодательства. Если имущество является законно приобретенным либо нет доказательств противоправности его получения, изъятия быть не должно, поскольку иное будет являться уголовным наказанием (конфискацией имущества), что не согласуется с конституционным принципом презумпции невиновности и общеправовым принципом «нет наказания без преступления».

С учетом изложенного возможно сделать вывод о нецелесообразности имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции либо каких-либо иных механизмов, чуждых отечественной правовой системе и якобы направленных на изъятие незаконного обогащения.

Список цитированных источников

1. Конвенция ООН против коррупции // Эталон 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Криминализация коррупции // Россия–Европа. Вместе против коррупции. Материалы совместного проекта «Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами» (RUCOLA-1). Ч. 1. – 240 с.

3. Михайлов, В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации / В. Михайлов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – с. 113–119.

4. О мировой практике применения ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией // Антикоррупционный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://beyvora.ru/article/25/o-mirovoy-praktike-primeneniya-st-20-konventsii-oon-po-borbe-s-korruptsiey. – Дата доступа: 18.08.2013.

5. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции // Русский эксперт [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ruxpert.ru/Статья_20_Конвенции_ООН_против_коррупции. – Дата доступа: 10.08.2013.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Эталон 6.5 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

7. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

8. Joint First and Second Evaluation Round. Compliance Report on Italy. Greco RC-l/II Rep (2011) 1E // GRECO [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.coe.int/t/dgh/monitoring/greco/evaluations/round2/GrecoRC1&2(2011)1_Italy_EN.pdf. – Date of access: 20.07.2013.

Дата поступления статьи – 14.09.2013.

Ст. 20 Конвенции ООН против коррупции призывает государства-участники рассмотреть возможность принятия положений для признания незаконного обогащения преступлением. В статье рассмотрены истоки появления данного механизма. Раскрываются содержание и сущность требований ст. 20. Анализируются подходы различных государств к ее имплементации. Очерчены перспективы введения данного положения в законодательство Республики Беларусь.

Article 20 of UN Convention against corruption calls State Parties to consider the possibility of adopting necessary legislation to establish illicit enrichment as criminal offence. The article gives consideration to the origins of emergence of this mechanism. The contents and essence of requirements of article 20 are considered. Approaches taken by different countries to its implementation are analyzed. Perspectives of introduction of the said regulation into Belarusian legislation are outlined.

УПРОЩЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СЛОВЕНИИ

Якулин В.

1. Введение.

В современном обществе уголовное законодательство выполняет как функцию поддержания существующего общественного и правового порядка (защитительная функция уголовного права), так и функцию защиты граждан от произвольных и незаконных действий госаппарата (гарантийная функция уголовного права [1]). Однако рост числа возбуждаемых дел и неоправданно долгие сроки судопроизводства заставляют искать упрощенные формы производства, обеспечивающие скорость и эффективность судебных разбирательств. В Законе об уголовном процессе Словении (далее – ЗУП) [2] упрощенные формы производства включают в себя суммарное производство в суде и упрощенное производство на досудебной стадии.

2. Суммарное производство в районном суде.

Уголовное судопроизводство возбуждается на основании суммарного обвинительного заключения прокурора или потерпевшего, выступающего в качестве прокурора, или на основании частного обвинения. Прокурор может представить в суд суммарное обвинительное заключение, составленное на основании одного лишь сообщения о преступлении.

До представления суммарного обвинительного заключения прокурор может подать единоличному судье ходатайство о проведении отдельных следственных действий. Если судья производит указанные действия, он высылает все материалы прокурору. Если судья отклоняет ходатайство, он извещает об этом прокурора. После этого прокурор выносит постановление о представлении в суд суммарного обвинительного заключения либо об аннулировании сообщения о совершении преступления (ст. 431 ЗУП).

Помещение под стражу может быть применено в исключительных случаях к лицу, которое подозревается в совершении преступления:

1) если оно скрывается от правосудия, его личность не может быть установлена, либо другие обстоятельства указывают на очевидный риск того, что лицо может скрыться;

2) если совершено преступление против общественного порядка или сексуальной неприкосновенности, преступление с элементами насилия, наказуемое тюремным заключением до 2 лет, другое преступление, за которое предусмотрено тюремное заключение до 3 лет, когда имеются причины для помещения лица под стражу в соответствии с п. 2 или п. 3 пар. 1 ст. 201 ЗУП.

Содержание под стражей до представления суммарного обвинительного заключения может продолжаться не более 15 дней. Апелляционные жалобы на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу рассматриваются коллегией судей окружного суда (пар. 6 ст. 25). При наличии оснований судья каждый месяц подтверждает свое решение о продолжении применения данной ограничительной меры. Если обвиняемый находится под стражей, суд осуществляет процессуальные действия в ускоренном порядке (ст. 432 ЗУП).

Если сообщение о преступлении представляется потерпевшим и если в течение месяца с момента получения ходатайства прокурор не вносит на рассмотрение суммарное обвинительное заключение и не уведомляет потерпевшего о снятии обвинения или приостановлении производства (ст. 162), потерпевший может выступить в роли прокурора и представить суммарное обвинительное заключение в суд (ст. 433 ЗУП).

Обвинительное заключение или частное обвинение должны содержать данные обвиняемого, описание преступления и его квалификацию, наименование суда, сведения о доказательствах, содержании обвиняемого под стражей и др.

Судья определяет, подсудно ли данному суду дело (по признаку территориальности и по предмету). После определения даты проведения основного слушания суд не может, *ex officio*, объявить о том, что дело неподсудно ему

по признаку территориальности (ст. 436 ЗУП). Протест о территориальной неподсудности дела может подаваться только до открытия основного слушания дела (ст. 441 ЗУП).

Суд определяет, имеются ли причины для отказа в рассмотрении суммарного обвинительного заключения или частного обвинения. Судья отказывает в их рассмотрении, если устанавливает причины для приостановления разбирательства.

Далее суд вручает обвиняемому суммарное обвинительное заключение и информирует его о возможности признания вины в совершении инкриминируемого преступления, последствиях такого действия (п. 5 парагр. 3 ст. 285а), а также в течение месяца назначает дату основного слушания.

На основное заседание в суд судья вызывает обвиняемого, его защитника, прокурора, потерпевшую сторону, их законных представителей и доверенных лиц, свидетелей, экспертов и переводчика; при необходимости судья может разрешить использование вещественных доказательств во время проведения основного слушания.

Обвиняемому вручается судебная повестка, а также, если они не были вручены обвиняемому сразу после их рассмотрения судом, – копии суммарного обвинительного заключения или частного обвинения. Между вручением повестки и основным слушанием должно пройти не менее 3 дней, но срок может быть сокращен с согласия обвиняемого (ст. 439 ЗУП).

Если, несмотря на то, что обвиняемому в должном порядке была вручена повестка в суд, он не является на заседание, судья может принять решение о проведении слушания в отсутствие обвиняемого при условии, что его присутствие необязательно и он уже был допрошен.

Основное слушание начинается с зачитывания прокурором суммарного обвинительного заключения или частного обвинения. После открытия основное слушание должно по возможности продолжаться, не прерываясь. По окончании основного слушания судья незамедлительно выносит и оглашает решение, формулируя основания для его вынесения.

Если в ходе или после завершения основного слушания судья выясняет, что рассматриваемое дело по предмету подсудно окружному суду или что имеются основания, изложенные в пар. 1 ст. 352 ЗУП, он своим решением отказывает в рассмотрении суммарного обвинительного заключения или частного обвинения (ст. 443 ЗУП).

Судья может отложить проведение основного слушания на срок до 6 месяцев, если прокурор объявляет о переходе к процедуре урегулирования конфликта (ст. 161.а ЗУП). Когда прокурор получает извещение о выполнении соглашения, он отменяет суммарное обвинительное заключение. Если прокурор не отменил суммарное обвинительное заключение в течение установленного срока, судья продолжает основное слушание на основании предыдущего слушания (ст. 443.а ЗУП).

До назначения даты проведения основного слушания по делу частного обвинения судья может вызвать в суд прокурора и потерпевшего для дачи пояс-

нений, если это будет способствовать скорейшему завершению производства. Если сторонам не удалось достичь соглашения и частное обвинение не аннулируется, судья записывает показания сторон и просит их подать ходатайства о представлении доказательств в суд. Если у суда недостаточно оснований для аннулирования частного обвинения, суд определяет дату основного слушания и указывает, какие доказательства должны быть представлены. Он также может, принимая во внимание имеющиеся доказательства, начать основное слушание немедленно и принять решение по частному обвинению. Данная возможность должна быть указана в повестках частному обвинителю и обвиняемому.

О рассмотрении апелляции судом второй инстанции на решение, вынесенное судом первой инстанции в суммарном производстве, стороны уведомляются, только если их присутствие необходимо для разъяснения обстоятельств дела.

3. Формы упрощенного судопроизводства по уголовным делам.

3.1. Процедура по выдаче карательного ордера (ст.ст. 445.a – 445.e ЗУП).

Если преступление подпадает под юрисдикцию районного суда (т. е. за него в качестве основного наказания предусмотрен штраф или тюремное заключение на срок до 3 лет), во время представления в суд суммарного обвинительного заключения прокурор может внести предложение о выдаче карательного ордера, по которому к обвиняемому без проведения основного слушания могут быть применены следующие уголовные санкции и меры:

1) штраф, запрет на вождение автомобиля, условное наказание со штрафом или тюремное заключение сроком до 6 мес. или судебное предупреждение;

2) конфискация объектов или средств, полученных незаконным путем.

Если судья считает, что доказательства, содержащиеся в суммарном обвинительном заключении, не являются достаточными для выдачи карательного ордера, или не соглашается с санкцией, предложенной прокурором, он назначает основное слушание. Обвиняемому вручается копия суммарного обвинительного заключения без предложения о выдаче карательного ордера. Если судья соглашается с предложением прокурора, он выдает карательный ордер решением суда.

В карательном ордере судья постановляет, что ходатайство прокурора удовлетворено, а обвиняемому объявляется о предложенном уголовном наказании или мере. Ордер должен содержать информацию о праве обвиняемого заявить протест (в течение 8 дней) и последствиях его незаявления (применении наказания или иной меры). Протест должен содержать данные о доказательствах, которые могут быть представлены суду на основном слушании. Отказ от заявления протеста или отзыв протеста не может быть отменен. Оплата штрафа до истечения срока для опротестования не является отказом от права на протест.

Суд возобновляет производство по делу, если обвиняемый по обоснованным причинам не может заявить протест в установленный срок. Если суд

удовлетворяет протест, то он аннулирует решение о выдаче карательного ордера и продолжает судопроизводство в порядке проведения основного слушания в рамках суммарного производства.

3.2. Соглашение о признании вины (ст.ст. 450.a – 450.č ЗУП).

Обвиняемый, его адвокат и прокурор в рамках уголовного судопроизводства могут предложить потерпевшему заключить соглашение о признании обвиняемым вины в совершении преступления. Заключение такого соглашения возможно на основании ходатайства прокурора до начала судебного разбирательства, если есть основания предполагать, что подозреваемый совершил преступление, которое станет объектом судебного разбирательства. Прокурор, предлагающий заключить соглашение, должен сообщить подозреваемому об описании и квалификации преступления.

Если стороны соглашаются с возможностью завершить производство по делу на основании соглашения о признании вины, а у подозреваемого или обвиняемого нет адвоката, председатель суда назначает по ходатайству прокурора защитника для участия в процедуре заключения соглашения. В случае заключения соглашения такой адвокат должен исполнять обязанности до вынесения окончательного решения суда. Если переговоры не увенчались успехом, адвокат более не принимает участия в процессе.

Стороны могут договориться об условиях признания подсудимым своей вины за совершение преступления, а также о содержании соглашения. Прокурор может вступить в переговоры только с адвокатом при наличии согласия подозреваемого или обвиняемого.

Соглашение составляется в письменной форме и подписывается обеими сторонами и адвокатом. Соглашение прилагается к поданному обвинительному заключению или суммарному обвинительному заключению. Если соглашение достигнуто позднее, прокурор должен представить его в суд не позднее начала основного слушания. Если соглашение не заключается, все документы, касающиеся проведения переговоров, должны быть исключены из материалов дела.

В соглашении могут решаться следующие вопросы:

1. Об определении наказания обвиняемому, в том числе смягченного, (оно не должно выходить за рамки, предписанные законом). Также может быть решен вопрос о предупредительной санкции и способе ее применения.

2. Об отказе прокурора от уголовного преследования за совершенные обвиняемым преступления, вину в совершении которых он не признает. Это возможно только при наличии согласия потерпевшей стороны (которое прилагается к соглашению) и только для определенных видов преступлений.

3. Об освобождении обвиняемого от обязательства возместить расходы на ведение уголовного производства (покрываются из бюджетных средств).

4. Об иных вопросах (о компенсации потерпевшему причиненного ущерба, выполнении обязательств по содержанию и др.).

Не подлежат урегулированию соглашением вопросы правовой квалификации преступления, мер безопасности, конфискации доходов, полученных преступным путем, за исключением способа конфискации.

Решение по соглашению принимается судом во время предварительного слушания дела, или, если соглашение было заключено после его проведения, во время основного слушания.

Если суд выясняет, что какое-либо из условий о заключении соглашения или признании вины не соблюдено или обвиняемый не выполнил определенных законодательством обязательств, выносится решение об отказе в рассмотрении соглашения и продолжается производство по делу в общем порядке. В ином случае суд принимает решение о принятии соглашения о признании вины и продолжает производство в условиях признания обвиняемым своей вины (ст. 285.č). На данные решения апелляция не подается.

4. Упрощенные формы производства на стадии досудебного производства

4.1. Процедура урегулирования (ст. 161.а ЗУП).

Прокурор может начать процедуру урегулирования на основании сообщения или суммарного обвинительного заключения в отношении преступлений, за которые предусматривается штраф или тюремное заключение на срок до 3 лет, а также некоторых иных преступлений. Во внимание принимаются тип и характер преступления, обстоятельства его совершения, личность преступника, предыдущие судимости, а также степень уголовной ответственности. Урегулирование также возможно по делам о нанесении тяжких телесных повреждений при отягчающих обстоятельствах (пар. 1 ст. 123 УК), нанесении тяжких телесных повреждений (пар. 4 ст. 124 УК), хищении имущества в крупных размерах (п. 1 пар. 1 ст. 205 УК), неправомерном присвоении (пар. 4 ст. 208 УК) и уничтожении чужого имущества (пар. 2 ст. 220 УК). В отношении несовершеннолетнего урегулирование разрешается также за совершение преступлений, за которые предусматривается тюремное заключение до 5 лет.

Процедура урегулирования проводится агентом по урегулированию только при наличии согласия подозреваемого и пострадавшей стороны. Такой агент независим и должен стремиться к тому, чтобы содержание соглашения было пропорционально преступлению. Если содержание соглашения связано с выполнением общественных работ, реализация соглашения осуществляется центрами социальной помощи в сотрудничестве с агентом по урегулированию и прокурором.

Срок выполнения соглашения не может превышать трех месяцев.

4.2. Процедура приостановления уголовного преследования (ст. 162 ЗУП).

При наличии согласия потерпевшего прокурор может приостановить преследование за преступление, за которое предусмотрено наказание в виде штрафа или тюремного заключения сроком до 3 лет, а также некоторых иных преступлений, при условии, что подозреваемый изъявляет желание действовать в соответствии с указаниями прокурора и выполнять следующие действия для смягчения или устранения преступных последствий:

1) устранение ущерба или выплата компенсации за причиненный ущерб;

2) внесение пожертвования в пользу государственного учреждения, благотворительной организации или фонда, служащего целям компенсации жертвам ущерба, причиненного преступлениями;

3) выполнение общественных работ;

4) выполнение обязательств по содержанию;

5) прохождение лечения в соответствующем учреждении здравоохранения;

6) консультация у психиатра или других специалистов;

7) соблюдение приказа о запрете на приближение к жертве преступления, другому лицу или доступ к определенным местам.

Также возможно приостановление уголовного преследования за потребление наркотических и запрещенных законом веществ в спорте (пар. 1 ст. 187 УК), домашнее насилие (пар. 2 и 4 ст. 191 УК), плохое обращение и невыполнение обязанностей в отношении ребенка (пар. 2 ст. 192 УК), хищение имущества в крупных размерах (п. 1 пар. 1 ст. 205 УК), незаконное присвоение (пар. 4 ст. 208 УК), вымогательство и шантаж (пар. 1 и 2 ст. 213 УК), мошенничество в бизнесе (пар. 1 ст. 228 УК), повреждение имущества, принадлежащего другому лицу (пар. 2 ст. 220 УК), и предоставление безвалютных чеков и злоупотребление банковскими или кредитными картами (пар. 2 ст. 246 УК). В отношении несовершеннолетнего приостановление уголовного преследования может осуществляться также за совершение преступлений, за которые предусмотрено тюремное заключение до 5 лет.

Работа по устранению ущерба или выполнению определенных действий организуется центрами социальной помощи в сотрудничестве с прокурором.

При выполнении подозреваемым обязательств и возмещении убытков сообщение о преступлении аннулируется, после чего потерпевший не имеет прав на инициирование и продолжение преследования в судебном порядке.

5. Заключение

Суммарное производство в районном суде, представленные формы упрощенного судопроизводства по уголовным делам и упрощенные формы производства на досудебной стадии могут способствовать более эффективному и быстрому разрешению уголовных дел, хотя некоторые из процедур, по нашему мнению, спорны.

Несмотря на то, что в пар. 3 ст. 161.а ЗУП прямо говорится о том, что урегулирование может производиться только с согласия подозреваемого и потерпевшего, из практики известно, что иногда они принуждались к урегулированию. Так как для процедуры урегулирования важна уступка одной из участвующих сторон, возникает вопрос, почему потерпевший должен уступать преступнику. Также непонятно, почему государство заставляет потерпевшего вступать в переговоры с лицом, которое умышленно нанесло ему телесные повреждения и даже тяжкие телесные повреждения. И, наконец, отказ

потерпевшего заключить соглашение, как правило, вызывает благосклонное отношение к подозреваемому.

Аннулирование сообщения о преступлении по причине того, что подозреваемый по распоряжению прокурора сделал пожертвование в пользу некоторого государственного учреждения или благотворительной организации, напоминает продажу индульгенций, что, в нашем понимании, абсолютно недопустимо.

Положения, касающиеся процедуры урегулирования и приостановления уголовного преследования, указывают на то, что прокурор может, по сути, вынести приговор еще до рассмотрения дела в суде (если обвиняемый выполняет все предписанные прокурором действия, дело даже не попадет в суд, так как сообщение о преступлении будет аннулировано прокурором). На наш взгляд, данные положения спорны, поскольку они позволяют прокурору определять «рамки приговора» в каждом конкретном случае, что представляет сравнительно большой риск нарушения принципа равенства перед законом.

Самой спорной из всех описанных упрощенных форм производства является, по нашему мнению, заключение соглашения о признании обвиняемым своей вины. Положения ЗУП, касающиеся признания вины, сомнительны и, возможно, даже неконституционны, по крайней мере, по двум причинам. Роль судьи ограничивается формальным изучением соглашения, а в отношении вынесения приговора – рассмотрением ходатайства прокурора, что лишает судью его основной функции – функции принятия решений. Это неправильно, поскольку судья лишен возможности осуществлять функцию, в которой и заключается его работа. Еще более спорной выглядит ситуация, в которой прокурор и обвиняемый (или его адвокат) устанавливают «рамки приговора» в каждом конкретном случае, что подразумевает создание ими парадигмы *ex post facto* в каждом из таких случаев. В результате неизбежно нарушается принцип равенства перед законом, – один из основных правовых принципов любой законодательной системы.

Применение упрощенных форм производства по уголовным делам, возможно, будет способствовать более быстрому и эффективному рассмотрению дел, но мы сомневаемся в том, что это способствует укреплению правосудия и усилению доверия граждан к отправлению правосудия.

Список цитированных источников

1. L. Bavcon, A. Šelih et al.: Kazensko pravo. Splošni del. Ljubljana,Uradni list Republike Slovenije 2013, p. 49.

2. Criminal Procedure Act. Official Consolidated Text. Official Gazette of the Republic of Slovenia, no.32/2012.

Дата поступления статьи – 14.07.2013.

Автор данной статьи рассматривает упрощенные формы производства в уголовно-процессуальном законодательстве Словении. Упрощенные формы производства, описанные в словенском Законе об уголовном процессе, делятся на суммарное производство и упрощенные формы судебного производства и упрощенные формы производства на стадии досудебного производства. Автор исследует суммарное производство в районном суде, процедуру выдачи карательного ордера и заключения соглашении о признании подсудимым своей вины. Среди упрощенных форм производства на стадии досудебного производства автором анализируются процедура урегулирования и приостановление уголовного преследования.

Автор придерживается мнения, что упрощенные формы производства по уголовным делам могут оказать положительное влияние на скорость и эффективность рассмотрения дел: тем не менее, автор сомневается в том, что они способствуют укреплению правосудия и усилению доверия граждан к отправлению правосудия.

The author deals in his paper with simplified forms of processing in the criminal procedure legislation of Slovenia. Simplified forms of processing in the Slovene Criminal Procedure Act are divided to the summary proceedings and simplified forms of processing before the court and simplified forms of processing in the pre-trial procedure. He examines summary proceedings before the district court, a procedure for the issue of punitive order and a guilty plea agreement. Among the simplified forms of processing in the pre-trial procedure are treated the settlement and suspension of criminal proceedings.

The author thinks that simplified forms of processing in criminal matters might contribute to the faster and more effective solution of cases, but he nevertheless doubts that they will also promote better justice and increase a trust of people in the administration of justice.

НАШИ АВТОРЫ

Аккулиев Аблайхан Шынтемирович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института, кандидат юридических наук.

Бабичев Дмитрий Александрович – заместитель начальника кафедры информатики, спецтехники и информационных технологий в деятельности ОВД Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук, доцент.

Белокопытов Валерий Викторович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бурак Руслан Валентинович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора БГУ.

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника факультета милиции Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Бутович Александр Иванович – ведущий научный сотрудник отдела исследований проблем с преступностью в сфере служебной деятельности и коррупции НИИ Национальной академии наук Украины, кандидат юридических наук.

Василевич Сергей Григорьевич – начальник отдела прокуратуры г. Минска, кандидат юридических наук.

Вегера Ирина Владимировна – заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук.

Винокуров Сергей Иванович – ведущий научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Гладун Александр Зиновьевич – ведущий научный сотрудник отдела исследований проблем преступности в экономической сфере Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Данисевич Анна Николаевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Долгий Александр Александрович – ведущий научный сотрудник НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Загиней (Тростюк) Зоя Аполлинариевна – главный научный сотрудник отдела исследований проблем преступности в сфере служебной деятельности и коррупции НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Заец Александр Михайлович – старший преподаватель кафедры экономической безопасности Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук.

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ», кандидат юридических наук, доцент.

Зарубинска Ирина Степановна – начальник Главного управления защиты прав и свобод граждан и интересов государства, противодействия коррупции и преступности в сфере транспорта Генеральной прокуратуры Украины, государственный советник юстиции 3 класса, Заслуженный юрист Украины.

Камчатов Кирилл Викторович – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук.

Карабельникова Анна Сергеевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Качалова Оксана Валентиновна – заведующая отделом проблем уголовного судопроизводства Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Кийко Николай Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Книженко Оксана Александровна – начальник отдела исследований проблем противодействия преступности НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук, доцент.

Князев Игорь Михайлович – начальник научно-исследовательского отдела УО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Козаченко Борис Павлович – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Козьяков Игорь Николаевич – проректор по научной работе Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук, доцент, государственный советник юстиции 3 класса, заслуженный юрист Украины.

Куница Егор Владимирович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Леляк Елена Александровна – аспирант кафедры уголовного процесса Национальной академии прокуратуры Украины.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Мозговая Виктория Анатольевна – ведущий научный сотрудник отдела исследований проблем противодействия преступности НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Наулик Наталия Степановна – начальник отдела исследования проблем деятельности прокуратуры вне уголовной сферы НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Никитенко Илья Викторович – начальник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному федеральному округу (г. Хабаровск), кандидат юридических наук, доцент.

Никитенко Ольга Геннадьевна – аспирант кафедры уголовного права Белорусского государственного университета.

Новик Олег Олегович – преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

Пестерева Юлия Сергеевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Позняк Вадим Сергеевич – старший прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Попов Георгий Владимирович – начальник отдела исследований проблем ювенальной юстиции НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Раскина Татьяна Вячеславовна – ведущий научный сотрудник отдела аналитического обеспечения прокурорской деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Ремнева Татьяна Ивановна – ассистент кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета, магистрант.

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Савчук Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Сафонов Александр Ильич – старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», исследователь в области юридических наук, адвокат ЮК № 1 г. Витебска.

Сенько Анатолий Степанович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сороговец Дмитрий Викторович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Станкевич Оксана Генриховна – заведующая кафедрой экономического и финансового права Белорусского Института Правоведения, кандидат юридических наук.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Суховенко Наталья Анатольевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Тищенко Валерий Николаевич – заведующий отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Топорикова Ольга Олеговна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Федончук Маргарита Владимировна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Филиппенков Владимир Михайлович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хилюта Вадим Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Хиревич Марина Леонидовна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хомич Максим Владимирович – соискатель научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Чекмезова Елена Ивановна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук.

Чирков Дмитрий Константинович – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Шаблистый Владимир Викторович – начальник кафедры уголовного права и криминологии факультета по подготовке следователей Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук.

Шакель Надежда Валентиновна – помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Шилин Дмитрий Владимирович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Штанько Артем Александрович – ведущий научный сотрудник НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Якулин Вид – профессор юридического факультета Университета г. Любляны, доктор юридических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском языке в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.

Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).

Список цитированных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список цитированных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены:

аннотация на **русском** и **английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

сведения об авторе (авторах) статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Ответственный за выпуск *А. В. Солтанович*

Редактор *Д. О. Сидоренко*
Компьютерная верстка *В. А. Захарычевой*

Подписано в печать 18.12.2013. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,37. Уч.-изд. л. 28,27. Тираж 100 экз. Заказ 23с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Белорусский государственный университет физической культуры.
ЛИ № 02330/0548582 от 09.07.2009.
ЛП № 02330/0552705 от 30.07.2009.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.